

БОЙСЯ

МЯУ

МАТВЕЙ ЮДЖИНОВСКИЙ

12+

Матвей Юджиновский

Бойся мяу

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=65910158

SelfPub; 2021

Аннотация

Осенью Жене исполнится тринадцать. Но он все так же любит выдумывать разные небылицы. И обычная поездка на лето в деревню не кажется ему скучной. А глупое опоздание на автобус лишь повод для настоящего пешего похода.

И, к счастью и ужасу, поездка действительно перестает быть обычной.

Женя встречается самого Зидана, игрока любимого клуба, знакомится с Человеком-Пальто, живущим в чулане и скрывающим в нем свои тайны, находит «видик», отматывающий время вспять. С пацанами они колдуют гол сборной на далеком Чемпионате Мира. А в саду их поджидает злобный сторож Горбун Володи. Наконец, Женек попросту влюбляется в милую девочку Русю и ее забавную пиратскую повязку.

Но веселье кончается, когда на Женю начинают охоту шайка Шестипалого Лиса и загадочный Черный Мяук, коварный монстр с дома на холме. Жене предстоит побороть страхи, держать ответ за слова и поступки. Но главное – его ждет смертельная схватка с древним злом ради спасения первой любви.

Содержание

Дорога домой	4
Комната страха	53
Эффект бабочки	89
Узник замка между ив	111
Человек дождя	160
Когда деревья были гигантами	192
Один дома (не считая чулана)	251
Час сурка	293
Изо всех сил	340
Воспламеняющий	397
Смертельная битва	434
Край приливов	493

Матвей Юджиновский

Бойся мяу

Дорога домой

Я из глины, я из глины, я из глины...

Все громче и громче просил, настаивал Женя. Однако молитва тонула в реве пламени, что пожирало дом. Пол дрожал. Стены трещали. Бог безумствовал и ликовал.

– Я сожгу дом! Я сожгу дом! – гремел огонь. Зверь весь был им. Только угольно-черный скелет еще угадывался.

За окном лил дождь. И он, конечно, одолеет даже это пламя. Рано или поздно. Поздно. Для Жени точно будет поздно. Жар душил и облизывался. Язычки подбирались.

– Я из глины! – крикнул он и прыгнул в огонь.

Перемахнул через очаг. И почувствовал лишь теплое объятие. Может, выйдет?..

Сейчас же толкнуть дверь! Вдруг выпустит! Теперь, когда дом погибает. Пускай к ней не прикоснуться, но он-то из глины.

Женя кинулся к двери. Умирать не хотел, но уже не боялся. Нет, страха не было. Наконец-то. И все же он застыл.

Волна огня отхлынула от стены. Совсем не ласковая, жгучая. Преградила путь. Показался довольный оскал. Вместо

кльков – алые язычки. Дом задрожал сильнее. Словно от хохота.

Не отпустит! Тварь!

Что он может против Бога? Что у него есть?

Ни меча, ни щита. Футболка. Рваная, расцарапанная футболка.

Женек вспомнил – именно за нее тот в первый раз его цапнул. Но началось все раньше.

Содрал футболку, скомкал. Подавись!! В гневном отчаянии швырнул в монстра.

Началось все раньше...

Ткань вспыхнула подобно спичке. Пропала. А Женя загорелся. Дом тряхнуло. Дерево затрещало в агонии. Он отлетел на пол.

Как он сюда попал? Какая дорога привела в этот дом?

Чертов ключ... С самого начала все пошло не так.

* * *

– Конец, приехали...

Ключа под резиновым ковриком не оказалось. А это уже была крайняя мера – заглядывать в ключной тайник. Что называется, пожарный случай.

Оля отпустила край коврика, притоптала его, будто запечатывая тайничок обратно. Рука вновь потянулась к дверному звонку.

– Может, спят? – без особой веры обронила она. Нахму-

рилась.

– Днем? Сейчас? У них что, тихий час? – шутливо проворчала Катька. И, ловко убрив за ухо вьющиеся каштановые прядки, прижалась к двери. Тут же приглушенная трель звонка потонула в ее крике:

– Просыпайтесь!

Женек перестал прыгать по ступенькам узкой лестницы, обернулся и коротко хохотнул. Младший среди них, он не привык волноваться – решения принимать не ему. И потому один, наверное, радовался нехстати возникшей неприятности. Ну как же – ведь приключение!

– Эй! Проснитесь! Ау! – от души кричала Катя уже на весь подъезд.

– Катя! Ну-ка, ты чего?! – Оля хлопнула ей по плечу. – Хватит... Пойдемте.

Она подняла пухлую сумку и с печальным лицом зашагала вниз. Катя поспешила следом, придерживая перекинутую через плечо сумочку поменьше.

Замок щелкнул. И они замерли. Обернулись.

Дверь квартиры распахнулась. И – о, чудо! – из прихожей выглянул Женя и, довольный их изумленными лицами, уже хотел пригласить их внутрь...

– Женька! – крикнула Оля почему-то раздраженно, с каким-то даже эхом. – Чего застрял? Быстрее!

Женек махнул головой, прогоняя фантазию. Перед ним все так же равнодушно возвышалась неприступная дверь.

Она заперта, он – на лестнице. Все, что оставалось, вздохнуть печально: и почему в нем нет дара телепортации, как здорово было бы. Сквозь стены проходить он тоже не умел – уже пробовал.

– Женя! – донесся снизу нетерпеливый зов. И он полетел к выходу, перескакивая через каждую третью ступеньку.

– Куда мы?

За спиной у него подпрыгивал рюкзак, не такой тяжелый, как еще несколько недель назад в школе. Теперь в нем теснилась одежда. Хотя пара книжек тоже имелась.

– Обратно. На вокзал, – отозвалась Оля, распахнув подъездную дверь.

Сюрприз не удался.

В Комсомольске, поселке, на автовокзал которого они возвращались, жили их двоюродные сестры – Лариса и Таня. Такие же взрослые, как Оля. Как и Оле, сколько им лет, Женя никогда не знал. Но о школе, встречаясь, они не разговаривали. Опять-таки, наверное. Во-первых, они секретничали, а во-вторых, ему и самому было неинтересно.

Еще с утра они направлялись в деревню, и Комсомольск являлся лишь еще одним местом пересадки – последним. Но Оля придумала повидаться с милыми подругами, порадовать неожиданным визитом. Они и раньше гостили в их скромной квартирке на втором этаже пятиэтажки. И все время по пути: то из города в деревню, то обратно. Но сегодня как-то не срослось.

– Нам бы сейчас, как в кино, телефон сотовый, – подумалось вдруг Женьку, подумалось и вырвалось. – Позвонили бы: вы где, сколько ждать?

– Кому бы ты позвонил, умник, – буркнула Оля, на ходу переложив сумку в другую руку. От июньского зноя немного спасал переменчивый ветерок. Сейчас он налетел, и солнечные блики заскользили по ее взметнувшимся угольным локонам.

– Ой... Точно, – сообразил Женя. – Одного нашего телефончика мало. Тогда лучше... кровная телепатия. Классно же. Напрягся, установил связь и передал...

– Угадай, что я тебе посылаю прямо сейчас, – оборвала его сестра, напряженно глянув из-под челки.

– Заткнуться? – весело предположил он.

– Вот так, Катюх. Наш брат – телепат, – Оля усмехнулась. Катька хохотнула. Но больше их доволен был сам телепат.

Они вышли на площадь. Небольшую. Не площадь даже, скорее трехкратное расширение дороги. Кажется, это считалось центром поселка, судя по обилию магазинчиков.

Женька тем временем прикидывал, каково было бы обладателю первого и единственного мобильного телефона. Наверное, он всегда брал эту штуковину с собой на улицу и все ждал случая, когда телефон пригодится. Когда ни обычный, с трубкой на проводе, ни телефон – автомат уже не выручат. Но он так привык обходиться этими двумя, что при обычном распорядке дня такая ситуация никак не возникала. Навер-

ное, он в какой-то момент плюнул, не выдержал и позвонил с мобильного другу. И такой:

– Угадай, откуда я звоню?

А друг:

– Ну и откуда?

– Прямо с улицы! – радостно.

А друг:

– И что? Тебя жена, что ли, выгнала? – он, конечно, подумал о телефоне – автомате.

– Да причем тут жена! Я звоню тебе с улицы. Не из будки! Я вообще могу пойти. Вот, я иду и говорю с тобой.

– А звонишь-то зачем? – друг наверняка бы не понял. Такое неподготовленным умом сразу не воспринимается.

– погоди, перезвоню.

Через некоторое время у друга снова бы зазвонил телефон:

– Алло.

– Выгляни в окно, – сказал бы обладатель единственного мобильного телефона.

Друг посмотрел бы в окошко:

– Ну?

– Видишь, я тебе рукой машу?

Друг, действительно, узнал бы его, стоящего посреди тротуара и размахивающего рукой:

– Ну, вижу и... погоди-ка... – наконец до него бы дошло. – Но как?..

– Во-о-от! – протянул бы довольно тот в беспроводную трубку.

Женек усмехнулся счастливый от этой истории. Еще бы поделиться ею с кем-нибудь... Он поправил рюкзак и вошел следом за сестрами в здание автостанции.

Вокзалом эту одноэтажную кирпичную коробку звали чисто условно. Снаружи она с обоих боков зажималась ларьками и магазинчиками. И сколько там всего разного, и классного, и яркого, и вкусного лежало, висело и манило. Машины, выстроенные, словно на старте, фигурки – подвижные! – Человека-паука и Супермена на расстоянии решающего удара друг от друга. Мячики на резинках, сабли и шашки, пистолетики и даже один автомат. И это только на одной стороне киоска. На другой половине – шоколадные батончики, жвачки и лимонад.

Зато внутри их ждали тусклые бежевые стены, потрескавшиеся, раненые плиты пола и свисающие с усуженного мухами потолка бурые ленты, облепленные теми самыми мухами. А еще духота и зловоние. Пахло потом, навозом, табачным дымом и скисшим творогом. И разыгравшийся от вида шоколадок аппетит сменился на тошноту.

Оля со вздохом опустила на пол свой баул и распрямила спину, подтянула джинсы. Они, все трое, были в штанах, поскольку в их родном городке, из которого они выехали с утра, погода в последние дни совсем не располагала к шортам и юбочкам.

– Покараульте, – наказала Оля погодкам, перед тем как направиться к кассе. И они обступили сумку.

Тяжелый, теплый воздух приглушал разговоры. А болтали вокруг, казалось, все. В одном углу капризничали дети. У кассы приходилось кричать. И тем не менее в общем знаменателе была какая-то странная тишина. Как бывает на оживленном пляже, когда лежишь с закрытыми глазами, на границе сна, и слышишь далекие волны больше, чем споры се-стер.

Только сейчас вместо шелеста волн в ушах у Жени жужжало. Коротко и нарастающе – когда муха пролетала рядом. И монотонно, с паузами – с ближайшей липкой ленты. Он вспомнил, насколько мухи любят потирать лапками, просто обожают, чистюли. А может, хитрющие злодейки. И как, наверно, мучаются они и злятся, влипнув в такую вот ленту. Секунда прошла, вторая, третья – а лапки так и не погладила. А хочется – жуть. Дальше только хуже. Все равно, что нос у тебя чешется, а руки связаны за спиной. А он зудит, щекочет. И вот уже чешется глаз, горло, лопатка. А потом еще муха садится на лицо.

Вспомнилось следом, как они с Катькой заболели чесоткой – любили кошек бездомных приласкать. Мама натерла их какой-то мазью и запретила чесать. Так он не выдержал и пяти минут.

Мимо прошаркала семейка в одинаковых сандалиях. Подтянутый лысый папа, уставшая растрепанная мама с малы-

шом на руках и сынок повзрослей – такой, что за руку уже держать не надо. Он палил из пистолетика налево и направо. Мельком глянул на Женька и шагнул в дверь за мамой. Но тут же высунулся обратно и застрелил и его. И задорно рассмеялся. Совсем не противно, так, что и Женя улыбнулся.

Вернулась Оля – потерянная и какая-то сжавшаяся. Взгляд ее блуждал вокруг, она молчала. Женя с Катькой переглянулись, осторожно пожали плечами. Никто не хотел зря нервировать сестру. Наконец, она печально, без улыбки в глазах, усмехнулась:

– Да уж, попали мы, товарищи.

– Что, билетов нет? – Катя быстро выпрямилась.

– Автобусов, – процедила Оля и чуть повернулась к кассе.

Мол, вон та вредная тетенька так сказала.

– Совсем? – удивился Женя. Потому что ладно, один уехал, они опоздали, следующий приедет через три часа, но чтобы совсем, посреди дня – это как? Уже не так весело.

– В нашу деревню – на сегодня закончились. Больше не будет. – Оля зашагала туда – сюда. – Из Чебоксар так поздно не ходят, из Канаша сюда не заезжают, а прямо отсюда – только через день.

– Мама нас убьет, – протянула Катька.

– Да погоди ты, – отмахнулась Оля. И задумалась, кусая губу.

В зале вдруг как-то потемнело и похолодало, что ли. Те же самые люди, понятные и простые, превратились в чужих

и равнодушных. Они-то сядут и уедут, а мы... Женька стал судорожно соображать. Забыв, что ничего не решает. В животе заныло. Голова как назло ничего путного не рожала.

Телепортация отпадает.

Угнать велосипеды?..

Может, отправить его гонцом? Он может, покажите только направление.

Нет-нет. Забраться в кузов грузовика, направляющегося в деревню! Бинго! Но только не рефрижератора...

– Я знаю! – воскликнула Катя. – Поедем на такси.

– Денег не хватит, – буркнула Оля. – И где ты его здесь найдешь?

– Можно спросить у...

– Нет!

– Кого-нибудь или...

– Не поедем мы на такси! – отрезала Оля и словом, и взглядом. – Тогда от мамы точно влетит.

– Надо залезть к ним в квартиру! – это осенило уже Женька. – Я могу. Через балкон. Всего-то второй этаж.

– А потом милиция, тюрьма и каторга, – кивая, продолжила Оля. А Катя покрутила пальцем у виска.

– Но проверить, не вернулись ли, надо, – заключила первая.

Оля взяла сумку и направилась к выходу. Катя и Женя поплелись за ней.

Они вышли в жару, под солнце. Голубой свод растянулся

абсолютно чистый, и раскаленное золото лилось с него отвесно и метко. На площадке у самой станции лучилась бликами молочно-белая маршрутка. Последние пассажиры, торопливо доедая мороженое, уже побежавшее по рукам, топтались у раскрытой двери. Женек им позавидовал. Не из-за мороженого даже, просто у них все ясно: сели, поехали – и дома.

– Мы, что, обратно потащимся? – простонал он.

– Вдруг они вернулись, а мы тут с ума сходим, – прозвучало не особо уверенно, да и сама Оля мялась на месте: сумку не опускала, но и не спешила в путь. – Или один кто-то проверит, сбегает. Не знаю... Вас так не оставишь, одних не отпустишь, беда... Ну что за день! Черт!..

Она опустила сумку, взялась за голову, уставилась в пол. Лицо помрачнело. На нос скользнула капелька пота и повисла на кончике. Она смахнула ее недовольно и подняла взгляд:

– Или сбегаете? Дорогу помните? Отсюда видно... – и задумчиво посмотрела в сторону, вдаль.

Маршрутка загудела, ожила. Пассажиры полезли внутрь.

– Если ключ под ковриком не оставили, значит, уехали все вместе. И вернуться никто не должен, – выдал Женек внезапно мелькнувшую мысль и сам испугался. Потому добавил: – Наверное.

– Думаешь?.. – тихо отозвалась Оля, точно в самом деле всерьез прислушалась к младшему. – Тоже, что ли, в дерев-

ню уехали? А может вообще перестали так ключ оставлять. Не знаю, не знаю... Тогда что, попутку надо ловить. Или чего... Ночлег искать?

– Вот оно! – воскликнула Катька. И указала куда-то пальцем. Маршрутка уехала, и за ней оказалась машина такси. Зеленая «девятка».

– Ты опять? – разозлилась Оля.

– А что такого?..

Катя говорила что-то еще, Оля отвечала, но Женя уже не слушал. После слов о ночлеге снова вспыхнула приключенческая жилка. Он глазел по сторонам и прикидывал, где они могут переждать ночь. Вокзал подходил, но что-то подсказывало, что на ночь его закрывают. Еще подъезд неплохой вариант. Или, он припомнил, беседка во дворе.

До ушей долетало обрывками: «Дорого... Хотя бы спросить... Продадим что-нибудь... Дура...» А Женек уже планировал: «Наденем теплые кофты из сумки. Двое спят, один в дозоре. И так по очереди каждый по три часа». Только задумался, а не лучше ли вообще отправиться в деревню на своих двоих, с рюкзаком за спиной и ночевкой в шалаше, как понял, что уже полминуты пялится на какого-то мужичка на лавке у станции. Но самое главное – мужик тоже с интересом смотрел на него.

Женька хотел отвести взгляд, но отчего-то не стал. Мужчина был лыс и слегка не брит, добродушно улыбался и кого-то напоминал. Кого-то знакомого, но, по ощущениям,

нереального, словно выдуманного. А затем Женя узнал в его белой и удивительно чистой футболке форму «Реала» и, кажется, даже раскрыл рот от изумления. Потому что, во-первых, это его любимый футбольный клуб, а во-вторых, он внезапно, в один миг, понял, кто же этот незнакомец – ни много ни мало сам Зидан. Тот же твердый, но беззлобный взгляд, та же задорная улыбка и широкий подбородок. Разве что морщин больше.

Мужик поманил его пальцем.

И Женек неуверенно, но недолго думая, подошел. Зидан коротко кивнул ему и спросил – без какого-либо акцента:

– Слышал, автобуса вам не хватило?

Женя вцепился в лямки рюкзака и кивнул тоже. Зидан почесал щетину:

– А куда хотели попасть?

– В смысле – доехать? – уточнил мальчуган едва ли не шепотом.

– Ну да. Куда собрались?

– В деревню, – осторожно выдал Женька и слабо пожал плечами.

– А название есть у деревни? – терпеливо поинтересовался загадочный мужичок.

Женя колебался, наученный родителями, школой и дворовыми байками, что стоит остерегаться незнакомцев. Но улыбка незнакомца... Она не старалась казаться искренней, она была искренностью, а взгляд не тревожил ничуть, участ-

ливый и прямой. Мужчина сидел расслабленно, открыто. И единственное, что хотелось, – это сесть рядом и рассказать, пожаловаться на обрушившуюся неприятность. И попросить помощи, потому что своим спокойствием он будто говорил: «Ничего страшного не случилось, выход есть всегда».

Доверившись наконец и оттого ободрившись, Женек весело ответил:

– Нюргеши. Знаете?

– Слышать приходилось. И в Сундыре я бывал, это там рядом, – Зидан закивал, казалось, одними глазами. – Прямых автобусов, значит, нет?

– Нет, говорят.

– Ну, так слушай. В пять часов десять минут из Канаша выезжает автобус в Ельчики. Это как раз по пути в твою деревню. Ну, не совсем. Проедет мимо поворота на деревню, а там уж рядом.

Женька обрадовался, заулыбался. Хотел позвать сестер.

– Да погоди ты, – посмеиваясь, остановил его мужик. – Автобус-то сюда не заезжает, но по трассе, бывает, подбирает. На остановках. Так что надо вам из поселка-то выйти, пройти чуть по трассе к остановке. А там уж ловить. Только как следует.

Женек чуть растерялся. Надо было все это уложить в голове. Эх, где сестры застряли!

– Запомнил? – Зидан посмотрел на него чуть пристальнее. И глубже, что ли.

Только теперь малец заметил, что с его глазами происходит что-то странное. У мужчины не было зрачков. Вместо них золотилось и алело по солнцу в каждом глазу. словно оно отражалось, но не снаружи, а изнутри. А вокруг, в радужке, подрагивающими язычками пылали лучи – и цвет их переходил из одного в другой. Песочный в янтарный, бронзовый в кофейный, бурый в огненный. И еще изумрудный и лазурный переливались у самой границы.

Таинственные очи сомкнулись. Моргнул и Женя. А когда картинка вернулась, Зидан смотрел уже в сторону.

– Ну, давай, беги. Не теряй время, – напутствовал он и встал. – И играй до свистка.

Женек было раскрыл рот, но услышал:

– Женя! Куда пошел?! Иди сюда!

Обернулся. Звала Оля. Катька стояла рядом надутая.

– Спасибо вам, – сказал он все же.

Но уже пустой скамейке.

– Оля! Оля! – поспешил он к сестре. – Там дядя один поделился, что в сторону деревни будет автобус.

Оля перебивать не стала. Он продолжил:

– Сказал, в пять-десять выезжает из Канаша, но сюда не сворачивает. Едет... кажется, в Ельчики, в общем, мимо поворота к деревне. Сказал, можно сесть на остановке вдоль трассы.

Вопрос от сестры еще не прозвучал, а Женька уже ответил:

– Сказал, надо выйти из Комсомольска к трассе, и там недалеко будет эта остановка.

– А номер какой? У автобуса... Не каждый же будем тормозить.

А вот на это ответа не было. Забыл уточнить, как-то не подумал. Он наудачу повернулся к скамейке. Та оказалась занята пожилой парой.

– Он не сказал, а я это... как-то не... – Оля не дослушала и быстрым шагом направилась в здание станции.

Исчезла в нем всего на минуту. Вышла, буквально выско-чила, взволнованная.

– Двести сорок пять! Действительно, есть автобус. Эта ду-ра, видите ли, забыла! – она подцепила сумку. – Только надо быстро. Он выезжает через пять минут. Так что шустро.

И зашагала, чуть кренясь на бок. Тут к ней подбежала Катька:

– Дай мне одну, – скромно, но решительно попросила. И взялась за ручку сумки. Оля отпустила ее, оставив себе вто-рую.

Подхватив ношу вдвоем, они засеменяли по обочине. Же-нек дернул за лямки, тряхнул рюкзаком. Мол, и я не просто так, не налегке. И пристроился сзади.

– Двести сорок пятый в Ельчики не проезжал? – скрипу-чим от сухости голосом спросила Оля. И снова глубоко за-дышала.

Рядом покоилась сумка, и сидела на корточках Катька, опустив на нее уставшие руки. Женя тоже скинул рюкзак на землю. Футболка на спине промокла насквозь. Он отлепил ее от кожи и потряхивал.

Худая, низенькая женщина с огромным, большее ее, рюкзаком чуть пожала плечами:

– Вроде не было. Я другой жду, – зачем-то добавила еще.

– Нет-нет, не проезжал пока. Который пятичасовой, – отозвалась женщина, стоявшая тут же: моложе, наряднее и в солнечных очках. Она с милой улыбкой смотрела на взмокшую и растрепанную троицу.

Они успели.

Топча придорожную пыль. Прячась от палящего солнца в тени редких деревьев. Отдохнув лишь раз. Молча и не отвлекаясь, преодолели километр до трассы и еще сто метров до остановки. А может, больше. Или меньше с той же вероятностью. Оценка расстояния на глаз Женьку была мучительно не подвластна. Точно дальше, чем сходить в магазин № 26 в родном городе, дальше даже, чем на рынок – через овраг и широкий пустырь.

Помимо двух женщин, на остановке, сооруженной из бетонных плит, маялись в ожидании еще пятеро. Бабушка, вторая бабушка, третья со своим дедом. И мужик. Первые две сидели на лавке и быстро говорили на их древнем языке. Порывы ветра доносили обрывки, смешки и оханье. Дед да баба стояли там, где раньше была тень. Бабуля печально или

задумчиво опиралась на клюку. Старик периодически заходился в приступе кашля, всякий раз поднося ко рту платок. И временами косился на мужика. Тот курил и на месте не стоял. Те же порывы ветра приносили горький запах сигарет.

Оля тем временем вытащила из сумки бутылку газировки. Когда она по очереди дошла в руки Женька, у остановки притормозил автобус. Большой, грязно-белый, с голубыми полосами вдоль корпуса. Оля встрепенулась еще минуту назад, всматривалась, напряженная, а затем отвернулась. Автобус остановила низенькая женщина с рюкзаком. Женя разглядел номер «234» и прочитал – «Чемурша». Кроме теньки, к отпрыгнувшей дверце автобуса поспешили бабульки с лавочки.

Газировка оказалась теплой и оттого не такой вкусной, как мечталось. Но от ощущения жидкости во рту и быстрых глотков все равно было приятно. Солнце сжалилось и зарылось в облака. Женщина, та, что молодая и нарядная, убрала с глаз солнечные очки и посадила их выше, как ободок или ушки. И Женек понял вдруг, что улыбаться можно и глазами. Он не сумел бы объяснить – как, но по-другому это назвать не мог. Женщина ему нравилась. Она была красивая и... Некоторое время подбирал верное слово. И... счастливая.

Автобус совсем не спешил. Трасса не смолкала ни на минуту. Ворчала, вздыхала, шипела. Но нужных слов – ругани тормозящего автобуса – до сих пор не произнесла.

Женька катал камешек по неровному асфальту. Он поба-

ивался смотреть на Олю – от волнения и тревоги. Летом трястись от волнения не привык, потому что каникулы же, а не школа с ее контрольными и драчунами-старшаками. Однако веселье пропало, он злился на автобус.

Где тот пропадает? Вдруг его вообще не существует! Они сбежали сюда из Комсомольска из-за него. Не автобуса, а Женька. И он не сможет теперь, если ничего не выйдет, беззаботно повторить заученное: «Я ничего не знал, это не моя затея». Кажется, он начинал понимать Олю.

Еще и Катька подошла и шепнула:

– Зачем только так бежали, – затем округлила глаза и чуть громче: – А если придется тащиться обратно?

– Переночуем в подъезде, если что, – ляпнул Женек, думая успокоить.

– Была бы у нас машина, – заворчала Катя. – Сам представь. Сидишь свободно, никто не толкает, все свои. Поехали, приехали. Без постоянных пересадок.

– А прикинь, до деревни бы ходили троллейбусы.

– Фу, там сиденья неудобные, и останавливается на каждой остановке, – не вдохновилась идеей сестра.

– Зато я бесплатно бы ездил. Экономия, – засмеялся Женька. В его неполные тринадцать родители умудрялись провозить его в городе бесплатно как семилетнего. А все из-за его ста двадцати сантиметров роста.

Катька обернулась, потому что Оля метнулась к краю остановки. Приближался и угрожающе разбухал в размерах

автобус. У обоих зрение было далеко не единица, в отличие от старшей. Когда оранжевый квадрат превратился в рыжую «буханку» ПАЗа, Оля старательно замахала рукой. Женя подбежал к сумкам, закинул рюкзак на плечи. Катя вернула газировку в сумку. Послышался стон тормозов. Оля махать перестала.

– Готовы? – спросила серьезно и как-то строго. Оглядела погодок и подхватила сумку.

Автобус остановился. К отъехавшей с хлопком дверце первой успела та милая женщина, из багажа у нее была лишь удобная аккуратная сумка на длинном ремешке. Мужик, изучив «лоб» ПАЗа, резко отвернулся и рассерженно швырнул докуренную сигарету.

Оля поднялась на одну ступеньку и спросила:

– Довезете до поворота на Нюргеши?

– Куда? – усмехнулся водитель.

– Нюргеши, деревня такая, – растерялась Оля. – По пути там у вас будет поворот, и мы слезем.

Мужик задумчиво нахмурил брови, но слабая улыбка осталась.

– Да второй поворот. После ельчикского. Не к Шептахам, на Сундырь, – решил объяснить мужичок с сиденья у двери, усатый, пухлый, в слишком маленькой для него кепке, и тут же обратился к Оле: – Довезет, доведет. Залезайте.

Лицо водителя разгладилось, и он закивал:

– А-а, на Сундырь. Ну, можно, да. Хорошо, – принял день-

ги от женщины, бормоча: – Нюргеши... Так-то знакомое, но...

Оля забралась в салон, Катя с Женей заскочили на ступеньки. Дальше можно было не толкаться, проход между сиденьями оказался занят. Оля кое-как пристроила сумку. Дверца за спинами крякнула и закрылась.

Когда тронулись и разогнались, Оля обернулась и, подбадривая, улыбнулась малышне, теснящейся у двери. Затем, уточнив у водителя, заплатила нужную сумму. Женек стоял спиной к дверце, а в лобовое стекло видел в основном небо. А хотелось дорогу. Было скучно. И ощущалась уже усталость в ногах.

Он развлекал себя, прислушиваясь к стараниям автобуса. Тот кряхтел на редких асфальтовых волнах, чавкал и отхаркивался, когда шофер дергал рычаг, и напряженно мычал, набирая скорость. Женьку даже подумалось – может, «пазики» сразу старики? Наверное, их сразу собирают такими – озвучивающими свое каждое дающееся с трудом движение.

Еще ему понравилась связка флажков, висевшая у верхнего края лобового стекла. Разноцветные флажки были треугольные, и их связка, натянутая дугой, напоминала ожерелья индейцев из перьев. Женя узнал флаги России и Франции, потому что они похожи, Португалии, потому что болел за их команду на «Евро-2000», и еще Испании, потому что болел за «Реал Мадрид», а это испанский клуб. Также, кажется, признал немецкий флаг, но был не уверен.

Катю больше занимали пассажиры. Она стояла выше и видела больше. Один раз пригнулась к Жене и, загадочно улыбаясь, прошептала:

– Угадай, на кого похож этот дядька? – и скосила глаза на того полного усатого мужика, подсказавшего про поворот.

Женька повернул голову и уставился на него, отчего тут же получил толчок локтем от Кати. И он глупо направил взгляд в потолок и медленно, по-прежнему с закатанными глазами обернулся обратно. Сестрица, кивнув, подставила ухо.

– Не знай... На кота, что ль, из «Попугая Кеши»? – предложил он. У мужика, в самом деле, имелись подтяжки.

Катя даже округлила глаза и довольно заулыбалась:

– Ага, точно. Но больше на Рокфора из «Чипа и Дейла», – и хохотнула.

Женек тоже посмеялся. В самом деле – похож. Катька опять опустилась ближе к нему:

– Там еще дальше Ельцин сидит, – и весело закивала.

Но увидеть бывшего президента, решившего погостить в Ельчиках, у Жени не получилось. Оля нагнулась к водителю, тот замахал головой:

– Да-да, этот. Угу, здесь.

И автобус затормозил. Оля, схватив сумку, повернулась к Жене и Кате:

– Выходим.

Дверца пружинисто отскочила. Женька спрыгнул на ас-

фальт. Вылезла Катя. Потянулась к сумке. Вместе с Олей они выгрузили ее. Оля обернулась к водителю:

– Спасибо большое!

– Спасибо! – крикнула и Катя.

Женек тоже поспешил заглянуть в кабину. Теперь ничто не загораживало ему водителя, и он, в один миг позабыв про «спасибо», увидел и узнал, или только показалось – мог ли он со своим зрением это разглядеть?.. Те же глаза со спрятанным в них солнцем и радужным огнем.

Но затем мужик с неизменной зидановской улыбкой произнес:

– Дальше сам, пацан. Мяч твой, но в «девятку», знаешь, не цель, – отвернулся к рулю и глянул куда-то вверх. – А дождь это не плохо.

«Пазик» кашлянул, захрипел. И тронулся. Дверца по-вратарски прикрыла угол.

Осталось самое простое – дойти.

И самое интересное, подумалось тут же. Автобус привез их туда, куда Женя обещал. Он никого не подвел, и от этого стало легко. И весело – от того, что им предстояло настоящее путешествие. От слова «шествие». Или «путь»?

Они стояли прямо в центре треугольника, пыльного, бледного, очерченного трассой и развилкой дороги, упирающейся в нее. Остроконечная вершина указывала стрелкой путь. Оля взвалила на плечо сумку. Последовало и шествие.

Троица вошла в высокие, просто исполинские ворота в зе-

ленной ветвистой стене, тянущейся вдоль трассы. Серое полотно, сужаясь, уходило вдаль. И где-то там, далеко – не разглядеть – упиралось в другие ворота, за лазурной синевой которых дом, семья и новый день. Дорога плавно петляла и так же плавно шла волной. Они оказались на одном из ее гребней и теперь медленно спускались. Одной ногой шаркая по асфальту, другой топча пыль обочины. Сперва Оля, за ней Катя и замыкающим Женек Голова – Волчок.

Справа, слева – поля. Кругом поля. До самого горизонта. А дойдешь до горизонта – и там поля. Ровным золотом. Дикой зеленью. И бурым молчанием. Раскинулись и манят свернуть на несколько веков назад. И пройти странником от края до бескрайности.

И вроде скука. Уж поле видел каждый. И не одно. Сколько нужно минут на полюбоваться? А дальше что? Созерцание – дело тренировки. Оно идет от понимания. Вряд ли Женьку оно было доступно, зато он знал, что и каждое из этих полей людей видело куда больше. Больше – и в краткий момент времени, и с начала времен. Созерцало и рождение одних, и смерть других. И, наверно, это тоже было скучно.

Но Голова – Волчок не скучал.

На дорогу вдруг вылетел всадник на гнедом скакуне. Копыта зацокали в танце. Наездник в черной папахе и алом бешмете натянул поводья. Резвый конь вскочил на дыбы. Красиво и величаво. Совсем как в «Неуловимых мстителях». В следующий миг ездок погнал прочь. И переливаю-

щаяся, змеящаяся на ветру пшеница превратилась в степной ковыль. И всадник ринулся стрелой, перечеркивая степь. Вдаль, к самому краю неба. Женек устремился следом. И чувствовал скорость, слышал свист ветра, и гулкий бой копыт о землю, и дыхание коня, и зов всадника – быстрее! Он спешил. Или просто жаждал ощутить простор.

Но вот вой ветра перешел в свист пуль и снарядов, топот копыт – в залпы и взрывы. И не было больше ни ковыля, ни пшеницы, лишь сырая земля, вспаханная гусеницами, воронками и окопами. А с ближайшей высотки темными пирамидками ползли вражеские танки. И комья земли взметались фонтанами. И слышно было, как кричали. Но уже не «быстрее!» – это, скорее, шептали, – а голосили, подхватывая друг от друга: «Ура!»

Видел Женя еще и мужиков в белых рубахах, мерно свистящих косами, и женщин с серпами. Повернул голову, а там, посреди широкого бархатистого лоскута, огромные знаки. Круги, полумесяцы, дуги – послания пришельцев. Затем вдруг дрожь под ногами, и облако пыли, растущее и приближающееся, как и раскатистый гром. И Женька знал – смотрел «В мире животных» – это дикое стадо буйволов тучей несется.

Вот что такое поля. Но ничего этого не было раньше – в окошко автобуса.

Он вернулся на асфальт. Прямо перед ним – спины сестер, а вдали, где кончался склон, показалась деревенька и про-

свечивало между домами озеро. Прогрело вновь. Приглушенно, словно прощаясь. А на деле – предупреждая. Женек глянул от поля вверх. Подуставшее солнце безнадежно окружали тучи. Тяжелые и воинственные, они занимали уже весь северо-западный фронт.

– Грозы нам только не хватало, – усмехнулась Оля, оставившись передохнуть. Нагнулась к сумке.

Дождь это не плохо, вспомнил Женя. Как бы не так!

– Далеко еще? – печально спросила Катя

– А то сама не знаешь, – буркнула Оля. Выпрямилась и сделала несколько глотков из бутылки. Затем добавила: – Спуститься, подняться, пройти еще вдоль тех деревьев, а потом еще столько же.

– Издеваешься! Мы так до ночи будем переться, – заворчала Катя, принимая от нее «газировку». – И чего нас никто не подвезет?

– Да-а, неплохо бы, – Оля глянула вдоль дороги. Назад, вперед.

Машин не было. Ни одной за все время, сообразил Женек. От питья он отказался.

– Давай-ка возьми за другую, – Оля указала Кате на вторую ручку сумки.

Они дружно подхватили ее. И шествие продолжилось.

Через пять минут солнце скрылось, и ветер в спины задул резче.

– Интересно, из деревни уже позвонили маме домой? –

подумал вслух Женя.

– У них же нет телефона. Вроде, – отозвалась Катя.

– В прошлом году не было, – присоединилась Оля. – Но в деревне-то точно есть. На почте хотя бы.

– Вот, наверно, переполох теперь. Куда, думают, мы пропали... Да-а, влетит нам, – Женя поежился то ли от предчувствия, то ли от ветра.

– Ну-ну, «нам», – невесело усмехнулась Оля.

Все замолчали. Женек хотел ее как-то поддержать, но ничего, кроме девиза мушкетеров, в голову не шло. Но сестра дожидаться не стала:

– Они все равно до родителей не дозвонятся. И папа, и мама работают сегодня во вторую смену.

– Та-а-ак, – протянула Катька. – А это хорошо или плохо?

– Наверно, хорошо. Подумают просто, что мы передумали сегодня приезжать. И волноваться не будут, – предположила Оля, последние ее слова заглушил гром. Уже совсем-совсем, казалось, над головами.

– Или что остались в Комсомольске, – подхватил Женя. – И тут мы как заявимся. Сюрприз! Вот и мы!

Он засмеялся. Но в одиночестве. Порыв ветра подхватил его смешок и растерзал. Стало грустно. И тихо.

А через пару шагов ему за шиворот плюхнулась холодная капля. Он весь сжался, плечи подскочили до ушей. Капля скользнула на спину, и по телу пробежала дрожь. Ни второй, ни третьей капли не последовало. Сестры молчали. Они,

видимо, своего поцелуйчика с небес не получили. И Женя знал, что это значит. И соглашаться не хотел – нет, он не ленивый.

Он подбежал к Кате, схватил ручку сумки:

– Давай, я теперь. По очереди.

Катя отпустила, но зашагала рядом. А Женек удивленно покосился на Олю – настолько тяжелой показалась сумка.

Они подошли к деревушке. Она вся разместилась по одну сторону от дороги. Лишь один дом чернел на другой стороне, чуть поодаль. Нежилой, заброшенный. К дороге выходило две улицы, которые будто объединял магазин.

Женька хотел было призвать племя краснокожих, то самое, что сжигает поселения и снимает скальпы. Даже услышал их воинственный клич со склона и топот лошадей. Но его вниманием завладел магазин. Тут же он почувствовал, что голоден, и вообще разве не заслужил уже мороженое. Живот заурчал, и сумка отчего-то стала еще тяжелее.

Чтобы отвлечься, заговорил:

– Зайдем в магаз.

– Нет, – отрезала Оля.

– Перекусим. Силы же нужны.

– Нет. Дойдем скоро. Ох, бабушка тебя накормит.

Катюха засмеялась. Хотя сама-то тоже косилась на магазин.

– А сколько времени вообще?

Оля взглянула на часы:

– Шесть-двадцать.

– Эх, думал, в Комсомольске футбол посмотрю. Хотя бы второй тайм...

Помолчали с полминуты. Пара-тройка жителей деревушки проводили их взглядами. Улицы были пустынные, лишь дети бегали, кричали и катались на единственном велосипеде по очереди.

– Может, нам выпросить телегу с лошастью? – спросил Женец, хотя ни телеги, ни лошадей на этих самых улицах видно не было. Не выдержал – в молчании время тянулось как сонное.

– А тот дом на холме, вон, черный, – начал он с другого, потому что никто не ответил. – Это, наверно, дом с привидениями. Страшный дом. Знаете, когда говорят: «В одном черном-черном доме...»

Он вывернул шею, вглядываясь в дом. Тот, в самом деле, стоял абсолютно черный, совсем не похожий на обычный, что из бревен ребрами и с крышей циркулем. Какой-то строгий, вытянутый, с однобокой крышей и узеньким окном, он напоминал в отдалении надгробный камень над курганом. И по ночам души погребенных восстают и населяют дом, не в силах покинуть его стен.

Шея затекла. Ручка сумки натянулась, потому что Оля ушла на шаг вперед. Но с каждой мыслью дом казался все интереснее. Оживал и соблазнял познакомиться.

Но если сунешься туда, призраки устремятся в тебя, зай-

мут твоё место, вышвырнут из тела и завладеют им. Всё – только бы обрести свободу!

В этот миг дом погрузился во тьму. Трава, которой он порос, задрожала, заметалась и припала к земле. И тут же распахнулась дверца, которой и не видно было до этого. И все, что было черного вокруг, показалось серым – настолько непроницаемо черная мгла застыла на пороге. Острый холодок пополз по Женькиной спине, волосы встали на затылке. Тени десятками рук поползли по двери, и она медленно затворилась. Он моргнул чуть дольше обычного и споткнулся, едва не упав. И отвернулся наконец.

Оля притормозила и недовольно глянула на него. А секунду спустя и на нее налетела тьма. И на асфальт, и на землю. Рванула дальше к озеру. Значит, и я тоже, испугался Женька и посмотрел на руки, майку. И только потом догадался задрать голову.

Солнце окончательно скрылось в тучах. И эта стальная, мрачно клубящаяся влага роптала грозно над их макушками.

Катя подтолкнула Женю и пробасила:

– В одном черном-черном доме в черной-черной комнате...

– Стоял черный-черный сундук, – подхватил он, – под его черной-черной крышкой жил... – представил, прикрыв глаза, – черный-черный кот...

Дорога едва заметно, но пошла вверх.

– Один мальчик выпустил черного-черного кота, – про-

должила Катя, хмуря брови.

– И черный-черный кот сказал – все, что он найдет в сундуке, будет его, – зашептал Женя. – Мальчик заглянул в черный-черный сундук, но там было черным-черно...

– А черный-черный кот говорит – нужно заглянуть поглубже, – зловеще улыбнулась Катя, сверкнув черными-черными глазами.

– Мальчик наклонился сильнее... и увидел прямоугольник дна, а в нем – черное звездное небо, белую-белую луну и людей по краю... – Женек уставился на сестру, пытаясь поселить у нее в голове нужную развязку.

Катя чуть помолчала. Потом глаза ее расширились, и она буквально выдохнула:

– Люди стояли в черной-черной одежде и смотрели на мальчика сверху...

– Мальчик испугался и полез назад, но оказалось, что он лежит на спине. Он протянул руки вверх, к людям. Но это были не его руки, это были белые-белые руки скелета... – выпалил Женя с каждым словом все громче.

– А черные-черные люди отвернулись и ушли. И из-за края выглянул черный-черный кот...

– И черный-черный кот прыгнул и захлопнул крышку... «...черного-черного гроба», – закончили они вместе.

Повисло молчание, прерываемое лишь утробным громыханием небес. Они прошли по склону вверх всего метров тридцать. И поравнялись с озером. Оля вдруг остановилась,

опустила сумку.

– Да-а, ребята, фантазия у вас недетская, – протянула она, разминая уставшую руку и кисть.

Катя с Женей довольно переглянулись. Иногда у них случалась такая связь. Они называли ее «Силой Двух», почти как у сестер в «Зачарованных». Называли так только между собой, чтобы Оле не было обидно.

По живописному озеру, изогнувшемуся знаком вопроса, ветер гнал рваные волны, серовато-желтые, с пенными краями. На берегу копошились дети, посматривая на небо. Самые шустрые уже почесали в сторону домов. Озеро Жене понравилось. Захотелось обойти его вокруг по берегу.

Внезапно оно разразилось вспышкой. Посветлело, вскипело и ослепило.

Это была молния. Молния и зеркало.

Оля тут же обошла сумку с другой стороны, поменяла руку. Кивнула Кате. Женек, может, и огорчился, но спорить и выпендриваться не стал. Сестры подхватили сумку. Теперь в подъем. Неужели гроза этого и дожидалась?

Щелкнул кнутом запоздалый гром. Даже в ушах загудело. И что странно, гул нарастал. И обрастал каким-то жужжанием. Женя в мелькнувшей догадке взглянул по склону выше.

Действительно, им навстречу неслась машина. Как-то позвериному припадая к дороге. Кажется, «восьмерка». Морковно-рыжая. А через пару десятков метров – скорее, пятнисто-рыжая. Капот, дверцы, крылья – в разных тонах. Од-

нако когда машина промчалась мимо, то была уже рыжей полисьему. Просто потому что хлынул дождь. Не церемонясь и не разгоняясь, сразу и мощно.

Оля замерла. Остановилась и Катя. Они покосились на сумку. Ни зонты, ни дождевики там не припрятаны, насколько Женя помнил. Только теплые кофты. Шикарные девичьи прически, уложенные попутным ветром, теряли объем, волосы намокали, впитывая крупные капли, и темнели. Катины до насыщенности темного – противного – шоколада. Олины до куда более аппетитного черносливого оттенка. Ее челка липла ко лбу, по лицу стекали капли. Они с Катей глянули друг на друга, оставив затею с сумкой. И рассмеялись. Оля смахнула челку, Катя вытерла лицо, и они зашагали дальше. Торопливо, резче.

Женек любил лето. И вряд ли был в этом одинок. Вот, к примеру, дожди. От осенних – свехурочных и навязчивых – хочется скорее сбежать, где сухо и тепло. Весенние – бесспорно, долгожданные – радуют, смотришь и расцветаешь. Однако любишься все же за окном – не дай бог зарядит вперемешку со снегом. А летние – теплые, щедрые, непреставучие. Они задорные и шустрые, как мальчишки с водными пистолетами. Героически умирляют жару и зной, вскипая пузырями на раскаленном асфальте. И любят попугать мощью и покрасоваться необузданностью. А вот бесстрашных не любят и с легкостью поучают.

И только Женька подумал, слизывая теплые капли, что и

этот ливень шалун и задира, но, в общем-то, добрый малый, как небо вспыхнуло, мерцая, на секунде третьей затрещало и выдохнуло в порывах ветра. Спины сестер дрогнули, а сам он сжался.

Земля размякла, и они перешли на асфальт. Но и по дороге ручьями бежала вода. Кроссовки промокли, и ноги хлюпали. Сухим оставался, кажется, только маленький участок на спине – под защитой рюкзака. И там же затаилось приятное тепло, в то время как мокрая кожа и футболка охладили при каждом порыве ветра. Джинсы потяжелели и липли к ногам. Было нисколечко не весело. Так Женек еще и вспомнил, что уже вечер, а значит, теплее не будет. И расстроился сильнее – до скрежета в зубах.

Что удивительно, небо над вершиной холма впереди было чистым. А позолоченный край иссиня-серых грозовых туч обгонял путников совсем чуть-чуть. Возможно даже, что на верхушке склона и дальше – сухо и спокойно. Может, мы даже увидим край дождя, подумал Женя и хоть маленько порадовался.

На миг озарился асфальт. И опять он прошел не больше трех шагов, как бухнул гром. А затем стало тихо. Даже слишком тихо. Исчез ветер, капли зашептали, больше не заставляя щуриться. И будто бы даже донеслось коровье мычание. Женек взглянул на небо. И ослеп.

Вспышка обожгла, он зажмурился. Заморгал. И снова капли зашвыряло в лицо, и распахивать глаза было необя-

зательно. И снова задрожала хмурая жесь, раскатываясь во все края.

Да-а, мама реально нас убьет, если узнает, что мы еще и в грозу гуляли, испугался Женек. Сердце колотилось и так. Теперь и ноги стали подгибаться. Хотелось присесть, укрыться или припасть к земле. Он знал – в открытом поле в грозу по-настоящему опасно, на возвышенности – вообще не до шуток. Откуда узнал, вспомнить не мог. Да и не хотел.

Смотрел, как Оля с Катей едва не бежали. Бедная Оля! Откуда у нее столько сил? Столько смелости? Ему стало жаль ее и как-то виновато за себя – она старшая, она решает, она отвечает. А что тут сделаешь?..

Замерцали всполохи. Мурашки по коже уже не бегали – просто стояли и пускали дрожь под собой. Метров сто до конца подъема. Какой там «сухо» – все так же заливаает!

А что сделаешь? В деревню уже не вернешься, здесь нигде не укроешься, даже – на свой страх и риск – под деревом. Телепортация?.. Не существует. Тут уж пришлось Женьку смириться. Что сделаешь? Только вперед. Или, и в самом деле, животом, лицом в грязь и...

Гудок!

Сквозь ворчание грома пробился автомобильный гудок. А через пару секунд рядом затормозила машина. Та самая болезненно рыжая «восьмерка». Дождь барабанил по рыже-ржавой крыше, двигатель тихо урчал. Медленно опустилось переднее боковое стекло. Оно, как и, похоже, все стек-

ла, оказалось затонированным. Оля подошла к окошку. Катя встала чуть за спиной.

Новая вспышка мелькнула в заднем стекле, когда и Женек приблизился к машине. Искра отразилась какой-то блеклой, вялой и тут же пропала в черноте стекла. Прижимаясь к Кате, он пытался понять, что ему напоминает эта чернота. И отчего хотелось просто пройти мимо, а то и сбежать.

Раскаты грома заглушили голоса. Но и когда они стихли, Женя смог расслышать только сестрин голос. Попробовал заглянуть в салон, но обзор загораживала Оля, а еще больше мешала Катя, старавшаяся сделать то же самое. Наконец Оля выпрямилась, обернулась:

– Подвезет до деревни. Едем, – она вроде бы и не спрашивала, махнула рукой, как бы приглашая, но сама не спешила, мешкала.

– Боже, наконец-то! Поехали, – устало обрадовалась Катя. И они шагнули к задней дверце.

В этот краткий миг Женек успел заглянуть в салон – через сужающийся проем окошка. Но увидел лишь рыжий затылок и левую кисть на руле. Неестественно крупную и красную, а пальцев... Он хотел бы, чтоб ему лишь померещилось – конечно, а как еще, разумеется, просто показалось. И все же... Пальцев было шесть. Не понятно почему, он был так в этом уверен, хотя даже не заметил, что считал их – один, два, три... шесть.

Миг прошел, черное стекло поднялось полностью.

Оля открыла дверцу. Катя перед ней шаркала кроссовками по асфальту в ручье – чистила подошвы. И тут Женю ударило. Сверкнула молния, бахнул гром, и его потрянуло. Он вспомнил, осознал и едва не закричал.

Задняя дверца! На «восьмерке» нет задних дверей! Никакая это не «восьмерка». «Девятка»!

И что? Ну и что? Что? Почему ему так не по себе? Почему он пятится, а живот скрутило?

«Но в «девятку» не цель...» – прозвучало в голове и повторилось эхом. Всполохи побежали по небу, но в секунду потонули в черноте стекол. Катя забралась в салон. Исчезла в нем.

Грянул гром, как будто треснул мир. И Женя вышел из оцепенения.

Нельзя! Нет, в «девятку» нельзя!

Оля тоже очищала подошвы и передавала Кате сумку. Обернулась к Жене. Волосы ее теперь свисали мокрыми змейками, кремовый топ вымок полностью, и сквозь ткань просвечивал лифчик.

– Давай скорее. Обувь почисти только, – замахала она рукой.

Он слабо замотал головой:

– Нам нельзя туда садиться.

– Что?.. Почему? – Она перестала топтаться на асфальте.

– Водитель так предупредил, – ответил он, не двигаясь с места.

– Не говорил он такого. Не видишь – ждет. Давай шустрее. – Оля протянула руку.

Женя шагнул. Но не к ней, а в сторону. Потом еще шаг. Теперь он мог заглянуть внутрь. Катя сидела, придавленная сумкой, смотрела вверх, в крышу. А может, вообще глаза закрыла. Водитель словно слился с креслом, не оборачивался, ждал почти неподвижно.

– Не задерживай, Женя. Что с ума сходишь? – Оля сделала серьезное лицо и сурово уставилась.

– Нет. Не хочу. Нам нельзя! Пойдем дальше.

Посмотрел на нее с мольбой, а затем скосился обратно в салон. Водитель забарабанил по рулю. На его подголовнике с обратной стороны висела маска лисы. Совсем не для детского утренника.

Оля согнулась, заглянула в салон:

– Простите, пожалуйста, сейчас мы. Сейчас-сейчас. Извините.

– Да ничего, – бросил водитель.

И Женька заколебался, а не валяет ли он, в самом деле, дурака. Настолько мирным, приятным и добрым оказался этот голос.

– Женька, хватит тупить! Бесишь! – крикнула с сидения Катька.

Он шагнул к машине. Оля подошла и потянула.

– Протри кроссовки. Давай резче. Вот тут лужица.

Он стал неуверенно шаркать, опустив голову. С каждой

секундой росло жуткое чувство, что из нутра машины его изучает чужой, острый взгляд. Женек не поднимал головы, наблюдая, как грязь с подошв растворяется в луже. Шею сковало. Там, куда целили эти неведомые глаза, он ощущал мурашки. И все-таки знал, что все равно посмотрит. Как бы ни было страшно, посмотрит. И быстро вздернул голову – хотел поймать водителя, увидеть его лицо.

Но тот сидел все так же, взирая перед собой. Зато хищные, черные и в то же время пустые глаза лисьей маски всматривались. Не отрываясь и не моргая. Глубоко-глубоко, туда, откуда разливался холодом по телу страх. Женя и сам не знал, где эта червоточина. Но лиса нашла, довольная и голодная. Мотор вдруг зарычал по-звериному.

Буря вновь метнула искр. Оля дернулась. Стала его подталкивать.

– Оля, давай не будем. Я не хочу. Я... я, мне... страшно, – последнее он прошептал.

– Так, Женя! Хватит уже! Ты домой хочешь? Скоро ночь. Гроза, дождь. Всё, залезай давай! – чувствовалось, как она едва сдерживает раздражение.

Он снова отступил. Оля схватилась за голову.

Почему они мне не верят? Мы же семья... Женек не знал, что делать. Сесть в машину, а потом винить себя. Или... Но как ему убедить их? Как вырвать из черного-черного сундука?

– Давай дойдем, мы же...

– Нет! – оборвала его Оля. – Уже поздно, мы все мокрые! Я устала, а помощи от вас... Быстро залезай.

И он заплакал. Заревел в голос. Надул губы, опустил голову и заныл, как капризный молокосос. Это единственное, что он придумал. Оля толкнула его к двери. Он отмахнулся, вырвался, отбежал. Присел на корточки и продолжил ныть.

– Достал! – взорвалась Оля. И словно в ответ – проворчал гром.

– Катя, вылезай! – процедила она. И нагнулась за сумкой. Бухнула сумка. Топнула Катя, спрыгнув с сидения. Хлопнула дверца, замкнув тьму.

«Девятка» тронулась. А затем рванула, мерзко гогоча. У самой вершины склона приняла в себя осколки молний, метнувшихся к земле. И в их огне исчезла.

В один миг стих ветер. А затем по склону скатился запоздалый хрупкий гром. И вновь стало тихо. Только Женька подвывал.

– Ну ты и придурок, – буркнула Катя и добавила противно, – Трусишка.

Он поднялся, выпрямился. И смахнув влагу – то ли слезы, то ли дождь, скромно улыбнулся. Она толкнула Олю:

– Смотри – лыбится еще.

Они уставились на него, проклиная взглядом. И вдруг их лица посветлели, смягчились легким румянцем. Они отвели глаза, жмурясь. И все вокруг озарилось каким-то бронзовым светом, слабым, но согревающим.

Женек обернулся. И кожа почувствовала нежное тепло прощального солнца. Горизонт на западе очистился, и солнце посылало воздушные поцелуи, задержавшись у самой земли. А следом замолчал дождь. И незаметно уполз по склону вверх. Лишь его запах, вкусный и свежий, остался, повиснув в воздухе.

– Тащи сам теперь сумку, идиот, – вякнула Катя, но без прежней злости.

– И поташу, – отозвался Женя. Важно поправил рюкзак, дернув за ляжки.

– Вот и тащи, – она слабо пнула сумку и, отвернувшись, пошла по дороге.

– Сам знаю, – он направился к сумке.

Оля вытерла лицо платком и теперь, склонив голову, выжимала мокрые волосы.

– Погоди, Кать, – сказала она устало. – Давайте, надевайте кофты.

Катя вернулась, и они нагнулись к сумке. Женек скинул рюкзак и залез внутрь.

Покопавшись, вытянул кофту. Отлепил, поморщившись, мокрую футболку от кожи, встряхнул несколько раз. Потом собрал на груди и выжал. Потряс еще и, наконец, накинул кофту. Застегивая молнию, увидел, что сестры сумничали и поменяли футболки на сухие. Ну и кофты достали.

Он взялся за ручку сумки. Оля несколько секунд перебирала кистью по ляжке, примеривалась, чтобы ухватиться по-

удобнее, и, печально вздохнув, выпрямилась. Сумка подлетела, и они потопали.

Наверное, у нее уже мозоли там, подумал Женек и попытался взять на себя большую часть веса. Но подтягиваться и отжиматься он ленился, а гантели только катал по полу, поэтому уже через минуту, ну, может, полторы, оставил эту затею.

Солнце грело спину. От ходьбы и нагрузки разогрелось и тело. А кофта сохраняло тепло. Было приятно и уже не так тоскливо. Только джинсы оставались мокрыми и стягивали движения, да ноги в кроссовках страдали.

Ни ветер, ни дождь не ожидали несчастную тройцу в засаде за вершиной подъема. Дорога изгибалась широкой дугой, и по ее левую сторону выстроились в шеренгу высокие деревья. Где-то в их ветвях невидимые глазу беседовали птицы. Красиво и заливисто. Если не знать их языка. Женек знал. Не учил специально, просто знал с рождения. И эти вечерние пташки там, наверху, бранились. На погоду, особенно на гром и ветер.

Он вспомнил их любимую загадку. На какое дерево я сяду – говорит птица – во время дождя? Вспомнил и улыбнулся. Хитрые пернатые. Он слышал эту загадку и на птичьем, и на своем языке. А это значило, что не только он понимает их разговоры. Поболтать-то птицы любят. А вот петь... Из всего того, что люди называют пением птиц, наверное, лишь десятая доля и есть то самое пение. Все остальное – болтовня.

Женька хотел было задать сестрам эту загадку. Но не стал. Все это время они молчали. Конечно, злились на него. К тому же он не был уверен, что не загадывал уже им эту птичью мозголомку. За деревьями скрывалось кладбище. Вроде бы. Сейчас он не вглядывался, но в окошко автобуса, он помнил, синим, серым и черным в зелени мелькали кресты, оградки. На кладбищах Женя никогда не был, поэтому его суеверный детский страх соседствовал с детским же интересом.

Потом показалась таинственная цистерна. Огромная и серая, как подлодка, и с люком наверху. Стояла прямо между деревьев. И как она туда протиснулась? Откуда взялась, если должна бороздить темные глубины океана? А потому – что здесь забыла? Все эти вопросы неизменно оставались без ответов. И мама, и папа лишь посмеивались либо просто отмахивались, когда им было не до него. Видимо, потому, что это была самая обыкновенная цистерна – для них, а может, и для всех.

После цистерны они с Олей поменяли руки. Катька, чеканившая шаг впереди, однако часто оборачивалась. Но не для того, как скоро понял Женек, чтобы насладиться его измученным видом или поддержать сестру. Нет, просто у них за спинами великим подрагивающим костром алел закат. Такого в городе не увидишь.

В конце этого зеленого строя дорога расширялась, а затем уходила направо – до этого места всегда доезжал их автобус. Что-то вроде остановки. Они выходили, разминая затекшие

ноги, а затем еще минут сорок, а то и час, шли, довольные, легким шагом до деревни. Без этой пешей прогулки деревни и не существовало. В тот момент времени, когда они покидали автобус и топтались на остановке, она находилась так же далеко, все в том же нигде, как и когда они только садились в автобус в своем городке. Невозможно попасть в бабулин дом без такого вот ритуала. Паломничества к лазурным воротам.

Однако когда они наконец достигли начала этого пути – отнюдь не ровного и асфальтного, а пути из сваленных друг за другом бетонных плит, – судьба, похоже, решила сделать для них исключение. Пожалела юных и таких смиренных путников.

Едва они миновали третью по счету плиту, которая от размазанной по ней грязи казалась гигантской плиткой шоколада, как позади послышались тарахтение, лязг и скрип. Женек не удивился бы, если в следующую секунду грянул бы залп и земля рядом взлетела бы на воздух. А может, и они сами. Грохот приближался. Кряхтенье переходило в рычание. Они обернулись.

Конечно, никакой танк их не преследовал. Лучше. Гораздо лучше – их нагонял трактор. Он взобрался на плиты и, подрагивая на стыках и неровностях, тащил за собой повозку.

Ребята выстроились у края плиты. Женька не устоял – сумка перевесила – и все же слетел одной ногой в грязь. По-скальзываясь, с Катиной помощью поднялся. Мрачно-синий

в сумерках трактор сбавил прыть и, чуть не доезжая, замер. Дверца кабины раскрылась, и выглянул водитель. Высокий паренек в тряпичной кепке-берете и в комбинезоне поверх голого торса, на ногах сапоги. Он широко улыбнулся и покачал головой. Совсем как в старых черно-белых фильмах, что так любили родители.

– Куда вам? – крикнул он.

Женя указал рукой дальше по дороге, Катя повторила.

Тракторист ухмыльнулся:

– Так это ясно.

– В Нюргеци, – уточнила Оля. И тоже махнула рукой.

– Ну и мне туда, – кивнул парень. – Какая улица?

Путники переглянулись и пожали плечами.

– Кажется, не первая... ну, не та, которая сразу при въезде. А дальше... Следующая как раз. Наверно, вторая... Видимо, – попыталась объяснить Оля, а рука ее бегала по волосам.

– Первая, вторая. Нету таких... А дом какой? Чей?

– Перепелицыных, – ответила вразнобой тройца.

– Синий с белым?

– Ага. Да, – теперь они кивали и все так же невпопад.

– Айда, поехали, – мотнул он головой и залез обратно. Но тут же вылез: – Подброшу, но не на крылечко. Извиняйте, мне налево.

– Спасибо, – отозвалась Оля.

– Спасибо, – повторила Катя.

И вместе они уставились на Женька. Один взгляд говорил: «Ну, теперь-то можно?», второй – «Даже не думай...»

– Залезайте в прицеп... если... э-э... не боитесь. Да нет, там сено было, сейчас ничего.

Женя первым направился к трактору, сестры за ним.

– С навоза уж три дня прошло, – закончил парень чуть тише. И опустился на сиденье, но тут же подскочил и шустро спрыгнул на землю. – Как? Сможете? Наверно, это... Я, давайте, я помогу.

Он опустил борт прицепа. Подпрыгнул и залез на площадку. Высотой она была на уровне Женькиных глаз.

– Давайте сумку, ага. – Он перехватил сумку и поставил к борту. – Ну, кто? Пацан? Руки давай.

Парень присел, ухватился за запястья Женька и легко рывком поднял его – он взлетел, повис и поспешил закинуть ноги на прицеп. Затем тракторист его притянул, и вот он уже стоит наверху.

– А упрись ногой... Ага, вот так. Теперь руку. – Парень затащил Катю.

– Так... Держу-держу. – Это он помог Оле.

Затем спрыгнул обратно.

– Только это... присядьте. Ну, найдешь-те, где почище. И держитесь крепко. – И закрыл борт.

Искать идеальное место в сумеречном свете Оля не стала. Просто накидала к одному борту остатки сена. Туда они и опустились. Тут же ожил трактор, забухтела труба. И прицеп

мелко затрясло. Они поехали.

«А ведь действительно вышло приключение», – подумал Женя с приятной, но тихой радостью. И было интересно, тяжело и даже страшно. И совсем не скучно. Красиво и необычно. Может, чересчур громко. Но зато теперь было тихо. Нет, трактор звучно ревел и пыхтел, прицеп грохотал, подсакивая и покачиваясь. И все же было тихо. Спокойно и как-то по-родному.

Закат миновал свой пик и медленно стягивал с неба огненные краски. Они еще бегали по Женькиному лицу. И по усталым, задумчивым лицам Кати и Оли. Наверное, мы запомним их навсегда, мелькнула мысль, эти лучи, оттенки, обгаренные языки умирающего костра. Золоченные крылья феникса, которому миллиарды лет.

Женя уснул. И снилось ему что-то, но было слишком темно. Вроде угли, подхваченные вихрем. Или лава, выползающая из мглистых трещин. И земля дрожала, а небо было черное-черное, а звезды пропали. Когда землетрясения смолкло, он проснулся. Его пихала Катя. Оля стояла у опущенного борта и опускала сумку.

Слезла Оля, слезла Катя, затем и он плюхнулся кроссовками в грязь. И тут же вспомнил, хотя и не забывал, что в деревне заканчивались и плиты. Только земля и трава.

– Спасибо большое, – поблагодарила Оля.

– Спасибо. Спасибо, – промямлили Катя и Женя. Наверное, она тоже успела уснуть.

– Да ничего, – улыбнулся парень, подняв борт. – Ну, счастливо.

Чуть помялся, посмотрел вниз по улице. Потом добавил:

– Вам, значит, вверх. А я вот... я там, тут рядом тоже...

Мне налево. Я это... Артем Я.

– Ой! Да, точно, – спохватилась Оля. – Артем? Хорошо...

Ольга.

– Жен... – раскрыл было рот Женька, но Катя пихнула его в живот.

– Ну, будем знакомы, – парень махнул рукой, кивнул чуть и направился шустро в кабину.

Трактор снова затарахтел. А они почавкали по грязи в сторону дома.

Шли долго, но не далеко. Держались за руки, поскользывались, ругались. Перешагивали, перепрыгивали лужи или переходили по доскам. Вскрикивали, но не падали. И смеялись.

А когда показался заветный бело-голубой забор, когда свернули к знакомым лазурным воротам, когда стали счищать грязь с подошв о скобель, вдруг лязгнул засов и дверь в воротах распахнулась. И выбежали к ним Лариса и Таня. Налетели на Олю, стиснули в объятиях. А за дверью во дворе причитала и махала руками бабушка. И дядя Юра стоял, улыбаясь, на дорожке к дому. Из окошка выглядывал маленький Сашка.

Лариса и Таня, сестры из Комсомольска, потащили блуд-

ных родственников домой. Бабуля заспешила по дорожке, зазывая в дом и повторяя что-то про жаркое и пироги. Затолкала Юру и выбежавшего на крыльцо Сашу обратно. Под веселое сестричье разноголосие.

Женек, последний в этой процессии, закрыл дверь, повожившись с высокой для него ручкой засова, прошел по дорожке, поправив съехавшую от стараний лямку рюкзака, поднялся на ступеньку крыльца. И обернулся. На серой бетонной дорожке – следы. Они дошли. Они дома. Вместе.

И с кухни – через сени и по ступенькам крыльца – долетел дружный смех и тихий, но нарастающий, далекий, но понятный свист.

Наверное, будет чай. А значит, будет тепло и счастье.

Комната страха

Человек-пальто жил в чулане. Чулан запирался на крючок – тяжелый и тугой. Но если есть дверь, и дверь эта неизменно заперта, то рано или поздно... Дети выбрали «рано».

Спустя два дня именно эта крохотная комнатка оказалась самой интересной.

Бабушкин дом, деревянный и не то чтобы большой, уместился в один этаж и пять комнат. Сразу за крыльцом, огороженным перилами и укрытым навесом, тянулась продолговатым прямоугольником комната, которую называли сени.

Как и все незнакомые слова, это «прозвище» звучало для Женьки странно, и, как лучшие из незнакомых слов, оно звучало еще и забавно. Сени. Будто что-то среднее между саями и сеном. Тем прикольнее и страннее было то, что ни первое, ни второе в сенях не хранилось. А были там оранжевый пол с ковриком для обуви, сосисочные стены из бревен, диван и вешалка. Еще хлам в одном углу. На каждом бревне, посередке друг над другом, белели палочки, галочки и крестики. Они всегда казались загадочными письменами. И неожиданно было и даже немного обидно в один из последних приездов признать в них римские цифры. Между бревнами выпирало что-то волосатое и сухое. Женя понимал, что оно для сохранения тепла, но названия, опять-таки, не знал. И что-то ему подсказывало, что слово это будет не менее ве-

селым.

Через толстую, обитую тканью дверь в левой сосисочной стене и через ее высокий, широкий порог коротенькие ноги, а затем и все остальное Женькино, попадало в кухню. Состояла она из трех частей: кухня, где едят, кухня, где готовят, моют и моются, и, конечно, печка. Большая, белая и теплая печь. У окна – стол и стулья, у стены рядом – диван, над диваном – часы и картина. «Запорожцы пишут письмо». Это название Женек уже знал. Оно также казалось забавным, а картину он любил. Очень уж интересная и заразительная смехом. Часы нравились тоже. С прикольными висючками – гирьками на цепочках, строгим и до занудства точным маятником и кукушкой – затворницей.

Еще мелким Женя как-то спросил бабушку:

– Может, птичка умерла? – и, кажется, даже слезы были.

– Нет, конечно. Нет. Часики-то идут. Она просто стесняется. Вот вы уезжаете, а она потом про вас целый день спрашивает. Живая, не бойсь, – бабуля хихикнула. И вручила пряник. Или пирожок, точно Женечка не запомнил.

На границе с широким залом часовым ходила туда-сюда его любимая дверь. А любил он в ней, во-первых, все тот же лазурный с белым цвет, что и у ворот, забора и самого дома, а во-вторых, квадратное окошко в верхней половине. Через его старинное тусклое стекло все выглядело как во сне: размыто, невесомо и загадочно. И если смотришь в него слишком долго, то, отходя, невольно потираешь глаза. С другой

стороны, в это окошко крайне весело было корчить рожи. Правда, Женьку приходилось тянуться на носочках.

Обширное пространство за границей ужасно не справедливо делили между собой зал и три спальни. И если первый, вмещающая в себе диван, два кресла, шкаф-бюро, стол, пухлый телевизор и ящик с Сашкиными игрушками, оставался просторным, то в отсеченных от него тоненькими перегородками спальнях было тесно только от самих кроватей. Прижимаясь к одной стене, они оставляли узенький проход – двое разойтись в нем могли только боком. В первой комнате спал Саша, во второй – Юра и Лиза, его папа и мама, в третьей, отгороженной от последней бельевым шкафом, – бабуля Мария.

То же касалось и света. Отхватив себе четыре окна на две стены, солнечный и обласканный ветрами зал отдал спальням одно окошко на троих. И были они, тесные и тусклые, хоть и скучные, но идеальные для игры в прятки.

А до прятков дети опустились очень быстро. В первый же день после приезда Женька и Катька без церемоний влезли в Сашкин ящик. Братишка, правда, был тут же – вроде как негласное разрешение для столь варварского налета. Удивительно, но, будучи единственным ребенком в семье, он и не думал скандалить – мол, эта машинка моя, и этот бегемотик, и это, и это, и пятое-десятое. Наоборот, чувствовалось, что ему хотелось поиграть вместе с ними, но им было интереснее играть друг с другом. Может, просто привычнее.

– Саша, здесь наша улица, понял! Ты не умеешь, как правильно ехать! Давай ты вот тут езди, на своей улице! – деловито ворчали погодки, запуская в двустороннее движение его же машинки. Спортивные легковушки, грузовики, машины милиции и «скорой помощи», автобус, трактор и даже паровозик. Большинство – далеко не новые, но, на удивление, целые, без недостающих колес.

Сашок сидел рядом, и тачки его, действительно, гоняли молниеносно и беспорядочно, к его жуткому удовольствию. Он поглядывал, как притормаживал транспорт на соседней улице, и Женя, Катя топали по пешеходному переходу фигурками солдат, зверей и роботов. Он увлекался – и вот уже его гоночная тачка вылетала на этот переход. Авария, хаос, крики.

– Саша! Мы же сказали – это наша дорога! Зачем ломаешь?

– Я тоже хочу... По дороге, – просился Саша, улыбаясь по-простецки.

И чесал живот под майкой. У него была какая-то аллергия. Он неизменно расчесывал сыпь на коже, особенно когда потел, и временами, посвистывая, тяжело дышал, когда вдыхал пыль или набегался. У всего этого, конечно, имелось научное название, но Катя, Женя звали это просто «чесотка».

Когда же игрушки вернулись в ящик, когда были просмотрены полчаса дневных мультфильмов – с рябью и блеклыми цветами на экране, дети вспомнили про прятки. Во дворе и

на улице по-прежнему лежала грязь, и кратко накрапывал дождик, поэтому из дому их не пустили. Хотя Оля с Ларисой и Таней сами сбежали погулять. В галошах и капюшонах.

Спустя пару часов все углы и закутки в ходе повторяющихся поисков оказались промаркированы. Под кроватью Саши – место №1. Угол за диваном – место №2. За креслами – №3. Под столом, за печкой – № 4 и 5. И так до двенадцати. И по-настоящему тайных, секретных укрытий почти не оставалось. Для Жени и Кати – точно. Для Сашки же, похоже, поиски всякий раз представлялись увлекательными и непредсказуемыми. А может, он просто был счастлив, что его наконец взяли в игру.

В любом случае на исходе полутора часов Женька и Катя прятались вместе или совсем рядом, так они могли дружно посмеяться над блужданиями несмышленного братишки из комнаты в комнату. Наверно, это было некрасиво. Но, веселясь, Женек вовсе не думал о Саше что-то плохое и подлое. Братик ему нравился, просто он был маленький и забавный. Через пять минут поисков он слишком серьезно начал вопрошать у стен:

– Ау! Где вы?

В ответ тишина. Он шел в другую комнату, и оттуда вновь доносилось:

– Вы тут? Ау! Где вы?

А Женя и Катя выглядывали исподтишка и давились смехом от его растерянного вида: выпученные глаза, раскрытый

рот, рука, почесывающая голову, голова, вращающаяся туда-сюда, и неуверенные шаги. Он даже не заглядывал никуда особо, просто ходил и взывал к тишине:

– Вы где?.. Где вы тут? Ау!

И так он мог очень долго – не переходил на плач или попросту забывал. Нет, все так же серьезно – «Ау! Вы где? Вы здесь?» – из двери в дверь. Наверное, он и на улицу вышел бы, настойчиво и с неподдельным интересом спрашивая все то же, пока не получил бы ответ. Поэтому через какое-то время Женя и Катя нарочно гремели или переставали жаться по углам, и он наконец находил их. Довольный, гордый и вспотевший.

На следующий день Саша просил играть в прятки с самого утра.

Но после первых туров погодки сошлись, что все это уже не так весело. И глупенький братик не такой смешной, да и искал он вдруг теперь лучше, и укрытия все те же, раскрытые и перераскрытые. Тогда им и явился чулан.

– Ты раньше видел здесь дверь? – спросила тихо Катя, когда они осматривали сени, где бы спрятаться. От скуки они добавили и эту комнату в зону игр.

Женек обернулся к стене напротив входной двери. Там, практически по центру, действительно имелся небольшой прямоугольник.

– Вроде видел, а вроде и не помню, – пожал он плечами.

Дверца была идеально врезана в стену – того же оранже-

вого цвета, и доски ее точно совпадали с досками стены. И даже крючок и петелька маскировались оранжевым.

Из-за двери кухни послышалось приглушенное:

– Где вы тут? Ау...

Погодки, не стовариваясь, подбежали к загадочной дверце. Катя взялась за крючок. Обхватила всеми пальцами – такой мощный он был. И вылезать не хотел. Женя подумал притянуть дверцу, чтобы крючок подался, но у дверцы и ручки не было. Вместо этого он надавил на крючок снизу. Простонав, тот наконец выскочил из петли.

Будто бы мякнув, дверца отъехала внутрь. И край ее немедленно исчез. В чулане пряталась темнота. Прямо-таки застыла – точно нет ее там. Женя и Катя переглянулись.

– Посмотри, там есть выключатель? – подтолкнула сестра.

– Ты имеешь в виду выключатель? – прошептал Женек.

– Без разницы. Ну... – она выжидающе посмотрела на него.

Он заглянул внутрь. Свет из сеней в чулане быстро терялся. Лампочку на потолке Женька не видел, как не видел и самого потолка. Чуть перегнулся через высокий и тонкий порог и наугад протянул руку к стене – туда, где ожидал найти выключатель.

Пальцы уткнулись в дерево, сухое и холодное. На ощупь повел руку выше. К подушечкам пальцев что-то пристало, такое же сухое. Вдруг кольнуло – в безымянный палец. Или ужалило.

Женя отдернул руку. В тот же миг Катя, пихнув в спину, затолкала его внутрь и сама шагнула следом. Сашин голос звучал совсем рядом. Сестра прикрыла дверцу. И в этот самый момент распахнулась дверь на кухню. Потом они услышали, как Сашка спрыгнул с ее высокого порога.

– Вы здесь? Где вы? – послышалось за стенкой.

Катя рядом тихо рассмеялась. А Женек удивился – он ее не видел, хоть и прижимался к ней боком. Сестра чуть открыла дверцу, и они припали к щели. Саша стоял посреди сеней все с той же растерянностью на лице.

– Давай напугаем, – прошептала Катька.

Женя пожал плечами, забыв, что она все равно не увидит. Он как-то не думал: почему бы не напугать братишку, – ему и самому было не по себе. Пропало ощущение, что вот Сашка, он маленький, а он, Женя, старше и больше. Сейчас он чувствовал себя таким же крохотным. И вроде должно было быть тесно в чуланчике, но отчего казалось, что нет никаких стен там, за спиной, и нет потолка над головой. А есть безграничное пространство, наполненное темным и невидимым глазу. Будто не из чулана они смотрят, а заглядывают в дом снаружи, с улицы в безлунную ночь.

– Са-а-аш-а-а... У-у-у... Са-а-аш-а-а... – завывла Катя не своим голосом.

Сашка замер и прислушался.

– Са-а-аш-а-а... – повторила сестренка.

– Кто это? Это вы тут? – спросил братик своим серьезным

голосом, подделкой под взрослого.

– Я вижу тебя, Са-а-аш-а-а...

Он обернулся к чулану. Невероятно спокойно. С подозрением уставился.

Дверца резко распахнулась.

– Вот мы! – воскликнула Катя, вытянувшись в проеме.

Сашка подскочил. И кажется, от неожиданности. И вовсе не от испуга.

И Катька зачем-то добавила:

– Бу-га-га!

Он лишь улыбнулся:

– Хорошо спрятались.

А потом улыбка его исчезла. Взгляд быстро скользнул куда-то вверх или... Он смотрел так же, в их сторону, но не на них, а в чулан. Туда, в темноту за их спинами. Прищурился, нахмурился.

У Женька сковало шею, и зашевелились волосы на затылке. Нечто подкралось вплотную. И ждет.

– А кто это там с вами? – вот теперь Сашин голос звучал испуганно.

Вмиг вернулись стены. Стало тесно, жарко и душно. Спина одеревенела. Или кто-то навалился сзади.

Катька рванула и выпрыгнула в сени.

Женя потянулся за ней. Ужасно медленно. Крик замер в горле. словно нечто уже сжало шею. И вот сейчас утащит в тень.

Он занес ногу над порогом. Футболка на спине натянута.

Поймали! Сцапали!

Дернулся прочь. Ворот врезался в шею. Не вырваться!

Женька одним движением, которое вряд ли бы когда повторил, скинул футболку. И метнулся в сени. Споткнулся. Рухнул на пол. Но уже в сенях. Уже в сенях, где светло и есть куда бежать. Он закрыл рот. Оказывается, он все-таки кричал.

Шустро отполз подальше. И только после вскочил на ноги. Опасливо обернулся.

Футболки видно не было. Темно. Настолько, что там мог притаиться кто угодно.

Часто дыша, Женек смотрел в черноту. Кто угодно, что угодно... Разве что-то хорошее вообще может прятаться во тьме?

Катя косилась на брата, губы ее, казалось, вот-вот растянутся в улыбке. Саша внизу мотал головой – то на него, то на нее.

А затем внезапную тишину разрезало протяжное скрипучее «м-м-яа-ах-х-уу». Дверца чулана вынырнула из тени и закрылась. Не до конца. Осталась щель в три пальца. Словно хищно сузился глаз при виде добычи.

– Что это вы тут встали, а?

В сени с улицы зашла тетя Лиза. В желтом сарафане и белой косынке. Все трое подпрыгнули на месте. Но Сашка

тут же обрадовался и подбежал к маме:

– Играем в прятки! Я их нашел.

Она улыбнулась ему, почесывающему бока. Ее взгляд скользнул с погодок на замершую дверцу.

– В чулан не залезайте, ладно. А то Саша с вами. Ему нельзя – там пыльно. Задышаться будет, – попросила тетя Лиза добродушно, но так, что легко было догадаться – повторять это снова она не собирается. – И не слишком бегайте, хорошо. Он потеет и чешется.

Женя и Катя привычно закивали. Сашка на последнем слове быстро убрал руки за спину. Тетушка подошла к дверце чулана и накинула крючок. Шагнула в кухню, но тут же высунулась и странно посмотрела на Женьку.

– Ты почему голый?

– Так это... жарко просто, – придумал он. А чего бы, собственно, и нет. Жар с лица еще не спал, и сердце так же колотилось.

Тетя Лиза усмехнулась и скрылась в двери. Затем с кухни донеслось:

– Идите давайте. Обедать будем.

После обеда Женя достал из рюкзака новую футболку. Катька с веселым непониманием спросила, зачем он вообще снял футболку в чулане.

– Ты что, не видела? Меня за нее... ну, это... Зацепилась, в общем, она, – договорил он, просунув голову в большую дырку для головы и руки – в маленькие для рук.

– Зацепилась? За что? – Катька чуть нахмурилась и скосила взгляд, словно вернулась в памяти к тому моменту.

– Не знаю, видела же – темно было.

– А что просто не отцепилась? Взял и футболку выбросил, – сестренка хохотнула.

– Так это... там же, Сашка же... – Катина улыбка стала еще шире, и Женек разозлился. – Вообще, думал, ты мне поможешь, гляжу – а ты уже вылетела за порог как ненормальная. Что, Крюгера увидела?

– Я просто Саше подыграла, и все.

– Ага, вон сходи в комнату, там на полке тебя Оскар дожидается.

Они посмеялись вместе чуть, потом он спросил:

– По-твоему, он придумал?

Она пожала плечами:

– Или показалось.

Через несколько минут вернулся Саша – он под присмотром мамы дышал через какую-то пухлую трубку, с другого конца которой был ингалятор. И теперь он и сам был каким-то воздушным.

– Слушай, Санек – проказник, ты ведь там выдумал, да? Что в чулане кто-то был? – поймал его Женек для серьезного разговора.

– Зачем? – не понял он.

– Не знаю, чтобы нас напугать.

Братик улыбнулся, как будто ему вдруг понравилась идея.

– Ну он же нестрашный, – сказал он просто.

У Жени вновь перехватило дыхание. Он стрельнул взглядом на Катю. По ее лицу вообще сложно было что-то понять.

– Кто? – осторожно выдавил Женя.

– Просто дядя. Высокий, как папа, – Саша задрал голову так, как обычно смотрел на дядю Юру.

– А как ты его рассмотрел? Там же темно, – наконец отозвалась Катя.

Братик пожал плечами:

– Он просто стоял. Я его всего и не видел.

– С чего ж ты тогда решил, что он нестрашный? – Женьку почему-то захотелось засмеяться.

– Ну, он же просто дядя. Не чудовище какое-то. Не медведь или ти-ри-но-завр там, – удивился Сашка вопросу. – Обычный дядька. Высокий, в пальто. Даже не Витька-пьяница.

Последнего Женя помнил с прошлого лета – драчун и дебошир. Но тут же о нем позабыл:

– В пальто?

После неожиданной тирады теперь Саша лишь кивнул.

– Ясно, – спокойно протянул Женя. Расслабился, и улыбка родилась сама.

«Вот он и прокололся, – подумал он. – В пальто – как же! Ничего не разглядел, а пальто увидел. Ну фантазер!»

А потом они смотрели футбол.

Матч Чемпионата Мира между командами Португалии и

Польши. Четвертый год Женек болел за кроваво-зеленых, в особенности за своего любимого игрока – Луиша Фигу. Тот красиво и умело обводил, отдавал точные передачи и, разумеется, забивал. Поставь его на ворота – наверное, и пенальти бы отбил. Игра получилась потрясающая, зрелищная. Женя с Сашей смаковали каждый опасный момент. Ну, смаковал, конечно, Женька, а Саше показывал, как надо.

Катя сбежала на кухню – вернулись сестры – Оля, Лариса, Таня. И теперь за готовкой ужина они там сплетничали и похихикивали.

Тем временем Фигу выдал два голевых паса и раз угодил в штангу. Очень обидно. Его гол – единственное, чего не хватало для полного ликования. Потому что португальцы выиграли со счетом 4:0. Но и поляки весь матч не сдавались, отчего игра была действительно интересной.

И представляя, как когда-нибудь и он сделает хет-трик, ну или хотя бы отдаст две голевые передачи в важном матче – и совсем не во дворе, Женек практически забыл и о чулане, и о каком-то дядя, и о футболке. Но путаясь на кухне под ногами у бабушки, вдруг решил спросить у нее:

– Бабуль, а что у вас в чулане?

Она вручила ему миску с пирожками, чтобы он отнес на стол, и загадочно улыбнулась:

– Прошное.

Женя проглотил это, подержал на языке, сходил к столу, оставил пирожки. А вернувшись, спросил снова:

– В смысле, бабуль? Я уже взрослый для сказок.

Тут он немного соврал: сказки он не любил читать, но не придумывать.

– Вот оно как? – Она доверила ему небольшую стопку тарелок. – Для взрослых... и скучных мальчишек – там наши старые вещи. Одежда, мебель и прочее добро. А теперь иди, расставь тарелки, – и добавила с хитрецей, – Скатерти-самобранки больше не существует.

«Всего-то, старье и хлам», – думал Женька, орудуя тарелками. Однако странно, но слова ее отозвались какой-то тревогой, которую он не хотел замечать. Но когда с большой кастрюлей в руках к столу подошла и сама бабушка, все же озвучил не желавшую сдаваться мысль:

– То есть, бабуль, там, в чулане, и пальто есть?

– Наверняка есть. И пальто, и полушубок, валенки. Куда ж без этого в деревне?

И по новой расставив тарелки, после паузы обронила:

– Так ты слазь в чулан – может, и себе что найдешь.

Ночевал Женек в Сашиной спальне. В одной кровати с ним. И собираясь спать в этот раз, впервые не завидовал Ларисе и Тане – они спали на широком диване в сенях. То есть всего в нескольких шагах от чулана. Правда, по-прежнему с завистью глядел, как укладываются спать Оля и Катя – на не менее широкий диван в зале. И дело было даже не в тесноте одноместной кровати. Сашина сыпь. Женя, может, и понимал, что все эти красные пятнышки, точки и корочки не за-

разны, но заставить себя не противиться не мог. Так же было и с комочками в кефире и простокваше или с пленкой в какао и молоке. Вот просто неприятно, даже мерзко. Пьешь жидкость, гладкую, однородную, и вдруг – гадость какая-то проскальзывает. В такие моменты он едва не вырывал.

Саша во сне ворочался, чесался. И как бы Женька не отодвигался на край кровати, как бы не впихивал между ними покрывало, его чувствительная, как оказалось, кожа в какой-то момент ощущала ту самую «чесотку» – пупырчатую, чешуйчатую и царапающую. И чесаться начинал уже он сам, то тут, то там. Спать в пижаме было невыносимо жарко. А если он ложился поверх покрывала, то среди ночи просыпался от необъяснимого холода. Женя печалился, что не может спать на диване или хотя бы на полу. Но не капризничал. Во всяком случае, старался. В конце концов, братишка же не виноват.

Женек побаивался, что, может, этой ночью и не уснет вообще. Он любил представлять многое и не только перед сном. А потому не умел с этим бороться. Не научился еще. Но вот некто в пальто и черный чулан у него почему-то никак не сочетались. Кто он? Зачем он там? Страшное изуродованное лицо или клыки, как у вампира, не рождались в воображении, как и, к примеру, волосатые когтистые лапы оборотня или поблескивающий рыбацкий крюк в руке. Лишь темная фигура. Едва различимый контур.

Призрак? Бестелесное существо... Но за футболки хвата-

ет.

И крючок на двери его не остановит!

Он мигом закрыл глаза. Зачем, зачем он об этом думает? Отодвинулся от края кровати – и плевать на чесотку. Сжался на боку, подтянув коленки к животу, и укрылся до самых ушей. Судорожно стал перебирать мысли – о доме, что далеко, о маме, которая должна скоро приехать, о коте и папе, которые останутся одни, о школе и школьных переменах, о Зидане, подсказавшем про автобус, о грозе и «девятке», о прицепе трактора.

Наконец, вспомнил про футбол, зеленое поле и мяч. И, конечно, мяч оказался у него в ногах, а он на поле. И уже без какого-либо страха, но с азартом и щемящей в груди мечтой он бежал по флангу. Быстрыми, почти подсознательными движениями ног, резкими поворотам, разворотами, ускорением обыгрывал одного игрока за другим. И не понял даже, что это уже сон. Потому что верил, что это правда – не настоящего, но, непременно, будущего.

Проснулся только утром от того, что Саша перебирался через него. В деревне вставали рано – без этого никуда. И Женя вроде знал почему. Знал, но забыл. Он остался еще поваляться в постели. Один, свободно, нескованно. Дрейфовал где-то на границе сна и только нырял, как крючком на поверхность вытягивал голосистый петух. И было это такое приятное ощущение. Истинно деревенская мелодия. И если бы Женька спросили вдруг, чем отличаются деревня и город,

наверное, он бы назвал первым именно это утреннее пробуждение. Вот откликнулись по очереди и соседские петухи. Красиво же.

Несмотря на то, что хозяйева и гости, старшие и младшие, девочки и мальчики, в конце концов, – все вылезали из кроватей в разное время, войдя на кухню, Женя увидел за столом всех сестер и Сашку. Лариса и Таня больше походили на него и Катю, чем на Катю и Олю. В том плане, что, кажется, и у них разница в возрасте тоже была небольшая. Он не знал, много ли у сестер общего, но для него они всегда были разными. Лариса – миниатюрная, круглолицая, светловолосая и задорная. Таня – высокая, стройная, большелобая, с темными, длинными волосами и красивой улыбкой.

За завтраком над столом переливался, как компот в графине – от стенки к стенке, дружный разговор. Катя, хлебая суп, пожаловалась, что всю ночь ей было жарко под одеялом. Лариса ей ответила, что в сенях вот вообще в самый раз – прохладно, приятно. И закинула в рот помидорку.

Таня тут же поделилась:

– Только вот с нами спала непонятно откуда взявшаяся кошка, теперь вот боимся – лишь бы вшей не подхватили.

И они с Ларисой рассмеялись. А Женек вспомнил, а может, даже придумал только сейчас: ямочки на щеках – вот, что делало их железно родными. Ямочки – близняшки и одни смех на двоих.

У Саши над столом торчала одна лишь голова, и внимание

ее было приковано кусочками ватрушки. Катя предложила меняться диванами:

– Ну а что? Можно же через день.

Сестры вновь рассмеялись, только Оля буркнула ей:

– С ума не сходи, – и стала собирать пустые тарелки.

Потом они поговорили, что надо бы в коллективном саду собрать яблоки и, может, потом помочь бабушке и дяде Юре с прополкой картошки. На этом месте Катька повернулась к Жене, спросила – собирается ли он забирать футболку, которую оставил в чулане. Он лишь пожал плечами. «Наверное, надо», – подумал и удивился, что без тревоги и неохоты.

Наконец, сестры вновь принялись обсуждать, что после всех этих дел можно и погулять сходить. Забегали улыбки и зазвучали имена, о которых Женька не имел представления – ну, если только «Артем». Катя тут же оставила его расспрос, встряла в их разговор и так и увязалась с ними.

Девчонки ушли. Но и мальчики не стали сидеть дома. Дождь перестал еще вчера после обеда, и под горячим солнцем земля просохла, за исключением некоторых крупных луж. Женька и Саша нацепили кепки и оба в шортах слетели с крыльца во двор. Большой и немного Г-образный. Из бетона была только дорожка от дома к воротам, остальная территория – вытоптанная земля да редкая трава. Напротив дома чернела банька, между их торцами, выходящими на улицу – ворота. Напротив ворот, замыкая двор, возвышались хозяйственные постройки: амбар, курятник, хлев для коров и сви-

ней, сеновал и сарай под инструменты.

Чуть поболтались по двору. Попрыгали через лужи, поглазели в темноту колодца и поигрались с эхом.

– Эй! – бросал вниз Женя.

– Там глубоко... – выпучивая глаза, шептал Сашка.

Затем, гогоча, погоняли кур. И очень скоро уже с криками убегали от петуха. На бегу было совсем не весело, но за воротами хлева похихикали. Это помещение построили сквозным, и через вторые ворота они вышли к полю, засаженному овощами. Но только картошка слегка волнистыми рядами тянулась на всю длину. Край поля был удивительно далеко. Больше стометровки на стадионе в школе, знал Женек.

Они постояли, поглазели на согнутые пополам фигурки бабушки и дяди Юры где-то там, у финишной черты.

– Там дальше лес. Большой и темный, – вытянул Саша руку, указывая за край поля, где в ряд стояли высокие деревья. – Там живет йети.

– Класс. Мы же сходим туда? – обрадовался Женя. Не будет йети – всегда можно «отыскать» его следы.

Сашка напрягся:

– А если он злой?

– Возьмем расческу, почешем ему за ухом, и он подобрет.

– Да?

– Я бы подобрел.

Братик, прикинув, довольно закивал.

Потом сходили по очереди в туалет, что попахивал рядом.

И решили идти на улицу. С тревогой осторожно пробрались во двор. Но петух, похоже, о них позабыл. Они пересекли двор, вновь пролетев над лужей. И, лязгнув засовом двери, выскочили на улицу.

Сашка привел к песочнице, которой оказалась золотистая горка высотой ему почти до макушки. С одной стороны песок успел подсохнуть у поверхности, с другой оставался влажным. Они принялись строить и лепить. Замки, крепостные стены, извилистые дороги. И рыть пещеры, рвы.

Скоро к ним присоединились соседские мальчишки. Друзья Сашкины или не друзья, не были – так станут, подумалось Жене. На самом деле, он уже заскучал. Да и в голове засела подзадоривающая мыслишка – он должен вернуть себе футболку. Действительно, ведь это несерьезно – оставить ее там, практически выбросить просто потому, что... там темно?

И когда ребята вчетвером сгрудились на одном склоне горки, увлеченно пытаясь объединить крепости в одно королевство, Женек покинул их.

– Я это... схожу, в общем, ну... в туалет. И, наверно, знаешь, захвачу машинки, чтобы можно было погонять по нашим дорожкам, – отпросился он.

Саша поднялся с корточек и растерянно уставился на него. Но быстро кивнул. Хотел было присесть, но все-таки подошел. Поманил пальцем. Женя чуть пригнулся, и братик сказал на ушко:

– Возьми старые. Красную с открывающимися дверками и милицию не бери.

Женек улыбнулся, кивнул и направился к дому.

Он очень уверенно вскочил на крыльцо, очень уверенно скинул кроссовки и наигранно уверенно пересек сени. Но у самой двери чулана свернул в кухню – мол, проверить, что никого нет. Оглядел пустую кухню, зачем-то проверил и под столом, и за печкой. Как будто взрослые станут там прятаться? Рассердившись на себя за глупое желание потянуть время, сжал кулаки, обернулся к сеним. И пускай сердце бьется, отмахнулся он и устремился обратно. На широком пороге кухни, правда, замер.

Фонарик бы, подумал он, забыл у Сашка спросить. Шагнул назад в кухню. И пошел вдоль стен, полки и ящичков, без особой надежды выискивая фонарик или что-либо подходящее. А сам размышлял: «Да что там, я же помню, где примерно ее снял, лежит, наверное, там же. Зайти, присесть, нащупать и всё...»

Ни фонаря, ни какой-никакой керосиновой лампы, как в увиденном недавно фильме «Другие», не нашел. Зато, подставив стул, достал с полки толстую свечу, а спички заметил еще раньше. С зажженной свечой, подрагивающей в руке, отрывисто дыша, Женек подошел к дверце чулана.

И растерялся. Как он откинёт крючок одной рукой? Простый раз они вообще вдвоем открывали!

Он заметался. Переложил свечу зачем-то в другую руку,

тут же вернул обратно. Замотал головой – где бы пока оставить свечу. Маленькое затруднение – а казалось, все пошло крахом. Замешательство раздулось внутри уже до паники. И чтобы хоть как-то унять дрожь в руках, Женек вцепился-таки в крючок. Рванул вверх. И тот вдруг легко выскочил из петли.

Женя, не отпуская его, отдышался. Мысленно приказал рукам не трястись и попытался рассмеяться над этой глупой заминкой. Ни первое, ни второе не получилось, но все же он чуть успокоился. И толкнул дверцу.

Он, похоже, успел забыть, как она скрипит. Поэтому, чуть сжавшись, обернулся – не та ли это кошка, о которой говорила Таня. Но в сенях казалось пусто.

Зато в чулане что-то мелькнуло. Будто бы. Краем глаза он уловил это. Сердце подскочило, кувыркнулось. Но, удивительно, он не отпрянул, а выставил вперед свечу. Она дрожала, словно насмехаясь. Женек, затаив дыхание, осторожно перешагнул через высокий порог. Тут же в блеклом свете показалась стена. В каком-то метре. Значит, тут все-таки есть стены, сглотнул Женька, поднял свечу выше – и потолок тоже. Никакой лампочки, действительно, там не существовало.

Он поводит еще свечой. Стена была увешана одеждой, внизу заставлена коробками и стульями поверх них. Справа, у дальней стенки, стояли, кажется, сундуки, укрытые, похоже, перинами, матрацами. Слева, в углу, были свалены то ли лопаты, то ли вилы – он разглядел лишь черенки. Чулан

как чулан, а посветишь – и не так темно, прошептал в голове Женек. Чтобы не спугнуть уже поселившееся в нем спокойствие.

Одна только расческа граблей выглядывала из тьмы – черенок покосился, и зубья вонзались в пустое пространство у центра комнатки. «Уж не за них ли я зацепился?» – догадался Женек. И даже, кажется, облегченно улыбнулся. Посветил на пол. И в самом деле, тут же лежала его оранжевая футболка. Воротник растянут, прямо под ним – дыра.

Свечной воск скользнул на пальцы. И Женька чуть не отшвырнул свечу. Махнул рукой, и пламя погасло. Стало темно. Светлел лишь прямоугольник двери. Еще секунду назад он был в шаге. Теперь казалось – в нескольких метрах. И свет из сеней так и стоял в этом прямоугольнике, не проникая внутрь.

Женек вновь потерялся. Хотел было достать из кармана коробок спичек. Тут же сообразил – одной рукой спичку не зажжет. А свечу отпускать... Хотя зачем?! Футболка же тут. Он опустил руку к полу. Слишком медленно, или это пол уходит вниз?

Только подумал, что стоило все же зажечь свечу, как рука нащупала ткань. Он схватил ее. Выпрямился и кинулся к двери, необъяснимо далекой. Но уже на втором шаге светлый прямоугольник резко налетел на него. И оказался прямо перед ним – только шагнуть за порог. Он потянулся рукой, ухватился за край дверцы, не выпуская свечи. И рванул

дверь.

– Черный Мяук взял след, – прозвучало за спиной, когда он уже занес ногу.

Женя завопил что есть мочи, уже не притворяясь, что смел. Кинулся в сени. Но порог вновь отлетел на метры. А его самого словно засасывало в жадное и беспросветное нутро. «Не смотри назад! Не смотри назад!» – звенело в голове. И эхом отдавало в сердце. И все это мгновение, растянувшееся так, что казалось и не сдвинется больше, он перешагивал через порог.

Кто-то потянулся к плечу. Он не видел. Ощущал. И не выдержал – швырнул в темноту за спиной свечу. Отпустил дверь, и его отшатнуло или притянуло назад. А в следующий миг дверца захлопнулась. И он ослеп.

И оглох. Вроде кричал. И, кажется, плакал. Но было тихо. Он припал к дверце, судорожно забегал по ней пальцами. Ручки не находил. Пальчики нырнули в щель по краю двери, уперлись, но отворить ее не удавалось.

Он будто тонул. Пол под ногами размяк и затягивал. Или просто подкосились ноги. Что-то давило, голова горела. Пальцы заныли от напряжения. Еще одно усилие – и сломаются. Тихо, беззвучно. Потому что по-прежнему было невыносимо тихо. Не хватало воздуха. Точно он стал ужасно плотным. А может, это он сам не успевал вдыхать, не смолкая.

Ужасно тяжелая стрелка отсекала еще мгновение. Дверь не

открывалась, и он принялся в нее колотить. У себя в воображении. Потому что едва взмахнул кулаком, как тишина дрогнула:

– Не надо.

Женек замер, но тут же замахнулся вновь.

– Не надо, прошу. Это точно разбудит его, – спокойствие загадочного голоса словно передалось ему.

Он опустил руку и наконец вдохнул так, что заметил это. Потом снова глубоко.

Внезапно за спиной задрожал огонек. Женя увидел дверь, свою тень и футболку в руке. И неуверенно обернулся.

Зажженная свеча зависла в воздухе. Окруженная облезлым шерстяным воротником пальто. Она горела там, где должно быть лицо. Огонек освещал бурое пальто до пояса и его рукава. Но все вокруг – стена позади, потолок, вещи рядом – их не было.

– Вы... с-сущ-ществуете? – промычал Женек гнусаво из-за потекшего носа. И тихо шмыгнул. Сердце колотилось маленьким молоточком в груди. Но теперь он хотя бы его слышал.

– Мы? Я здесь один. А явится кто-то – я тебе не помощник, – когда он говорил, пламя подрагивало.

– Зачем Вы меня заперли? Я... я же ничего... я просто...

– Ты.

– Я?

– Зови меня «ты» или... «Человек-пальто», – последнее

голос прошептал. Пальто оставалось неподвижным, повисшее в черноте пространства.

– Вы наст... – Женька осекся, а огонек будто бы полыхнул. – Ой, простите...

– Настоящий? – Человек-пальто хмыкнул. – Кто знает. Могу только сказать, что ты не спишь.

– А почему... ты – пальто? – спросил неожиданно для себя Женя, а ведь хотел просить, чтобы его выпустили. – Ты – призрак?

– Я не пальто, а Человек-пальто, – на этот раз он не шептал, а говорил с неким вызовом. – Ты – Человек-человек, а я – Человек-пальто... Призрак?.. – Впервые пальто ожило: рукава согнулись и приподнялись к свече. Будто он хотел взглянуть на руки. – Ну, может быть...

Рукава обмякли и повисли как прежде. Огонек сжался до глаза – с рыжей радужкой и черным кошачьим зрачком.

Повисло молчание. Пол уже не уходил из-под ног. Воздух не застревал в горле, но Женьку стало не по себе. Взмокли ладони, свело живот, нестерпимо захотелось писать. Точно он испугался, что вновь остался один.

– Ты здесь? – выдавил дрожащим голосом, глядя в подрагивающий зрачок.

– Здесь. Я всегда... Живу, знаешь ли, тут.

– Зачем Вы, ой... ты... Зачем меня заперли? – спросил и чуть не свалился без сил. Потому что будет ответ, потому что ясно станет, останется ли и он здесь навсегда.

– Да потому что ненавижу Черного Мяука, – огонек снова запылал, и голос добавил тише: – Хоть и боюсь.

– Но зачем...

– Взгляни на футболку, – оборвал Человек-пальто. – Там не хватает кусочка. Это Мяук забрал себе. Теперь он знает твой запах. И значит, найдет. Везде и когда вздумает. Вот, хотел предупредить. Он вернулся.

Женька пытался переварить, что только что услышал, но единственное, что стало ясно, – навечно он здесь не останется.

– Хорошо, – наконец ожил его голос. – С-спас-сибо. Я... пойду?

Он обернулся к двери.

– Ты не должен бояться, – быстро, с заметным волнением поспешил добавить Человек-пальто. – И не должен быть один.

Женя уже просунул пальцы в щель, и дверца даже подавалась. И все же он повернул голову:

– Я... я запомню, Человек-пальто.

Свеча накренилась вперед. На миг замерла, затем сорвалась вниз, погаснув. Исчезла. И снова пропали стены. Женек стал крохотным, и что-то огромное подступило вплотную. Он торопливо оттолкнул дверцу. Она лишилась половины, окунувшись во тьму.

Женька выскочил в сени. Взмокший, обессиленный, но живой. С противным мяуканьем дверца затворилась. И он

поежился от холода. Прижал ее плотно и загнал крючок в петлю.

Вот и он запер Человека-Пальто. Правильно ли это? Справедливо?

Женя не стал об этом думать. И потому, что он лишь гость, а закрывать чулан на крючок заведено хозяевами. И потому, что вспомнил про Сашу, оставленного одного.

Сперва от этой мысли стало легче. Он даже улыбнулся, представляя, как расскажет про того самого дядю в пальто. Но затем его вдруг шибануло по башке: он оставил маленького братика одного посреди улицы. Сколько времени? Сколько он пропадал в чулане?

А если не случилась дружба? Если драка? Или кто-то постарше вздумал растоптать их дворцы? Или тот же Витка-пьяница...

Все это подкидывало ему воображение, пока он спешил во двор и летел со двора на улицу. Бывало, он жалел, что нет у него старшего брата. Рад бы он был такому старшему брату, каким являлся сейчас сам?

«Нет», – прошептал он, когда нашел песочницу опустевшей. И замки, в самом деле, оказались разрушены.

Неприятно засосало под ложечкой. Женек огляделся. На ближайšie полсотни метров вокруг никого не было. Разом он покрылся потом, хотя палящего солнца совсем не ощущал. Вприпрыжку вышел на середину улицы и торопливо зашагал вверх.

Ничего страшного. Нет, нет, все будет хорошо...

На лужайках двух соседних домов – никого. Он так мотал головой, что чуть не угодил в лужу грязи.

Широкая безлюдная земляная улица. Дома по обе стороны. Обжигающее солнце в зените. И тишина. Он не хотел, да и ситуация была едва ли подходящая, но не мог, просто не мог на краткий миг не представить – что это, если не Дикий Запад? Дуэль на револьверах. Быстрый или мертвый. Не хватало лишь часов на башне. И противника.

Мгновение минуло. И он понял, что преступник как раз таки маячил впереди – он, Женя, сам лично, виновный, порицаемый и ожидающий наказания.

У салатových ворот следующего дома полненький мужик копался под капотом салатového «Москвича». Женек глянул напротив – там кто-то скрылся за дверью. Мелькнула лишь нога в шлепанце. Нога взрослого.

«Ну а где дети?» – Женька сглотнул. Смахнул пот со лба. Это таяла вера, что все закончится хорошо. Хотелось крикнуть, позвать Сашу, но в то же время он трусил. Страшно было, что узнают, как он оставил братишку одного на улице. И злился, что ведь и не скажешь, что тот сам виноват. Злился на Сашку и все же больше на себя.

Наконец, на вытоптанной площадке у забора в тени трех ив он увидел компашку ребят. Кажется, они играли в догонялки. Женя застыл. Вытирая мокрые ладони о футболку, которую так все это время и держал, он всматривался в маль-

чишек. С каждым отсеянным гул в голове нарастал.

Саши здесь не было.

Женек даже заметил двоих мальчуганов на ветках в кро-не деревьев, но и те были не его братишкой. Самое глупое, что он не помнил и тех ребят, с кем они играли в песочнице. Слишком был занят своими увлекательными мыслишками. Поэтому теперь маялся – спрашивать у этой детворы про Сашу или нет.

Посмотрел дальше по улице. В тот конец оставалось еще по три дома. Решил поискать сперва там, а затем вернуться и, если надо будет, спросить. Не выдержав, перешел на легкий бег. Миновал ивовую троицу.

– О! Женька! – услышал вдруг.

Обернулся. И притормозил.

На скамеечке у ворот очередного дома сидели сестры – Оля, Таня и Лариса. На второй лавочке, стоявшей под прямым углом к первой, – два паренька. Светленький и темненький, но оба лохматые. И в галошах. В брюнете Женек, кажется, признал Артема, тракториста, который их подвез. Катька рядом, конечно, не находила себе места.

Сестры улыбнулись Жене, парни переглянулись.

– Далеко собрался? – весело поинтересовалась Оля.

А Женек горько пожалел, что не остался поспрашивать мальчишек. Собрал все силы, чтобы не рухнуть тут же, лишившись чувств, и обрести дар речи:

– Нет, п-просто... ну, так... гуляю, улицу как бы... изу-

чаю.

– Это наш братик Женя, – пояснила она парням. – Он постоянно что-то изучает, исследует и куда-то лазит. Ну, то есть когда не играет в футбол.

Катя хохотнула. Остальная компания натянула улыбки.

– Давай недолго. Скоро обед. Полчаса максимум.

– Понял, – Женек попятился назад. Катя покосилась на футболку в его руке.

– Ты один что ль? – снова обернулась к нему Оля. – Сашка где?

Женя опустил голову, уставился в чей-то след в подсыхающей грязи и судорожно соображал, сдерживая слезы. Сказать или не сказать? Признаться? Такой толпой они Сашку отыщут точно, а он один... Да и время, время уходит!

– Всё, завис. Опять, – протянула Катька. И пробежался смешок.

– Где-где?! Дома играет, – буркнул он.

Развернулся и торопливо зашагал обратно. Краем уха услышал, как светловолосый паренек сострил:

– А зачем ему вторая майка? Для друга, которого нет?

Посмеялся ли кто-то, Женька не слышал. И от гула в голове, и от топота ног. Он пробежал мимо ребят. Плюнул на них, плюнул на оставшиеся дома, не говоря уже о той части улицы, что была ниже. Он мчался, перепрыгивая грязь, туда, где, как думал, испытал самый сильный страх в жизни. Оказалось, что куда страшнее бывает и при свете дня.

Женек сдернул крючок, распахнул дверцу чулана и шагнул внутрь. Снова привиделось, что тьма шелохнулась. Он прикрыл дверцу и погрузился в темноту.

– Человек-пальто, ты здесь? – позвал он запыхавшимся голосом.

Ответа не было. Уши ловили лишь шумное дыхание.

Когда он уже подумал сбегать за свечой, чернота выплонула:

– Тебе лучше уйти. Он проснулся.

Но Женька узнал голос.

– Мне нужна твоя помощь! Очень нужна, срочно! – взмолился он.

– Так это и есть помощь – выйди, сейчас не лучшее время, – слышно было, что Человек-пальто не шутил.

Женек попятился к дверце. Тьма показалась ему хищной и жадно пожирающей его... чьим-то взглядом.

– Просто скажи, где Саша? Ты же знаешь, ведь так? Прошу... – прохрипел через подступающий плач.

А сам казнил себя в наступившей тишине. Какой же он идиот и какой чушью занимается! Умоляет пальто в позабытом чулане? А всего-то надо было покопаться с братишкой в песке, научить как, чтобы было весело. Он же знал это и любил. Или что, он теперь взрослый для этого?

– Я бросил его одного! – вырвалось у него, и он добавил тихо: – А теперь... теперь он... я... как я его найду?

– Да не за Сашу тебе нужно переживать. Он у себя дома,

а вот ты... Всё, сейчас! Выпрыгивай!

Что-то мягкое и пушистое махнуло по его голым коленкам. Тьма завибрировала от урчания. Женек мигом шагнул в сторону, взялся за край дверцы. В эту же секунду чернота дернулась. Футболка в его руке натянулась и чуть не выскользнула. Он оттолкнул дверь. На двадцати сантиметрах она во что-то уперлась.

Но ему хватило. Он метнулся в светлый промежуток. Уши резанул резкий треск рвущейся ткани. Женька вывалился в сени.

Дверца захлопнулась. И уже закрытая хрипло мяукнула. Или нечто за ней, догадался он. Хотя верить не хотел. Быстро поднялся, накинул крючок и отпрянул.

Согнулся пополам и пытался отдышаться. Сердце било где-то в горле. И вообще тошнило. Потом он услышал голоса сестер.

Они идут, а Саши нет!

Так и подмывало защититься, притворившись: «Я ничего не знаю, он был дома». Солгать: «Я сказал ему не выходить». Или лучше назад в чулан?

Голоса звучали, но не приближались. Наконец он сообразил, что они доносятся из кухни.

Вдруг один из них, кажется Ларисин, четко и ясно позвал:

– Саша! За стол!

Саша?

Они все знают? Сами нашли!

Женек по-настоящему готов был броситься в чулан. Но резко вспомнил.

«Он у себя дома...» – сказал Человек-пальто.

Дома! Ну, конечно! И как он не подумал?

«Это Саша пошел меня искать. Я убежал за машинками и пропал, и он пошел за мной в дом? – бешено соображал Женя. – Или все-таки сестры нашли?..»

А затем плюнул – будь, что будет. Шагнул к двери кухни.

«Нет, не то, что будет. А то, что должно быть. Наказание, значит, наказание», – решил он и вошел.

– Как говорится, вспомнишь... эм... Вовремя ты, – приветствовала Катька из-за стола.

Оля разливала суп. Глянула на него. Подозрительно и с некоторым удивлением. Не строго, без злобы. Таня и Лариса вообще смотрели с легким сочувствием:

– Запыхался весь.

– Вот это видок.

– Иди, мой руки, – кивнула Оля.

В этот момент, спрыгнув с высокого порога, из зала появился Саша. Он посмотрел на Женьку.

– Ты куда пропал? – начал он обиженно.

Женька быстро приложил палец к губам, подмигнул. Направился к умывальнику и поманил Сашку. Тот подошел, глядя исподлобья.

Укрывшись в углу, Женя расправил футболку перед его лицом. Под воротником со спины, действительно, не хвата-

ло треугольного лоскута, а на животе зияли четыре рваных разреза.

– Я ходил за футболкой. В чулан, – прошептал Женек. – И знаешь что?

Саша поднял голову. Где-то там сквозь злобу во взгляде мелькнул интерес.

– Ты был прав... Там живет Человек-пальто.

Эффект бабочки

Сорок пять минут пролетели в один миг. Один тайм, один гол. Ужасный и красивый. Красивый – потому что со штрафного над стеночкой в «девятку». Ужасный – оттого что в наши ворота. Бельгия : Россия – 1:0.

Женек, казалось, врос в кресло. Не об этом он мечтал, рисуя акварелью на щеках по три полоски. Белую, синюю, красную.

Два часа назад он проснулся. Не проспал – он это знал, потому что дяди Юры не было в зале, значит, еще не началось. Но все равно слетел с кровати и нашел часы. Восемь утра! Лихо он! Или это его сны перешли на деревенское время?

Побежал в туалет – уснуть снова не вышло бы. После умылся, позавтракал. И оставшийся час до матча поглядывал на часы со стеснительной кукушкой. В нетерпении играл с грузиками, подгоняя их. Это, конечно, не помогло. Мучил сестер вопросами, будут ли они смотреть игру и с каким счетом, они думают, она закончится. Наконец, его не прогнали с кухни, и он вспомнил вдруг про краски.

Началась реклама. Оля с Ларисой вернулись на кухню, хотя и так посидели у телевизора минут десять.

– Надо было забивать, а они пропустили. Бестолковые, – выругался дядя Юра, поднялся великаном из своего кресла, подошел к ящику и переключил канал.

Катька полусонная валялась на разложенном диване.

– Вся надежда на Сычева, – заключила она и повернулась на спину.

Женька вышел из оцепенения. Это был последний матч в группе. Решающий, за выход в 1/8 финала. И да, надо было забивать, надо было выигрывать.

И это по-прежнему возможно, напомнил он себе. Так, что вскочил с кресла.

– Сейчас все будет. Время еще есть. Сейчас, сейчас. Два гола. Два-то уж забьют! – запричитал он, затем смолк. Вышел в кухню. Потом дальше в сени и во двор.

Главное – верить, кивал он себе, ребята смогут. Хотелось оказаться на стадионе. Кричать и гнать их в атаку. Или где-нибудь на площади перед большим экраном. Даже несмотря на то что случилось после матча с Японией. Отчего-то погромы и дикая, бушующая толпа не пугали. Манили, будоражили.

Но больше хотелось, конечно, оказаться на поле. Игроком, вышедшим, к примеру, на замену. Получить мяч и рвануть к воротам, обводя и ускользя. Пробежать полполя и вдарить хорошенько по мячу.

И это по-прежнему возможно, не забывал Женя.

На дворе в «гляделки» с петухом играл Сашка. Женек удивился и слегка засовестился даже, что в своем предвкушении долгожданной игры не заметил, что братика не было с ними в зале.

– А ты чего не болеешь? – поинтересовался у него.

Братишка странно посмотрел и буркнул:

– Я подышал уже ингалятор, поэтому.

Петух подкрался к нему ближе. И когда Сашка отвернулся от Жени, то застигнутый врасплох подскочил на месте и шустро сбежал к крыльцу. Петух гнаться и не думал. Женек улыбнулся:

– Да я не про это. Я имею в виду, чего футбол не смотришь, за наших не болеешь?

– Ну, мне отсюда слышно, – кивнул он на отворенное окно.

– Это же не «Песня года» какая-то, тут смотреть надо, – уговаривал Женя. – Болеть.

– А как? – внимательно уставился братик.

– Как?

– Ну да, научи, – улыбнулся он.

Женек почесал макушку:

– Ну, как? Кричишь и пальцы скрещиваешь.

– И все?

– Вскакиваешь, подпрыгиваешь. Руки вверх! Размахиваешь ими, трясешь, – пытался изобразить Женек. – Смеешься там, поешь. Или плачешь, ругаешься. Не знаю, колотишь кулаком по столу. Или обнимаешься.

– Но зачем? То есть почему? – спросил Сашка. И, не сдержавшись, покосился опасливо на петуха. Тот замер на месте в двух метрах, лишь мотал головой.

– Так переживаешь же. Хочется, чтобы команда победила, и ты, значит, вот... болеешь.

Женя смолк. Братик смотрел все так же, ни тени понимания не промелькнуло на лице. Из зала долетали обрывки рекламы. Про то, что, если нет разницы, то зачем платить больше. Про то, что шок это по-нашему. И еще что-то про пиво и футбол.

– Ну, смотри, к примеру, – опередил Женек братика, раскрывшего было рот. – Если тебе, допустим, надо будет убежать от петуха, а я с крыльца, значит, сойти не могу. Тогда, переживая за тебя, я стану тебя подбадривать. Типа там: «Давай, Сашка! Беги, беги! Скорее!» Буду кричать, скрещивать пальцы, да, чтобы у тебя получилось. И когда ты сбежишь от него, я подскочу от радости и буду ликовать. Это вот вроде как и значит – болеть.

Саша снова посмотрел на петуха. Уже без тревоги. Тот наконец отвернулся, будто бы всегда не любил, когда о нем говорят. И заковылял по двору, старательно приглядываясь к голой земле без единого зернышка.

– А кто же за петуха болеть будет? – произнес Сашка, слабо улыбаясь.

«А действительно?» – рассмеялся Женя.

– Краску мазать на лицо – тоже, что ли, болеть? – братик прямо-таки ткнул пальцем в него.

– Ну, да. А еще махать флагами, свистеть, топтать ногами, дуть в дудки и барабанить в барабаны. Но это надо вместе.

Вот смотри.

Женек стал скандировать «Ро – сси – я! Ро – сси – я!» – на первых двух слогах топая по крыльцу, а на последнем хлопая.

Ро – сси – я! Топ – топ – хлоп! Ро – сси – я! Топ – топ – хлоп! Ро – сси – я! Топ – топ – хлоп!

Саша принялся повторять.

Поначалу с напряженной серьезностью, но когда запомнил этот гремящий треугольник, уже подпрыгивал. Топ – топ – хлоп. Топ – топ – хлоп. Пританцовывая, пошел кругом.

Курочки, толкаясь и кудахта, сбежали к себе в закуток. Оттуда вылетел петух, застыл взъерошенный, покачал гребешком. И вернулся обратно, как будто бы даже исполнив пару шагов задом наперед. Потом только из курятника донеслось неуклюжее «ку-ка-ре-ку». Женя знал, что эта его фраза может всякий раз значить разное. «Хулиганы!» – проголосил он только что.

– Еще так можно, – оборвал Женек одну речевку и завел новую. Воздел руки вверх и пробасил: – Вперед! Росси-и-я!

И следом прохлопал это по слогам. Сошел по ступеням на двор.

– Вперед! Росси-и-я!

Братик спрыгнул за ним, скандируя в унисон. Бас у него не выходил, и он взывал к небу тонким голоском. Они обошли полкруга по двору, когда из окна зала высунулся дядя Юра:

– Вы чего разорались?

– А что, началось? – бросил Женек.

– Началось, а вы тут...

– Тогда впере-ед! Росси-и-я!! – перебил его Женя. И с Сашей дружно они прогремели в ладоши.

Простонала рама, и задребезжало стекло. Это Оля захлопнула окно в кухне. Проходя маршем мимо, Женька заметил, как она закатила глаза.

Упершись в хлев и сарай, он взял паузу. И последнее «Вперед! Росси-и-я!» бедненько прозвучало Сашкиным голосом.

– Ну как? – прохрипел Женя. Откашлялся и добавил уже своим голосом: – Понятнее?

Саша весело закивал. Но тут же его лицо озадачилось, и он неуверенно замотал головой:

– А она, что же, услышит?

– Кто?

– Россия, – выдал он.

– Нет, нет, нет, погоди-ка, – запутался Женек. – Услышит... не Россия как бы, а наши ребята, наша команда. Ага! Да, да, да, это они услышат Россию. Потому что сейчас... мы, все, кто болеет за них, и есть как бы Россия. Комментаторы так и говорят: «Вся страна сейчас болеет за этих ребят».

Они замолчали. Повернулись к окнам и прислушались. Там, за стенами, шепеляво гудел стадион. И в эти же самые секунды он ревел диким, тысячеголосым хором там, за сотнями тысяч километров. Далеко и все же прямо сейчас. И

если они присоединятся к этому хору, разве не будут и они там, со всеми?

– Нет, ты только представь! Мы вот с тобой во дворе стоим, а они прямо вот в этот момент бегут по полю, пинают мяч, толкаются, – вновь оживился Женек. – А нам что остается? Кричать им, чтобы поторапливались.

И заголосил звонче прежнего:

– Ну-у-жен! Гол! Ну-у-жен! Гол! Ну-у-жен! Гол!

Он стал карабкаться по лестнице, приставленной к сеновалу над хлевом, и продолжал скандировать. Сашка вторил ему и полез следом. Они забрались до третьей сверху перекладины и в две разрывающиеся глотки посылали над крышами деревни сигнал одиннадцати ребятам:

– Ну-у-жен!! Гол!! Ну-у-жен!! Гол!! Ну-у-жен!! Гол!!

Не прошло и пары минут, как из зала высунулся дядя Юра. Повертел головой и нашел их взглядом. Лицо его пылало. Мальчики притихли.

– Гол! – вдруг вырвалось у него. – Наши!!

– Да!! – завопил Женька. Заспешил вниз, спрыгнул с метра высоты и бросился к крыльцу.

– погоди! – крикнул в спину Саша.

Женек скинул галоши, распахнул дверь и притормозил, обернувшись к нему. Секунд шесть братик слезал с лестницы, еще четыре бежал к двери. Но в зал к телевизору они домчались в одно мгновение.

Атаковал Сычев. Пробил. Вратарь отразил. Но неудачно.

И Бесчастных добил в пустые ворота. Да! Они это сделали!

Женя и Саша прыгали посреди зала. Катька успела перебраться на кресло ближе к экрану и повторяла:

– Я говорила, я говорила! Сычев лучше всех!

Оля и Лариса были тут же – сидели на диване и лакомились вишней, выплевывая косточки в кульки.

– Теперь что? – без особого интереса обронила Оля. – Выходят они из группы, нет?

– Да какой там, – отозвался дядя. – Играть еще не кончили.

А Женек вспомнил, что Бельгия оба матча до этого сыграла вничью.

– Проходят! – воскликнул он и грозно помахал экрану: – Только не пропустите!

В этот самый миг возник опасный момент у российских ворот. Бельгиец пробил... Мимо. Женя схватился за голову, Катя вздохнула, а дядя плюнул и махнул рукой.

В зал вошла тетя Лиза – в косынке, пыльном сарафане и грязных перчатках.

– Это кто это тут вместо петухов всю деревню всполошил? – оборвала она праздник, потому что спрашивала серьезно.

Мальчишки притихли, прыгать перестали. Только плечами пожимали. Но все присутствующие, скосив на них взгляды, выдали болельщиков в миг.

– Вот пойдете сейчас к петуху все яйца, что курочки с

испугу снесли, выпрашивать, – пригрозила тетя Лиза, но уже мягче.

– Так это... тетя Лиз, почему... нет, а чего это сразу мы? – по глупой привычке отпирался Женек.

Тетушка уперла руки в бока и закивала:

– Ага, ага, давай, расскажи еще какую-нибудь небылицу.

Женька только раскрыл рот, как из-за окон, с улицы, доносилось: «Впере-е-д! Росси-и-я!! Впере-е-д! Росси-и-я!!»

Тетя Лиза удивленно уставилась на него, он лишь развел руками. А затем кинулся к окну. Саша поспешил ко второму, тому, у которого стоял стул.

На улице у ворот стояла четверка пацанов. Один, рыжеволосый, был в футбольной форме сборной России. Еще один, лопоухий, в форме «Спартака». Двое остальных, золочено-кудрявых, просто пестрели белым, красным и синим цветами в одежде. Этими же красками оказались выкрашены лица всех четверых.

Они вскидывали руки, кричали:

– Впере-ед! Росси-и-я!!

И следовал рукотворный залп.

– Мам, там Митька. И Колька Шипкин, – посмеивался Сашка, стоя на стуле. – А еще угадай... Юрки Картавые! Слышишь?

Он помахал им. А Женя, бросив ему: «Погнали» – метнулся мимо привставшей Кати, мимо тетушки, подошедшей к Юре и пихавшей его в плечо, побежал через кухню и сени

во двор.

Просвистел галошами по бетонной дорожке к воротам и, подпрыгнув, дернул за ручку. Засов выскочил, дверь отъехала, впустив волну ора.

– Давайте сюда, у нас здесь комментаторов слышно! – позвал Женек ребят.

Мальчишки, сбившись с речевки, переглянулись. Лопухий подтолкнул рыжего. И они, притихшие, словно пришли в гости на день рождения новенького, вошли во двор. На пороге он представился – заразившись от них скромностью, как-то неловко повторил четырежды:

– Женя.

– Коля, – ответил рыжеволосый.

– Митька, – назвался «спартаковец».

На футболках обоих значилось «Титов», и можно было подумать про них, что они братья. Как и про двух оставшихся, проглотивших по букве «р»:

– Юхка. Юхка.

Но Женька знал, что Титов – это фамилия футболиста, и догадывался, что братьев в одной семье вряд ли станут называть одним именем.

С крыльца сбежал Сашка, и ребята чуть оживились.

А следом взорвались комментаторы – их взволнованные голоса ругали Хохлова и воздавали почести Нигматуллину.

– Эй, там, у экрана! Ну чего там? – крикнул в окно Женек.

– Сели в оборону! Бестолковые, – отозвался дядя Юра.

– Да что ж такое-то, а! Сейчас мы их взбодрим. – Женька повернулся к фанатам. – Так?

Они закивали.

– За! Побе-е-дой! – завел Женек. И на второй раз они подхватили.

Снова они тянулись к небу, которое в дрейфующих резных облаках было точно карта мира. Хором запускали в него боевой клич. И отбивали ритм ладошками над головами.

Стеснение прошло. Мальчишки загорелись улыбками. Дали волю голосам. Звонким, неукротимым. Неограниченным, но богатым. Это не был писклявый вой и не какофония, насилующая уши. Неожиданно это звучало красиво. Так казалось Жене, который и голос свой уже не различал. Они словно родились для чистого звука. Из чистого звука.

Устоять на месте не могли. Подпрыгивали по слогам. Дирижировали взмахами раскаленных ладоней. Крутились, скакали, только что на руках не стояли. И то потому, что хлопать ногами неудобно.

Женек видел, как забегали футболисты. От одного соперника к другому. Следом за мячом. И третьего уже поймали. Как отобрали мяч и устремились в атаку. Потому что они, мальчишки со двора, поселились в них, зажгли и встряхнули.

За! Победой! За! Победой! За! Победой!

Повторяя заклинание, Женька верил – парни за сотни тысяч километров отсюда вспомнят это жгучее желание сотво-

ритель чудо, войти в историю и стать легендами. То желание, что заводило его сердце так, что щемило в груди.

Он видел, как помчались они по полю такими же дворовыми мальчишками – бойкими, бесстрашными, азартными. Как закрутили карусель, как залетал мяч от игрока к игроку. Нет, не могли они считать минуты, прячась у своих ворот. Невозможно это, когда пульсирует в тебе:

«За! Победой! За! Победой! За! Победой!»

Телевизор мелькал кадрами в зале, но и без него Женя видел, как парни бежали в атаку, как окружали атакой и атакой наседали. А затем наконец услышал.

В зале воскликнули. Коротко и... испугано. А дальше была ругань.

Женек опустил руки. Каким-то печальным эхом прозвучали еще мальчишки, а после тоже смолкли.

В окошко выглянула Катька:

– Забили, – вздохнула она, – нам.

– Что? Нет! Как же так?! Почему?! – вырвалось дружно у фанатов.

– Вот так вот, – пожала плечами сестренка.

А затем шустро посторонилась, грянул дядин бас:

– Как – как! Вот, глядите!

И в окне показался телевизор. Дядя бухнул его на подоконник. Экран задрожал, проплыла парочка помех. И Женька увидел.

Угловой. Навес. Удар головой. Гол.

Бельгийцы впереди. Бельгийцы выходят из группы!

Женя сам не ожидал, как вдруг подступили слезы. Защи-
пало в горле.

Мальчишки подошли под окно, ближе к телевизору, и поддакивали огорченным комментаторам.

«Почему так случилось? Ведь это решающий матч – неужели они не понимают?! – негодовал Женек и печалился. – Почему они постоянно пропускают, когда надо забивать? Почему так, а, когда мы тут просим их, надеемся, верим? И мы, и все... Вся страна, а они... Ведь надо всего себя... Такой шанс! Неужели они вот об этом мечтали, вот так сыграть?»

– Какая минута? – вырвалось у него.

– Восьмидесятая, – злобно процедил Митька.

– Время... есть, – прошептал Женек.

По ту сторону экрана игроки в сине-белых футболках рвались в атаку. Последовал навес. Опасный, хороший.

– Бей! – прогремело на весь двор.

Игрок бы и рад, но не дотянулся. Миллион человек всплеснули руками и еще пятеро тут, во дворе.

– Еще есть время, – повторил Женя увереннее.

Кудрявые головы обоих Юриков обернулись.

– Один гол – и всё. – Он помахал указательным пальцем. –

Один точный удар! – Слушали уже все. – Просто ударить хорошенько. Пас и касание. Да? Так ведь? Это возможно. Нужно только идти вперед.

Мальчишки переглянулись. Закивали неуверенно. Но в глазах их вновь запылал огонек. Только Сашка косился на экран.

– И бить. Бить надо больше. – Колька пнул по воздуху.

Телевизор взревел. Комментаторы онемели. Сашкины глаза округлились.

– Вот вам точный удар, – выдала подоспевшая Катька.

Ребята повернулись к окну. Женек поднял взгляд.

Бельгийцы праздновали. Красные ликовали. 3:1. Мчались озорными чёртиками между застывшими, побледневшими до оттенка своих маек футболистов – неудачников. И только Нигматуллин бесновался, доставая мяч из сетки.

– Жопа, – резюмировал Коля. Картавые Юрики чесали затылки.

– Полнейшая задница, – добавила Катька, качая головой.

Минуту стояли молча. Смотрели повторы. Где-то в доме сокрушался дядя Юра, и когда, казалось, стих, пискнула отскочившая дверь, и он вышел на крыльцо. За ним тетя Лиза.

– Все тут ясно, – злобно протянул он, повернувшись к ребятам. Тетя Лиза подтолкнула его, и они направились на огород. Катя вернулась в дом.

Матч тем временем продолжался.

Неудачники разом сбросили оцепенение и заметались, налетая на соперников и выцарапывая мяч. Совсем как в мире, созданном Женей, в рухнувшем мире. Шла восемьдесят четвертая минута. Но теперь в голове было пусто, а в груди,

казалось, мертво.

– Не работает это! – буркнул Митя и сорвал с себя спартаковскую футболку. Остался в шортах – худенький, но загорелый. Уши пылали.

– Без толку с ними! – Колька хотел уже махнуть рукой в сторону экрана, но, нахмурившись, погрозил ему кулаком. Отвернулся и пошел к воротам. Митька поплелся за ним.

– За Бхазилию? – спросил один Юрка у второго. Они, похоже, выбирали, за кого болеть дальше.

Тот кивнул:

– За Хоналдо.

Они тоже прошаркали мимо.

Женя глянул на Сашку. Он единственный, кто еще следил за игрой. Не отрываясь, смотрел на экран, и в глазах его подрагивали слезы. Голоса комментаторов на долю секунды оживали, но мяч летел мимо ворот.

– Свистка же не было, вы куда? – огорчился Женька. – Вон же, атакуют.

Митя придержал дверь, Колька замер на пороге. Они пожали плечами.

– Есть же Сычев, – убеждал Женек и будто бы даже себя больше, чем их. – Титов. Ваш Титов!

Он указал на спину уже шагнувшего за порог Коли.

– Не успеют. Устали, – пробормотал Митька и выскочил следом.

– Зови еще. Поболеть, – помахал Юрка.

– Ага, вот Бхазилия будет когда, – закивал второй.

Дверь закрылась. И засов, лязгнув, запрыгнул в родную выемку.

– Мы... не справились? – печально спросил Сашка.

Теперь он смотрел на Женю. А Женька стрельнул взглядом на экран. Побежали секунды восемьдесят седьмой минуты. А игра словно закончилась, но это просто была какая-то пауза.

– Если... мы сейчас... Если сдадимся, то – да, это и будет «мы не справились», – твердо произнес Женек. – Пони-маешь?

Саша задумался, глядя на него, затем кивнул:

– Свистка еще не было.

– Скрести пальцы, сложи ладони перед собой, смотри... и верь.

Женька показал как. Они замерли под окном, вскинув головы к экрану. И Женек зашевелил губами:

– Нужен гол, нужен гол, нужен гол, нужен гол...

Братик подхватил.

– Нужен гол, нужен гол, нужен гол, – повторяли они – тихо, но с напором.

И снова Женя видел этот гол, знал – он есть. Точно смотрел матч в повторе. Видел мяч в сетке и празднующих футболистов.

Нужен гол, нужен гол...

Каждое заклинание по три секунды. Подбиралась к се-

редине восемьдесят восьмая минута, и, если бы захотелось, можно было бы посчитать, который раз они молили о чуде.

Губы колдовали, глаза гипнотизировали мяч. Вот он оказался в ногах у Титова. Он покатил его Кержакову. Тот развернулся с ним, не устоял. Но в падении все же отдал пас. Прямо по центру. Мяч скользнул между игроками. И его подхватил и в ту же секунду пробросил мимо вратаря Сычев. Мимо вратаря, но не мимо ворот.

Трибуны загудели. Сычев забрал мяч из сетки ворот и побежал к центру поля. Даже Катька показалась в окне над телевизором:

– Я же говорила, Сычев – лучший!

А Женя и Саша еще несколько секунд шептали свое. Пока Сашка не замолк, посмотрел на Женька горящими глазами и воскликнул:

– Гол!

Женя знал это, он уже видел это. И потребовалось мгновение, чтобы открыть самому себе – нет, не видел, это не запись, не повтор, и он не знал, что гол будет. Только верил.

– Гол!! – завопил он. – Они забили!

Они наколдовали – и они забили. Чудо! Они верили – и это случилось. Чудо – в прямом эфире, настоящее, задокументированное.

И сразу – какая минута, сколько еще осталось, какой вообще счет, сколько забивать?! Один! Снова один, еще один. За три – четыре минуты.

А Кержаков уже бежит к воротам, прорывается в штрафную. Прострел!

Гола нет.

Но оставлены уже речевки. Теперь только – «Давай! Ну! Пас, ну! Бей! Давай! Забивай!» Только крики – и Женины, и Сашины – только сжатые кулаки, только всплески руками и хватание за голову.

Ребята побежали в атаку... *Давай! Вперед! Ну! Давите!*

Навес в штрафную... *Бей! Забивай!*

Они у ворот... *Пас! Давай! Ну, в центр! Пасуй!*

Бельгийцы перехватили мяч. *Отнимайте! Ну же! Скорее! Давай, давай...*

Всё, девяностая минута.

Добавили еще три. *Есть! Есть время! Нужен пас и удар, нужен гол...*

Кержаков бьет... *Нет! Нет! Ну нет! Мимо!*

Бельгийцы задумали потянуть время, заменили игрока. *Уроды, а! Хитрецы поганые!*

Последняя атака... *Отдай! Отдай пас! Ну куда?! Зачем?!*

Еще одна последняя атака...

Аккуратно, аккуратно... Дальше. Ну, давай! Навешивай! Бей! Ну! Забивай! Ну!!

Финальный свисток.

И все оборвалось. И крики, и вера. Женек смолк. Сашка

закашлял. Вдруг вернулась его астма. А может, горло надорвал.

И даже злиться не хотелось. Не хотелось и плакать. Просто обидно, что чудо не... Что одного чуда бывает недостаточно.

Но они есть. Чудеса. Теперь Женька знал наверняка. И Саша знал.

В телевизоре кричали, обнимались, безумные и счастливые, прыгали в кучу малу. Но это одни. Другие, без сил рухнув, лежали на поле, сидели с поникшими головами, били по газону, плакали.

«А они, люди на стадионе, или те, что перед экранами, знали?» – подумал Женек. Почему-то казалось, что нет. Ведь если бы все люди знали, что чудеса существуют, то их было бы больше. И чудес, и тех, кто их творит.

– Отдышался? – спросил он у братика и потрепал по макушке.

Сашка кивнул, улыбнувшись, хоть еще слабо посвистывал, выдыхая.

– Ингалятор принести?

Он замотал головой, а затем выдал:

– Я не болею, я болельщик.

– Ага, очень громкий и стойкий болельщик, – Женька рассмеялся.

– Ну чего, фанаты доморощенные, – донеслось с крыльца.

Мальчишки обернулись. Только теперь они заметили Катюку, сидевшую за их спинами на скамеечке у бани, и ба-

булю, наблюдавшую за ними с крыльца. А еще чуть дальше вальяжно разгуливал петух.

– Ну-ка, домой, горе будем ваше утешать. Пирожками, – позвала бабуля, хихикая.

Женек жевал четвертый по счету пирожок – с картошкой – и запивал компотом, когда Катька позвала его из зала:

– Женя, иди быстрее, Сычев интервью дает!

Он осушил кружку и с половинкой пирожка выбрался из-за стола. Живот булькнул, когда он спрыгнул с порога в зал. Сел в кресло рядом с сестрой. Через несколько секунд пришел и Сашка.

– Говорят, Вы плакали после свистка. Настолько расстроились? – спросили у юного футболиста, совсем мальчишки.

– Да, хотелось плакать. И сил не было сдерживаться, да и не хотелось, – признался он. – Расстроился, да, сильно, очень обидно. Не знаю... нет, про судью не буду. И нет, конечно, не на бельгийцев... На нас, на себя обида. Мы хотели выиграть. Это Чемпионат Мира! Мечта каждого, но никто же не мечтает проиграть. И мы могли, но... не знаю... может, сами испугались, когда по счету проходили... Глупо. Я думал, говорил себе – просто играй, вон ворота, ты же хочешь забить гол?

Корреспондент держал микрофон и кивал. Дима говорил – не ему, не камере. Казалось, просто не хотел держать в себе:

– Плакал, да, потому что мы подвели... Какие-то мальчишки, я знаю, в обычной деревне кричали, гнали нас вперед, верили. А гул такой был... там, на поле, но... не знаю, казалось почему-то, что слышу только этих мальчишек. Они говорят: «Это же такой матч, исторический! Бейтесь до конца! Ну же, забейте!»

Катька – глаза расширены, брови подлетели – посмотрела на Женю. Женек, забыв, как жевать, посмотрел на Сашку, тот привстал с дивана.

Сычев продолжал:

– И я думаю, бегу и думаю – ведь да, это же больше не повторится, нельзя будет исправить, сыграть заново, а мы... будто бы не знали, что можем. А нужно же, нужно с этим знанием выходить. Да, мы хотели победить, конечно, хотели, но этого мало.

– Мало? – переспросил журналист. Сычев слабо кивнул. – Нужно что? Нужен тренер? Опыта больше?

Дима наконец взглянул на него. Странно. Словно только вспомнил, что это интервью, что его снимают. Покосился на камеру. И снова склонил голову. Затем ответил – самому себе, но услышали все:

– Нужно верить. Играть с верой. До последнего.

И ушел, задумчивый и повзрослевший.

– Про каких это он мальчишек? – подозрительно спросила Катька.

– Ясно про каких, – рассмеялся Женек. – Слыхала, что

мы можем?

– Услышали!

А это уже обрадовался Сашка. И давай прыгать, позабыв, похоже, как мама ругала после его посвящения в болельщики.

Узник замка между ив

Мяч отскочил в тот самый момент, когда Женя и Катя возвращались из экспедиции. Подпрыгивая с тихим звоном, он отлетел к середине улицы и скатился в рытвину. В паре метров от маршрута брата и сестры.

Бабуля отправила их к тете Люде, своей двоюродной сестренке, живущей на соседней улице, чтобы они вернули одолженную косу. А ребята, выполнив поручение и решительно отказавшись от угощений, придумали вдруг обойти деревню кругом. Увидеть границы, посчитать дома и выяснить, откуда выползают банды гусей, терроризирующие улицы. Катя, кажется, высматривала к тому же клуб, о котором слышала от сестер. А Женек вдохновенно искал приключений. Да еще, может, качели какие-нибудь или интересную кучу песка или груды досок.

Ничего из этого им не попало, хотя на каком-то отрезке пути слышались отголоски гоготания и размеренный скрип металла. Пофантазив, они решили, что гуси, похоже, отняли у них и качели. Пройдя по проулку, свернули затем на свою улицу и направились обратно.

Мяч был резиновый, потрепанно белый в черные пятиугольники. Женька ловким движением ноги выудил его из выбоины. От цветастых желто-зеленых ворот к ним спешил рыжеволосый пацан в футболке и шортах. Женя узнал в нем

Колю. И вроде аккуратно покати́л ему мяч, но тот подпрыгнул на кочке, и пас не получился. Коле пришлось затормозить и кинуться в сторону, чтобы его перехватить.

– Привет! – крикнул он, когда поднял мяч.

– Привет, – отозвался Женек. Надо было сказать что-то еще, но он не мог придумать что. Как и Колька, по всему виду. Не хватало Сашки.

– Здравсьте, – улыбнулась Катя.

– А Санек чего?.. – прочитал мысли Коля и попробовал пошутить: – Отстал?

– Дома. У телика, кажись, – усмехнулся и Женя.

– А-а, ну, да, ясно. Женя же? – покосившись на мяч, аккуратно уточнил Коля.

Женька и сам грешил неумением удерживать в памяти имена новых знакомых, потому был счастлив и горд, что на этот раз, кажется, справился:

– Ага. А ты... Коля?

Он кивнул.

А вот второй мальчик, который спартаковский Титов... Его имя как раз всплывать не спешило.

– Эй, аллё, я же тоже там была, болела, – вмешалась сестра. – Катя, если кому-то интересно.

– Вы чего там? – донеслось от ворот. В их сторону глазел, прикрываясь рукой от солнца... Митя. Ого! Женек вспомнил. Вроде бы.

– А вы чего? – ответила Катька.

– Так... пенальти пробиваем, – сознался Коля и поиграл мячом в руках.

– Да? Ну-ка, ну-ка, тоже хочу.

И она, никого не спрашивая, зашагала к воротам. Женя и Коля переглянулись и пошли следом.

– Привет, я – Катя, – представилась она лопоухому мальчишке у ворот. – Бекхэма знаешь?

– Да, – кивнул он, слегка опешив. – Я – Митя.

– Мой любимый игрок. Дэвид Бе-екхэм, – протянула она. – Я вообще за сборную Англии болею. А Жендос, мой братик, за португальцев.

Коля и Женек как раз подошли.

– Видели, вчера как англичане 3:0 выиграли, класс? И все – теперь в четвертьфинале, а португальцы даже из группы не вышли.

Катька довольно рассмеялась.

– Ха-ха, и что? Типа твои чемпионами станут, мечтай! – проворчал Женька. Ему хватило и ее вчерашнего трехкратного ликования.

– А вы сами за кого? – спросила она, хихикая, тут же испугалась: – Не за Португалию же?

Колька и Митя переглянулись и, дернув плечами, ответили просто:

– За наших.

– Это-то да, понятно. Ну а теперь?

Митька хлопнул вдруг дважды ладонями в перчатках –

грязных, тряпичных, со стертymi наполовину синими точками, – и признался:

– За немцев, наверно. У них Оливер Кан, вообще же классный вратарь.

– Да не, за бразильцев, они крутые, – отозвался Коля, подкинул мяч и попробовал почеканить на коленках. – Хотя... за англичан... тоже... можно!

На последнем слове мяч отлетел.

– Конечно, за англичан! – подхватила Катя и метнулась к мячу. – Ну-ка, я сейчас вам покажу, как Бекхэм бьет. Ну, кто на воротах?

– Ну, давай я, – Митя, подпрыгивая, поскакал к воротам.

– Куда? – деловито спросила Катюха, подхватив мяч и поглядывая на площадку вокруг.

– Отсюда обычно, – топнул Коля на точку метров в шести-семи от ворот и заулыбался в азарте.

Катя поставила мяч, отошла на три шага, почесала нос. Загадочная улыбка появилась на ее лице. Наконец, смешно разбежалась и пнула с носка по мячу.

Резиновый попрыгунчик юркнул рядом с Митей, угодил в толстый столб ворот, отлетел в спину вратаря, а от нее в створ.

Митька мотал головой, хлопая ушами. В глазах Кольки читалось удивление. А Женька смеялся:

– Нет, нет, нет, это у тебя случайно получилось! Не-а, повезло просто.

– Ничего и нет! Нет, нет, нет, – махала сестра руками и приплясывала на месте. – Учитесь лучше!

В этот момент скрипнул засов, и отворилась калитка сбоку от ворот. Со двора вышел высокий, широкоплечий парень. Чуть хмурясь, оглядел компанию. Катя перестала кривляться и, как и Женька, уставилась на него. Митя стрельнул в ту сторону всего на миг и завращал головой в поисках мяча. Коля смотрел с легкой, неуверенной улыбкой.

Парень был молодой, старшеклассник на вид, там необычнее казалось и бросалось в глаза, что голова его была абсолютно лыса. Кожа матово блестела на солнце без единого волоска, только густые брови и слабый пушок на подбородке выдавали рыжину. Странно и непривычно смотрелась и выглаженная бежевая рубашка: ворот нараспашку, полы заправлены в джинсы, а короткие рукава подчеркивали мускулы. А еще остроносые туфли на ногах.

Когда его взгляд остановился на мяче в руках Мити, он обратился к Коле:

– Ты эти ворота строил, малой?

– Нет, – ответил тот, держась за свою улыбку и щурясь, хотя солнце светило ему в спину.

– Так и нехера тогда дубасить по ним, усек?

Колька кивнул было, затем слабо, робко помотал головой:

– Так ты же тоже не...

– А ты видел, блин, чтобы я колотил по ним?

Коля усмехнулся и заулыбался сильнее, мотая рыжим за-

ТЫЛКОМ.

– То-то, – парень провел ладонью по гладкой макушке, уголки его губ тоже растянулись, правда, совсем чуть-чуть. – Вон площадка для кого? – Он указал рукой дальше по улице. – Две березы – ворота, трава вокруг, а в школе вообще целое поле для вас.

– Понял, Дэн, – отозвался Колька, глянув в том направлении.

– Привет, Ушастый, – кивнул Дэн Митьке, который на цыпочках успел сбежать от ворот и вместе с другом смотрел на березки.

– Здорово. Куда вырядился... Лысый? – выдал тот, глупо улыбнувшись, и спрятался за спиной Коли, готовый в любой момент пуститься наутек.

– Вот ты, блин, Ушастый, будешь много знать – уши как у слона растяну, встать не сможешь. Давайте валите отсюда со своим мячом.

Он махнул рукой и пошел. Еще бросил на ходу Коле:

– Малой, маме передай – приду поздно.

– Мой брат, Денис, – на всякий случай пояснил Колька, когда они снова оказались вчетвером. – На свидание побежал.

– Класс, – протянула Катя.

– С Ленкой? – то ли спрашивая, то ли нет, обронил Митя.

– Не-а, так вырядился – значит, с новой девчонкой, – с какой-то гордостью произнес Малой.

– Ну чего, погнажи? – Ушастый мотнул головой в сторону зеленого пятачка у берез. И туда же прямо с рук пнул мяч и помчался за ним следом.

– Спорим, я повторю не хуже твоего Бекхэма? – кинул Коля Катьке, готовый сорваться с места.

Но она как будто пропустила его вопрос. С секундной паузой перевела на него блуждавший взгляд, еще мгновение глядела и наконец покачала головой:

– Не, не сегодня... И никогда – Бекхэма не переплюнуть! – вновь развеселилась, – Всё, я побежала.

Женька расстроился, но в то же время выдохнул: да, он хотел поиграть в футбол, но одновременно и трусил играть с пацанами, которых мало знал, к которым не привык. Сестра помахала ручкой и пошла. Он за ней – неохотно-облегченно.

– Ты куда? – обернулась она удивленная. – Не будешь в футбол играть?

Женя замер. Сердце забилося. Неуверенно пожал плечами.

– Иди играй, дурак. Ты же любишь.

Он медленно кивнул – обречено-решительно. И остался. А Катька зашагала к дому.

Женек вдохнул и отвернулся, сестра исчезла. Он остался наедине с посторонними. И, как обычно бывало в таких случаях, вдруг почувствовал себя еще младше и меньше – будто бы мальчишкой, пришедшим из детсадовской группы в первый класс. Хотя Коля, глядевший Кате вслед, никак не мог

быть посторонним – они уже знакомы и даже оба любят футбол. Посторонним, скорее, назвали бы его, и это тоже было неприятным.

– Можно? – спросил Женька совершенно не нужно, словно действительно сжался до малыша.

Колька перевел на него взор и зажегся:

– Конечно! Погнали.

Слова эти и его улыбка были такими естественными, что Женьку вмиг стало легче. Робость отступила и позволила улыбнуться в ответ. Они побежали к Мите.

– А из клубов за кого болеешь? – стало интересно Жене.

– В смысле?

– Ну, по футболу. Есть сборные стран, а есть же клубы, – принялся объяснять он, сам того стесняясь. – Я болею за мадридский «Реал».

– А-а, не, – покачал головой Коля на бегу, – у нас телик только наших показывает. Мне «Спартак» больше нравится.

– А-а, ну да. «Красно-белые», да, они классные. А Митя за кого?

Они как раз добежали, и от Коли последовало:

– Ушастый, ты за кого болеешь? Типа из клубов.

Тот пытался набивать мяч, но через удар снова ловил руками:

– Я?.. Да не знай, по-разному. Я, вообще-то, мало смотрю.

– Но у тебя же прям форма спартаковская была, – слегка удивился Женька. – С Титовым. Клевая.

– Да это просто папка привез в прошлом году из командировки. Из Москвы. Клевая, да. Большая только немного.

– А у меня дома есть форма «Реала», – не удержался Женька. – Только, блин, без номера и имени. Я хотел, чтобы «10» и «Фигу» было, но на рынке только Рауль, Зидан или...

– Давайте играть уже, чего болтаем, – прервал его Коля.

И Женья сперва разозлился, но затем даже обрадовался, потому что на моменте с Зиданом чуть было хвастливо не выпалил, что встретил его и даже говорил с ним буквально недавно в Комсомольске, который буквально недалеко. Вот был бы позор! Детсадовская выдумка.

– Кто забивает, тот на ворота, – напомнил Митя. – Вот эта ветка – перекладина, ясно?

– Да-да, кидай мяч.

Начали с пенальти. Первый удар у Женька вышел слабым, второй – мимо, пришлось бежать за мячом. Третий вообще в руки Коле. Тот перед этим пробил на силу, и мяч проскользнул между Митькиных кистей, которые, казалось, уже не выпустят его. Расстояние между деревьями было куда меньше, чем у дворовых ворот. К «девятке» и подпрыгивать не нужно. Стало даже немного обидно: получалось, будто бы забить можно, только если влупить по мячу со всего размаху. Так и вышло, когда Женья перестал выцеливать и просто бахнул.

Сменив Колю меж берез, он слегка растерялся – не такие и маленькие эти ворота. А когда Митька пробил – у самой штанги, на высоте колена, – вратарь-дебютант и не шелох-

нулся. Чем внезапно рассмешил пенальтистов.

– Ты его взглядом хотел остановить что ли? – посмеялся Колька, присаживаясь на траву, поскольку мяч улетел метров на пятьдесят. Ушастый хохотнул и потрусил за ним.

– Я здесь реально как на расстреле, – признался лишь Женька и поплелся от ворот.

– Это как с холодной водой в озере. Лучше сразу подставиться под удар, типа как нырнуть, и понять, что это несмертельно. Тогда и бояться нечего будет.

– Я не боюсь, – буркнул Женек.

– Ага.

– Просто реакция плохая.

– Ну да, но ты все равно попробуй.

Затем стали играть в одни ворота. Носились по площадке, поскальзываясь на траве и окрашиваясь ее соком, толкались, старались обыграть друг друга и прорваться к воротам. И обмануть уже вратаря: протолкнуть мяч мимо, закатить между ног или с воплем и смехом влететь вместе с ним за линию гола.

Дриблинг всегда виделся Жене какой-то магией. Этим и поразил однажды футбол, который ему, еще мальчишке, казался вроде скучной игрой по телику. Просто в одном матче кто-то вдруг обвел сразу двоих и улизнул, оставив в дураках, – красиво и удивительно, как фокус. И Женек влюбился, загорелся. И, что делало его по-настоящему счастливым, магией этой он обладал.

Хватало пары неуловимых движений, чтобы оказаться с мячом за спиной соперника. То была какая-то чуйка, инстинкт. Ноги вытворяли это сами. Но только если голова опустошалась, а сердцем качался покой. А так и случалось после первой же удачной обводки. Мяч признавал в нем достойного и становился верным орудием его магии. Может, получалось так не всегда, но, если выходило, то Женя готов был играть бесконечно. Все, что его занимало, это проскользнуть, проскочить, просочиться к воротам, дразня мячом, но не отдавая. И, конечно, он не мог не грезить о гремящих стадионах и исторических финалах.

Женек обводил Колю, убегал от Митьки. Раз, два – и проскакивал мимо, юркий, как олимпийский горнолыжник, быстрый, как шулер. И забивал, потому что не надо было лупить со всей силы. Поначалу ребята отнеслись к этим фокусам серьезно. Мол, ладно, сейчас как соберусь, как включусь на максимум, сразу остановлю этого «мистера крутого». Встречали с напряженными лицами, настырно дышали, пыхтели, выкидывали ноги, думая опередить, предугадать.

Раз-два у них получалось: Женя оставался без мяча, но уже в следующем раунде он вновь обыгрывал. И вроде все так же просто, ничего головокружительного. И тогда единственное, что им оставалось, это выкрикнуть в сердцах:

– Да как?! – и наконец расслабиться.

Первым рассмеялся Митя. Дернулся, было, отобрать мяч, Женек опять телепортировался ему за спину, но в этот раз

тот не бросился вдогонку, а лишь хохотнул и закачал головой:

– Ну ты черт неуловимый!

Женя, закатив мяч в ворота, переводил дыхание. Улыбнулся и пожал плечами:

– Неспециально.

Кольку улыбнуться заставила, похоже, усталость. Он сильно старался и на старания, по большей части бесполезные, тратил слишком много сил. И вот, подступая к Женьку в очередной раз, Коля сменил вдруг серьезное лицо на беззаботно-смирненное, веснушки заискрились в капельках пота, разогнав весь мрак с лица. Он усмехнулся:

– Да, вратарь – это точно не для тебя. – Затем расставил руки и ноги: – Ну давай! Что еще выкинешь?

Женек не успел еще подумать, а ноги уже запустили мяч тому между ног. Тут же грянул взрыв хохота. Митька на воротах согнулся в смехе пополам. Женька оставил мяч и отбежал, хихикая, от беды подальше. А Коля, сжав кулаки, запрыгал на месте, злясь и посмеиваясь одновременно:

– Ну ты гавнюк! Ловкач, блин, мастер-фломастер!

На этом игра закончилась. Они повалились на затоптанную, уже не такую пышную и все же мягкую траву, потные, уставшие и перепачканные. Солнце смотрело искоса, словно из-за плеча, стараясь незаметно сбежать. Небо с другого края густело, точно цунами, от которого и спасалась оранжевая звезда. Задышала спокойно трава, залечивая раны, кото-

рые источали приятный аромат победы. Такой же запах был и у поражения, но сейчас Женя вдыхал именно победу. Он одолел страх, робость и поселившегося в нем малыша.

– Ты где так научился играть? – спросил Митя. Косые лучи били ему в затылок и подсвечивали и без того ярко-розовые уши.

– Да так, играем во дворе с пацанами. Почти каждый день.

– Везет, – как-то печально отозвался Коля.

Женька подумал не сразу, но, кажется, догадался: в деревне все игры только после работ и забот, не позавидуешь. Но тот вдруг оживился:

– Кто хочет чаю, руку вверх!

Ушастый тут же взметнул свою. Колька тоже. Женя покрутил головой и повторил за ними. Чая, в самом деле, хотелось.

– Тогда за мной! – скомандовала рыжая башка.

Они втягивали осторожно горячий смородиновый чай, поочередно шмыгая носами и в унисон поддувая губами в трубочку. Жевали пряники, кусали блины на кухне Колиного дома, за круглым с голубоватой скатертью столом, с чистыми руками и умытыми лицами. Тетя Шура, мать Коли, в первую очередь отправила их к рукомойнику. Во вторую расстелила эту самую скатерть, когда сын представил гостя:

– Это Женя. Перепелицин. Ну, ты знаешь, они выше живут, Сашка там маленький. Женя приехал из города на ка-

никулы.

Она поспрашивала Женька, чей же он сынок из полдюжины наследников бабушки Марии, как поживает Лена, его мама, есть ли у него братья, сестры, нравится ли в деревне и как там в городе. Мол, старший, Денис, все собирается туда. Тетя Шура почему-то была совсем не похожа на своих сыновей. Низкая, худощавая, с тяжелыми, какими-то печальными бровями и единственной на бледной коже родинкой на нижнем веке. И, конечно, волосы – без намека на краски солнца. Пряди и плотный пучок, собранный на затылке, имели светло-коричневый оттенок дорожной пыли. Отчего тянуло даже встряхнуть ее.

Когда она обмолвилась о Денисе, Коля вспомнил о послании:

– Мам, Дэн передал, чтобы ты не волновалась, он задержится допоздна.

– А я буду волноваться, он же это знает.

Колька пожал плечами и закинул в рот остатки истерзанного блинчика. Тетя Шура встала из-за стола, взгляд ее побежал по комнате, остановился на полу.

– Одни гулянки на уме, – обронила она, а потом тише: – Весь в отца.

Она вооружилась веником и принялась мести пол. Женька даже глянул на ноги: нет, конечно, никаких кроссовок, снял у порога.

– Ну ладно, мам, – протянул Коля, улыбка сошла с его

лица.

– Не ладно. Стараешься, стараешься ради них, а они только и думают, как из дома свинтить, – это не было похоже на ругань или ворчание, она говорила, как подметала: тихо и монотонно.

А вот сын был явно огорчен:

– Он же просто погуляет с друзьями. Или, может, у него свидание, – защищал он брата.

– Свидание... на ночь глядя? Лучше бы о работе подумал, о квартире. Или где он жить собирается со своей свиданницей? Здесь же ему не нравится. – Тетя Шура помахала веником чуть резче, и послышалось, как поскакал по полу то ли камешек, то ли зернышко.

Митька вернул кружку на стол и переглянулся с Женей. Было неловко и как-то странно. О гостях будто позабыли.

– У него уже есть работа, и вообще, много кто его хвалит, – вновь заступился за брата Коля.

Мать закивала, не поднимая головы, словно соглашаясь со своим бледным отражением в вычищенном полу:

– Пропадает ночами в этом Комсомольске. Нормальные люди спят, а он музыкой гремит. И что это за работа – два раза в неделю.

– Очень даже классная, – смело ответил Коля, веснушки его горели, на лбу выступили крохотные капельки пота.

Тетя Шура собрала пыль и крошки в совок, выпрямилась и наконец повернулась к столу. На миг на ее лице отразился

испуг, точно она не ожидала увидеть Женька и Митю. Поджала губы и отвела глаза. Но уже спустя мгновение снова отгородилась безразличием. Пошла к мусорному ведру, бормоча: «Классно... Все у них классно».

Митя спрыгнул со стула:

– Коль, мы пойдем, хорошо? Я сейчас у мамы, сам понимаешь, целый час топать.

– Спасибо за чай, – добавил Женя, к нему вернулась былая скованность.

Колька лишь кивнул печально, но тут же приободрился:

– Завтра сыграем еще?

– Конечно, – отозвался Митька.

– Класс, – закивал, радуясь, Женек.

Они поблагодарили тетю Шуру за угощения. Она улыбнулась неожиданно искренне, и они попрощались.

Проходя по двору, Женя увидел в окно, как мать приобняла сидевшего сына и взъерошила ему макушку. Коля не отстранился, но и головы не поднял. Оба они глядели каждый в свою сторону. Уже за воротами Женек спросил у Митьки, что за работа такая у Дениса. «Диджей в ночном клубе, – ответил тот беззаботно. – Его многие знают». А Женька не сдержался и поинтересовался еще, почему тетя Шура такая странная. Митя заметно помрачнел и пожал плечами:

– Ну, может быть, потому... что от них отец ушел... Давай, пока.

Он махнул рукой и побежал.

– Пока! – крикнул ему вслед Женя. И посеменил домой.

* * *

– Конечно, Жека, все с ним в порядке, – усмехнулся Коля, когда Женек спросил, не приключилось ли чего с Денисом ночью. – Ой... Ты это... не против, что я назвал тебя «Жека»?

– Лишь бы не Жендос.

Они уселись в тени берез на зелень, еще помнящую топот их ног. Зелень, что повыше, на ветвях – неприкосновенная и вольная, – спасала от жары: дождя не было со дня их приезда, точнее – *пришествия*. Да ветер неуверенным гостем, забывшим адрес, блуждал по улице. Мяч был здесь же, но ребята ждали Митю.

– Не, «Жека» – это как-то... по-деревенски, – передумал Колька. И повеселил Женька: а где же они, если не в деревне. – Давай, может, «Жэк»?

– Вполне себе, мне нравится.

Жэк – это сразу ясно, что парень. А Женя и Жека – поди разберись.

– У них был Ночной Огонек, – начал непонятно Коля после короткого молчания. – У Дэна с его приятелями. Ночные посиделки у костра. На берегу озера в километре от деревни. Клевое, между прочим. Это вчера, а еще, бывает, в лесу, который так-то не лес даже, а сад. Но это когда с девчонками. Типа свидание. А если только пацаны, то намного круче.

Он зачем-то сделал паузу, мол, точка. Когда, по всему, больше напрашивалось двоеточие.

– То есть? – подыграл Женек. Да и не сложно: в самом деле-то интересно.

– Залезают в заброшенные дома и так же сидят, в центре – огонь, а вокруг ночь и призраки. – Глаза Кольки загорелись.

– И они их видели? – Призраки занимали Женю куда больше, чем какие-то свидания. Особенно теперь, после знакомства с Человеком-Пальто.

– Слышали, – нарочито загадочно произнес Коля. Чувствовалось, как опасается, что он ему не поверит: что-то там услышать это совсем не то же самое, что увидеть воочию.

– Классно, – успокоил его Женька, и тот обрадовался. – А ты сам... слышал? Или...

– Нет, Дэн меня почти не берет на Огоньки, да и мама против. Я был там один раз только, когда еще папа... Он тогда отпустил нас вдвоем, но они как назло сидели в ту ночь на опушке сада. Ну и ладно, Дэн мне все равно потом обо всем рассказывает.

– Прямо обо всем?

– Конечно, – без колебания заверил Коля, и щеки его под веснушками порозовели. – Мы с ним как лучшие друзья.

Женек сразу вспомнил Катю. Но они-то с ней почти одного возраста.

– А сколько Денису лет? То есть... он же прямо взрослый... кажется.

– Да нет, на два года всего. Ему шестнадцать, мне, кстати, четырнадцать. – Колька вопросительно, с некоторой неловкостью во взгляде, покосился на Женю.

– Ну, мне осенью тринадцать будет.

– Хочешь тетрадками школьными поделюсь? – улыбнулся старший из двоих.

– А ты у Дэна домашки или контрошки списывал? – ответил тем же младший.

– Да так, раза два-три.

– Я тоже. У сестер.

Они коротко посмеялись. И их хохотки будто подлетели и рассыпались нежным шелестом между зазубренных листочков. Березы тянулись высоко, но и они, кажется, еще не завидели Митьку. С веселым дребезжанием мимо промчался велосипед, на сидении подпрыгивала девочка, ее кудряшки пружинили тоже и ловили ветер. Следом по второй колее проехал другой двухколесый, его педали старательно накручивали худенькие мальчишечьи ножки в синих в белую полоску кроссовках.

– Не так быстро, Костенька! – вдогонку им донесся женский возглас.

– Ну где Митя? Чего он так долго? – разбуженный этим криком Женька глянул в конец улицы.

– Ему так-то из другой деревни три км бежать, – отозвался Коля.

– Да? Я думал, он отсюда.

– Да у него все запутано, – дернул плечами Коляка.

– В смысле? – запутался и Женек. Тот посмотрел на него, видно, обдумывая, посвящать ли непосвященного, заслужил ли доверия городской. Женька хотел уже махнуть рукой, но Коля провернул это раньше:

– Ладно, – протянул он, – все равно кто-то расскажет. В общем, они вроде бы всегда жили в нашей деревне, но сейчас, несколько месяцев уже, здесь живет только его папа, а мама вернулась к себе, в соседнюю деревню. И Ушастый теперь, прикинь, полнедели живет с отцом, полнедели – с мамой.

– Ничего себе, – удивился Женя, – как в кино каком-нибудь. А как это... почему?

Коля снова пожал плечами:

– Не знаю, я к Митьке не пристававал. Но все в деревне только и повторяют – неурядица. Видимо, она и есть.

Женька кивнул. Хотя казалось, это тоже новое непонятное слово – неурядица, – но все-таки не совсем. Когда-то где-то оно встречалось ему точно: он поймал себя на том, что в нем хранилось и в эту секунду всплыло ощущение, неотделимое от этого слова. Оно было из тех незнакомых слов, которые не веселили, а пугали и даже делали больно.

– Смотри не проговорись Мите, что я рассказал, – предупредил Коля, хоть и отвел тут же взгляд.

– Да я тоже не собираюсь к нему с этим пристаывать, – заверил Женек. Совершенно искренне, но все равно, конечно

– он это чувствовал, – ему было интересно, что же у них там приключилось.

– Вот и хорошо. – Колька поднялся и выглянул из-за дерева. – Нет, в натуре, где он?

Женя встал рядом. Он был ниже ростом, да и зрение далеко не единица. Но он тоже принялся старательно искать глазами их вратаря. Вдали тархтел трактор, медленно прибавляя в размерах и яркости синего. У соседнего дома бегала малышня. То тут, то там, поскрипывая, хлопали двери. Но Мити на этой широкой улице не было.

– Делаем ставки, через сколько минут на горизонте покажутся его уши, – сострил Коля.

– Две минуты, – подхватил Женька.

– Рискованная ставка. Тогда я... я угадаю эту мелодию с одной... минуты, – посмеялся тот.

Они не отрывали глаз от уходящей к северу улицы.

– Ясно, Женек, походу, впервые видит трактор, – прозвучало вдруг совсем рядом.

Ребята повернули головы: внезапно их стало трое. Митька ни с того ни с сего оказался тут же, стоял и глазел, словно тоже высматривал кого-то.

– Блин, Ушастый! – они рассмеялись. – Мы его ждем-ждем, а он гуляет где-то. Ты откуда свалился?

– Ничего себе! Гуляю? Я вам сюрприз хотел устроить. Вот в магаз забежал.

И действительно, в руках у него была искрящаяся пузырь-

ками бутылка лимонада «Дюшес».

Третью газировки они выпили сразу. Пузырьки кипуче схлопывались во рту, дразня не останавливаться. Еще часть исчезла за полчаса игры: каждый то и дело подбегал к бутылке, которую пристроили у дерева в тенишке, и, пока другой спешил за отлетевшим мячом, успевал высосать пару глотков. Даром игра была не менее жаркой, чем вчера.

Женя наконец встал на пути мяча, зажмурившись и коряво выставив руки, но удар отбил. И боль стерпел, она обожгла всего на секунду, а он убедился, что, в самом деле, несмертельно. Он же первым набрал пять очков, до которых, как условились, шла игра и до которых каждому из ребят оставалось по голу. Наступил перерыв, и в три жадных рта они осушили бутылку уже до дна.

– Жэк больше всех высосал, – отметил Колька, после того как поймал на язык последнюю каплю.

– Кто-кто? – удивился Митька.

А Женька замотал головой. Неуверенно и как-то испуганно. Будучи младшим в семье с тремя детьми, он часто слышал такие упреки. И всегда это было неприятным, даже если звучала правда.

– Женек, – объяснил Коля. – Мы придумал ему кличку. Жэк.

Митя посмотрел на Женю. Он слабо улыбнулся и пожал плечами:

– Я думал... Мне показалось, что я как и все выпил. Спа-

сибо, кстати, очень вкусно.

Тот махнул рукой и обратился к рыжему другу, игравшему, подкидывая, с пустой бутылкой:

– А почему у нас нет крутых прозвищ?

– У тебя есть, – усмехнулся Коля и потянулся потрепать того за ухо.

– Пошел ты! – отскочил Митя и хлопнул его по руке.

– Да ладно, Ушастый, – улыбался Колька. Без издевки, но и не примирительно.

– А ты тогда Рыжий будешь. Рыжий-рыжий, конопатый! Что, нравится?

– А вообще без проблем, пожалуйста, – с готовностью согласился Коля. – Только слишком длинно для прозвища. Зовите меня Рыж! – провозгласил он, воздев руку с бутылочной палицей.

Даже Митя воодушевился, забыв про обиду:

– А меня тогда... М... ми... уша... Уш-ш... Уж! Ага! Зовите меня Уж!

– Ужик? – с улыбкой предложил Рыж.

– Нет уж! Уж и только Уж! Иначе будешь у меня Рыжиком, понял?

И Митька бросился на друга, тот сорвался с места. И пару минут они безумствовали в догонялки. Потом еще минут сорок уже втроем они попинали мяч в одно касание и посоревновались в чеканке на трех уровнях: стопа, колено, голова. А выкипев наконец и перегревшись на солнце, направи-

лись в единодушном порыве в магазин.

Коля и Митя, скинувшись монетами, взяли три кружки бурого кваса, холодного и питкого.

– Ты же с города?

– И что?

Пацаны удивлялись, почему у Женька ни копейки денег.

– Как ты там без денег живешь? – спросил Колька, после того как причмокнул от серии шумных глотков.

Женя поморгал на ребят и пожал плечами:

– Родители в школу дают деньги на обед и на день рождения могут подарить. А еще за хорошие оценки в четверти, но... я их уже потратил.

– На форму твоего... как там его?

– «Реала», – подсказал Митя, – да?

– Ага. То есть – нет. Не хватило, на форму копить надо. – Женька крутил в руках полную кружку, ребристое стекло было прохладным и влажным. – Потратил на шоколадки, фишки и наклейки в журнал футбольных сборных.

Рыж рассмеялся:

– Ну ты даешь! – и толкнул Митьку локтем. Тот подносил кружку ко рту, дернулся и немного пролил на носки.

– Эй, блин!.. А у меня на шоколад аллергия с детства, – поделился он, потряхивая ногой. – Так папа говорит, он врач.

– Шоколадки, – усмехнулся Колька. – Я вот на велик коплю. А Дэн на CD-диски ненашинские, а до этого он уже накопил на CD-плеер и мне, между прочим, отдал свой старый,

кассетный, прикинь! И вообще, как раз он-то со мной и делится мелочью, бывает, и бумажные дает.

– Плеер это классно, – согласился Женек, хотя усмешка его задела. – У меня у сестры старшей тоже есть. Кассетный.

– А я у мамы в карманах собираю: когда мелочи много, не заметно, если возьму несколько, – признался с дерзкой ухмылкой Митя, но кончики ушей уже на последнем слове предательски запылали.

– И ты что, совсем не ешь шоколад? Давно? – не верил Женька.

– Наверно, лет с пяти.

– А сейчас тебе сколько?

– Через месяц будет тринадцать, – обрадовался Митька, будто неожиданно вспомнил об этом. – Ну, вообще, я ем иногда конфетки там, мама угощает такими типа, от которых аллергии не будет.

– Чего ты с ней танцуешь, – вставил вдруг Коля и кивнул на кружку в руках Женька. – Пей давай.

Женя глупо хихикнул и хлебнул кваса. Холодная струйка побежала вдоль позвоночника, а во рту потекли слюньки.

– Пей квасик на заре, пей квасик перед сном, – завел Рыж, и дальше они с Митей пропели вместе: – Пей квасик на траве, пей квасик за столом.

– Пей пиво! – прозвучало от Коли.

– Ешь мясо! – пробасил Митька.

Они рассмеялись.

– Дискотека Авария, любимая группа Дэна, – пояснил первый. – И моя тоже.

Он двинул полупустую кружку к центру, и ребята, ответив, чокнулись.

Не успели они отойти от магазина и на десять шагов, как Митю окликнул какой-то мужчина. Не окликнул будто бы, а потребовал строго и нетерпеливо. Развернулся и направился к ним. Выйдя они на секунд пять позже, они, похоже, разминулись бы: мужчина шагал так резво и широко, что на счет пять был бы уже, наверно, в конце улицы.

– Пошли домой, – бросил он еще на подходе, словно оставившись не собиравшимся. Очки в толстой оправе отвлекали от выдающихся ушей, надежно держащих их дужки.

– Но я же у мамы сегодня... И завтра, – скорее, удивился, чем запротестовал Митька.

– Пошли, говорю. У мамы другие планы, ей сегодня не до тебя.

Ему все-таки пришлось притормозить.

– Как? – помрачнел Митя.

– Ну, сынок, как? Как обычно, у кого-нибудь юбилей из толпы ее подруг. Идем.

– Здравствуйте, Марат Юрьевич, – протянул руку Коля.

Мужчина рассеяно кивнул, но свою ладонь положил на плечо сыну и подтолкнул. Печально вздохнув, тот сдвинулся с места.

– А что мы будем делать?

– Сварганим что-нибудь на ужин и телевизор посмотрим, – ответил отец заметно мягче.

– Вместе?

– Конечно. Ну, наверно, если меня не вызовут.

– Ну да, – кивнул Митя, затем обернулся: – Пока, пацаны, Уж уполз.

– Пока, – улыбнулся Женек.

– Ешь мясо, – бросил Рыж и махнул рукой.

Вдвоем они постояли еще с минуту, провожая друга, пока тот не скрылся за поворотом улицы.

– Что, по домам? – спросил Коля, и не понятно было, хочет он того или это его огорчает. Сказал бодро, улыбнулся неуверенно.

Женька привычно пожал плечами. Стемнеет нескоро, а после кваса, казалось, и голод поутих. Но внезапно он вспомнил про футбол. 1/8 финала!

– А время сколько?

– Время? Да еще полно, – заключил Рыж, глянув на солнце. А затем, крутанувшись на месте, почти крикнул старичку, вышедшему из магазина: – Дед Алексей, сколько на ваших часиках?

От старости у деда была лишь седина в волосах и бороде, сам он выглядел подтянутым, статным, хоть и невысоким. Он нырнул рукой в потрепанную барсетку на поясе и достал часы – не наручные и даже не карманные, а натурально на-

стольные. Большие, с ладонь, толстые, которые заводят ключиком со спины, когда ставят будильник.

– Полчетвертого, балбес, а ты шатаешься без дела.

– Спасибо, дед Алексей. Чешите дальше.

Старик отмахнулся. Промазав в первый раз, со второго вернул часы в поясную сумочку и зашагал своей дорогой.

– Черт! – вырвалось у Женька. – Матч начался!

– Да?

– Одна восьмая. И, кажется... – он уже не мог стоять на месте. – Играют бразильцы.

Они кинулись по проулку на их улицу. На перекрестке Женя свернул направо, а Колька притормозил:

– Ты тогда беги, а я к себе...

Женька хотел было рвануть дальше, однако Рыж почему-то в свою сторону даже не смотрел, не то что бежать.

– Я это... к себе пока не пойду... Нель... не хочется.

– Давай к нам! – позвал Женя. Не задумываясь, так естественно, что не ощутил ни стеснения, ни волнения. – Я же у тебя был.

Коля поглазел по сторонам, решаясь. Вздохнул, отпустив что-то с воздухом в небо, или нет – скорее, сбросив на землю, и улыбнулся:

– Ну, бразильцев надо видеть, конечно.

Женек оказался прав: играли бразильцы. Хотя с удивительными бельгийцами (а ведь на их месте могли быть наши)

желто-синим было не до игр. Не ошибся и Коля – такое, действительно, стоило увидеть. До середины второго тайма ни у кого бы язык не повернулся сказать, что Роналдо и компания стопудово выиграют. И чем дальше, тем сильнее рос в Жене болельщик сборной Бельгии. Сумели бы наши парни так потрепать мировых чемпионов?

Колька же преданно гнал вперед бразильцев, сохраняя при этом спокойствие. То ли стеснялся в гостях, то ли не желал показаться впечатлительным мальчишкой в глазах Катюхи, со скучающим видом шаставшей из комнаты в комнату.

И пускай чуда не случилось, волшебство все же состоялось: чеканя мяч, слету и с разворота, в окружении защитников и из-за пределов штрафной Ривалдо пробил так, что, казалось, только ради этого гола и случился этот матч. Гол расколдовал и Рыжа, высвободив и радостный крик, и ликующее потряхивание кулаком. Катька лишь хмыкнула, заметив, что Бекхэм может и не так. И было вдвойне забавно видеть ее лицо, когда после финального свистка комментаторы порадовались, что всех любителей футбола ждет по-настоящему шикарный четвертьфинальный матч между Бразилией и Англией.

– Хотите, покажу кое-что крутое? – спросил Колька уже за воротами их дома.

Игра закончилась, и он заторопился домой. Но бабушка Мария, конечно, не отпустила его, не накормив золотистой картошкой и сочной куриной ножкой. Ужинали все: и Женя,

и Катя. Сашка еще не вернулся, тетя Лиза повезла его на рынок купить маечки, штанишки, но приедет братишка наверняка еще и с парой игрушек. Под последние глотки компота в кухню ввалились и сестры. Оля, Таня и Лариса. И младшие поспешили сбежать.

О нечто крутом за столом Рыж почему-то не обмолвился ни словом. И вот когда уже пришло время обменять «пока» на «пока», у него вырвался это вопрос. Вырвался с соответствующей интонацией.

Женька не был уверен, что после такого грандиозного матча может быть что-то круче, но обижать нового друга не хотелось.

– Показывай, – согласилась Катя и замерла в ожидании.

– Так это... не здесь. В смысле, не с собой же у меня.

– А где?

– Там, – он неопределенно махнул рукой. – В конце улицы.

– У тебя там тайник? – нафантазировал Женя.

– Мы вчера были там, ничего крутого не видели, – заметила сестренка, теряя интерес. Она прислушивалась к смеху девчонок в доме.

– Ну, так хотите или нет? – вновь спросил Коля с некоторой обидой. Хотя в глазах вопрос поблескивал надеждой.

– Конечно, Рыж, – решил Женек. Неожиданно легко для себя отказался от обычного вечера перед телевизором. Да и не пропадут же они там надолго – вот это уже будет не круто. Так что на «Слабое звено» он успеет, а «Комиссара Рекса»,

ладно уж, пропустит.

– Не пойду, пока не скажешь что, – Катька уперла руки в бок. – Может, фигня какая-то типа коллекции фишек или мертвых жуков, пауков там, бэ.

– Это дом, – не выдержал Колька. – Пустой, заброшенный.

Брат и сестра переглянулись.

– И что там? – не сдавалась она.

– Там... у огня собираются мой брат с друзьями.

– И призраки, – прошептал Женька.

* * *

Время словно повернулось вспять, и улица разворачивалась обратно. Они возвращались по своим следам. Миновали перекресток, Колины ворота, и футбольно-березовый пятачок, и ту самую выбоину, что уместила и мяч, и их троих. Экскурсия по местам экспедиции, случившейся только вчера, а, кажется, так давно.

А огненная башка гида вращалась из стороны в сторону. Вот стоят дома Картавых Юриков, братьями они не были, зато оказались соседями. Быстрым шагом Коля вел городских дальше, указывая уже напротив, на высокие рыже-черные ворота. Двор за ними охранял Клык, пес, укусивший его за ляшку в шесть лет.

– Просто так! Вообще ни за что!.. А тут живет Витька-пьяница. – Они проходили мимо покосившейся избы с пыльными окошками, больше похожей на сарай. – Он обычно

дыхнет здесь. И когда бывает скучно, мы залезаем его будить. Сколько способов уже придумали! Надо будет вам показать. – Колька рассмеялся.

Кирпичный «дворец» в два этажа ему представлять не пришлось. Женька и Катя сами повернули к нему головы. Вчера сестра уже решила, что это и есть деревенский клуб. Однако оказалось, что сюда в августе, ровно на неделю, приезжает Япончик, узкоглазый жирдяй, у которого самый крутой велик в деревне.

– Прокатится раз за всю неделю, а с нами даже не поделится... Ого! У кого-то гости, кажись. Праздник какой-то, класс.

Рыж на пару секунд замер на небольшом перекрестке. От их улицы в сторону уходила еще одна, покороче и поуже. У ворот второго по счету дома выстроились кривовато три автомобиля, между ними бегали детишки, играя в догонялки. Со двора доносилась музыка и смех.

– Я здесь мало кого знаю, – обронил Коля, потом добавил: – Отсюда, кстати, Ушастый топает к маме, там дальше дорога в соседнюю деревню.

Катя, услышав музыку, вспомнила волновавший вопрос:

– А где у вас тут дискотеки? У меня сестры собираются.

– Так мы уже прошли клуб, – как само собой разумеющееся произнес Рыж.

– А чего ты не показал? – разозлилась пораженная Катька.

Он с глупой улыбкой пожал плечами. И она закатила гла-

за, пробормотав:

– А Витьку-пьяницу – пожалуйста, а кому он нужен...

– Ладно, пойдёмте, уже рядом.

На этот дом Женя и Катя, прогуливаясь здесь, не обратили никакого внимания. Возможно, потому что каждый искал совсем другое, а возможно, из-за деревьев. Высокие ивы разросшейся листвой скрывали и фасад, и ворота, обступив дом с обеих сторон. Из-под облупившейся темно-зеленой краски глядело серое дерево. Но ворота казались крепкими, тяжелыми, на калитке висел большой замок с налетом ржавчины. Окна плотно прикрыты ставнями, неподвижными и абсолютно немymi. Женек не вглядывался, выскивая рыжие шляпки гвоздей, но догадывался – створки прибили. На дальнем окне, чернеющем в густой тени ивы, створки не хватало. На ее место приколотили доски. Либо крайне небрежно, либо что-то отодрали. Покатая крыша в прорехах с зубастыми краями могла свистеть и завывать, но и она молчала. Жестяное покрытие сорвали на металлолом, наверное, давным-давно. Хотя осколки шифера в высокой траве перед домом подсказывали, что, возможно, жестяных листов и не было. В один из провалов хлипкой крыши нависающая ива запустила ветви, кончики которых торчали из соседних брешей. Они, конечно, шуршали и поскрипывали, царапая по сухим доскам. Но не сейчас.

– Тихо, – отметила Катя.

– Ага, – кивнул Колька.

А Женька огляделся. В обе стороны уходил проулок, упирившийся в главные улицы. Он выглядел пустым, хотя дома по соседству были жилыми: из труб шел дым и доносился все тот же гусиный гогот. Обычная улочка, вовсе не Переулок Призрачных Домов, а было бы прикольно. Выдуманное название Жене понравилось.

– Чего «ага»? Я говорю – тихо, что-то не похоже, что здесь друзья собираются твоего брата, – заворчала сестра.

– Так они ночью собираются. Сейчас-то как? Все заняты. В поле, огороде да колхозе.

– И чего стоим?

– Ну, так...

Коля шагнул к воротам, но Катька договорила:

– Пошли домой.

– А? Почему? – расстроился он.

– А чей это был дом? И что с ним случилось? – вклинился Женек, продолжая рассматривать то, что от него осталось.

Он никогда не бывал в заброшенных домах. В папиной деревне рядом с жилым стоял старый и пустой. Высокий, бревенчатый и хмурый. Но он не был заброшенным, просто оставленным, хранившим пыльное прошлое. А в городе, в соседнем дворе, стояла двухэтажная бетонная коробка с неизменно черными голыми окнами-глазницами. Серый Дом, так они ее называли. И вот он-то как раз был заброшенным. Чуждый, холодный, безжизненный, он пугал и в то же время манил. Притягивал слухами о призраках самоубийц и

маньяке, звал испытать себя, хвостануть бесстрашием. Женька ни разу не входил в Серый Дом. Хоть и представлял, как вмазал бы маньяку кирпичом по роже, спасая Лину Гайфулову, самую красивую девчонку в классе.

– Не знаю... Уже ничей. Я помню его только таким, – ответил Рыж. – Кто тут жил, без понятия... Хм, я даже не спрашивал почему-то. Была бы какая-нибудь история интересная, знал бы, рассказали бы сто пудов.

«Можно придумать», – мелькнуло в голове Женька.

– Надо придумать, – в ту же секунду вырвалось у Кати.

– Зачем? – слегка удивился Колька.

– Чтобы было интересно, – дружно ответили братишка с сестрой.

И кто-то даже посмеялся.

Не они сами и не Коля. Кто-то за мертвыми стенами и слепыми окнами, там, внутри.

– Ого! А они все-таки здесь, – загорелась Катька. Подошла к воротам, потянула за замок.

– Не туда, – позвал ее Рыж, шагнул к другому краю и пнул по доске. Нижний ее конец отскочил, и он отодвинул доску, приоткрыв узкий лаз в воротах.

– Класс, – обрадовался Женька. Он всегда мечтал воспользоваться как-нибудь таким вот потайным ходом.

– Чего это они решили без Дэна посидеть? – размышлял Колька, пока они пролезали в щель. – А! Или специально пораньше собрались, пока он не уехал на работу? А он сегодня

работает? Не пойму что...

– Тсс... – оборвала его Катя. – Сейчас все узнаем.

Во дворе оказалось заметно темнее. Женя бросил беглый взгляд. И подскочил на месте. В каком-то метре стояла конура. Но никто, конечно же, на них не набросился. Сторожевой пес залаял бы, еще когда они только подошли. Женька, храбрясь, толкнул конуру ногой. Ничего. Только тихо звякнула цепь. Она по-прежнему крепилась к конуре. Женек проследил взглядом, где она обрывалась, – ожидал увидеть собачий скелет. Оживший, злобный, кровожадный. А может, одинокий, молящий освободить его наконец.

– Жэк, – шепотом позвал Коля.

Они были уже у крыльца, и он, отгоняя фантазии, поспешил к ним. От трех ступеней покосившегося крыльца осталась одна, верхняя. Поэтому под ней кто-то уложил друг на друга пару кирпичей. Дорожка примятой травы посреди буйных зарослей выдавала тайную тропку постоянных гостей: они приходили с задворок.

Из-за двери послышался вкрадчивый голос. Словно кто-то рассказывал страшилку, играя громкостью. И, действительно, когда голос смолкал, уши будто бы улавливали тихое поскуливание.

– А чего они не поют? Я думал, они будут петь, – встревожился Женька.

– Когда там только пацаны, зачем им петь, – объяснил Рыж, но как-то не особо убедительно.

А внутри вновь грянул дружный смех.

– Смеются, – Катя заговорчески улыбнулась. – Давайте на-
пугаем. Посмотрим, будет им смешно.

– Свихнулась? – прошептал Женя.

– Не, прикольно, – зажегся Коля. Хотя в этой густой тени
уже смотрелся брюнетом. – Дэну точно понравится.

– Отсюда? – сестра кивнула на приоткрытую дверь.

Он пожал плечами, оглядевшись. Окна и здесь оставили
заколоченными, да и высокогато прыгать. Махнул рукой и
шагнул на кирпичи, затем на ступеньку и дальше. Катька
следом. Оба они были и старше Женька на год, и выше ро-
стом, крупнее, но именно когда он, умирив дрожь в колен-
ках, забрался на крыльцо, только тогда хлипкая доска под
ними скрипнула.

Они замерли, прислушались на миг. И беззвучно захихи-
кали. Голоса внутри не затаились, не смолкли. Веселились,
правда, эти двое. Женька же ощутил себя на минном поле.
Мина щелкнула, но не сработала. И теперь по всему телу по-
бежали раскаленные иголки.

Он разозлился на себя: совсем не так представлял вылаз-
ку в заброшенный дом. Должно было быть захватывающе и
волнительно, просто «вау!» и «ничего себе!» Почему-то он
забыл, что еще может быть страшно и жутко. И не «может
быть», а должно. И не «еще», а в первую очередь. Женек
разозлился, потому что, блин, он же не один, да и внутри
друзья Дэна, а Дэн – брат Коли, а Коля, считай, его друг. Че-

го бояться? Это розыгрыш, шутка, они их напугают, и все посмеются. Он представил это и попробовал улыбнуться. И все равно его не покидала осторожная мыслишка, а не лучше ли постучать?..

И именно в этот момент Катя взялась за дверь. Потянула на себя. Скрип петель показался воплем в сравнении с писком половицы, воплем протяжным, как скрежет зубов, и таким же противным. Сестра застыла с перекошенным лицом. Колька разинул рот, брови поползли на лоб. Жене захотелось схватиться за голову и обидеться на них. Не послушали его! Хоть он ничего не говорил.

Вновь они обратились в слух. Несколько секунд дом выдыхал тишину. Каждый слышал лишь свое сердце. И, неожиданно, едва уловимые обрывки музыки с чужого праздника. Затем кто-то за стенкой что-то сказал, и другие кто-то снова рассмеялись. Они заговорили как прежде. И трое мелких авантюристов выдохнули.

Двое не передумали: Рыж примеривался к тем сантиметрам, на которые дверца отворилась, Катя ждала. А третий уговаривал себя, мол, ему слышалось, что в смехе том что-то недоброе. Коля, задержав дыхание, буквально просочился в щель. И потонул во тьме. Сестра, погладив дверь-старушку, выпросила у нее еще парочку бесшумных сантиметров и тоже скользнула внутрь. Для Жени же сложность таилась лишь в том, чтобы сдержаться и не постучать-таки в дверь. Хотя бы из-за суеверия.

Они очутились в темном коридорчике. Слабого света из двери хватало, чтобы понять: он завален хламом. Но не доставало, чтобы быть уверенным, что хлам этот неживой. Только тусклые искорки света тут и там на полу выдавали стеклянные бутылки. В другом конце тоже был свет. Тусклый и невесомый, он пролился откуда-то сверху, да так и повис, не коснувшись пола. Голоса доносились из той темноты, что справа. Вернее, голос. Он звучал громче, но по-прежнему неразборчиво. Хотя нет, звуки, буквы разобрать можно было, но они не сливались в слова. Какое-то бессмысленное бла-бла.

Вдруг зажегся огонек. В какой-то паре метров от Женька. А от Коли, залезшего глубже, вообще на расстоянии вытянутой руки. Нет, сообразил Женя, без расстояния, просто на вытянутой руке. Колька сам держал этот огонек. Пламя, рожденное зажигалкой.

– Дурак, погаси, – прошипела Катя.

– Чего? Не видно же нихрена, – возразил Рыж.

– Ты же выдашь нас, идиот.

– Глупындра, никого ты не напугаешь, они не маленькие.

А Дэн вообще не из трусливых.

– А где костер? – спросил Женька шепотом.

– А? – Коля направил руку с зажигалкой в его сторону.

– Ты говорил, они собираются у костра, а здесь темно и...

– А-а! – вскрикнул Колька и замахал пламенем во все стороны.

– Вот видишь: испугался? – пропищала Катька. – Ты недооцениваешь эффект неожиданности, так что давай-ка...

– Добро пожаловать! – прозвучало вдруг ясно и четко.

И от названного эффекта все трое подскочили и сотрясли тьму испуганными гласными. А в следующую же секунду они кинулись бы к двери, если бы не довольный смех, простой и понятный, и веселое заклинание, уговаривающее остаться:

– А мы вас здесь ждем...

Что-то вспыхнуло во тьме. В той, по правую руку, откуда это прилетело. Ребята повернули головы, хотя все остальные части тел, казалось, готовы были умчаться прочь.

Это был фонарик. Его луч, направленный вверх, освещал лыбящееся лицо: щеки и лоб в пепельных мазках, в светлых прядях – пара черных перьев. Парень походил на индейца. Или на сумасшедшего, сбежавшего из сторовшего курятника.

– Дима? – неуверенно спросила Катя. И ее тело немного оттаяло.

Индеец кивнул, отчего по лицу поползли тени. Он сидел на полу, судя по тому, что ребята уставились на него сверху вниз. На полу соседней комнаты – теперь он различили проем в стене. Женька наконец выдохнул, пригляделся. И узнал в нем того пацана, что сидел в компании сестер, когда он искал Сашу.

– Что ты здесь делаешь оди... Где все, куда спрятались? – попробовала усмехнуться Катюха. Коля, выставив руку пе-

ред собой, водил огоньком вокруг.

– Так вот вроде должны прийти. Твои сестренки. Сидим, ждем. Дурачимся, – вновь заулыбался Дима, а затем завыл: – У-у-у!

Катька рассмеялась. Рыж, покосившись на нее, неловко усмехнулся.

– Серьезно, Олька, Лара сюда припрутся? И Таня тоже? – не верила она.

– Разве это не они вам рассказали? Как вы тогда, пупсики, вообще сюда попали? – тут он вдруг погасил фонарь и исчез. Правда, тут же захохотал.

Не успели ребята отреагировать ни испугом, ни смехом – лишь Колька замахал рукой чаще, – как Дима вновь озарил бледным светом лицо. Угольные рисунки остались, а вот перья в волосах пропали. Может, он их смахнул, а может быть, они сами слетели, потому что теперь он стоял. В какую-то долю секунды Женек заметил еще кое-что: в миг, когда фонарик зажегся, глаза индейца стрельнули куда-то в сторону.

– А Денис тоже придет? Мой брат? – спросил Коля.

– И Дэн придет, а как же. Будем страшилки рассказывать, мы вот придумали одну, хотим его наконец испугать.

Рыж растянул улыбку:

– Хах, попробуйте.

– А где костер? – выдавил кое-как Женя. Он все еще помнил, как посмеялся над ним этот блондин в прошлый раз.

– А? – не понял сперва Дима. – Ну да, реально, пацан.

Точняк... Давай зажигалку. – Он потянулся к Кольке. Тот слегка отстранился.

– А «мы» это кто? – осмелел Женек.

– Давай, давай, – манящим движением кисти индеец уговаривал Колю. – Что, у брата стащил, воришка?

И, как бывает в кино в сценах допроса, резко направил фонарик тому в лицо. Колька зажмурился. Дима хлопнул его по руке, державшей зажигалку. Катя отскочила. А Женька заметил, как луч света выхватил у них за спинами чьи-то мускулистые плечи с лямками майки.

– Ей! – возмущенно-испуганно воскликнул Рыж.

– Бу!! – грохнуло позади.

Там же вспыхнул новый фонарь. И из темноты, подкрававшейся к ним, показались те самые накаченные плечи, подбородок, уши. Все остальное лицо скрывалось за черепом. Пугающе белым, улыбающимся чернотой и подмигивающим дрожащими тенями в глазницах. Кто-то, дружок Димы, второй индеец, нацепил его на голову, как маску.

– У-у-у!! – завыли они дружно вслед рванувшей прочь тройце авантюристов. И это «у-у-у» потонуло в их неудержимом, на грани плача, диком крике:

– А-а-а!!!

Потом уже, дома, в безопасности родных стен и при свете ярких ламп и телевизора, Женя и Катя сошлись, что видели одно – не человеческий череп, но звериный, костлявую морду огромной собаки или обычной коровы.

Но до этого был еще лисенок.

Убегая сломя голову, Рыж сбил фонарик в руке Димы. Катька, не отставая, задела его, уже упавший на пол, кроссовкой. Он завертелся. И ровно в тот момент, когда луч его света замер, Женек запутался в своих коротких ногах и рухнул вниз. Руки и подбородок пронзила боль. Правая коленка заныла. Уши оглохли от хохота кровожадных индейцев. А в нос ударил запах пыли, мочи и горелых волос. Инстинктивно Женя взглянул на свет. К сожалению, фонарь освещал совсем не путь к спасению.

Был другой проем в другую комнату, напротив той, где их ждал Дима. А может, не ждал. Конечно, не ждал. Никто их здесь не ждал, не звал и видеть не хотел. Фонарик прогнал тени с порога этой комнаты. Недалеко. Однако заставил их показать нечто тайное, нечто странное – на первый взгляд, и пугающее – на второй, третий и все последующие.

Женек увидел лисенка.

Моргнул и понял: это не лисенок, а ребенок в лисьей маске. Дрожащий всем телом ребенок в рыже-черной, остроносой лисьей маске. Дежавю прошибло голову, тут же ее покинуло, уступив место судорожно завывающей сирене ужаса. Мальчик или девочка, лисенок сидел на полу, обняв коленки, и, кажется... скулил – так он подрагивал и прерывисто вдыхал.

Женя приподнялся. Как бы страх не гнал его прочь, в нем вспыхнуло дикое желание забрать лисенка с собой – да он же

прямо как он сам! – схватить за руку и выдернуть из пожиравшей его темноты. Желание вспыхнуло, но всего на миг. Словно почувствовав это, лисенок приподнял голову и, наверное, взглянул на него. А в следующее мгновение из тьмы за его спиной вынырнула рука и легла ему на плечо. Огромная ладонь на маленькое плечико. Пять толстых пальцев на сжавшееся плечо. И еще один – большой – обхватил шею сзади.

Пальцев было шесть. И Женек зажмурился.

Он вскочил, толкнув коленкой фонарь. Может, случайно. А может, спасая себя. Луч света уперся в стену и морду крысу, глазеющей из дыры. А лисенок исчез. Но Женя знал, мчась к двери, что тьма забрала его за секунду до этого, еще из тусклого, сдающегося света фонаря. Только-только смолк хохот индейцев, только-только Катя выбежала на крыльцо. А спустя пару вдохов и Женя толкнул дверь. И она заскрипела так, что он на миг подумал, что это лисенок, глотая слезы, взвыл от ужаса, боли и обреченности.

Это был мальчишка. Да, кажется, мальчишка. Крутые, модные и дорогие кроссовки на его ногах подсказывали это.

Катка и Коля, согнувшись, стояли по центру проулка, в пяти надежных метрах от ворот, когда Женек пролез между досками. Они хохотали, прерываясь на то, чтобы отдышаться. Солнце клонилось к закату, сгущая тени, и он поспешил сбежать на свет.

– Чего вы угараете? – разозлился Женька.

Ребята уставились на него, переглянулись и рассмеялись вновь. Он не мог видеть себя со стороны, возможно, и в самом деле его вид казался забавным. Испуг, злость, растрепанность. Он осмотрел себя. Ссадина на коленке, три мелких царапины на запястьях, на подбородок лучше не давить.

– Побежали, – махнул рукой Рыж.

Не «пойдемте», отметил Женек, а «побежали» – они тоже напуганы. Хотя не видели того, что видел он.

– Там был мальчик, – рискнул признаться он.

– Ага, еще один придурок. Но разыграли они нас, конечно, классно, – хохотнул на бегу Коля.

– Уроды! – добавила Катя.

– Нет, маленький мальчик. В другой комнате... Или девочка. Не знаю, он был в маске лисенка.

Женька отставал. Не потому что не мог быстрее, а потому что убежать было стыдно. Словно он предатель, трус, бросил мальчишку, такого, как он сам, в беде. Но все равно бежал, потому что один он ничего не мог. Да и боялся.

– Какого еще лисенка? Это был череп. Фу, брр! – Колька замотал головой.

– Я никого мальчишку не видела, там вообще ничего не видно в такой темноте, – отозвалась сестра.

– Да не этот парень, говорю! Мальчик в другой комнате. Фонарик упал и осветил в нее.

Они свернули на свою улицу, пробежали еще пару домов и перешли на шаг.

– Наверно, братик чей-то. Пришлось взять с собой, – спокойно предположил Коля.

И это, в принципе, вполне могло быть правдой. Женек задумался на несколько секунд.

– Эх, расскажу Дэну – он посмеется. Может, возьмет с собой в следующий раз.

– Хм, прикольно, – заинтересовалась Катя.

– Кажется, он плакал, – не сдавался Женя. – И они за чем-то нацепили ему лисью маску.

– Как тут не расплакаться, они же все там в каких-то чудищ вырядились. Странно, конечно... Дэн про такое не рассказывал.

Они подходили к его дому.

– Жендос, ты ведь опять все выдумал, чулана тебе мало? – подколола Катька. – Или показалось – там вообще темно, а с нашим зрением, сам подумай...

Женька колебался, говорить о руке с шестью пальцами или нет. Вот если бы сестра тоже заметила тогда эти ужасные кисти водителя в «девятке», а так... Так будет ясно сразу, что он нафантазировал.

– Ну где тебя носит? – к ним подбежала встревоженная тетя Шура.

– Да мы гуляли просто, светло же еще, – заворчал Рыж и вздохнул.

– Сказала брату твоему: «Иди, Кольку поищи, вдруг случилось чего». А он шиш чего, дожدهшься от такого. «Чего

с ним нянькаться, – говорит, – не маленький, дорогу домой знает».

Коля зарделся, расцвел, заулыбавшись:

– Конечно, мам, хватит тревожиться.

– Ты поуказывай мне еще, – строго высказала она, но тут же приобняла и похлопала по спине: – Беги домой, гуляка.

Колька поплелся к воротам, оглянулся и махнул рукой:

– Пока, Жэк! Пока, Кать!

Они ответили ему тем же. В лучах закатного солнца он был почти бронзовый. Монумент неунывающему авантюристу.

– И зачем только я с вами поперлась? – пожаловалась Катька, когда они подошли к своему дому. После того хмурого, полумертвого дома лазурно-белый бабушкин домишко казался невероятно красивым. В окнах горел золотистый свет. Оля, Лариса и Таня заняли весь диван и, кажется, лопали вишню. Дядя Юра в кресле смотрел телевизор. А где-то на соседней улице, в такой же уютной комнате, вспомнил Женек, у экрана уселись Митька со своим отцом, уж и ужик.

В окне возникла миниатюрная фигурка, припала к стеклу и живо замахала рукой. Это Сашка караулил их на стульчике у подоконника. Женя отсалютовал ему.

– Хотела на Дэна позырить, сто пудов, – ответил он на упрек сестры.

Они проходили через ворота, и Катька пихнула его в спину:

– Заткнись! И хватит выдумывать.

Он лишь рассмеялся и сбежал:

– Угадал, угадал, ха-ха-ха!

* * *

Женек был уверен, что эта их вылазка в заброшенный дом и столкновение с Индейцами станет историей, которую они будут вспоминать и рассказывать, пририсовывая новые интересные, изо дня в день. А еще надеялся, что они узнают, кто там был еще, кроме Димы, и он убедится, что у кого-то из них есть братик, живой и невредимый.

Однако все вышло по-другому. Эту историю из умов и с говорливых языков вытеснила кошмарная новость следующего дня. Ночью случился пожар. Сгорел дом.

Коля, напуганный и безумный, повторял:

– Это я обронил зажигалку, я обронил зажигалку, я поджег...

До тех пор пока они не побежали с зеваками к пепелищу.

Сгорел не заброшенный дом, а жилой, на той улочке, что отходила от их. Дом Самсоновых. Тот самый, в котором были гости, музыка и веселье. Был праздник, а значит, и пьянка, а тут уж, бывает, и от пожара не убережешься.

Но просто сгоревший дом все-таки не смог бы напрочь перечеркнуть крутую и угарную историю о доме заброшенном, если бы, конечно, сгорел лишь дом, а люди спаслись. Но он перечеркнул, потому что люди не спаслись. В пожаре по-

гибла вся семья и все гости. Соседи не успели, огонь сожрал дом пугающе и невысмыслимо быстро. И невероятное везение, что не перекинулся на рядом стоящие.

А к вечеру по деревне разнесся новый слух. Чайная ложечка горького меда в угольной бочке дегтя. В доме были не все. Нашлась девочка лет одиннадцати, Ксюша Самсонова. Она приехала в гости к бабушке и дедушке с родителями и братиком. Мама попросила ее последить за братиком Антошкой, не отпускать от себя. Но Ксюша не уследила, потеряла его. Потому ушла из дома искать его и потерялась сама. Это ее и спасло.

Но спасся ли Антошка, терялся ли? Или просто уснул в одной из комнат? Ксюша ответить не могла, но никто и не пытал ее расспросами. Если потерялся – найдут, а если нет – посчитают... и тоже найдут.

Не найдут, почему-то был уверен Женя, и от этого было страшно и горько. Не найдут, он навсегда остался узником дома между двух ив. Остался, потому что он его оставил?..

Женька глубоко-глубоко прятал, куда не достанет фонарик, черный сгусток вины. Но ведь как? Ну что он мог сделать, испуганный мальчишка?

Или все-таки, может быть, пускай он все выдумал...

Человек дождя

Приехала мама. И по одному взгляду на свою старшую, видно, поняла, что-то не так. Спрашивать не пришлось – бабуля, посмеиваясь, поведала, как внучата пропали, а затем явились вечером мокрые и без сил. Мама не смеялась – сперва испугалась, потом хмурилась, наконец, вздохнула и покачала головой.

– Вот ведь путешественники.

– Да все же нормально, мам, – протянула Оля.

– И совсем не страшно, – смело добавила Катя.

Они стояли перед дверьми зала. Напротив, за кухонным столом, сидели две мамы. Женек снова следил за часами и их гириками на цепочках. Он знал – его, скорее всего, ругать не будут.

– Могли уж на такси попробовать доехать, – сказала мама детям, хотя казалось, будто спрашивает у бабули: «Ведь так?»

Оля закатила глаза на секунду раньше, чем прозвучало Катино:

– А я говорила, я предлагала!

Женек вспомнил свое дорожное открытие о том, как, вероятно, нелегко Оле постоянно отвечать за них, и тоже подал голос:

– Оля – молодец, хорошо, что она... это... вообще, в

смысле... старшая.

– Вот и слушайте дальше... Что, прям от самого поворота шли? Пешком? С сумками? – уже не испуганно, а с каким-то обреченным удивлением спросила мама.

– Ага, – вздохнула Оля, припомнив, похоже, вес баула.

– Ага, – радостно повторил Женя.

– И немножко на тракторе, – добавила Катька, показав на пальцах «немножко».

Бабушка захихикала, засмеялась и мама.

– Что, не соскучились? – развела она руки в стороны.

Вместо ответа Женька и Катя подбежали к ней, она прижала их к себе, не вставая.

– Мамкина, – пропели они, утопая в ее мягкости.

Она погладила их по спинкам. Потом встала, и они обнялись с Олей.

По давней традиции мама привезла к деревенскому столу сладостей – пряников и конфет. И они сели пить чай. Хотя бабушка, конечно, вперед чая поставила доченьке серьезную такую тарелку с куриным супчиком, вручила хлеба и два яйца вкрутую.

Приехала мама. Третий день как. И если раньше ни дядя Юра-Великан, ни тетя Лиза и уж тем более бабушка не спешили и не усердствовали с тем, чтобы поручать молодым гостям работу, то мама... Мама, понял Женя, ни капли лени не желала видеть в своих помощничках.

Он спокойно шел домой после неотложных дел в туалете и выбирал, чем заняться – посмотреть футбол или обежать улицы, на которых еще не был, когда во двор вошла мама и решила все за него. Она уже помолодела – в бежевой козынке, цветастом сарафане и галошах. Как на старых фотографиях. Сказала, мол, они вчера накосили травы на лугу, и теперь надо бы ее поворошить, чтобы подсохла в сено. Мол, приготовьтесь, мои помощники, через часок – другой пойдем ватагой.

Вот так, легко и просто. Как мама умела. Потому что в деревне отдыхают не от работы, а для работы между работами. Женек опечалился и весь поник так, что тело, секунду назад готовое промчаться по деревне, вдруг зануло. Он скорее побежал в дом.

Понуро топя к двери кухни, не сразу заметил приоткрытую дверцу в чулан. На краткий миг замер и поежился от холодка по спине, но тут же вспомнил, что эта тесная темнота уже несколько дней как не страшная, а интересная. Вот и теперь Женек передумал бежать к телевизору: «Чего это дверца-то открыта? Человек-Пальто приглашает в гости?»

Он подошел ближе, еще чуточку оттолкнул дверь и просунул голову.

– Человек-Пальто, это ты? – позвал тихо.

– Нет его тут, – прозвучало неожиданно близко.

Женька отпрянул. Голос был не Человека-Пальто. Неужто Черный Мяук?!

Лишь на второй или даже третьей секунде понял, что голос знакомый. Проверая догадку, распахнул дверцу шире. В этот раз она тихо пискнула, но ничего не изменилось. Никого он не увидел – тусклый свет сений топтался на пороге и рассекать тьму не собирался.

– Сашка, ты что ли? – буркнул он туда, потому что знакомый голос был голоском братика. Кажется.

– Ага. Я, – отозвалась темнота. – Ты сказал, здесь живет Человек-Пальтон, а никого нет.

«Са-а-шка», – расслабился Женек. Так ворчать мог только он. И шагнул через порог внутрь.

Поводил рукой туда – сюда. Вспомнил рост братика – помахал рукой пониже. И хлопнул ему по затылку.

– Эй! Это ты? – начал недовольно, закончил с тревогой Саша.

– Чего? Я тут.

– Ты мне стукнул по голове?

Женька шагнул в сторону и ткнул в него рукой:

– Нет, я здесь стою. – Не разыграть братика не мог. Смешно же.

– А кто? – прошептал тот, а затем громко и храбрясь: – Кто здесь? Эй! Ау! Человек-Пальтон, ты это?

– Ай! Это ты? – притворился Женек.

Они стояли сантиметрах в двадцати, наверное, друг от друга, но все равно не видели ничего. Ни лиц, ни рук, ни стен, только подсвеченную дверную щель.

– Что? Нет. Что случилось? Я нет, я ничего не делал.

Женька почувствовал, как братик крутится на месте.

– Кто-то кольнул меня в плечо, – придумал он.

– Кто это? Кто это? Кто тут? – зачастил испуганно Сашка.

Налетел на Женьку и вцепился в его руку. – Это он? Человек-Пальтон? Он же хороший, ты говорил.

– Пальто-о, – протянул Женя.

– Чего?

Наверное, смотрит на меня, догадался Женька.

– Посвети, а, – взмолился братик и задергал руку.

– Чем я тебе посвечу?

– А вдруг он плохой? Давай пойдем.

– Кто?

– Пальтон!

Женек засмеялся.

– Ты чего, дурак? – Сашка ударил его кулачком по животу.

– Он Человек-Пальто. Паль-то-о, а не Паль-тон-н! – грозно пробасил Женя.

– И что?! Он плохой! Пошли, ну! – Он тянул за руку.

– погоди, Сашка, – весело остановил его Женек. – Это я был. Блин, точно, сейчас понял – это я тебя случайно ударил по голове, когда искал.

Саша оставил руку в покое:

– А тебя кто кольнул?

– А это... эт я придумал... Попался! – рассмеялся Женька и, наугад найдя голову братика, взъерошил ему волосы.

– Дурак! – отмахнулся Саша. – Про Пальтона тоже придумал?

– Нет, – ответил Женя. Одновременно с голосом из темноты.

– Нет там буквы «н», – продолжил голос.

– Опять ты?! – закричал Сашка, и Женька почувствовал локтем его мстительный удар.

В следующий миг он увидел, как братишка поглаживает кулак. Свой кулак увидел и он сам. И испуганно бросил взгляд вокруг.

– Смотри, – прошептал он.

Женек повернулся туда, откуда донесся голос и шел свет и откуда возник Человек-Пальто в прошлый раз. В темноте повисло пламя, огонек выхватил из нее воротник и две верхние пуговицы.

– Это Человек-Пальто. Без «н» на конце, – произнес он, как если бы знакомил брата с приятелем на улице.

– Пальто? – прошептал Саша, не отрывая глаз от света.

– Да, видишь – воротник и...

Пламя вспыхнуло сильнее, и показались рукава и пальто до пояса. Пуговицы застегнуты не были, но свет в нутро не проникал.

– Здравствуйте. А Вы... – неуверенно заговорил братик. – Вы хороший?

– Как это понимать? – отозвался голос. – Пальто хоть старое, но... Не отличное, но хорошее.

– А Вы добрый?

Огонек задрожал:

– Ну и вопросы у тебя... – кажется, он смеялся. – И не надо на «вы», говори мне «ты» или «Человек-Пальто». О-о!

– А Вы страшный? – не унимался Сашка.

– Хватит, Саш, – оборвал его Женя. – Он... друг.

Повисло молчание. Пламя горело так плавно, что казалось, будто замерло. Будто что-то обдумывало.

– Так-то я могу быть страшным. Хотите?

– Нет-нет, Человек-Пальто, мы просто... зашли проведать. Пойдем сейчас сено ворошить, – поспешил сменить тему Женя и положил руку на плечо брату.

– Вот как? Ох, я помню, ненавидел ворошить сено... А косить любил. Или... наоборот? – Он замолчал, пламя сжалось до семечка.

– Мы, наверно... – начал Женя.

Но голос не заметил:

– Кажется, я не любил ни косить, ни ворошить. Помню, пойдет дождь – всё, думаю, вилы сегодня в руки не возьму. Видел уже Черного Мяука?

– А? – единственное, что вырвалось у Жени, настолько неожиданный был вопрос.

– Футболку сжег? Его силы крепнут.

– Нет, но... но... А почему я?

Женек не вспоминал про загадочного Мяука ни разу, не думал о нем, поэтому, на самом деле, знать не знал, видел ли

он его. И уж тем более не догадался сжечь футболку. Только теперь, в этот момент, какой-то дрожью вкралась мысль – так это, похоже, не шутка.

– Ты – чужак в его краю. – Воротник пальто приподнялся, плечи расширились, подлетели, рукава подались вперед. Он словно навис, а затем прыгающий огонек приблизился. – Он чует такое сразу, как паук – мошку, позарившуюся на его паутину.

Сашка смотрел заворожено. И будто забыл, что надо бояться.

– Но я же... не один, да... не единственный, наверно, приехал в гости, – Женька разозлился такой несправедливости, но прозвучало это, скорее, как мольба – а вдруг ошибка, вдруг есть чужаки и почужачей его?

– Не каждый его увидит, такие ему не интересны. А вот чужака, осмелившегося заглянуть к нему в гости, он ждал очень давно. И скоро будет готов... – Человек-Пальто осекся, и рукав тихо опустился Женьку на плечо. – Но ты же помнишь: ты не должен бояться и...

– И оставаться один, – закончил Женя. Удивительно – он помнил.

– Точно. – Пальто вернулось назад, ужалось. – Сожги футболку.

И огонек погас.

– Но кто он? Как... как выглядит? – бросил Женек во тьму.

С ее глубин отозвалось:

– Ну, знаешь, здесь темно, а он черный.

Затем глубины пропали, и Женя явственно ощутил тесноту стен и сваленного хлама. Он подтолкнул Сашку:

– Пошли, а то мама твоя будет ругаться.

Женек сидел в зале и смотрел телевизор. Залез на кресло с ногами и пытался вникнуть в футбольный матч. Получалось плохо – только спустя десять минут он понял, что это повтор, и вспомнил про дни перерыва перед четвертьфиналами. После этого вообще перестал следить за игрой. Комментаторов слышал лишь обрывками из-за гомона сестер, игравших в карты на диване рядом. Зато ничто не заглушало собственных мыслей и слов Человека-Пальто, звучавших в голове.

Как и где он может сжечь футболку? Закинуть в печь? Стащить коробок спичек и найти укромный закуток на улице? А потом мама обязательно скажет – где эта самая футболка? Да и ладно с этой рваной майкой, но вот что он непонятному Мяуку сделал такого?

Сашка молчал в соседнем кресле. Еще на кухне Женька наказал ему никому ничего не говорить. Во-первых, все равно не поверят. А если поверят, то накажут. Это уже во-вторых. В-третьих, он сам, кажется, еще не верил.

– Слышал, нас сегодня забирают сено ворошить? – окликнула его Катя, за пару секунд до этого выскочившая довольная из игры, когда ей подмастили.

– Сколько же там сена, кошмар! – Женек вспомнил маму, которая была до чулана, и огорчился еще сильнее.

Кроме Катюхи, на диване, который был разложен, резались в «дурака» Оля, Лариса и Таня. С ним вместе – пятеро. Действительно, сена, похоже, целый луг.

– Зато вместе, – возразила Оля, размешивая карты.

– Зято вмести, – вырвалось у Жени.

– Офигел? – удивилась она и метнула в него грозный взгляд.

Он хорошо знал эти «гляделки»: они упирались в него, когда он не слушался, или мусорил дома и пачкал пол, или не затыкался и нес свою обычную чушь. И значили они что-то вроде «Почему ты такой идиот?!»

Однако на лицах ее секунданток мелькнули улыбки, и он подумал – не офигел ли в самом деле? Серьезно? Прямо вот так надо огорчаться? Тут же вся тревога и озабоченность спали, и Женька глупо улыбнулся.

Оля на миг закатила глаза, махнула головой и стала раздавать карты. На втором круге прервалась и, уставившись в окно, пробурчала:

– Хотя да, вообще не хочется куда-то идти и торчать там под палящим солнцем.

И продолжила раздачу.

– В деревне всегда так, дел по горло, – отозвалась Таня, разглядывая и переставляя карты.

– Козырь – буби, – объявила Оля.

И Катька возмутилась:

– Опять?!

Женя усмехнулся: он сидел позади и потому видел, что красных ромбиков у нее полно. Дома они часто играли в «дурака» с родителями, только по парам, и с сестрой у них была настоящая система пальцевых обозначений достоинства карт. Но главному они так до сих пор не научились – следить, какие карты уходят, а какие, соответственно, остаются на руках.

Кто действительно мог не переживать о луге, полном сена, так это Сашка – пока мал, да и аллергия. Он об этом и не задумывался, сидел рядом и смотрел мультики. И когда только успел переключить?

«Вот бы и у меня была аллергия, – мелькнуло в Женькиной голове. – К сену бы не прикасался, а может, и в чулан бы не сунулся! Был бы счастливейшим мальчишкой на свете». Стал прикидывать, от чего еще такого неприятного избавила бы аллергия – от вытряхивания ковриков, чтения старых книг, ношения шерстяного свитера. Потом дерзкая мысль дошла до конфет и тортиков, и он помрачнел. А когда понял вдруг, что его, задыхающегося и чешущегося, могут не взять в футбольную команду, так вообще плюнул через плечо и постучал по ручке кресла.

Катя тем временем раскидала все свои козыри и вышла из игры. Забралась на подоконник и задрала голову:

– Да-а, и ни одного облачка.

– Загорать будем, зачем тебе тучи? – пошутила Лариса, с бледными руками и ногами и красным обгоревшим носом.

– Мы же ворошить собрались, чтобы сено что? Высохло... А если дождь?.. – Катька, наоборот, не шутила.

«Точно!» – подумал Женек, вспомнив слова Человека-Пальто. Не про Мяука, которые хотелось забыть, – другие.

Он подошел к соседнему окошку. Створки были распахнуты, а подоконник нагрет. С бледно-голубого неба метило в глаза добела раскаленное солнце. Отмотав время назад, Женька понял – дождь пропал после их приезда. Он помнил грозу и не единой капли после.

– Будешь играть? – спросила Оля, собирая карты.

Он кивнул. Сестры задвигались, прижимаясь и освобождая место. Он мотнул головой, глянув на часы. Двадцать восемь минут до выгона на плантацию. Вздохнув, забрался на диван.

– Если дождь будет лить вечно, случится потоп, – сказала вдруг Таня, когда Катя вернулась со своей разведки.

– В смысле? Зачем вечно? – ничуть не смутилась она.

– Я к тому, что, даже если сегодня пойдет дождь, сено никуда не денется, сестренка. И завтра тебе придется придумывать что-то новенькое.

– И придумаю, – улыбнулась Катя и стала загибать пальцы, – Ураган, раз. Пожар, два. Под таким-то солнцем – легко. Что еще?.. Ползучий сенный монстр.

– Чего? – удивился Женек, раскладывая веером доставшиеся карты. Поэтому, вероятно, не ясно было – адресовано это Кате или выпавшим ему картам. Сестренка без колебаний решила, что ей:

– Когда накосят, значит, очень много сена, ночью оно сливается в одну огромную кучу, – придумывала она на ходу, успевая примериться к картам, – гигантскую, в два раза больше нашего дома. И ползет потом этот монстр по деревне выволакивать своих братьев из сеновалов.

Таня усмехнулась, качнула головой. Лариса рассмеялась, с восторгом глядя на Катю. Оля же, привыкшая к фантазиям младших, спокойно выложила перед Ларой пару восьмерок.

– Он же и к нам придет, у нас сеновал! – Это Сашка подскочил на кресле, испуганно выпучив глаза.

От его вида хохотнули уже все. Через паузу улыбнулся неуверенно и он сам.

– Не бойся, Саш, она все придумала, – успокоила Оля и толкнула Ларису в плечо – мол, кроешь восьмерки или берешь.

– Тем более он же не страшный, огромная мягкая куча, – добавила Таня, – в такой приятно повалятся, – и неодобрительно посмотрела на Катю.

Та пожала плечами, будто ни при чем.

– Ну, не такой он и безобидный, – вставил Женек.

– Началось, – буркнула Оля. И выкинула десятку вслед

Ларисиной.

– Если Ползучий сенный монстр проглотит человека, – продолжил Женя, – то набьет в него столько сена, что, когда выплюнет, тот будет уже пугалом. И останется им навечно.

Сашка в кресло-то сел, но к мультикам не вернулся – слушал, приоткрыв рот, уже без испуга, казалось, с интересом.

– Зато прикончить-то его проще простого, – вмешалась Лариса, благополучно покрыв Олины и Катины карты. – Одной спички достаточно. И сгорит он вмиг и без остатка.

– Не, не, не. Поджигать его – большая ошибка, – возразил Женька. – Он ведь так спалит и всю деревню.

– Так, дети! Прекращайте, – не выдержала Оля. – Ларис, ходи давай.

Но сестра смотрела совсем не в карты, а куда-то в потолок. Только спустя несколько секунд повернулась к Оле, глянула вопросительно.

– А, ну да, – опомнилась, вытянула карту, но так и не выложила. – И как же с ним справиться? – спросила, улыбаясь.

– Как – как? – задумалась Катька, потянув шоколадную прядку ко рту. Была у нее такая привычка. – Косить надо меньше! А то накосят поле, а нам потом ворошить и по ночам бояться.

Двоюродные сестры по-родному рассмеялись.

– Ну, Катюха, блин. На вот, держи даму. – Лариса выложила карту.

– Ничего себе! Глядите-ка, как люди ходют.

Катины пальчики забегали по карточному вееру. Глаза не отставали. Наконец она прикрыла даму крести семеркой сердечек – козырной. Женек поспешил скинуть пару семерок. Но сестра лишь обрадовалась:

– Вот молодец, – и покрылась девятками.

– А еще можно призвать Небесную Буренку, – выдал Женя свою придумку.

Девчонки уставились на него с недоумением. Но не Катя, она в тот же миг шустро сгребла карты и отложила к «бито».

– Ну, чтобы справиться с Сенным монстром, – объяснил он, и игра продолжилась. – Рассказать?..

– Ты убрала, что ли, уже? – опомнилась Таня. Катька спокойно набирала себе карты из колоды.

– Рассказать? – не сдавался Женя.

– Небесная Буренка? – уточнила Лариса. Название ее развеселило.

– Ага.

– Господи... – прошептала Оля.

– В общем, надо на небе найти облако, похожее на корову, и попросить его спуститься на землю, произнеся заклинание. Тогда облако обернется огромной, с волнистой и белоснежной шерстью, буренкой. Она-то и сможет прожевать и съесть Ползучего сенного монстра. И спасет нас всех, – закончил он.

– Круть, – закивала Катя.

– Да, интересно, – отозвалась Лариса. – Никогда б не по-

думала.

За своей легендой Женька не заметил, как атака на Таню закончилась. Карты убрали в «бито». И пришла его очередь покрываться.

– Кстати, про заклинания, – начала Катька. – Я вот знаю один секрет взрослых... Рассказать?

– Погоди-ка, – Женьку хотелось послушать, но сейчас он был занят своим спасением. Как на зло уже третья его карта имела сестру на руках его сестер.

– Давай, рассказывай – рассказывай, – ответила одна из них – Оля, а потом ему: – А ты бери – бери.

Выхода, действительно, не было, не хватало еще козыря к его одному, и он забрал карты себе. А Оля открыла второй круг.

– Забрали меня как-то мама с папой на дачу. То ли полоть, то ли ягоды собирать, – заговорила Катя, пока Лариса покрывалась. – И помню, я стала в них водой брызгать. Так, это валет там?... Отлично, вот еще тогда. Брызгаю, веселюсь так, ну, чтобы со скуки не завянуть. Им, конечно, это скоро надоело, и мама тогда говорит типа: «Хватит, Катя, будешь с водой играть – дождь начнется».

Она сделала паузу. Не то чтобы специально, просто колебалась – выкинуть ли еще карту, когда Лариса принялась собирать «битые». Не выкинула. И Лара выложила перед ней свою последнюю – бубнового короля. И вышла из игры.

– Ну-у? Поняли, о чем я? – спросила Катя, легко покрыв

короля козырной шестеркой. Хотела убрать, но Женя встретился:

– Куда?! Погоди-ка, хитрюга, – и подкинул ее заваливавшиеся шестерки.

– Ты все про дождь, Катька? – Лариса потянулась и покосилась в окошко.

– Ага, – кивнула она, покрываясь. Но Женька не сдавался и сыпал разномастьем из того, что накидали ему самому. Еще одну карту добавила Таня.

– Всё, всё. Больше нельзя. Не лезет, – запротестовала Катя.

Потом секунд десять поглазела на карты в руках и те, что на диване.

– Жендосик, молодец, – она покрылась как по нотам, ушел козырной туз.

– Черт, – а он, получалось, подмастил. Таня, хмуря лоб, уже выбирала, какой картой на него сходить.

– Ну, так пошли, – Лариса толкнула Катю в плечо и кивнула на окно.

Та заулыбалась, подскочила:

– Пошли.

Они стали выбираться с дивана. Таня чуть повернулась, отодвинулась, пропуская их. На пару секунд Женька увидел ее карты, но от внезапности ничего не запомнил. Правда, еще через пару мгновений увидел одну из них вновь. Сестра швырнула в него даму.

– Куда они? – спросила после.

– Видимо, вызывать дождь, – усмехаясь, ответила Оля. У нее оставалось две карты, но скидывать их она не спешила.

На этих словах Сашка опять поднялся в кресле и перелез на подоконник.

Женя покрыл даму королем. Тут-то Оля и подсунула его червового коллегу. И Женек уже доставал козырь, вот только он был той же масти, что Олин король.

– Черт, – сообразил он и забрал карты себе.

Потом была чистая математика: Оля отдала Тане последнюю карту, Таня покрыла ее и скинула Женьку свою последнюю.

– Ну блин, – бухнул он карточный веер на диван. И это был звук поражения.

А затем в распахнутое окошко ворвался другой звук. Задорный смех и крики.

Визжала Катя, хохотала Лариса. В следующие мгновения верещала Лариса: «Холодно! Холодно!» А Катька хихикала. Наконец, все слилось в один общий переливчатый смех, и вторила ему какая-то булькающая дробная трель.

Вмиг двор стал куда живее зала. И будто бы даже тот тяжелый, густой жар, что стоял у самых окон, развеялся прохладой, задвигался, завихрился. Сашка довольно улыбался с подоконника:

– Ха-ха, классно!

Женек слез с дивана и подошел к другому окошку. Со вто-

рой попытки запрыгнул животом на подоконник и выглянул. Но во дворе оказалось пусто. Только в воздухе витал узнаваемый аромат – запах дождя. И последние капельки ныряли еще в ведра и чан у колодца. Женька задрал голову – ни облачка в лазурной вышине.

Кухня взорвалась смехом, а затем в зал вбежали пропавшие сестры. Промокшие, растрепанные и счастливые. Их однотонные футболки – бежевая у Ларисы и голубая у Кати – стали теперь в горошек, беспорядочный, с раздавленными в кляксы горошинками. Безумные прически сочетали пышные, воздушные локоны с поникшими, слипшимися, словно тающими прядками. Улыбки и лица в каплях придуманной росы отдавали прохладой.

Катка по-собачьи замотала головой. Мелкие брызги заморосили на секунду, атакуя Олю с Таней.

– Наигрались? – Оля отстранилась, улыбаясь и отмахиваясь.

– Проказницы! – пожурила Таня и стала вытирать доставшиеся ей капельки.

– Еще как! Охладились, взбодрились, – Катя поскакала по залу.

– Даже спать расхотелось, – поделилась Лариса. И пальцами встряхнула прическу. Немного дождя вновь обрушилось вокруг.

– Ну что, дурачок или дурочка? – спросила она, собирая оставленные в беспорядке карты.

– Женек – дурачок, – пропела Таня и глянула на братика.

– Поду-у-умаешь, – растянул Женька, играя в безразличие. Отошел от окна и шлепнулся в кресло.

– Маму не видела? – поинтересовалась Оля. Развалилась, опершись на стену, и вытянула ноги.

– Не-а, – замотала головой Катя. Она щипала футболку, чтобы та подсохла.

– Где они ходят теперь? – заворчала Олька. – Я настроилась справиться до вечера, сейчас уже час. И вообще не охота теперь куда-то выходить.

Лариса с Таней понимающе закивали. И Женя понял про вечер – снова думают с пацанами прогуляться. Он и сам не знал, чему радоваться, а чему печалиться. Не пойдут сегодня ворошить – хорошо. Казалось бы. Но сегодня как раз нет новых матчей, он бы ничего не пропустил. А завтра – четвертьфиналы. Не может же пронести и сегодня, и завтра, и послезавтра. Сено-то, в самом деле, никуда не денется.

– Прямо какое-то воскресенье сегодня, действительно, – согласилась Таня. – Чем дальше, настроение выходное.

Она зевнула. На счет пять зевнула и Оля. У Ларисы рухнул карточный домик.

– Чего зеваем, тетеньки? – прогремела Катя. – Ну-ка, марш на водные процедуры!

– Отстаньте, Катерина, со своими глупостями, чес-слово, – отмахнулась Оля. – Мы в печали.

Воцарилось молчание.

И в какой-то момент в этом безмолвии тихо зашептала земля, и бетонная дорожка, и крыша бани. А затем раздался Сашин возглас:

– Смотрите! – удивленный и испуганный.

Женя подпрыгнул в кресле и обернулся к окну. Подбежала Катя. Лариса подняла голову от карт.

– Дождь? – не мог разобрать Женька.

– Это дождь! Ха-ха! Дождь! – заголосила Катя. И вытянула руку во двор.

Сзади подошла Лариса:

– Серьезно? – она глядела в небо.

На сером бетоне дорожки под окном высыпали одна за одной то тут, то там темные точки. Та же напасть случилась и с красновато-оранжевой жестяной крышей бани. Только точки там шипели, как на сковородке, и вмиг бледнели, затем исчезали. Но испарялась одна – рождалась новая.

А вот найти капли в воздухе, в полете, Женя не мог. Смотрел вверх и гадал – откуда они берутся, да и есть ли вообще. Тут в Катину ладошку ударила капля. Потом другая, третья.

– Вот, гляди, видишь? – Она показала расцелованную дождем руку Жене. Показала Ларисе. – Вот так вот! Дождь пришел, Ларис!

Помахала кистью перед лицом Тани, брызнула с пальцев в Олю. Их взгляды тоже были прикованы к окну.

Темные точки, вспыхивая уже по несколько за раз, объединялись и побеждали иссохшую серость. Даже раскален-

ная крыша не успела расправиться с каждой. Ведра и чан у колодца жадно и шумно глотали и напивались. И это была целая музыка. А солнце сияло, бессильное или подслеповатое.

И когда у окон столпилась вся компания, когда и Оля, и Таня выглянули в невозможный, казалось, двор, все вдруг закончилось. Смолкло, пропало.

Они замерли, выжидая. Вскинув головы к небу.

Целую минуту ничего не происходило. Женя проверил дорожку. И на мгновение решил, что время пошло вспять: точка – клякса на глазах исчезла. Бесследно. Моргнул – не досчитался еще одной. На ее месте – бледно-серая шершавость. Словно вернулась назад капля, в небо. Оно забирало их, будто передумало. Точно не хватило ему лишь Катиной веры и задора Ларисы.

– Почему бы и нет, – это Оля восстановила ход времени. Все обернулись к ней.

– Если работает, – добавила она, а затем Кате: – Показывай.

Та расплылась в улыбке:

– Бежим к колодцу. И кто кого забрызгает!

Схватила сестру за руку и потянула.

– Ну смотри! – Оля потрепала ее по макушке.

– Оля? – позвала Таня с некоторым замешательством.

Она обернулась, заулыбалась, загораясь затеей. И, пожав плечами, шагнула в кухню за Катькой.

– Ну пошли, Танечка, давай. – А это уже Лариса утянула за собой сестру. – Не будь тетенькой.

– Господи, Ларкина, я тебе голову-то намочалю! – проворчала Таня. Лариса хохотнула.

Но раньше, чем они пересекли порог кухни, в нее проскочили Женек с Сашкой. Их-то уговаривать не требовалось. Еще бы – они бегут вызывать дождь!

Перепрыгнули кухню, распахнули толстушку дверь, пролетели сени – и на крыльцо. Странно радоваться дождю в разгар лета, но сейчас Женя дико желал, чтобы он хлынул. И не потому даже, что тогда не быть этой скуке в поле да под солнцем. Просто невероятно классно, если дождь – твой.

Наперегонки под первые Олины визги они натянули кроссовки. Под неудержимый Катин смех – рванули с крыльца. Саша с одной, Женек с другой стороны. Ступил на бетонную дорожку. И застыл.

Смех прошел мимо. А затем и вовсе отлетел – далекий и неожиданно горький. Конечно, они могут смеяться! Его же улыбка тихо обвисла, утянулась. Ноги сами вернулись на ступеньки крыльца. Ладони взмокли.

– Ты чего? – глухо прозвучал Саша.словно эхом и ото всюду сразу. Но тут же вернулись дикий смех, крики и сестринские взаимные обещания мести.

– Я? – произнес Женя, не отрывая взгляда от дорожки, и быстро придумал: – Сбегаю... за кружкой. Или ковшиком. Забрызгать всех... – печально глянул на водометную пере-

стрелку, – хорошенько.

Старательно улыбнулся и скрылся за дверью. Стянул кроссовки, покосился на чулан. Может, Человек-Пальто смеется над ним? Издевается?

И зачем надо было лезть в темноту?! Разве во тьме может быть что-то хорошее?

Он пересек сени, толкнул, прямо-таки ударил дверь кухни и с обидой захлопнул за собой. В зале забрался на подоконник и выглянул. Проверил.

Они были там. Ему не показалось.

Следы Черного Мяука. На дорожке.

Она подсохла. Темные кляксы испарились. Но не все. Те, что остались, и показали ему черные следы кошачьих лап. Лап – размером больше его кроссовок. Следы – ведущие к дому.

Они и сейчас вели к крыльцу. Вот ведь, под самым окном. Женя сглотнул: «Это что же, выходит, он меня нашел? Вынюхал?»

Футболка! Сжечь! Быстро сжечь. Пока один.

Обернулся в сторону комнаты, где спрятал ее. Следы все еще стояли перед глазами.

Так поздно же? Выходит, так. Не успел. Или все-таки...

Когти – острые, ледяные – вонзились в спину. Холод прострелил по всему телу. Женька закричал. Слетел с подоконника на пол.

Майка мокрая. От крови?!

Когда свой вопль иссяк, он услышал дружный смех. Катин точно. И Сашкин.

– Попался! А нечего прятаться!

Женек повернул голову, пытаясь разглядеть майку со спины. Толком не увидел, но уже знал – не кровь, лишь вода. Просто его задело в водометной перестрелке.

Высунулся в окно. На дорожке стояла Катя, мокрая и довольная. От «горошка» на футболке и юбке не осталось и следа, теперь – только пятна. Редкие сухие пятна. Это уже не ранена, скорее, расстреляна. На лице – капли, с волос – капли. Как после дождя. И воздух – как после дождя.

– Ты чего там? Вылезай, – позвала она.

Саша, только что хихикавший рядом, побежал к колодцу. Там сестры взяли передышку. Тыкали пальцами на «раны» друг друга, хохотали и спорили, у кого больше. Точно как маленькие.

– Так дождь же скоро, вот-вот, – пошутил Женя.

И оба они запрокинули головы. Небо по-прежнему стояло чистым. Солнце скатилось с зенита.

– Ты тоже должен... Дай капель, вдруг не хватит, – сестра убрала с лица прилипшую прядку.

Он покосился на дорожку. Лапы Мяука никуда не делись.

– Вот ковшик возьму и замочу всех.

Подошел Саша. Старательно держал ладони лодочкой и осторожно ступал. У самой дорожки приподнял ногу да недостаточно. Запнулся. Разомкнул руки и пролил заряд во-

ды, предназначенный, конечно же, Женьку.

Но совсем не расстроился. Внезапно. Улыбнулся, глядя, как растекается клякса. Не расстроился и Женя. Наоборот, вдруг стало легче. Заряд, разорвавшись, стер с лица дорожки кошачью лапу. Ее не стало.

«Нужен дождь!» – понял Женек.

И рванул за ковшиком.

На крыльцо он выбежал во все оружие. И все равно оказался застигнут врасплох. Катя, Сашка и даже Оля метнули с рук веер стремительных брызг. Не увернуться. Лицо обдало прохладой, а по оранжевой майке растекались метки посвященного в этот чудной обряд.

Раздался победный вой.

– Сухим не уйдешь!

– Когда с неба дождь! – крикнул он в ответ. И махнул над перилами ковшиком, полным воды.

Огромная клякса взметнулась вверх. Растянулась, замерла и... Лопнула, взорвалась. И обрушилась снопом солнечных искр на заклинателей дождя. И никто не сбежал, не укрылся. С радостными ахами они вскинули руки и поставили лица навстречу каплям света. Воздух дышал влагой. Казалось, его можно пощупать, взболтать или выжать.

А затем грянул гром.

И лязг металла.

Лазурь в вышине сияла безупречной чистотой. И явно молчала. Грохнула другая синева. Синева ворот. Дверь за-

хлопнулась, и на дорожке возле застыли мама, дядя Юра и бабушка.

– Что тут творится? – спросила мама, изумленно глядя на промокших детей и омытый двор.

Дядя Юра-Великан смотрел хмуро и вместе с вилами в руке походил на Посейдона. Но когда Сашка, завидев его, радостно замахал рукой, дядя усмехнулся и качнул головой. Бабушка же с живым интересом изучала небо.

Отлепляя мокрую футболку, Катя очень натурально пожаловалась:

– Вот, под дождь попали.

Теперь вверх глазела и мама. Секунд пять. Потом они подошли ближе, топчя следы Черного Мяука.

– Какой дождь? Ни облачка за весь день не было, – не понимала мама.

Взглянула на Олю – та оглаживала юбку, смахивая оставшиеся капли, на Женю – он старательно прятал ковшик. Наконец, обернулась к Юре, к бабуле, своей маме.

– Домашний дождик, Лена, – произнесла та с улыбкой, – самый обыкновенный домашний дождичек.

Женька покосился на Катю. Оля стрельнула глазами на Ларису и Таню. Катя вдруг дернулась, будто что-то кольнуло. Вскинула голову.

– Какой? – спросила мама смущенно.

Бабушка улыбнулась ей, приобняла.

– Вот этот! – воскликнула Катя.

И вода хлынула.

В самом деле. Частыми, жирными каплями, сыпящимися неизвестно откуда. Ясно, что с неба: они падали – отвесно, с упорностью камикадзе, на землю, дорожку, на крыши, на пораженных заклинателей и ошарашенных взрослых. Но как?

Женек слетел с крыльца и встал под этот дождепад. Прозрачные капли возникали, казалось, у самого лица и били его, не успевающего уследить, по лицу, волосам, ладоням, коленкам. Прыгали за шиворот, стекали по спине, а с губ соскальзывали в рот.

Дорожка была чиста, однотонно насыщенно-серая. Ливень смыл следы. Вот бы он смыл еще и его запах, и его страх, который тоже был в этом запахе. Смыл бы все, что предрекал Человек-Пальто.

Мама, опомнившись, стала загонять его обратно, замахала руками и сестрам, которые продолжали на бегу удивленно переглядываться. Заливая половицы крыльца вездесущими каплями, они потолпились у двери, озирались вокруг. Дождь мерцающей на солнце стеной шелестел в каких-то сантиметрах. С бетонной дорожки сбегали крохотные водопадики. Земля почернела, размякла. Жестяные листы крыши отбивали многозвучную дробь, а ведра и чан мелодично булькали и пузырились.

Наконец, они стали протискиваться в сени, стряхивая капли с волос и одежды. Пропустив детишек, вошла бабуля, бормоча под нос: «Ну, постарались, вот ведь намочили». По-

следним был дядя Юра, который медлил, растерянно поглядывая на абсолютно чистое летнее небо.

Дождь все еще бил тихо в окно, когда они сели обедать. Девчонки сидели в чалмах из полотенец. Переоделись в сухое. Мама, кроме того, строго наказала вытереться не только насухо, но и растереться натепо. Хотя домашний ливень не был холодным, да и солнце грело. Грела и печь. Женю мама отрумянила махровым полотенцем сама, дядя Юра ограничился пеленанием – Сашка единственный сидел полуголый и закутанный, как сказочный восточный царек.

Разбуженная бабушкой печь согрела ее же жаркое, чайник урчал на электроплитке. Ели молча, только Катька, счастливая, что-то мурлыкала под нос. А за окном – светло, солнечно и дождливо. Солнечные лучи, пойманные каплями и отпущенные чуточку безумными, метались по столу мерцающим роем крохотных «зайчиков». Иногда запрыгивали, покусывая, в глаза Женьку. Он щурился и улыбался.

На чае, правда, язык развязался:

– Мы теперь ворошить не пойдем, да? – спросил Женька у мамы, макая пряник в чай.

Оля поперхнулась и закашлялась. Лариса отвела взгляд.

– Ну, дорогой, поле находится далеко отсюда, там этот дождь... Как вы говорите – домашний? Он там не льет, – с хитрой улыбкой ответила мама.

С раскрытым ртом и подскочившими бровями он поко-

сился на Катю. Ее беззаботное мурчание оборвалось, бутерброд замер на полпути.

– Пойдем... – не спрашивая даже, скорее, отвечая, печально произнес Женя.

Однако мама с готовностью отозвалась:

– Да нет. Не нужно.

Оля поперхнулась во второй раз. Таня хмыкнула.

– Нет? Seriously? – выдохнул Женек, тут же спохватился: – То есть это... а почему?

Катя наконец укусила бутерброд, но жевала как-то уж напряженно. Дядя Юра раскрыл было рот, но мама его опередила:

– Ворошить нечего, сено пропало.

– Как? – вырвалось у Кати и Жени.

Сашка удивленно вскинул голову, и капюшончик полотенца сполз назад. Оля предусмотрительно оставила кружку с чаем еще после Танькиного смешочка.

– Съели, – развела руками мама.

И наступила очередь взрослых довольно переглядываться, сдерживая хихиканье.

– Крупная, видать, была буренка, – выдала бабуля, – молочная.

Когда хохот стих, оказалось, что затих и дождь. Он больше не стучал и не искрился. Последние капли, замирая на мгновения, сбегали по стеклу, оставляя свои ветвистые дорожки. А затем вдруг солнце взорвалось красками.

В скошенном прямоугольнике окна на скатерти стола уместилась палитра. Будто бы в какой-то миг стекло обернулось витражом. Все потянулись к окну, привстали.

Свет, а точнее – цвета лились с неба. Фиолетовый, рыжий, изумрудный, алый, лазурный, золоченый. Краски заполнили двор. Грязь, трава, дорожка, крыльцо, стены – всё выглядело, как в перевернутом мире дальтоника. И только петух, казалось, был в своей тарелке.

– Радуга, – пробежало по устам созерцающих невероятное и невозможное слияние цветов.

Женек побежал во двор. Спрыгнул с крыльца на дорожку и запрокинул голову. В самом деле – она. Радуга повисла прямо над ним, над двором и домом. Ее арки вспыхивали по очереди, плавно перетекали, вибрируя, друг в друга, но не смешивались. Она жила. Точно северное сияние. Только днем, при свете... Женя потерял солнце.

Во двор вышли сестры. Катя подошла к нему, не опуская головы. Мама, Юра и бабушка смотрели с крыльца.

Катя была в голубом. Кожа на его собственных руках – синеватая. Два шага назад Лариса казалась пылающей, теперь – позолоченной. Оля и Таня замерли в ядовито-зеленом свечении, словно стояли перед глыбой криптонита.

– Это просто нереально, – восхищенно протянула Лариса.

– Чу-де-са. – Дядя Юра-Великан вытянул руку над перилами и даже как будто пробовал ухватить рыжие лучи.

– Это что же, мы под радугой? – изумленно спросила ма-

ма.

– Или *в* радуге, – заворожено произнесла Таня, тоже разглядывая свою руку, рассекающую цвет.

– Мы *через* радугу, – мягко и нежно поправила бабушка.
Она улыбалась.

Когда деревья были гигантами

Они шли на восток. У Митьки нашелся компас. А те, у кого не нашелся – все до единого, – хотели подержать, покрутить его. Покрутятся с ним и, наконец, решительно махнут рукой, куда идти. Но Митя давал только подержать и ровно столько, чтобы стрелка дернулась раз – и хватит.

– Идем на восток, – сообщал он через каждые сто метров. И уши его, безоговорочно приметные, не старались теперь прятаться, как бывало обычно.

Женя, Сашка и Коля следовали за ним по земляной, местами пыльной, местами обветренной до глянца дороге в две колеи. Солнце перебегало от одного облачного укрытия к другому, давая путникам передышку. Легкий ветерок в такие минуты тоже оживлялся.

– Так ты говоришь, уже был там? – спросил Женек, всматриваясь в четкий строй осин – великанов в отдалении.

– Говорю же – был! – бросил Коля через плечо, он шел чуть впереди, в полушаге от поводыря и поглядывал на его компас. – С братом. Рассказывал же про посиделки у костра.

Двадцать минут назад они свернули в конце своей улицы не в проулок, соединяющий ее с соседней, а на эту дорогу, ведущую из деревни. Солнце в тот миг скрылось за облаком, больше напоминавшим каменную глыбу, и стало темно и холодно. Подлую мыслишку, что холодок этот связан не только

с притаившимся светилом, Женек прогнал тут же. Прогнал не смело, скорее – со злостью. Он уже не маленький, направляются они не далеко, и с ним его походный рюкзак. Ничего страшного!

И каждый шаг отдавался за спиной бульканьем воды в бутылке, шелестом пакета с пятью пирожками (яйцо с зеленым луком) и тихим чиканьем спичек в коробке. И только теплая кофта, крепко обнимавшая топорик, молчаливо покачивалась на дне рюкзака.

– И что же, нет там края земли? – шутливо поинтересовался Женя, хотя не знал сам – шутит ли. Ему просто нравилась эта мысль.

– Чи-во? Хах, – хохотнул Митя, – ну ты и дубина. У меня мама из соседней деревни как раз на той стороне. Так там еще и дальше земли до самого экватора.

Коля рассмеялся. Сашка, шагавший рядом, посмотрел на брата и хихикнул. Жене пришлось улыбнуться – подумают еще, что обиделся.

– И зачем же вы тогда пошли с нами? – спросил он после паузы.

– Мы с вами? – удивился Митька, защелкнул крышку компаса и спрятал его в карман шорт.

– Ну, да, я давно хотел заглянуть туда, а потом... Сашка проболтался вам.

Улыбка угасла на лице братика, он принялся изучать трещинки и кочки на дороге.

– Просто скучно дома, – пожал плечами Коля и добавил через десяток шагов: – А идем мы вместе, одним отрядом. Лады?

– Лады, раз уж так, – согласился Женька.

Солнце палило в открытую, и шею и голове стало горячо. Кепка – вот что он забыл, пришла запоздалая мысль. Они оказались на вершине невысокого холма. По левую сторону зеленело озерцо. Оно было зажато крутыми берегами, которые местами вдавались в него, образуя камышовые заводи. По правую сторону расположились конюшня и загон. Голый по пояс мужик вел за поводья по виду кобылу – пухлую, с карамельным окрасом и на коротких ножках. Она следовала за ним послушно, опустив голову и деловито помахивая хвостом. Дорога тянулась вниз и уходила за конюшню. А осины, отмерявшие край земли, тянулись ввысь с края оврага, одним из рукавов которого и была ложбина с озером на дне.

– Ну, видишь? – спросил Коля, кивнув на волны земли, уходящие к горизонту от конюшни и осин.

– Вижу, – согласился Женя с некоторой печалью.

И они продолжили путь.

Идея, которая радовала его еще с прошлых приездов в Нюргеци, окончательно зазвучала как фантазия.

Было утро. Несомненно, раннее, потому что помнится прохладный, в мельчайших капельках воздух. И потому что Женек, помнится, спешил вернуться в постель после туалета. Но в какой-то момент спешка пропала. Дотянувшись до

ручки дверей хлева, он замер и так и не толкнул их. Сперва подумалось, что это тишина – застывшая и голая – оставила его. Странная и нереальная: ни птиц, ни голосов, ни кипучей деревенской работы. И все же тихо не было, один единственный звук наполнял утро, заставляя каждую подвисящую капельку петь. Именно он оборвал нити, подтягивающие Женьку обратно в сон в теплую постель. Далекий, высокий, удивительно незнакомый шелест.

Женя обернулся.

Наверное, тогда он и заметил впервые эти исполинские деревья. Их разделяло пугающее своей протяженностью картофельное поле. Крохотному в те времена и одинокому в тот момент Женьку оно казалось ужасно большим. Он еще не был тогда на том конце, не доходил до края и верил – шагать до него несколько часов. А в то утро и края-то не было, он исчезал в легкой дымке, из которой тянулись такие же дымчатые стволы деревьев. Стройные и голые, как колонны. И только у самого неба, высоко-высоко, переливались они зеленью и серебром крон. И еще немного мягкой позолоты давало встающее за их спинами солнце. И сотни легких листочков дрожали мозаикой на ветру и осыпались с небес на всю притихшую округу этим шелестом. Необъяснимо далеким, словно с берегов неизвестных океанов.

Женек стоял, ежась от прохлады в одной майке, всматривался в туманную даль, в пограничные столбы деревьев – великанов и солнце, вынырывающее из-за них, и зачарованный

слушал долетающий сквозь время гулкой шелест. Тогда-то ему и подумалось, что он остался один, никого больше нет, и это всё лишь потому, что он оказался вдруг у самого края земли. Там, дальше за осинами, их мира быть не может, там живет солнце.

Только ощущение. В те секунды его наполняло ощущение, без слов. Они появились позже и зажили идеей: бабушкин дом – это дом у самого края земли, у солнечного царства.

Но, конечно, все было не так.

Они сошли с дороги, и скоро на их кроссовках не осталось ни единой частички пыли – все смахнула дикая, густая трава. И по зеленому они зашагали мимо озера к вытягивающимся по струнке осинам. Но охраняли они не границу миров, а всего лишь коллективный сад.

Забор, его огораживающий, Женек разглядел еще в прошлом году, когда добрался-таки, собирая выкопанную картошку, до дальнего края поля. Он чернел ромбиками сетки за стволами осин, а позади него раскинули ветви единым навесом деревья. И неясно было, есть ли там, дальше за ними, что-либо или нет.

Есть. Как бы зрение не подводило, спускаясь по покатому склону, Женя видел, что кончался сад, а земля и после него уходила холмами и оврагами к горизонту. И даже реалист в нем, познающий мир и игравший в школе с глобусом, не стал злорадствовать над утраченным сказочным ощущением, шепотом звучавшим как «дом на краю земли».

Коля тем временем с жаром рассказывал, как целовался с девчонкой всего месяц назад. Случилось это на военных играх «Зарница» под Комсомольском, куда его отправили от школы.

– Она играла роль утопленницы, а мне, ясно, ее спасать, типа первую помощь оказывать. Лежит, глаза закрыла и улыбается. Симпатичная, просто бомба! – Лицо его покраснелось, веснушки забронзовели, он шел влоборота и мотал головой, проверяя, чтобы слушали все. – Только я ей нос зажал, она, хоп, сразу рот открыла и ждет. Я воздуха набрал, склонился к ней, значит, и всё – обхватил губами рот, – тут Колька сделал паузу, натянув довольную улыбку. – Не успел выдохнуть, хотя нет – выдохать не надо было... Короче, она как губами впилась, засасывает просто. Я, естественно, не дурак, делаю вид, что все четко, по плану, типа два вдоха, как полагается. Сам тоже... к ее губам прилип, а дальше она, в натуре, сует мне язык в рот...

Дальше Коля сорвался на звонкий смех. Митька забыл про компас и улыбался, удивленно уставившись:

– И за грудь тоже это... массаж делал?

– Нет, это на манекене, – отмахнулся Коля, как отчего-то глупого. – Зато весь день потом с ней целовался. Уже нормально.

– А кто она?

– Не знаю, девчонка какая-то из деревни в соседнем районе, Кристиной звали.

Следуя за ними не спеша, Женя пригнулся, дернул травинку, ее колосок выскользнул из стебелька, и он засунул его сочный, мягкий кончик в рот. Стал жевать. Самому ему похвастаться было нечем. Посмотрел на молчаливого вдруг братика. Саша увлеченно следил за кузнечиками, сбегавшими от каждого его шага. Казалось, они выпрыгивали выше его головы, и он кивал им в ответ.

– Мы хотели сперва до этих великанов со своего участка добраться, – поделился Женек, когда Колька смолк.

– Курс – северо-восток, – объявил Митя. Осины и коллективный сад приближались.

– Но на пути оказался очень крутой овраг, – продолжил Женя, кончик стебелька он уже перетер зубами, но колосок пока не выплевывал, – Слишком крутой, почти обрыв. Но...

– Что за великаны? – перебил Коля. Его рыжие брови нахмурились, а веснушки недоверчиво сжались плотнее.

– Вона, – Сашка указал на вытягивающиеся с каждым пройденным метром деревья.

Все взглянули туда. Спуск как раз закончился, и смотрели они, приподняв головы, со дна небольшой ложбины. А осины, наоборот, стояли строем богатырей на вершине ожидавшего их склона. И в момент молчаливого созерцания до них долетел их гулкий шелест. Совсем не воинственный и все же могучий.

– Реально... гиганты, – согласился Колька. И брови в этот раз подскочили на лоб.

– Еще и древние, похоже, – отозвался Митя.

А Женя догадался – вот так они и живут здесь: сколько лет, а раньше не замечали.

– У нас тоже там, за огородом, овраг, – заговорил старательно живо Коля, будто смахивая наваждение. – Ага, точно – узкий, глубокий, но я и слезал, и скарабскивался обратно. И ничего.

Тут он рванул по склону.

Пока Митя прятал компас в карман, вторым побежал вверх Саша. Женек, выплюнув травинку, атаковал склон следом за Митей. Он не раз представлял, как пересечет эту придуманную заветной границу известного ему мира, и всегда делал это в одиночестве. Но вот – с ним мальчишки, для которых это просто стоящие в ряд деревья, так они еще и оказаться там думают первыми.

На согнутых ногах, коротких, но привычных к бегу, Женька бежал под горку. Не поднимал головы. Хватался за траву, когда кроссовки проскальзывали. Но скорости не сбавлял. Миновал Сашу, перешедшего на шаг и звучно дышащего. И снова Женек позабыл, что братику и во дворе-то бегать особо не давали. Но не остановился.

Догнал Митю. Тот покосился на него, улыбнулся. Но ответной улыбки – ох, как не хотелось Жене улыбаться – не дождался и, конечно, принял это как вызов. Пригнулся, заработал ногами. Секунды три – четыре они взбирались вместе, а затем он то ли оступился, то ли запутался в густой траве

и упал. Скрылся в ней, такой шупленький, одни уши торчали. Тут-то Женек смешинку выдохнул и, обливаясь потом, бросился дальше.

Осины уже нависли над ним, укрывая колыханием тысячи пальчиков длинных-длинных рук. И шелест их смешивался с его кашляющим дыханием и шорохом травы под ногами. Что-то кричали Митька и Сашка, но голоса их долетали, словно со дна ущелья. Оставались последние метры. Коле – последние шаги. Он шагнул раз, шагнул два, три – и склон закончился. Со сковывающей болью в ногах, в промокшей футболке и с потяжелевшим десятикратно рюкзаком за спиной Женек еще долгие десять секунд поднимался, едва не припадая к земле.

– Второй! Ха-ха, – рассмеялся Коля, когда он выпрямился рядом.

Женя не рухнул без сил, не согнулся, упершись в колени, не остановился. Сжав кулаки, пробежал мимо. И финишировал только у осины.

Прижался к ней, отдышался, посвистывая. Пот стекал по лицу, его солоноватый вкус ощущался на языке. Он смахнул капли. Затем, не отпуская дерева, пошел вокруг. Пальцы заскользили – кожа по коже. И древесная оказалась удивительно теплой. Сухой, шероховатой, с щекочущими бороздками и царапающими шишечками, но теплой. Солнце, догадался Женя, и что-то еще. Это не дерево стен и не дерево дров, это дерево само в себе дерево.

Он шел, задрвав голову. Борозды и гребни, извиваясь и ломаясь, ползли вверх и терялись, выглаживались. И дальше тянулся ввысь уже гладкий, монолитный столп, и его бесконечность терялась наконец в размашистом всех оттенков зеленого навесе.

Женек сделал один шаг, второй, на третий у него закружилась голова. То ли от бессилия, то ли от вращения. А может, от высоты. Занеся ногу для следующего шага, ощутил вдруг, как земля уходит из-под него. Нет, наоборот – как ноги отрываются от земли. И что не земля это больше. Земля там, в далекой зелени крон. А он падает в нее с огромной высоты. Летит вниз головой в переливающийся, шелестящий океан. Женя крепче ухватился за бороздки и трещинки и довел шаг до конца. Встал обеими ногами, ощущение ослабло. Шагнул еще. Пять, шесть. И завершил круг.

Земля, твердая и надежная, вернулась, равновесие закрепилось. Он скинул рюкзак. Посмотрел в одну сторону – осины-близняшки четким строем уходили в бесконечность, как до этого тело великана. Посмотрел в другую – Коля с Митей разглядывали компас, вращая его туда-сюда, видимо, проверяли, не разбился ли при падении, Сашка чесался и искал глазами брата. Женек уже было позвал его, как услышал за спиной:

– Это что у вас соревнование такое – кто первый забежит вверх?

Обернулся – увидел девочку. В первый миг подумал, что

Катя. Незнакомка была примерно того же роста, то есть выше его на полголовы, и волосы похоже каштановые, только заметно кудрявей. Конечно, она улыбалась. Женька знал это, еще не обернувшись полностью. Ответить, правда, не ответил. Лишь пожал плечами. Покосился на ребят. Те подошли к краю крутого склона, идущего вдоль осин, и глазели на свои дома с непривычного ракурса.

– А я бегать не люблю, – очень просто поделилась девчушка. – Мне нравится кататься на велосипеде. – И кивнула дважды. Кудряшки ее запружинили.

Вдруг ожили ее ноги в джинсовых бриджах, в один прыжок она встала в шеренгу осин. И, вытянув шею, тоже глянула на мальчишек. На ее правом глазу была повязка – как у пирата, только белая и с цветастой вышивкой. Перешагнув через стеснение, Женя присмотрелся к ней – узор походил на радужный глаз, только зрачок был черным и по-кошачьи узким. Белая ткань повязки практически сливалась со светлой кожей, и казалось, что рисунок будто красочная заплатка на тряпичной кукле. А кукольно милое в ней, действительно, что-то ощущалось. Может, носик, усыпанный скромными веснушками. Может, рубашечка в бело-розовую клетку.

– А какой у тебя? – заговорил наконец Женек.

– А? Что? – она отвлеклась от ребят.

– Какой велик? То есть, ну...

– У меня? – обрадовалась она. – Синий с серебристыми крыльями и рулем. А еще со звоночком. Как я люблю им

тренькать!

– Нет, какая... это, как ее? – Женя забыл нужное слово. – Как он называется?

«Марка!» – вспомнил в следующую секунду, но девчонка, расплывшись в улыбке, выпалила:

– Я зову его – Везунчик. Правда, здорово?

Он хотел пожать плечами, как вдруг уловил скрытый смысл: везунчик – тот, кто везет. И это показалось ему действительно прикольным, он рассмеялся:

– Ага, классно.

– Ему уже три года, а падала я всего-то два раза.

Женька стрельнул взглядом на ее повязку. Девчущка заметила и помотала головой:

– Нет, это глаз, там ничего, все нормально. А падала я вообще – ни царапины, ни синяка. Один раз в траву, второй раз на папу, – она захихикала, – говорю же – Везунчик.

Они замолчали. Сверху лился все такой же далекий посеребренный шелест, хотя в эти же мгновения явственно ощущалось, что они и в самом его сердце. Сбоку, набирая звука, доносились голоса ребят. Девочка запрокинула голову, кудряшки вновь запрыгали. Смотрела, приоткрыв рот. А Женек вдруг понял, откуда у него смутное чувство, что он что-то упустил. И только хотел спросить ее имя, как она спикировала взглядом в него и опередила:

– А ты?

– Я?

– Да, у тебя есть велосипед?

– Нет. Ну, то есть, в семье есть, но... – Женька замялся.

– И?

– Что?

– Нравится? Крутить педали, катить с горки и гнаться за ветром? – вдохновенно она набросала картину.

– Не знаю, – невесело буркнул он и все-таки открылся. – Я так-то... еще... пока еще не это... не умею ездить.

Незнакомка удивилась, на краткий миг подскочили брови, и даже, показалось, кошачий зрачок шелохнулся в ширину.

– А сам-то Катьку позвал! – возмутился Коля, затем пригляделся: – Ой, ты не Катя.

Вопросительно уставился на Женю.

– Нет, – покачала головой девочка. – Я Руся, – улыбнулась. – А это у вас соревнование такое – кто первый наверх забежит?

Митя помотал головой – тихо и аккуратно, как умел, чтобы не хлопать ушами. А Колька, напротив, энергично закивал:

– Ага, да, – отчего веснушки высыпали до самых ушей и запылали. – Я Коля. А ты, что, видела, как мы это?

– Ну, да. С дерева... – Руся задрала голову, – видно все и далеко.

Мальчишки тоже вздернули головы, потом удивленно глянули друг на друга. Сашка, расти которому еще и расти, головы вообще не отпускал. Женек смотреть никуда не стал, а

весело усмехнулся. Рассмеялась и Руся:

– Шутка. Хотя по деревьям лазать люблю. Но больше всего обожаю кататься на велосипеде.

– Я тоже, – шустро отозвался Митька. – Я Митя, кстати.

– Класс, а... – начала девочка, но Колька встрял:

– Чи-во? У тебя даже велика нет! Любит он.

– Есть!

– Где? Че-то я не видел ни разу.

– Потому что он в маминой деревне, придурок! Вот у тебя нет точно.

– И что! Зато... зато я... – Коля искал, чем крыть.

Жене было смешно и в то же время обидно: Колька забежал по склону первым, Митька умеет ездить на велике, а он... Хоть встречей с Зиданом хвастайся.

– Я лучше по деревьям лазаю. Вот! – нашелся с ответом Рыж.

Митя только усмехнулся.

– У тебя красивая повязка, мне бы такую, – вышел из-за спин Сашка, красный, но гордый.

«И этот туда же», – со странным раздражением подумал Женек.

– Спасибо, дружок, – обрадовалась Руся.

– Это мой братик Саша, он видел йети, – сморозил Женька, потому быстро добавил: – Ты с нами пойдешь?

Коля и Митя обожгли его взглядами.

– Конечно, – ответила она, – а куда?

Женек придумать не успел: по сути, он уже находился там, куда хотел. Края земли здесь не было, и он как-то легко признался, что ожидаемо. Вот он – забор, вот и сад за ним.

– В домик на дереве, – опередил его Колька.

Глаза девчушки загорелись. И не только ее.

– А он есть? В саду? – удивился Митя.

– Есть – есть, – заверил Коля.

Все обернулись к саду.

– Йети там и живет, – наполовину спрашивая, наполовину загадывая желание, произнес Саша.

– Ага, рассказывай, – посмеялся Колька и покрутил пальцем у виска.

– Я видел его, когда Женька спустился в овраг, – принялся живо рассказывать Сашка, – за забором. Черный, сгорбленный...

Договорить не вышло из-за дружного смеха.

– Пойдемте уже, – махнул рукой Коля и направился к забору.

Первым же за ним поспешил Саша, потом уже остальные.

– Да он весь волосатый, а в руке дубина, – не сдавался он.

– Кла-а-асс, – негромко протянула Руся.

Они подошли к черно-рыжему, слегка провисшему забору. Коля в два движения влез на него и сверху кинул им:

– Горбатый, за забором – ясно: это сторож, – и прыгнул.

– Точно! – согласился Митя, а затем заговорил тише, словно открывал тайну. – Горбун Володи. Уже много лет следит

за садом, любого ворышку поймают.

Он полез было на забор, но обернулся:

– Знаешь? – спросил у Руси.

Она дернула головой, чтобы кивнуть, но вместо этого покачала ею. Коротко пожала плечами и скалолазкой повисала на заборе.

– А я же тоже слышал. Горбун Володи. Но забыл, – печально пробурчал Саша, глядя на Женю. – Думаешь, это был он?

– Станет сторож жить в домике на дереве? – Женьку не хотелось, чтобы братик так просто сдался. Тот задумался на пару секунд, а затем улыбнулся загадочно и довольным.

Они остались последние по эту сторону забора. Тогда он подхватил Сашку и подкинул к верхнему краю. Дальше уже он работал сам – осторожно и пугливо. Так что на землю они ступили вместе.

Тропинки не было. Но Коля вел их меж яблонь и груш без колебаний, хотя и не переставая вращал головой по сторонам. То ли прикидывался, что знает дорогу, то ли остерегался наткнуться на сторожа. Митька уже хрустел яблоком, часто кусая, затем полным ртом жевал. Еще умудрялся вместе с брызгами слюны выплевывать советы:

– Сорвал здесь яблоко – лучше съедай сразу. Не дай бог Горбун Володи найдет в кармане, мало не покажется.

От зеленовато-желтого яблока размером с гранату он оставил жалкий огрызок с мизинец, выбросил его под ноги и старательно втоптал. Потом махнул рукой:

– Ай, хороший охотник все равно найдет. Мой папа говорит: охотник прежде всего следопыт, а затем уже стрелок.

– Ого! Твой папа охотник? – заинтересовалась Руся.

– Ага. Когда в отпуске, – хихикнул он довольный. – А так заведующий в больнице.

– Прикольно, – Женек заценил тоже. – И ты, что, и ружье видел настоящее?

– Видел? – усмехнулся Митя. – Я его держал в руках. Целился.

– На охоте?

– Ну... – помедлил Митька. И Коля обернулся к ним:

– Папаша не берет его с собой, маленький еще.

Сашка единственный засмеялся. Похоже, порадовался, что шуткой про недоросшего малыша наконец стреляли не по нему.

Митя рывком сорвал еще одно яблоко:

– Возьмет! Через два года. И ты с нами не поедешь.

Уши его покраснели. Он впился зубами в сочный фрукт.

– Больно хотелось.

– Ага, посмотрим, – пробулькал он ртом, полным слюны.

Сад был просторный. Деревья не мешали друг другу, не хлестали и не били ветвями, если только нежно поглаживали листьями на ветру. И солнечные лучи легко проскальзывали между ними, рисуя живую мозаику тени и света. В нее не укладывались только путники. Периодически кто-то оступался на яблоке, скрытом в траве, или случайно пинал его.

Хотя плодов, познавших гравитацию, было немного.

– Следуем курсом – юго-юго-восток, – доложил отряду Митя. Разделавшись с яблоком, он достал компас и держал теперь на виду. – Рыж, скоро еще?

– Да не ори ты, – шикнул Коля. Он по-прежнему, как первопроходец, настороженно крутил головой. – Услышат еще.

– Никого здесь нет, – протянул Митька. – Не заметил – яблок на земле совсем мало, значит, собирали вчера. Или сегодня утром. А сейчас никого, только сторож.

– Может, они просто этот участок собрали, но все еще собирают где-то рядом? – вмешалась Руся. Шагнула вдруг к нему и спокойно забрала компас.

– Слушай, вот ты точно не с нашей деревни, откуда же?

– Почему это не с нашей? – возмутилась она. – Ты просто на моей улице не был.

– Только вот все у нас знают, что смены по сбору яблок все до обеда, а сейчас...

Даже Коля обернулся. Женек вспомнил, что и сестры тоже уходили в сад с утра, а обедали они уже вместе, на кухне.

– Первый раз слышу, – пожала плечами Руся, не отрывая глаз от компаса, который крутила в руках.

– А какая улица? – спросил Коля. – Я с Советской, Уша-стый с Пушкина.

– Мы с какой, Саш? – шепнул Женя братику.

Тот почесал голову, потом кивнул на Кольку:

– С той же.

– Улица Садовая, – Руся повернулась вместе с компасом и махнула рукой, видимо, указывая, где это.

– А-а... Это же у вас... – Коля посмотрел, куда и ее рука, и запнулся, – на вашей улице, да, на той неделе был пожар?

– Да, точно! – встрепнулся Митя. – Кошмар... Столько людей, еще и девочка эта бедная...

– Да, – кивнула Руся. – Вообще ужас... Страшно. И нет бы дождь пошел наконец, залил огонь. Нет, целую неделю жара стояла.

Повисло молчание. Только ветер зашелестел в листве, принеся запах гари. Но Женек знал, что ему показалось. Братика, Антошку, не нашли до сих пор.

– Вроде бы Тоха-на-девятке оттуда же, – обронил в тишине Колька.

– Нет, он же с Яниково, – засомневался Митя, глядя то на друга, то на девчонку.

– Он точно не с нашей улицы, ребята.

Она обернулась и зашагала дальше, подкинув компас Мите. Тот испугано дернулся и прижал его к груди, она усмехнулась ему и запела:

– Как же тебе повезло – у-у – моей...

– Тише, – оборвал ее Коля, замахал рукой перед лицом.

Пригнулся и уставился куда-то вбок.

Все замерли, прислушиваясь. Женек уловил биение сердца, пение птиц и легкий шелест, который вдруг голосом Кольки прошептал:

– Прячьтесь.

Все кинулись к деревьям. Коля с Митей выбрали одно – самое толстое. Пару секунд потолкались, и Ушастому пришлось красться к другому. В это время Руся с разбега заскочила на яблоню и, работая руками, ногами, полезла выше. Женя, присев, припал к приземистой груше, а братик прижался к нему. И наступила тишина. Кровь пульсировала, но шелест и птичьи голоса будто бы пропали. И странно – не было слышно ни веток, скрипевших под Русей, ни яблок, сбрасываемых ими. Наверное, и она уже замерла.

А затем возник Горбун. Не пришел, не выскочил из-за деревьев, а словно действительно возник в этой точке сада. В десяти метрах Женька увидел ноги. Поначалу не поверил, но, когда они сделали пару шагов, убедился – стопы были босые, запачканные и бесшумные. Выше – камуфляжные на вид штаны. Рисунок от времени, похоже, поистерся, и больше казалось, что в них хорошенько извалялись в грязи, смешанной с листвой. Все эти пятна виделись разномастными, хаотично наклепленными листьями зеленого, желто-оранжевого и грязно-коричневого цветов.

Внезапно ноги подогнулись в коленях, стопы напряглись. Затем перед ними опустилась кряжистая клюка, зашуршала по траве, раздвигая ее. Следом к земле опустилась рука столь же шишковатая, как и посох. Женек не мог отделаться от ощущения, что где-то уже видел такое: сейчас он пощупает землю, ухватится на пальцы и, может, даже лизнет языком,

пробуя на вкус. Но этого не произошло.

Кисть подняла с травы чистое зеленое яблоко, кажется, одно из тех, что успели сорваться от Русиного подъема. В следующий миг рука подбросила яблоко. Оно подлетело, и Женя потерял его из виду. Прошло десять секунд, двадцать – оно так и не вернулось ни на ладонь, ни в траву.

Ноги тем временем выпрямились и прошли, перешагивая невидимые мины, ближе к дереву Руси. Женя, подталкивая Сашу, сместился чуть вбок, краем глаза заметил похожие маневры товарищей.

С новой точки он увидел Горбуна во весь рост, невысокий, скрученный дугой рост. Скованная спина, впавшая грудь и пухлый живот скрывались под мшистой штопаной олимпийской бывшего синего, а ныне болотного цвета. На груди различались бледные огрызки букв: «СССР». Он старался разогнуться, запрокидывал лохматую голову. Ни один волосок на ней при этом, казалось, не шелохнулся, не слетел со лба – настолько густая, вихрастая была копна темных волос. Глаза скрывались во тьме пышных бровей. Рот и щеки – под мощной, колючей даже от взгляда бородой. И только нос выкорчеванным пнем желтел на лице голой, морщинистой кожей.

Женек расслабился, задышал спокойно, готов был встать, выпрямиться, особо не прячься, – таким немощным выглядел сторож.

– Это он, это он, точно он, – зашептал ему на ухо Сашка. Женя кивнул, хотелось смеяться.

Старик резко опустил голову и повернул в их сторону. Братик отпрянул на шаг, но тут же прижался обратно. Глаз Горбуна по-прежнему видно не было, вместо них – черные впадины. Еще одна вдруг появилась там, где угадывался рот. Из нее выполз не менее черный язык – узкий и острый, как ивовый лист. Он вытянул его, приподнял, как если бы это был нос и он принюхивался. На миг стало не по себе, затем Женька подумал, ну а что он им сделает? Сам он так вообще яблочек не трогал.

Будто услышав его, сторож отвернулся в сторону Коли и Мити. В этот миг первый шлепнулся на задницу – оказывается, он придумал тоже вскарабкаться на дерево.

Неожиданно ловко Горбун взметнул клюку, указав концом на эту парочку.

– Вы! – пробасил он хрипло, но довольно рассмеялся. – Мои деревья вас прятать не станут! Ха-ха-ха! Они всех вас выдали, шмакодявки!

Следом он весь подобрался, согнулся сильнее, зыркнул исподлобья и на пружинящих ногах кинулся к мальчишкам. Колька с Митей вскричали и бросились наутек. Горбун же метров через двадцать сбавил бег, нырнул между деревьями. И исчез из виду.

Женек осторожно вышел из-за дерева. Постоял, посмотрел. Отступил еще, чтобы глянуть по другую сторону деревьев. За ними оказалось пусто. Из-за соседних яблонь и груш доносились стихающие крики ребят.

Саша отошел к ветвистому дереву – прибежищу Руси – и стоял с вздетой головой. Бросив гадать, куда испарился старик, Женя последовал примеру братика. Но не увидел в бездвижной листве ни пятнышка джинс, ни розоватых клеток рубашки, ни кудряшек и улыбки.

– Эй, Руся. Ты там? – позвал он негромко.

Листья встрепнулись, веточки замахали. Но это был всего лишь ветер.

Со вздернутыми подбородками они так и обошли яблоню.

– Руся, спускайся, он ушел, – попробовал снова Женя – громче и убедительнее.

– Слезай, йети сбежал, – вторил Сашка.

Ответ не слетел с ветвей. Они переглянулись. Братик был скорее заинтригован, сам Женек отчего-то встревожен. Странно, ведь происходило действительно нечто интересное и таинственное, что значит – его любимое и лишь в последнюю очередь тревожное.

Наконец хрустнула ветка. Они вновь вскинули головы, но в ту же секунду стало ясно – щелчок раздался сзади и с земли. Братья обернулись.

– Вот смельчаки, – смеялась довольная девчушка. – Сторож только ушел, а вы уже яблочки себе высматриваете.

– Вау, ты когда успела спуститься? – удивился Женя. Сашка рядом мотал головой, мол, никаких яблук ему не надо.

– Секрет, – кошачий глаз на повязке подмигнул. Женек оставил надежду разобраться, кажется ему это или нет.

– Мы не яблоки выбирали, а тебя искали, – вмешался Саша, указывая пальцем на дерево.

– Знаю, дружок, я пошутила, – Руся протянула ему спелую грушу размером как раз с его кулачок.

Сашка мешкал. Она подняла ее за хвостик над его головой:

– Не бойся, эту Горбун не выследит, – и отпустила. Саша поймал, посмотрел на нее, аккуратную, без единой вмятины, потом на Русю и не сдержал улыбки.

– Пойдем, что ли, ребят спасти? – Женек кивнул в направлении их бегства.

И они шустро зашагали между деревьев, которые, если верить словам старика, те еще шпионы.

Шли молча. Саша жевал грушу, часто вытирая подбородок. Женя жалел, что сам без груши, – не пришлось бы мучиться от своего молчания. Ужасно тяжело, словно умственно отсталый, прикидывал, что сказать Русе, о чем спросить. Ему нравились ее кудряшки, но не это же говорить! Нравилась повязка на глазу – спросить, зачем она, откуда она ее взяла такую необычную. Но можно ли?.. Сколько ей лет, в каком она классе, нравится ли школа, какой любимый предмет...

Руся, казалось, обо всем этом не переживала, как на зло не вспоминала больше ни о велосипеде, ни о тренькающем звоночке. Шла, разглядывая все по чуть-чуть, и мурлыкала мелодию под нос. Несомненно, знакомую, Женек уже чуял

разгадку. И вроде бы она уже пыталась ее спеть не так давно.

– Мумин трой? – вырвалось у него, когда внезапно вспомнил.

– Да, они, – обрадовалась Руся. – Песня про невесту.

– Но... откуда ты ее знаешь? – удивился он. В деревне музыки почти совсем не было, только кассета «Руки вверх», которую сестры привезли с собой из города.

Она повернулась к нему резко, глаз сощурился:

– Я хоть и живу на краю мира, но радио и у нас ловит.

– Понял, не дурак, – стал защищаться Женька, но потом добавил: – Хотя нет – дурак.

Руся рассмеялась. Похихикал и Сашка, слопавший грушу.

– Живешь, значит? То есть в деревню не в гости приехала? – спросил Женя, опасаясь, что и этот вопрос окажется глупым.

– Я деревенская, – ответила она без стеснения. – А вы? Городские?

– Я – да, Сашка – нет.

– Не деревенский? – уточнила она быстро.

– Нет, не городской, как я и...

– Не деревенский и не городской, инопланетный, что ли? – выдала Руся и сама же посмеялась.

– Эй! Чего? Совсем или как? – всполошился Саша и уверенно доложил: – Я живу в Нюргещах, вот тут, это... – и не очень уверенно: – это на Земле.

– Ты пришелец, дружок, – зловеще протянула Руся. – На-

верное, у тебя вместо кожи чешуя.

В глазах Сашки мелькнул испуг, а руки дернулись к животу. Хотел заглянуть под футболку, догадался Женя, вдруг сыпь и корочки от расчесов не они самые, а чешуя?

– Она шутит, Саш, – поспешил он успокоить, – не переживай.

Руся помотала головой, но улыбку не сдержала.

– Она сама инопланетянка, глянь.

– Ага, ага, точно, – воодушевился братик. – А у тебя, у тебя... вместо глаза... у тебя вместо глаза там... чеш... Антенна!

Руся даже открыла рот от возмущения. Но Женек ей не поверил:

– Стопудово! А кудряшки это щупальца. – Саша удивленно уставился на них, а он продолжил: – А планета, с которой она прилетела, называется... Серулина.

Братик довольно рассмеялся, пропищав: «Срулина».

– Ха, ха, мальчишки, все верно, – на этот раз невозмутимо, задрав подбородок, парировала Руся. – И таких, как вы, мы едим на полдник.

– Срулина, – повторил Саша. Не многого требовалось для его веселья.

– Ладно, хватит, Саш. – Женька пихнул его несильно в бок. – И я не так говорил.

Он покосился на спутницу. Она все так же поглядывала на деревья, которые, удивительно, не думали кончаться, но

в один момент, когда отвернулась в сторону, быстро провела рукой по волосам. Словно хотела пригладить завитушки. У Жени вдруг сперло дыхание, и он выпалил:

– А мне нравятся твои кудряшки, – и сам же испугался. Но ничего ужасного не произошло: Руся дернула головой, махнув невесомыми щупальцами, и он добавил смелее: – На самом деле, без шуток... Прикольные.

– Спасибо, – мягко прозвучало от нее.

Они шли уже минут двадцать. Каким курсом – неизвестно. И не было каких-либо следов их товарищей или старого сторожа. Возможно, они шли кругом, и где-то за теми деревьями забор. Солнцу надоело высматривать их между листьями – ловушками, и оно укрылось облаками. Краски потускнели под сенью молчаливых яблонь и груш – болтливый ветер гулял, похоже, выше. И пернатые будто бы сочли, что близится вечер, и, почирикав сонно, смолкли тоже. Только сочные фрукты, налившись вкусом до предела, то глухо, то с треском то тут, то там шлепались на землю.

– Послушай, а «Руся» это от какого имени? – спросил Женья, раньше такого он не встречал.

– В смысле? – отозвалась спутница, похоже, вынырнув из задумчивости.

– Ну, это сокращенное ведь? А полное какое у тебя? Руслана? Маруся?

– Стой! погоди! – встрепелась она. – Знаешь что?

– Что?

– Я до сих пор не знаю, как тебя зовут! Представляешь, забыла спросить, – она удивленно расширила глаз. – Странно, да?

Женя и сам поразился, припомнив, что до сих пор не назвался. И неужели никто из пацанов не позвал его между делом по имени?

– Серьезно? То есть ты не знаешь, как меня зовут?

– Ага, – засмеялась Руся.

– Жэк! – внезапно крикнуло дерево перед ними.

Они подскочили, застыли на месте, затем вскинули головы.

– Не поймали вас? – спрашивали сверху Митя и Коля.

Лопухая и рыжая бошки торчали из домика посреди толстых ветвей дерева. Хотя о домике, глядя на это сооружение из коротких, неровных дощечек, Женька не подумал. Первое впечатление – что ребята упали с неба в корзине от воздушного шара: таким небольшим, ближе к квадратному, абсолютно без крыши был этот домик.

– И вы спаслись? – ответил им.

Руся помахала им. Сашка прыгал от радости:

– Класс! Классно!

– Залезайте, – пригласил Коля.

– Пока Горбун не вернулся, – добавил Митька.

Они шагнули ближе к дереву, пошли вокруг, высматривая, откуда бы вскарабкаться полегче. С другой стороны стенки домика сходились под более острым углом, и вот

уже корзина от шара превращалась в хлипкую, самодельную шлюпку, которую забросило сюда торнадо прямым с океана.

– А домик нас выдержит? Всех-то? – засомневался Женька.

Митька пожал плечами. А Коля перегнулся чуть за бортик:

– А чего тут падать?

Женя повернулся к братику, думал предложить, нет – упросить или даже приказать остаться на земле. Но, видя, как он светится в предвкушении, промолчал, уговаривая уже себя не кликать беду мыслями о плохом.

Пока он колебался, Руся полезла вверх. Забираться было на глаз невысоко, метров на три – четыре. Мощные ветви расходились пальцами раскрытой кисти, изгибаясь плавно, без отвесных участков.

– Сможешь? – все же спросил Женек.

Сашка задрал голову, оттер вспотевшие ладони и слабо кивнул:

– Ты же со мной...

– Жекин, лезь скорее, – в два голоса донеслось сверху, – где там твои припасы? Во рту засуха, живот урчит.

– Черт! – выругался Женя. Рюкзак! Только теперь понял, что забыл его у осины. И даже не заметил.

– Что? – встревожился Саша.

– Ребят! Я, кажется, оставил рюкзак у великанов, – при-

знался, злясь на себя, Женек. – То есть не кажется, а так и есть, блин!

– Прикалываешься? – усмехнулся Митька. Тут же высунулся Коля:

– А вот и нет. Эх, Жендос, ну ты и... балбес.

Да ладно, не беда, сбегать недолго, решил было Женька, но Саша... Сразу вспомнил, как однажды уже оставлял его одного. В горле защекотало.

И что теперь?

Воду, пирожки, конечно, не жалко, кофту, может быть, тоже, но топор... Топор не его, дяди Юры, он взял его без спроса. А сам рюкзак? В любую минуту его могли найти и забрать себе все это.

Живот скрутило, голову бросило в жар.

Надеяться, что он будет там же, когда они все вместе пойдут обратно, глупо. Значит, что? Сашу за руку – и вперед. То есть назад.

– Ничего, я сейчас сбегаяю! – крикнул он между ветвей. Руся, оказалось, взяла паузу, присела на развилку и глядела вниз. – Вы только не уходите.

Потом наклонился к братику:

– Давай, смотаемся быстро туда – обратно.

Тот насупился, отвел взгляд.

– Не хочешь? Устал?

Братик не посмотрел, скрестил руки на груди и дернул плечами.

– А не страшно одному остаться?

Сашка стрельнул в него взглядом, потом вверх, на ребят.

Послышался шорох. Женька обернулся. Это Руся спустилась к ним.

– Не волнуйся, пускай остается, мы присмотрим, – сказала она, отряхивая бриджи.

– Ну... это да, не... не сомневаюсь, – почесал голову Женек. – Так чего, Саш, не пойдешь?

Братик шагнул к Русе:

– Подожду здесь. С друзьями.

– Не бойся. Я побуду с ним здесь, на земле, – заверила с улыбкой Руся и продолжила строго для Саши: – Пока Женя не вернется, наверх не полезем.

Тот надулся, но буркнул:

– Ладно... Беги быстро.

– Хорошо, – решил наконец Женек. – Эй, там, на дереве! Саша остается за младшего, берегите его! Я скоро.

В последнем, правда, уверенности не было – он огляделся в поисках направления, откуда они пришли. Примерился и торопливо зашагал.

– Не попадись Горбуну! – напутствовал Митя.

– Беги, Форрест, беги! – не смолчал и Колька.

И Женя побежал.

* * *

Он огибал дерево за деревом так, что, казалось, они по-

ворачивают свои кудлатые головы вслед. Momentами взлетал над землей, чтобы не поскользнуться на шариках яблок и лампочках груш. Самое время было обратиться следопытом, но он выбрал нестись сломя голову. На авось. И только вроде попадалась знакомая яблоня, как через десяток метров возникала ее близняшка. О том, что заблудился, думать не хотел. Невозможно, это же сад – с четырех сторон забор. Рано или поздно он вырастет из земли.

Но когда спустя полчаса он по-прежнему оставался в окружении деревьев, возмущенных его метаниями, приказал себе притормозить. Зеленые пошептались еще и смолкли затухающими смешками. И снаружи воцарилась тишина, но внутри, в груди, в голове, мощными волнами била кровь. Женя вспотел, но от внезапной гадкой мысли, что он понятия не имеет, в каком направлении осины – пограничники, его словно окатило холодной водой.

Не может же сад быть таким большим? Сколько он уже пробежал? Тянуло закричать, позвать на помощь. Но он тут же старался пристыдить себя – опускать руки глупо, он уже не маленький, и ведь решил же уже тогда, под дождем, перестать бояться. Решить-то решил, но тогда рядом были сестры, Юра-Великан, мама, бабушка. А тут, а сейчас... Бескрайний сад, передразнивающие и морочащие голову деревья, Горбун Володи. Вспомнился и Черный Мяук.

Вновь заныло в животе. Защищало в пальцах. Разозлившись, Женя пнул просящееся под ноги яблоко. Подскочив,

оно отлетело к пню. И сад переменялся. Словно встряхнулось. Не сразу он понял, что это всего лишь солнце выкатилось из-за облака и плеснуло тени на землю. Огоньки замелькали в листве, а тени побежали от дерева к дереву, вокруг Жени. И он услышал шелест. Но не вокруг. А по правую руку.

Это не были глумливые перешептывания. Он узнал зов великанов. Спокойный и неприкасаемый, он просачивался между ветвей, согревая подобно солнечным лучам. И подобно им освещал путь. Женя выдохнул, повернулся к нему лицом, закрыл глаза. Вслушался в их голоса, вытянул шею. И увидел их ровный строй, их крепкие стволы и поднебесные макушки.

Еще четыре выдоха спустя открыл глаза и увидел их вновь. Разглядел в прорехах листвы яблонь и груш их верхушки не так далеко. В панике он не заметил их раньше. И теперь, счастливый, спасенный, рванул к великанам.

Но четыре шага спустя неожиданно споткнулся и шлепнулся в траву. Она была мягкой, но что-то все же ударило его больно в левое бедро. Женек перевернулся на правый бок, потерял ногу. Чем-то твердым оказалось румяное яблоко. А чуть дальше из земли выпирал извитой корень дряхлого пня.

И корень этот вдруг приподнялся. Пень, мшистый и корявый, ожил. То ли с хрустом, то ли с хрипящим хихиканьем стал расти, обрел ноги и руки. Ноги выпрямились, руки вытянулись, опираясь на клюку – корень. Вся угловатость пня ушла в горб, а в густом мху показались темные глазницы, су-

хой, желтоватый нос и смеющийся рот.

Женька пополз прочь, глотая вдох и вопль. Горбун Володи шагнул к нему и воткнул клюку, пригвоздив к земле край футболки. Шероховатое дерево царапнуло кожу живота.

– Попался, негодник! – взревел старик.

Женя замотал головой, дернулся, пробуя вскочить. Футболка натянулась, но не выскользнула. Ворот больно врезался в шею. Такое уже было, мелькнуло в голове.

– Куда?! Не спеши. – Горбун подошел вплотную. – Научу тебя, что нельзя брать чужое.

– Я не... я не брал... не брал я, нет, нет, – застучал зубами Женька. Хотел вырваться и сбежать и в то же время чувствовал, как отнимаются ноги.

– Ты здесь – значит, брал. Ты здесь, меня не спросив! – рев выплескивался из черноты рта, борода трепетала. Старик нагнулся и потянулся к нему. Он хотел отмахнуться, но костлявая кисть, сухая и шершавая, перехватила руку.

– Но я не брал, клянусь! Не сорвал ни... н-ни единого яблока! – взмолился Женя. Горбун сжимал его запястье не так сильно, ужаснее было другое – чувство, как деревенеют собственные пальцы.

Старикан дернул его к себе, подняв с земли. Нос наполнил приторный запах лежалых яблок. А ноги и в правду не желали держать.

– Что же, мне отпустить тебя? – спросил он, словно действительно задумался. В эту короткую паузу Женек уловил,

как зов великанов тонет в ликующем вокруг шелесте стариковского сада. – Отпустить, чтобы ты и дальше пинал и давил наши плоды?!

Женя снова замотал головой, но ответить не вышло. Слов не было, горло пересохло. Он заставил ноги стоять. Поселился в них весь. И кинулся вырываться.

– Ну-ка, хватит! – рявкнул Горбун, сжал запястье сильнее и, казалось, пустил по жилам свои ростки. – Хочешь у меня в землю вращи?!

«Топор бы сейчас!» – сокрушался Женек, пока одна кисть бесцельно цеплялась за воздух, а вторую сковывало словно корой. В ушах звенело точно буря налетела на сад.

– А ну, скидывай кроссовки! Я твои ноги-то отхлестаю! – гремел старик, удерживая его и встряхивая.

Он поднял посох, секунды две выцеливал. И метнул вниз, угодив концом в правую кроссовку. Сильно, через ткань и кожу ударил в кость. Женька вскрикнул. Слезы выступили на глазах. В отчаянной попытке дернулся, но сделал лишь больно и руке, и ноге. И все же свободная рука дотянулась до низкой ветки. Сорвала крупное зеленое яблоко. И он с размаха метнул его в морду Горбуна.

С сочным треском оно угодило ему в лоб над самым глазом. Старик отпрянул с воем. Клюка сошла с кроссовки. Костлявая хватка ослабла, но запястье не выпустила. Женя потянул руку. Совсем чуть-чуть не хватало, чтобы она выскользнула.

Горбун помотал головой и бросился в гнев на него. Но вдруг замер, глядя на землю в стороне. Женек покосился туда же.

К ним тянулась тень. Росла и густела. Не сразу он понял, что формой она напоминает кошку с изогнутой спинкой.

– Так ты не моя добыча? – пробормотал Горбун, провожая тень, подползающую к ногам.

Но только он перевел взгляд на Женю, как он подскочил к нему и ткнул пальцем в глаз. Точнее, туда, где должен быть глаз. Старик взревел с новой силой. Отпустил и запястье, и клюку, руки его метнулись к глазу. На миг Женю передернуло – он словно пробил пальцем мерзкое гнилое яблоко, – но тут же сорвался с места и бросился прочь. И от Горбуна, и от тени.

Шарахаясь от деревьев, ныряя между ними, он бежал. Не оглядывался, даже когда стало тихо. Вылетел к забору, перемахнул через сетку, кинулся за спины осин и лишь на краю оврага замер. Хотя крутой склон не остановил бы. Лучше скатиться вниз кувырком, чем оказаться в плену Горбуна.

Наконец Женя обернулся. Позади, за забором, за яблонями, никого не было. Огляделся, куда же он выскочил. За оврагом узнал их картофельное поле и бабушкин дом у дальнего края. До боли захотелось сейчас же броситься в овраг, прodrаться через него и побежать по полю домой. Там тихо и спокойно. И главное – вот же, совсем рядом. Ноги подкосились, он сел у склона и заплакал. Правая стопа еще болела,

левая кисть не слушалась, сердце в груди ныло, запинаясь.

– Зырьте, пупсик разревелся! – в какой-то момент разда-лось за спиной.

Женька замер от неожиданности.

– Точняк.

«Не показалось», – испугался он и сжался. Поспешно, на-деясь, что незаметно, стер слезы.

– Эй, малец! Чё, мамку потерял? – прозвучало ближе. И последовал смех. До отвращения знакомый. Он слышал та-кой в школе. Слышал его и здесь, в деревне, но не мог вспо-мнить, когда, где и чей.

Женя взмолился, чтобы они пошли своей дорогой, по ка-ким-то более важным делам, чем задирать того, кто младше. И в то же время знал (был такой урок от жизни), что мимо такого веселья они не пройдут, и в отчаянии злился – за что ему сегодня такие ужасы?

– Ты чё, оглох, пупс? – гаркнул первый уже совсем не ве-село.

Тут же ему что-то прилетело в голову и отскочило рядом в траву. Боли он не почувствовал. По-прежнему не двига-ясь, скосил взгляд: это была недоеденная половинка пирож-ка. Из его нутра высыпались яичные потроха с зеленым лу-ком. Мгновенная догадка дернула обернуться. О чем он в тот же миг пожалел.

По обе стороны от осины стояли два парня лет шестна-дцати – семнадцати в серых майках-безрукавках и джинсах,

обрезанных до шорт. Один – высокий, щуплый и блондинистый. Второй – мощный, мускулистый, заметно ниже, кучеряво-русый. Блондин оперся плечом на дерево, Качок стоял ближе, в двух метрах от Женька. И, действительно, на плече Димы – он узнал светловолосого – висел забытый им рюкзак. Не сразу Женя заметил за осиной третьего. Тот стоял спиной – единственное, что было понятно.

– Зырь, как вылупился, – указал на него довольный Качок. Блондин усмехнулся. – Всё, блин, пирожки закончились, пацан, мамка-то не кормит, да?

Женька вдруг сообразил, что рюкзак потерял точно. Без шансов. И это даже хорошо – можно сказать, что его отобрали хулиганы, и при этом не соврать. Он поднялся на ноги и, опустив голову, пошел прочь. Как делал всегда.

– Куда собрался, малец? – Качок подскочил к нему и бухнул лапу на плечо. – Постой, ты что-то обронил.

Женек дернул плечом, смахнул его тяжелую ладонь и продолжил путь.

А надо было бежать, понял он уже в следующую секунду. Парень вцепился в его волосы и потянул назад:

– Козленочка за шкурку да на обед!

Женька вскрикнул от боли, попятился. Завопил от злости. Замахал руками над головой, метя в лапы Качка.

– Ай! Твою мать! – воскликнул тот. – Держи его, черт! У него не рука, а деревяшка, блин.

Подбежал Дима, и вместе они оттащили его к осине.

Женька на подгибающихся ногах прижался спиной к дереву. Они обступили его, пригнувшись, глядели с ухмылками.

– Любишь муравьев? – спросил с издевкой Качок, – А если в тесте?

Резко схватил его за шею. И потянул к покусанному пирожку, валявшемуся на земле.

– Я расскажу все сестрам! – вырвалось у Жени. Парни довольно рассмеялись. – Оле, Ларисе, Тане! Они знают вас!

– Я ласказу фсе сестрям, – передразнил Блондин, махнул ногой и подсек его. Женька рухнул на четвереньки.

– Их мы тоже угостим пирожками, – прогоготал Качок, подталкивая его в затылок. – Как ты сказал? Оля, Анфиса, Таня?

– Лариса, – поправил Дима. – Красавица Лариса.

– Вот и давай. Первый кусочек за нее. – Качок надавил сильнее и резче. – Второй за Олю.

Шея едва не переломилась, но Женек не опустил голову к земле. Кинулся встать, но тот мощно толкнул, и он отлетел в ноги к Блондину.

– За руки, – скомандовал третий.

Парни вцепились в его руки, завели за спину и снова подтащили к пирожку. По нему, действительно, бегали маленькие коричневые муравьи. Теперь Женя увидел это. Хулиганы нагнули его вплотную, упираться больше было нечем.

– Жри, пупсик, хоть подрастешь немного, – пропел с на-

слаждением Дима. И у Жени всплыла его довольная, жуткая рожа, подсвеченная фонарем. Казалось, это было так давно.

– Давай – давай, малец, а то жрать будешь вместе с землей! – пригрозил Качок.

Повисала пауза.

Руки болели, спина ныла, коленки жгло. Но настоящая боль душила изнутри. Как бы ни бурлила кровь от гнева, сердце трусливо жалось к животу. Вдруг это только цветочки? Они не останутся, ведь так? И что самое ужасное – они реальные. Без оговорок. Реальнее Горбуна, Мяука и черного-черного дома.

Горло сдавил ком и грозил вырваться рыданиями, жалкими и молящими. Голова гудела, взмокла. Волосы встали дыбом.

– Не буду! – плюнул он желчью.

Толчок – и отплевывался уже землею и муравьями. Под мерзкий гогот и далекий-далекий, равнодушный шелест.

Женек смотрел на приплюснутый пирожок под собой – похоже, вся начинка уже стала муравьиной добычей. Прощуршала трава, и в поле зрения возникли крупные стопы в тапочках. Простые домашние шерстяные тапочки – под слом пыли угадывался оранжевый цвет – и обычные голые ноги, только сильно волосатые.

– Давайте к дереву, – произнес голос сверху.

Шерсть на ногах, странно, но тоже отдавала рыжиной.

Женю рванули назад, отволокли к осине. Рук не отпу-

стили, прижали к мощному стволу. Третий поднял с земли останки пирожка. И они показались еще более растерзанными в его огромной шестипалой кисти. Шесть пальцев. Снова они! Кожа с рисунком из алых пятен. Женька узнал его, не успев взглянуть в лицо.

А когда посмотрел, главарь подошел ближе. У него были те же джинсовые шорты, но с вязаным тряпичным ремнем – бронзового цвета, без бляхи, перевязанным наподобие пояса в карате. Голый торс прикрывала накинутая рыжеватая сильно потертая кожанка. Лица не было.

И именно поэтому Женек убедился, что не ошибся. И именно поэтому, а не из-за прохлады дерева, его спину защищали мурашки. Перед ним стоял водитель из «девятки», повстречавшийся им на пути в деревню. И глядел из-под той самой, с подголовника в салоне, лисьей маске. То самой, что он нацепил на бедного мальчишку, вечного узника. Лишь рыжая щетина оставалась на виду, да огненная шевелюра выглядывала из-за ее ушек.

У Жени перехватило дыхание. Он не мог вдохнуть. Ведь если он вдохнет, то все продолжится! А дальше... Он догадывался, что может случиться дальше. Неужели?! Неужели они заберут и его?..

– Я знаю тебя, – выдавил в отчаянии Женька, старясь вложить всю твердость.

– Меня все знают, – сорвалось спокойно из-под маски.

– Я расскажу... расскажу своим, что вы надо мной изде-

вались! Я знаю тебя, я знаю его, – Женя махнул головой в сторону Димы. – И *все* расскажу! *Все!*

Лис улыбнулся. Сперва под бородой, потом в разрезах глаз, хитрых и хищных.

– Давай, кричи, – он указал на деревню за оврагом. – Тебе придется сделать это прямо сейчас.

Голос его звучал расслабленно, но четко, без деревенской шелухи, а еще красиво так, как звучит голос в голове, когда читаешь книгу. Лис присел, куртка распахнулась сверху и открыла волосатую грудь.

– Знаешь, почему? – обронил он и поскреб щетину.

Женя тяжело сглотнул. Он весь покрылся потом. Футболка промокла. Руки, оттянутые назад, затекли. По шее и лицу мучительной щекоткой бегали муравьи.

– Это твой единственный шанс... исполнить угрозу. – Лис развел ладонями. Еще не сосчитав пальцы, уже ощущаешь подсознательно, что-то не так. Такое с Женьком было тогда, при первой встрече. – Да? Этот твой дерзкий вызов... Рассказать всем обо *всем*, да?

Дружки похихикали. Блондин слева вдобавок подкрутил его руку, и одеревеневшим стало теперь и предплечье.

– Кричать придется сейчас. Чтобы все услышали. Тоха, Дима, Игорек надо мной издеваются. Да? Вот такие они нехорошие... Давай. Голос, – скомандовал Лис и чуть склонил голову. – А ну, голос!

Женя не отрывал взгляда, как бы жутко и до спазма в жи-

воте нервно ни было. И казалось, что-то забрезжило в черноте раскосых лисьих глаз.

– Давай, кричи. Потому что как только ты вкусишь сие угощение, – продолжил Лис и потянулся к запачканному огрызку пирожка острым черным носиком, принялся и запрокинул на миг голову, – то проглотишь язык. Прости, но это так. Проглотишь язык от наслаждения.

Он поднес правую ладонь вплотную к Жене. Широкую, грубую, в заживающих царапинах и корочках, с толстыми красными пальцами, на которые сбегали муравьи с пирожка. Женек не выдержал, отвернулся. Часто дышал, словно задышался. А сердце, допрыгивая до голосовых связок, молило – пускай все это сон. Одной этой рукой Лис мог схватить его за лицо и содрать, как маску. И это совсем не вязалось с его голосом. Ровно до следующей секунды, когда он прогремел:

– Или ты думал, мы тебя отпустим?! А?! – Женька дрогнул, зажмурился на миг. – Думал, помучим, поколотим тебя и отпустим к мамочке и папочке?!

Лис помотал головой с виноватой улыбкой. Потом приблизился и тихо пропел на ухо:

– Зачем ты им без языка. Без глаз. И без сердца. – Отодвинулся назад, взял пирожок в пальцы. – Открой рот.

Женя отодвинулся. Врос затылком в осину и не смотрел. И все же увидел у лица и вторую руку – она подлетела резко, слабо махнула пальцами, и всю половину лица обожгла пощечина.

– Открой рот, – повторил Лис.

Женька встряхнуло будто всего. Он не сдержался. Всхлипнул, и слезы сбежали. Сперва одна – ледяная, затем вторая – жгучая.

Почему он? За что?! Чего к нему вечно пристают?! К нему и ни за что, уроды!

– Ну вот! Ты плачешь, – взбодрился Лис, потрепал за волосы. Грубо и больно. – Не ожидал, что жизнь дерьмо, да?

Закивал, и широкая улыбка впервые приоткрыла его грязные прокуренные зубы. Женя сжимал губы, боясь вдохнуть. Лис смазал шершавым большим пальцем мокрую дорожку на щеке. В последний миг палец замер над глазом.

– Хочешь больше никогда не плакать? – Он чуть склонил голову на бок, чернота глаз взглянула с интересом. – Одно нажатие...

Звонко хрустнув, палец опустился на глаз. Женька зажмурился что есть мочи. Боли не было, как и давления. Он осторожно приподнял веки, и тут же рука шелкнула ему по глазу. Затем скользнула к подбородку. Дернула его вниз.

– Открой рот.

– Ну-ка, блин, раскрой пасть, малец! – вскипел Качок и пнул его по бедру.

Женек вскрикнул. В голове точно. Из рта же вырвалось лишь мычание – губ все же не разжал. Лис кивнул Качку. И тот пнул сильнее и выше – в бок.

Больно. Нестерпимо. Крик вырвался. На миг. Огромная

рука поймала дрогнувший подбородок. Надавила. Женя не мог сомкнуть челюсть. Пару секунд. Но когда они минули, угощение уже было во рту.

Он хотел цапнуть зубами пальцы. Но рука отпустила подбородок, ровно когда укусить они могли лишь воздух. Зато тут же сжала челюсти, что не открыть.

Блондин и Качок гадливо загоготали, хлопнули друг другу «пять» над головой Женька. Смеялся и Лис. Скалилась огненная щетина. Лыбилась рыжая маска. Довольно и хитро мигали огоньки за разрезами глаз.

Женя зажмурился. В отчаянии. Злость как будто была бессильна и неловка. Сжал веки, слезы сорвались. Он шумно пыхтел через потекший нос. А во рту все застыло – лишь бы не почуять вкуса, не ощутить мерзости. Но грязь уже покрывала язык, песок скрипел на зубах, размякшая плоть пирожка сочилась в глотку. И муравьи.

Они были везде. На языке, под языком, на небе, в носу, глотке, животе. Внутри, под кожей, везде. Бегали, копошились, зудели. Пролазили повсюду, назойливые и мелкие.

Выплюнуть! Выкашлять! Вывернуться наизнанку!

Это гудело безумной сиреной в голове. Язык выталкивал, желудок брыкался. Руки, фантомные руки, вцепились в эти шесть пальцев – расцепить их хватку, вывернуть, сломать. Но и руки, и язык, и зубы были бессильны. В отличие от ног.

Мыча и истекая слезами, соплями и потом, Женек изловчился и лягнул Лиса. Вложил весь гнев и пнул его между ног.

Тот сжал челюсти, оскалился и завалился на бок. Тяжелая рука его сошла с лица Жени. И он выплюнул то, чем давился. Выдохнул со свистом. И сжался в рвотном позыве.

Едва отпустило, как он согнулся вновь. От боли. Качок всадил ему кулак в живот. И Женька все-таки что-то вырвал. Разлившаяся боль медленно густела под ложечкой, не стихала и ныла.

– Тоха, ты как? – спросил Качок, замахиваясь кулаком. Словно от ответа зависело, врежет он еще раз или нет.

Лис поднялся на четвереньки, поправил маску и рывком вскочил. Одернул куртку, стряхнул пыль с шорт. И уставился с ухмылкой на Женю.

– Эту кроссовку я запомню навсегда, – и пнул в ее подошву.

Затем завел руку за спину и достал из-за пояса топорик. Несомненно, тот, что сам Женек с утра стащил из сарая, аккуратно закутал в кофту и спрятал в рюкзак.

– Прижми-ка его ручечку к дереву, – глянул он на Качка. Тот шустро согнул в локте правую руку Женька и приложил кисть к осине над головой. Лис приблизился, предусмотрительно обойдя Женины ноги.

– А ты смотри, чтоб не вырвался, – бросил Блондину. Поправил рукоятку топорика в руке, помахал и покосился на Женю:

– Ты, конечно, думаешь: «Почему я? За что?» – Лис выдержал паузу, а затем стал разгибать пальцы, сжимавшие ру-

коятку. – Ты меньше нас – раз. Ты слабее нас – два. Ты плакса – три. Ты один, а нас трое – четыре.

Он начал с указательного, разогнул четвертый, и все еще оставался пятый.

– Но главное – ты... – пришла очередь и мизинца, – чужак.

Отчего-то главным для Жени сейчас было другое: он гадал, как называют палец между безымянным и мизинцем, ну, если он есть? Казалось, что именно этот палец должен зваться безымянным, поскольку в самом деле не имеет имени, в то время как безымянный имя-то имеет, так как зовется безымянным.

Но какой бы занимательной эта мысль ни была, она заняла лишь секунду. И Женька вдруг непроизвольно вспомнил, что вроде слышал уже, что он чужак и что нет в этом ничего хорошего.

Тем временем Лис отставил от других пальцев указательный. Женин указательный палец. Он поспешил сжать кисть в кулак. Получилось плохо – рука давно затекла.

– Ну-ну, не надо, – покачал топориком Лис. – Будет только хуже.

Подцепил указательный палец своими железными перстами, с силой распрямил.

– Держи за кончик, – скомандовал Качку и стал выцеливать топориком. – Возьму поносить твой пальчик. На место своего мизинца. Да, я...

Вдруг пришло осознание, что он ведь вправду отрубит.

Что он не какой-то хулиган и забияка, нет. А изверг! Ведь так? Монстр. И неожиданно не из чулана, не из леса или проклятого дома.

– Я, знаешь ли, коллекционер, – закончил Лис.

Женя задержался. Стал извиваться телом, брыкаться ногами, вырываться. Но без толку. Руки, именно руки держали намертво. Кисти не слушались.

– Я не один! Я не один! – закричал он и попытался оттолкнуться от осины, податься грудью вперед. Но лишь больно отпружинил назад. И следом получил удар в живот от Блондина.

– Я не один, – простонал он.

– Конечно, малец, – отозвался Лис. – Мы с тобой, драгоценный ты наш.

– Не надо, прошу, не надо, отпустите, прошу, – взмолился Женька. – Зачем? Зачем? Нет, не надо...

Он воздел голову. И уставился в серебристо-зеленый свод, далекий, мерцающий. Смотрел, желая укрыться в нем, бежать туда. И услышал потерянный шелест. Он дошел через шумную панику в голове, через злобный скрежет зубов и безумный бой сердца. Опустился могучий и умиротворяющий, как смелые волны океана. И стало вдруг тихо и спокойно.

А затем закружилась голова. На миг тело лишилось веса. Земля исчезла. И казалось, что он вот-вот упадет вверх, полетев вниз.

Но тут хрустнуло дерево. Хрясь! Шелест разом смолк. И все пропало.

Женя увидел топорик, воткнутый в осину. Прислушался к спящей руке. Боли не было. Кроме того, пальцы на месте – наконец он это разглядел.

– Это что за херня? – негодовал Лис, держась за голову и слегка покачиваясь.

– Чё это было? – вторил ему Качок, неловко поднимаясь с колен.

Что-то промычал и Блондин. Женек мотнул головой к нему. И только теперь понял: Блондин валяется на земле, и левую руку никто не держит.

Собрав волю в кулак, Женя поднял ее, дубовую, одеревеневшую. Повернулся к Качку и обрушил эту деревяшку на руки, не отпускаявшие его правое плечо и локоть. Тот вскрикнул и отдернул их.

Женька оказался на свободе. Неведомая сила подбросила его. Он вскочил на ноги. Но замешкался. Казалось, единственный путь бегства – это сигануть в овраг, крутой и глубокий. Однако повело его влево: Блондин еще не поднялся, и был шанс. Кинулся было, как на втором же шаге Лис вцепился в футболку. И утянул назад.

– За шкурку да на ужин? – сострил он, усиливая хватку.

Женя резко крутанулся, чтобы рубануть и по его ручище. Но его вторая, свободная, заблокировала удар, шесть пальцев сжали дубину – предплечье. И Лис рванул Женька к себе.

Уткнул вдруг кончик носика в его ладонь, вдохнул. И коротко облизнулся.

Кисть словно обожгло. Волосы на затылке зашевелились. И спину заохлодило. И все в один краткий миг.

Затем маска устала на него таящейся за ней чернотой, и вместе с ней вглядывалось с аппетитом нечто, в ней обитающее.

– Надеюсь, ты боишься котов, – проскрипели они: Лис, тьма и это нечто.

Женек застыл, точно загипнотизированный. И в сердце зрело смирение. Как? Да разве он спасется? Что он против этого?

И когда хотел – хотя бы эту малость – бросить прощальный взгляд на родной дом, там, за оврагом, маска как-то подскочила, скосилась на бок.

От удара. Бахнул звонко треск влетевшего в голову яблока.

Лис и Женя взметнули головы вверх. Блондин и Качок изумленные тоже. Откуда с осины яблоко?

А в следующий миг уже град яблок обрушился на них. Но не с осины – из-за забора.

Коля, Митя, Руся наперебой швыряли их в хулиганов. И, казалось, сами были этим напуганы.

Лис хотел уже нагло улыбнуться, рассмеяться. Но за две секунды в него влетело три крупных снаряда. И когда еще один мог угодить точно в голову, он против воли прикрылся

руками.

Женек вмиг отпрянул. И на этот раз не раздумывал. Не побежал даже – прыгнул в овраг.

– Нет!! – услышал он озверевшего Лиса. А затем все крики и ругань потонули в шуршании травы и треске сухих веточек. Но звучало это, как ураган в лесу – грохотом и хрустом.

Женька кубарем летел вниз, обхватив голову. Мир вокруг превратился в калейдоскопическую кутерьму. Злой овраг больно и без предупреждения бил кочками и молодыми деревцами. В плечо, по спине, в бок по ребрам. Неприкрытые колени и локти чувствовали каждую ссадину. Ухватиться за что-нибудь и прекратить падение не успел. Все закончилось за несколько секунд. Его поймали и уберегли какие-то кусты.

Покалеченный и шокированный, Женек нашептывал славу богу. Спасибо, что, кажется, ничего не сломал, что не свернул шею и не налетел на сук. А еще воздавал славу ребятам. Пускай тело как из-под катка, но какое же счастье узнать, что ты в самом деле не один.

Он не заметил, сколько времени прошло. Лежал с закрытыми глазами и слушал магический, целительный шелест великанов. Иногда между век в уголках глаз просачивалась слеза. Что-то ныло, где-то резало, но то удушающее жжение отпускало и рассеивалось из-под ребер со спокойным дыханием. Внутри было тихо.

Он вспомнил, как мечтал увидеть край земли, выйти к нему один на один. Многого стоит добраться до границы миров, нечто особенное – жить на краю света, но какой в этом смысл, если своим счастьем не с кем поделиться. Он не заметил, сколько прошло времени, как смолк шелест и стало ясно, что и крики, и возня сражения затихли тоже.

Открыл глаза, приподнял голову. На груди сидела маленькая лягушка. Не успел он дернуться, она моргнула на него и прыгнула в междуветвие. Рядом зашуршала трава, и он резко присел. Захотелось сбежать следом за малышом Ква – он успел дать тому имя. Спрятаться, лишь бы кошмар не пришел за ним снова.

– Жэк, – позвал сверху Коля.

Женька выдохнул. Ухватился за ветки и, пробуя движения на боль, встал на ноги.

– Жекин, – раздалось чуть ниже от Митьки.

Женя отошел от кустов, глянул выше. В пяти шагах растрепанный и взмокший Колька пытался устоять, осматриваясь. Голова его поворачивалась, не хватало только бинокля. Митя так, без сомнения, ищет его по компасу.

– Вот он! – воскликнул Ушастый за спиной, наверное, уловил на слух. – Вот ты где!

– Живой и... – Коля пригляделся и съехал чуть ниже, – повредимый.

Послышались сбивчивые шаги по склону.

– Нашли? Да? Нашли? – из-за деревца правее показалась

Руся.

Кудряшки ее оказались собраны в хвост, а светлое личико запачкано полустершейся боевой раскраской. Женек приоткрыл глаза, на их щеках тоже остались размытые следы.

– А эти где? – спросил Женька, покосившись туда, откуда прилетел.

– Эти? Объелись груш, – рассмеялся Митька. Уши его горели, а в руке, в самом деле, был компас.

– Нажрались яблок, – закончил довольный и ужасно гордый Рыж.

Женя улыбнуться не решался, побаивался. Повернулся к Русе, ожидая чего-то более путного. Она развела руками:

– Ну, яблок действительно было много, – коротко хихикнула. – И они были тяжелые и твердые. А мы ими как по башке, и в живот, и в спину.

– Ага! На им, на! – подхватили ребята. – Бам! Бум! Бабах!

– И что, они сдались? – не мог поверить Женька. Лис испугался летающих яблок?

– Нет, вообще-то они погнались за нами, – весело признался Митя.

– А мы сбежали в сад. И давай улепетывать, – подхватил Колька.

– Уходим, уходим, ухо-о-дим, – пропел Митька, глянув на Русю.

Боевая тройца рассмеялась.

– Все погнались? Втроем? – все еще не верил Женя. Лис не спустился за ним?

– Кажется, – дернули они плечами.

– Хотя когда мы спрятались на дереве, нас искали только двое, – вспомнил Коля. Он устал стоять и присел. – Тохи не было. Может, они разделились.

«Так это он Тоха-на-девятке, местная легенда», – догадался вдруг Женек.

– И что, они вас не нашли? – Он сорвал лист с куста и стер кровь с садины на колене.

– Ага, не нашли, – вмешался Митька, подавая ему еще листок. – Заметили, уроды. Но лезть за нами им, походу, было запаadlo. Хотели дождаться, когда сами не вытерпим, но, знаешь, в итоге смотались по-тихому. Угадай, почему?

Странно, но именно теперь улыбка попросилась на свет.

– Вы снова их закидали? Или что, их, может, мамка позвала? – улыбка расцвела, и стало легче. Руся посмеялась.

– Им привиделся Горбун Володи, – прыснули со смеху пацаны. – И они смотались.

– А он?

– Кто?

– Горбун, – встревожился Женька.

– Не знаю, мы сбежали тоже. Потом, – Рыж откинулся на склон. – За тобой.

– Но после этой яблочной бомбежки лучше нам больше

вообще не соваться в сад, – добавил Митька, кивая самому себе, точно вспоминал, как это было.

– Да, точняк, – протянул Женя, потупил взгляд, но все же сказал им в лица: – Слушайте, ну, это... вы прям... спасибо, ребята, вы... вы ведь спасли меня, реально, это же... Вы просто настоящие... – Он осекся. – А... а где Сашка?

– А он, знаешь ли, подружился с йети, – лукаво начала Руся, – и остался у него погостить.

Женек попытался выдавить улыбку, но смотрел на нее все так же напряженно.

– Ну здесь он, – сжалилась она. – Вооружился топором и стережет нас наверху.

– Он может, – обронил Женек, спешно заковыляв по склону.

– Ну что, кто первый наверх? – Колька шустро поднялся на ноги.

– Ха, ха, Рыж, очень смешно, – отозвался Женя. – Я буду там только через час.

Они посмеялись над ним, потом он добавил:

– Не надо, не поднимайтесь. Не пойдем же мы домой той же дорогой? – Они молчали, но по виду не возражали. – Давай здесь перелезем на другую сторону и заберемся к нам на участок. В гости зайдете, покушаем. Лады?

– Нормально, лады, – согласился Рыж.

– Правильно, а то топтать еще, – Митька махнул рукой.

– А я сейчас за топориком и маленьким воителем. – Женя

повернулся к Русе. – Ты же с нами?

– С тобой, – она кивнула вверх.

– Ну ваще, – печально буркнул под нос Колька. Женек, правда, услышал. А Руся? Она уже карабкалась в гору.

Забраться оказалось непросто. Кроссовки соскальзывали, коленки жгло, когда кожа натягивалась. Болело правое плечо, чуть меньше – спина, а левая кисть по-прежнему была как не своя, скованная.

Руся, от которой он старался не отставать, вновь напевала: «Как же тебе повезло, у-у, твоей невесте, завтра мы идем тратить все свои, все свои деньги... вместе». Мелькнула внезапная мысль – надо бы побольше послушать этого Мумина Троя. И тут же вопрос – а зачем это, интересно?

Отвечать себе не стал.

На пологом участке она остановилась передохнуть. Повернулась, протянула ему руку, чтобы затащить на уступ. Он ухватился за нее левой. С ее помощью Женек забрался на площадку. Он залез бы и сам, но заметно медленнее. Выпрямился, глянул вверх. До края оврага оставалось метра три по склону. Можно было позвать Сашу, но он не стал.

– И я столько падал? – удивился, осматриваясь.

– Да-а. Больно, наверно, – отозвалась Руся, поглаживая локоть, словно и у нее он был в ссадинах.

– Больно будет, когда мама узнает, – пошутил он.

– А папа?

– Папа далеко.

– Да? А у меня наоборот, – сказала она без обычной веселости. – Папа всегда рядом, хотя издалека.

– Моряк что ли? Мой тоже был.

– Типа того, – усмехнулась она.

– Так это... ты, что... не пойдешь с нами? Чай поьем, отдохнем.

Руся пожала плечами:

– Уже поздно, Жень, и мне отсюда ближе, – она махнула рукой над головой. Женька не совсем понял куда: вроде вдоль оврага, а вроде и выше.

А затем ощутил вдруг, как исчезла дубовая скованность в левой руке. Она снова стала его, живой, послушной и шустрой. Он уставился на нее, играя пальцами.

– Это ты сделала? – перевел взгляд на Русю.

Она опустила голову, быстро погладила повязку, отчего вышивка, казалось, зазмеилась на миг.

– Я случайно, – дернула плечиками.

Захотелось ее обнять.

– Вау, ничего себе! Здорово, – протянул он довольно.

И она вздернула счастливое личико:

– Великолепно...

– Но как... – хотел уже спросить, как сверху прилетело:

– Чего вы так долго?! Ужас! Я кушать хочу!

Сашка сбежал с края оврага и, рассекая воздух топориком, кричал:

– Кушать! Хочу есть! И я устал! А вы пропадаете где-то!

Время поджимало. Не ясно, для чего, но ощущение было именно таким. Женек посмотрел на Русю. Она тоже оторвала глаз от скачущего в траве воителя, посмотрела на Женю.

– Приходи еще, – произнесли они вместе.

И тут же:

– Приду, – тоже вместе.

От чего рассмеялись.

– Чего смешного? – Саша спрыгнул к ним. – Пирожков нет, яблоки кушать нельзя, но зато можно кидаться, пить нечего. И где Коля и Митька?

– Вона, – Женька указал на склон по другую сторону.

– А вы?

– Мы за тобой.

– Наконец-то.

– То есть я... А Руся, она тоже домой.

Руся кивнула и сделала шаг вверх.

– Приходи еще, – попросил Сашка, а затем подошел и крепко обнял.

Она улыбнулась, погладила его по голове.

Женя прикусил губу. Затем плюнул и обнял тоже. И Русю, и братика. И что-то еще. Как будто бы даже все. Все, что есть на свете.

А после они стали спускаться вниз, она полезла вверх. Через каждую пару метров оборачивались. Взрывались смехом и махали на прощание.

И когда на третий раз Руси на склоне не оказалось и сде-

лалось вдруг невыносимо печально и тихо, когда Женя с грустью обвел взглядом овраг, его неровный край и строй загадочных, величественных осин, из-за них прилетело эхом:

– Маруся... Я Руся... Руся...

И ее веселый смех.

Один дома (не считая чулана)

– Бабуль, а ты сажала те яблони?

– Сажала. Вместе с мамой. Когда была немного старше, чем ты сейчас.

Бабушка чистила картошку в кастрюльку с водой. Женя тут же, на кухне, лежал на диване, закинув руки за голову, и глазел на часы и их гирьки. Шел второй день его домашнего ареста, мамино наказание за историю с садом.

Новость о малолетних вандалах, разграбивших коллективное яблонево-грушевое хозяйство лишь для того, чтобы поиграть в войнушку, быстро, как огонек по фитилю, разлетелась по деревне и грохнула взрывом. Подумать только – играть с едой, это же надо! Они эти яблони сажали? Они их выращивали? И куда смотрят родители?

Мама не кричала. Хуже. Отчитала, как врага народа – холодно, больно, неприязненно. Будто и не сыночек он, а посторонний мальчишка, наглый вредитель. И только в глазах не укрылось разочарование с отблесками недоумения. Все его упоминания банды хулиганов остались без эффекта, смягчающим обстоятельством признаны не были, и его приговорили к домашнему аресту сроком «поглядим – увидим». Хотя по факту он-то яблоками и не бросался, правда, этого он, кажется, как раз таки не упоминал.

– Да? А можно, я тогда скажу, что это мы ваши, а не чужие

яблоки кидали?

– Там нет наших или чужих яблок. Этот сад общий. Каждый дом тогда посадил по маленькому деревцу, – спокойно объяснила бабуля. – А ты думаешь, я бы тебя не наказала за свои яблоки?

– Э-эх, – вздохнул Женька. – А бандитов тех кто накажет?

– Они уже наказаны, – после паузы ответила она, и в кастрюльку булькнула безглазая картофелина.

– Как это?

– Они впустили в себя зло. А это все равно, что гниль проглотить, которая в тебе расти будет.

Женя вспомнил, как около года назад в его комнате появился противный запах, и он три дня, пока вонь усиливалась, не мог понять причину. Потом наконец заглянул под кровать, когда туда закатился фломастер, и нашел гнилые пол-яблока. Он оставил недоеденный фрукт, потому что тот показался невкусным, а выкинуть сразу было лень, и по итогу забыл. Запах этот въелся в пол и уходил очень долго.

– А откуда у каждого дома в деревне взялось по яблоне? – решил он перевести тему. Казалось, еще чуть-чуть, и нос извлек бы то зловоние из памяти.

– А было вот как, – оживилась вдруг бабушка. – Нашел как-то паренек молодой на лугу за осинами мешок, полный яблок. Посреди бела дня мешок и никого кругом. Ну и решил – мое. Взялся за него домой отнести, а поднять не может. Тянул, напрягался, но так и не оторвал от земли. При-

думал тогда сбегать в дом за корзинами, чтобы яблоки из мешка выгрузить и поделить ношу.

Бабуля даже прервалась: вместо картошки в кастрюлю нырнул нож, и она откинулась на спинку, вытирая руки о фартук. Женек перекатился на бок.

– Сбегал быстро, очень быстро – боялся, что найдут его яблоки. Воротился к мешку с корзинами и видит: мешков-то уже два! И оба неподъемные. Кое-как раскидал один в две корзины. Взялся за них, напрягся и поднял. Обрадовался и поспешил домой. Спина болит, руки болят, жилы натянуты до предела. Прошел он шагов пятьдесят, и корзины вдруг сели в землю. Снова поднять не получалось. Что это, ручки у корзин, что ли, вытянулись, или мои руки, гадал паренек. А потом понял, что нет, на самом деле, оказалось, что это спина его согнулась. Поэтому и руки опустились. А дальше понял самое ужасное – что разогнуться-то он и не может, не получается.

Бабушка развела руками.

Женя присел на диване и только теперь с кратким удивлением заметил, что Сашка больше не смотрит мультики в зале, а сидит на широком пороге ножками в кухню и тоже слушает историю. Братику повезло: он сказал просто, что яблоками не кидался, и этого хватило, чтобы избежать наказания. Однако он все равно оставался дома, с Женьком за компанию.

– Паренек хватался уже за одну корзину, но все равно под-

нять не мог, только еще больше сгибался, – продолжила рассказчица. – Придумал тогда пересыпать половину корзины обратно в мешок. Примерился к ноше – вроде под силу. Ну и взвалил мешок на себя, да так и согнулся в конец. Пару раз, пока он возился, на него натыкались деревенские. «Чего, Володька, может, помочь?» – спрашивали они. Но Володька не соглашался, не хотел делиться своей находкой.

– Володька? Так это что... Бабуль, это Горбун Володи? – догадался Женек. Сашка даже привстал.

– Во-о-от, узнали? Молодцы, – хихикнула бабушка. – Долго он перекладывал, отсыпал яблоки, пока наконец не нашел ношу по себе. Но и тогда не ушел – слишком много яблок оставалось без присмотра и слишком мало было при нем. Еще несколько дней он сторожил их, не отходя. И ел – чтобы и от голода не умереть, и ношу облегчить. Однако яблоки стали портиться, подгнивать, и тогда Володька смирился-таки и, кроме того, нашел неожиданно успокоившее его решение.

Когда пришли снова обеспокоенные деревенские, он сказал: «Пускай же каждая семья, каждый дом возьмут себе по яблоку и из семян его вырастят по деревцу, и потом всей деревней мы высадим молодые яблоньки здесь. Я вижу этот сад, он даст столько плодов, что одному их ни за что не унести». Все согласились. Так и появился наш сад, где нет своих и нет чужих яблок.

– Вау, ничего себе! – впечатлился Женька, глянул на бра-

тика: – Ты уже слышал эту историю?

Тот покачал головой, не моргая широко раскрытыми глазами.

– Это правда, бабуль? – спросил Женя.

– Ну, конечно. Стара я, чтобы шутки шутить.

С лукавой улыбкой она опустилась к кастрюльке и ведрам: клубни из одного ведра сбрасывали одежды во второе и голенькие и чистые ныряли в кастрюлю.

– А расскажи про Хозяйку глины? – попросил Сашка. Подошел к дивану и толкнул брата – подвинься-ка, мол.

– Расскажу, дружок, если сможешь. Память у меня уже не та, от многого избавляется бесследно то тут, то там. Вот как я с этой картошкой, – бабушка отрезала кожуру и выкинула: кожуру в кастрюлю, а саму картофелину в ведро с очистками. – Ну, что я говорила? Смотрите-ка – путаюсь, а скоро и за этим не услежу.

– Ну расскажи, бабуль, – заканючил Сашок.

– В далекие-далекие времена Короленин раздавал земли в своем необъятном Короленстве. – сдалась Мария. – И одна девчущка, Нэя, узнала об этом только в самый последний день Короленинской ярмарки. Успеть-то она успела, вот только земля ей досталась – голый пятак, сорняк да овраг. А у кого-то огород засаженный, у другого – сад наливной, у третьих – уже и дом, и двор с воротами, значит. Как полагается. Расстроилась Нэя. Избу построить не из чего, землю копнула – одна глина. А она ведь совсем не принцесса, и не

волшебница. Ходила по Короленству, пробовала выменять, торговалась. Но никто не хотел слушать молодую простолюдинку, нищую и одинокую девчущку. Мужика тебе, говорят, надо, он и дом построит, и землю засеет.

Бабушка закончила с картошкой. Отнесла кастрюльку в кухонный закуток сбоку от печи и вернулась с тройкой рыхих морковок. Таких, какие носят снеговики из тех, кто покрасивше. И ножик заскользил уже по ним.

– Бедняжка Нэя. Найти-то мужика ведь сложнее, чем самой построить шалашик и вырыть колодец. Но вот как-то раз, копаясь в своей глине под морозящим дождиком, она услышала, как грязь под ногами хлюпнула: «Слепи меня». И тогда Нэя сообразила вдруг, догадалась. Из вырванных комьев глины, размякших от воды, она слепила себе помощника, как она надеялась... Женечка, там, на полке, есть терка. Давай-ка принеси ее сюда.

Женек спрыгнул с дивана и побежал в закуток. Пошарил глазами по столу, по полкам шкафчика.

– А как она выглядит?

– Железная пластина с дырочками. Прямо над тобой, ты правильно смотришь.

Жене пришлось придвинуть табуретку, взобраться на нее и всмотреться лучше. Наконец он увидел эту железяку и понял, что уже знаком с ней. Подтянулся и выудил ее. Слез с табуретки и вернулся к бабушке.

– Нет, мне не надо, – помотала головой на протянутую

терку и, наоборот, вручила ему почищенную морковь. – На вот, поработай, помощничек.

Он забрал морковь, но замер в растерянности.

– Ну, вон доска, – Мария указала на стол у окна. – Поставь терку под углом и пробегись по ней морковкой, вверх – вниз, вверх – вниз.

– Так, а что дальше-то? – Женек встал в рабочую позу, припоминая, как это обычно делала мама.

– Дальше вторую настругаешь, – бабуля показала почищенную наполовину морковь.

– Да нет, с девочкой и глиной что было?

– Он ожил! – ответил радостно братик.

– Ага, спасибо, Сашульчик, я помню-помню... К полудню следующего дня глина подсохла, и фигура ожила. Корка треснула и спала, фигура стряхнула пыль и грязь и предстала перед Нэей крепким, коренастым парнем. Его звали Нэон. Он был обычным человеком, ну, может, кроме того, что зубы его были коричневыми, а кровь – густая и рыже-красная. Нэя поведала ему о своих проблемах: дома нет, огорода нет, денег нет. Он ответил, мол, она – Хозяйка глины, а это уже немало. Мы будем лепить кирпичи, сказал он.

Однако месить тугую глину голыми ногами и втаптывать затем в формы пришлось Нэе одной. Нэон сказал, что, если увязнет в глине, она заберет его обратно. И обжигать сырые кирпичи в огненной яме тоже было заботой девушки. От огня я превращусь в камень, говорил Нэон. И только в возве-

дении стен их общего дома парень помогал. Но это было не быстро.

– Но что они ели? Где спали? – перебил Женек, оставив терку. Он справился лишь с половиной моркови, а пальцы уже устали.

– Это доподлинно неизвестно, дружок. А сам как думаешь? – бабушка протянула ему новую морковь, еще больше. Задумавшись, Женька отправил ее в рот и откусил кончик.

– Ой! – спохватился и отложил овощ на стол. – Землянка! Они могли вырыть землянку.

– Хм, да, могли.

– Или шалашик построить.

– Да, – кивала Мария.

– Воду пили с облаков, – вставил Сашка, он пересел за стол.

– Ну-ну, – хихикнул Женя. – Наверное, родник нашли в овраге.

– Смотрите-ка, какие вы смышленные, – покачала бабушка головой. – А ели что?

– Ну, может, что-то все-таки посадили, – пожал плечами Женек, возвращаясь к недоструганной моркови. – Или Нэон, пока Нэя возилась с кирпичами, ходил на охоту, например.

– Да-а, думаю, так все и было. Что же там дальше приключилось, Саш?

– Пожар?

– Хм... Да, и в самом деле. Ну молодец, – подмигнула Ма-

рия. – Едва крыша из веток и соломы была готова, как у соседей случился пожар. Сильный, свирепый. И огонь, оседлав ветер, перемахнул и на землю Нэи, и дальше, на другую сторону. Целый день и всю ночь бушевал дикий пожар. И когда наконец прожорливый монстр стих, выяснилось, что соседские дома сгорели дотла, по одному уцелевшему бревнышку на дом. А кирпичный дом Нэи и Нэона уцелел, не почернел даже, лишившись только крыши. И даже Нэон от огня не обратился в камень. И все потому, что глина из их земли не подпускает огня, она прочна и непреступна.

И после этого все в Короленстве узнали об этих чудо-кирпичах. Стали приходить, покупать. Кто кирпичи, кто сразу глину, а кто и торговался, мечтая выкупить всю землю. И зажили тогда Нэя и Нэон счастливо и богато. Достроили дом, купили деревья и склотили хлев, завели скот, завезли земли плодородной, и был урожай. Была еда, крыша над головой, тепло и уют. Правда, ноги у Нэи болели каждую ночь и утро, а Нэон все-таки не уберегся от огня, и рука его окаменела. Ко-нец.

– Как конец? Всё? – удивился Женя. Он возился с оставшимся огрызком морковки – не знал, как взять, чтобы не перетереть и свои пальцы.

– Ну, да, – усмехнулась Мария. – Достаточно, чтобы понять, – тут она поочередно посмотрела в глаза внучатам, – нужно уметь радоваться тому, что имеешь, возможно, оно больше, чем кажется.

Но Женьку достаточно не было, он все еще обдумывал концовку – слишком уж резко она наступила.

– И что, Нэон так и остался с ней, неужели глина так и не забрала его обратно? Или, может, он обманывал Нэю и вместо себя отдал ее в жертву глине?

– Ну скажешь тоже! – всплеснула рукой бабушка. – Зачем же хорошей истории так плохо заканчиваться?

Женя не знал. Потому просто пожал плечами и принялся за казнь второй морковки.

– А давай, дружок... – снова лукаво глянула бабуля. – Ну, а расскажи-ка ты нам историю, а мы послушаем.

– Какую это? – буркнул он, не ожидав такого поворота. – Сказку что ли?

– Можешь, сказку. А то Сашка вон все мои уже знает. Поправляет даже, хулиган, когда хочу что-то поменять.

Братик довольно захрюкал.

– Сказки это скучно, – обронил Женек, а у самого от волнения закрутило в животе. Казалось бы, расскажи себе, как всегда рассказывал, вот только что?

Сашка растерянно уставился на него: уже привык соглашаться со старшим братом, но сказки-то, видно, любил.

– Ну, расскажи тогда, может, как тебе в городе живется.

– Да тут истории не получится, – махнул рукой Женька и подхватил со стола только что оставленную бабушкой морковь, он приноровился и со второй расправился шустрее. – Как живется? Хорошо. Играем с друзьями в футбол, класс-

но, мне нравится. Еще в «вышибалы», в «квадрат»... Зимой на горке ледяной катаемся или выкапываем снежный дом. А! Когда тает все, весной, значит, запускаем спички по ручейкам наперегонки. Да, классно. Дома там уроки, конечно, играю я один обычно. Или телик могу посмотреть. Вечером все смотрим сериал. Иногда уже попозже Оля смотрит фильмы на старом телевизоре в комнате, мы с Катей тоже, бывает. О! Вспомнил!

– Так-так, – заулыбалась бабуля. Братик слушал с приоткрытым ртом.

– Был у нас во дворе один парень, старше нас, из класса, наверно, одиннадцатого. И он очень любил бегать, – живо повел рассказ Женя. – Не футбол или «догонялки», а просто бегать, наматывал круги на школьном стадионе. А потом, в какой-то момент ему, видимо, стало скучно, и он подумал, а сможет ли добежать до Волги и обратно. И, значит, смог, очень даже легко. Пробежался даже по мосту ГЭС. Потом снова думает – смогу ли добежать до папиной работы. А это химический завод наш на окраине города. Наш район-то тоже на краю, а завод прямо на противоположном. Ну и сбегал. Туда и обратно. А дальше он и город весь по кругу обогнул. В следующий раз добежал до соседних Чебоксар, а люди туда, между прочим, на автобусах ездят.

Оба слушателя – и стар, и млад, – внимали, не двигаясь, ждали, к чему он ведет. И Женек продолжил, похрустывая морковным огрызком, не пожелавшим исчезнуть в ненасыт-

ной терке:

– И вот однажды этот паренек – мы звали его Серый Беглый, имя у него было Сергей – снова побежал в Чебоксары, но только не до ближайшей, а до самой дальней окраины. Но назад неожиданно не вернулся. Пропал... – Женька поглядел на бабулю, на Санька. – Шли дни, его не находили ни в нашем городе, ни в Чебоксарах. А затем пришла новость – оказалось, он все еще бежит. Бежит через всю республику. Просто подумал опять, а сможет ли пробежать до границы республики. И, конечно, пробежал. Но уже не в одиночестве. По пути за ним увязались вообще незнакомые люди.

А дальше... Вот, значит, Серый Беглый пересек границу, но вернуться или остановиться ему отчего-то не захотелось. А почему бы не пробежать до границы страны, подумал он и побежал по России. А люди всё присоединялись к его бегу и присоединялись, бежали вместе. На их вопросы он отвечал, что просто хочет бежать, просто интересно пробежать до крайней точки страны. В итоге, ему пришлось все-таки остановиться – он пробежал до берега Черного моря. И страна закончилась. Плавать не хотелось, и Серый повернул обратно. А потом решил пробежать до моря на другом конце страны. И побежал через всю Россию до Тихого океана. Только самые преданные последователи его не бросили, но и их была толпа.

Больше года прошло, после того как Серый Беглый выбежал из нашего городка, и когда он вбежал во Владивосток,

его знала вся страна.

– Ну надо же! И как я пропустила? – искренне удивилась бабушка.

Женек пожал плечами, скосив взгляд на рыжую кучку протертой морковки. С самого начала почему-то не сомневался, что она фильма не видела. Пропустила, как сама выразилась.

– И что же дальше? Он вернулся домой?

– Он робот! Точно робот, – вставил братик с восторгом. Спрыгнул со стула и принялся изображать только ему известного робота.

– Почему бы и нет, – улыбнулся Женя. – Хотя от человека не отличить. Так вот, значит... От Тихого океана он повернул назад и опять сразу, без остановки и перерыва. И представьте себе, вновь добежал до Черного моря. Искупался и побежал обратно. Он сильно оброс, похудел. Когда кроссовки изнашивались, ему дарили новые фанаты во встречных городах. Однако вдруг, неожиданно, у самых Уральских гор Серый Беглый перешел на шаг, а потом и вовсе остановился. Сказал просто: «Я устал и хочу домой». Повернул назад и побежал на родину. Ко-нец.

– То есть вернулся все-таки домой, к семье? – уточнила Мария, с облегчением улыбнувшись.

– Бабуль, он все еще бежит, – ответил Женек так, точно всем это давно известно. – Может, сейчас мимо Комсомольска пробегает.

– Ну нет, не может быть, – внезапно нахмурилась она. – Я наши новости, которые в республике, каждую неделю смотрю, и про твоего заводного бегуна уж должны были сказать, но нет.

Женька прятал улыбку.

– Во-о-от, – протянула она. – А говоришь, сказки – это скучно.

– Но это не сказка, это ки...

– Сказка, сказка, – махнула рукой бабуля, а затем наклонилась к нему, пододвинувшись. – Но ты мне скажи, почему он бегал без остановки?.. И почему все дальше и дальше от дома?

Женька задумался. Разве ему не хотелось просто бежать? Наверняка хотел сделать что-то запоминающееся, что не делал никто... Что еще может быть?

Бабушка явно ждала что-то другое. Но что Женя не знал, поэтому выдал готовый ответ, который припомнил из фильма:

– Кажется, у него перед этим всем умерла мать. От болезни.

– Эх, дружок, – покачала головой Мария. – Так ты самое главное в этой истории пропустил. Потому он и робот у тебя.

Женек снова пожал плечами. У нее, значит, в сказке все должно быть хорошо и замечательно, а у него... Он протянул ей доску с рыхлой кучкой морковной стружки.

– Вот, бабуль, я всё.

– Ну, тут молодец. Скоро и суп научишься варить. Какая польза, а, от заточения!

Бабушка довольно засмеялась.

После она разрешила, пока не вернулась мама, посмотреть телевизор. Как раз показывали первый полуфинал Чемпионата Мира. Несмотря на то, что матч был достаточно сенсационным из-за того, что в одном шаге от финала оказалась сборная Кореи, игра вышла не особо яркой. Немцы забили единственный гол ближе к концу, а Саша, проголодавшись, слинял на кухню еще раньше. На последних минутах пришла мама. Женек выключил телевизор и распахнул книгу, которую все это время предусмотрительно держал в руках.

– Четыре страницы со вчера? – упрекнула она, заглянув в книгу. – Что ж ты делал целый день?

Глупо полистав страницы, Женька попробовал выкрутиться:

– Думал о своем поведении...

– И до чего додумался? – мама стянула с головы косынку и со вздохом опустила в кресло.

– Ну, типа что яблоки это не игрушки, тем более чужие... и спелые.

– И всё? – спросила мама уже менее серьезно.

– Ну, еще груши, конечно.

– Уже хорошо.

– А еще что зло это гниль приставучая, – вспомнил Женя. И отметил, что знание это отложилось, хотя он и не старался.

– С бабушкой пообщался. В кои-то веки. Какая польза-то от заточения, – усмехнулась мама. – Говорит, суп вместе готовили. Будем пробовать.

Она смахнула косыночкой капельки пота со лба, встала и пошла на кухню.

* * *

Вечером Женька лежал в их с братиком кровати и терпеливо вникал в «Детство» Горького, такое непохожее на его. Приходилось перечитывать предложения по два-три раза и затыкать уши – за тонкой перегородкой в зале смотрели телевизор. Мама, дядя Юра, тетя Лиза отдыхали после рабочего дня, Сашка был с ними. И Катя. Только она была не счастливее Женька, потому что сестры не взяли ее с собой на танцы в клуб. Выходить в зал не стал – лучше бы уснуть поскорее, чтобы еще один день наказания прошел, да и смотрели они «Кто хочет стать миллионером?», а ему больше нравилось «Слабое звено».

Когда стали готовиться ко сну, они с Сашей сбегали в туалет, на обратном пути Женя заглянул к бабушке пожелать спокойной ночи.

– Идите в постель, а я сейчас, – ответила она с загадочным прищуром. – Только не моргайте, а то уснете тут же, а у меня для вас история на ночь есть.

Женька с Сашей вернулись в комнату и уселись по разным концам кровати.

– Кто первый моргнет, тот спит у стены, – объявил Женек. – Понял? На счет раз, два, три.

В следующую секунду братик хлопнул веками.

– Ты моргнул! – поспешил заметить Женя, чтобы Сашка не успел отвертеться. Но тот и не думал:

– Ага, – кивнул без доли огорчения.

– Спишь у стенки.

– Ага, – обрадовался братик и пополз в этот закуток.

Пришла бабушка. В ночной сорочке, в тапочках на голые ноги. Что-то в ней переменялось. Не сразу Женя сообразил, что впервые видит ее без платка на голове. Седые, точно посеребрённые, волосы были сплетены в косу, которая покоилась на плече. Мария вдруг постарела. И это странно. Он знал, она бабушка и, конечно, ей много лет, но почувствовал это только теперь. Почему-то ждал, что она придет с книгой в руках, раскроет ее и прочтет свою сказку, но руки ее оказались свободны и, удивительно, тоже немолоды. И как он раньше не замечал.

– Когда этот дом только строили, – начала Мария, присев на край кровати, – а строили тогда всей деревней, звали соседей, друзей, кумов, сватов, – в перерывах между работой, когда мужики уходили обедать, или в дни, когда стройка пустовала, дети бегали по стенам, перегородкам и половым доскам, такая у них игра была в догонялки.

– Как это, по стенам? Вертикально вверх, что ли? – не понял Женька.

– Дом только строился, и стены не были высокими, они поднимались бревно за бревном, понимаешь? В первые дни они были высотой в три, четыре, пять бревен. И пол не был уложен полностью, только несколько досок для рабочих. И вот, когда стройка останавливалась, дети залазили на верхние бревна и бегали по периметру дома, срезая по перегородке между залом и кухней или по половым доскам. Им очень нравилась эта забава, потому что, если ты играешь в нее, значит, ты бесстрашный, ловкий и находчивый. Ведь нужно быть смелым, чтобы коленки не тряслись, когда бежишь по бревну над землей, нужно уметь держать равновесие и нужно иметь смекалку, чтобы тебя не догнали.

– А-а, понял, понял, мы тоже, бабуль, – вспомнил Женька. – Только мы ходили по заборам. Вокруг дetsада, вокруг школы. Да, страшно. Мы не бегали, конечно, зато падали много раз.

– Во-о-от, значит, и вы бы играли в такие догонялки, – улыбнулась бабушка. – Естественно, все мои старшие сыночки бегали, еще бы – дом-то наш. Гена, Петя, Коля, Вася. Юрке я запретила, он был еще маленький, а Лену, маму твою, и так не брали, потому что девочка.

– Юра – это мой папа, – отозвался Сашка у стенки и зевнул.

– Правильно, дружок, – усмехнулась рассказчица. – В общем, Лена-то, моя девочка, росла в окружении мальчишек – братьев и их друзей, и играла, конечно, в их игры. Каж-

дый раз она бегала с ними на стройку, но только вскарабкивалась на бревно, как ей махали и подталкивали, мол, куда ты лезешь, ты маленькая и медленная, никто тебя жалеть не станет, это недетская игра, только для мужиков. И ей приходилось просто смотреть со стороны. Я-то была только «за», хотя бы за дочку была спокойна. А мальчишки, что с них взять? – Бабуля с улыбкой покосилась на внуков. – Запретить я им не могла, Аркадий, их папа и, значит, ваш дедушка, говорил, что не собирается с ними нянчиться, головы у них собственные на плечах, ударятся – так и то чему-то научатся. Вот и оставалось, что бояться, что вернутся со сломанными руками, ногами или разбитой головой. Но, слава богу, ничего, кроме ссадин, ушибов и порванных одежек, не случилось.

Женек даже распахнул готовые сомкнуться веки, когда услышал о дедушке. Как-то так получилось, он знал о нем удивительно мало. Что его звали Аркадий, что он был старый и умер то ли до его рождения, то ли когда он был совсем маленький. И Женька, само собой, как-то привык, что в маминой деревне только бабушка, что там бабушкин дом, и деревня сама тоже бабушкина. А теперь вдруг ему захотелось узнать о нем больше.

Однако бабуля продолжала о другом, о главном:

– Ленка дулась на братишек, что они не встают на ее сторону перед другими ребятами и не берут ее играть. Помню, видела, как она ходила туда-сюда по сваленным бревнам,

штабелям досок, тренировалась, значит, равновесие, изворотливость развивала.

И вот однажды, когда она снова стала упрашивать братьев, не желая слезать со стены, они сдались. Хорошо, мол, давай поиграем, но при одном условии. Наверное, они это заранее придумали. Что тот, кто первый ее осалит, забирает ее место на печи.

– Что? – удивился Женька, на секунду подумав – наверное, успел уснуть, и ему послышалось.

– Да, – кивнула бабушка с легкой улыбкой. – Мы тогда еще жили у моей мамы, представь только, всей ватагой, вот и спали кто где. Маленького Юру и доченьку свою я забирала на печку, ну а старшим братьям приходилось спать на полу. Вот они, видимо, и натерпелись за зиму.

– Ясно, обхитрить захотели маму мою, – Женек даже приподнялся и лег на бок, держа голову на локте.

– Ага, сговорились, шкодики, – засмеялась Мария, и старость ее как будто отступила. Он на миг позабыл о своем неожиданном открытии и смотрел прежним взглядом. – Только их-то четверо, а место на печке одно. Ленка, конечно, согласилась. И побежала довольная и шустрая. А это, считай, уже сюрприз для пацанов – поди, думали, что испугается высоты и замрет на месте, и они ее тут же сцапают.

Бабуля захихикала, и чудо повторилось. Седина ничего не решает, мелькнуло в голове. Ей не затуманить огня в глазах и ребяческих смешинок.

– Спыхватились, и давай, значит, окружать, – продолжила седовласая девочка. – Загонят двое ее на угол и начинают спорить, кто же осалит-то. А Ленка, не теряя секунды, по бревнам вниз – и прыг на половую доску. В другой раз Коля с Петькой спорить не стали, сразу толкаться – бревно-то, по которому Ленка улепетывает, одно. Ну Колька и слетел на землю. Считай, выбыл. Друзья их смеются, уже и Лену мою подбадривают.

Остальные трое, Петя, Васька и Гена, решили, что всё, каждый за себя. И началась круговерть. Только ведь у Ленульки ножки маленькие, а значит, и бревна для нее шире. И голова не так высоко, не закружится от взгляда на землю. Бежит, как по земле, под ноги почти не смотрит. А мальчишки с руками расставленными, как канатоходцы, покачиваясь, пробуют за ней поспеть. И вот она резко сворачивает на перегородку, за мгновение до Васиного касания. Вася промахнулся и не удержался – тоже слетел. Теперь уже и сами братья посмеиваются. Ну сестренка! Ну дает!

Женек от азарта присел, от сна ни зевка. Бабушка увлеклась, взгляд ее витал где-то в прошлом. Она переводила его на Женю, улыбалась и продолжала историю:

– Но наступил опасный момент. В отчаянной попытке улизнуть Ленка смекнула и слезла на опорную балку для пола. Она была куда тоньше бревен, по такой не побегаешь, но для Ленкиных ножек в самый раз. И она бы оторвалась от Генки, если бы на другой конец балки не спрыгнул Петя.

Мария посмотрела на Женька – мол, ну, как ты думаешь, что же было дальше? Посмотрела на Сашку – братик, оказывается, заснуть не успел, втянулся.

– И?

– Ленка встала – ни вперед, ни назад, – глядит вокруг. А братья наперегонки ноги переставляют, покачиваясь. Петя все-таки ближе был, и Генка торопился больше. И тогда Лена сделала то, что потом все мальчишки начали использовать как хитрость в этой игре. Она присела на балку и просто подцепила с земли рейку. И каким-то образом успела ее поставить узеньким мостиком от балки к половой доске.

Как только братья прочитали ее замысел, зашагали еще быстрее. В итоге, Гена потерял равновесие и наступил на землю. Петя устоял. Но Лена уже балансировала на рейке, подбираясь к спасительной доске. И Петька, значит, пошел за ней по рейке. По этой тонкой, хлипкой рейке. И она обломилась!

Бабуля рассмеялась так, словно это произошло только что перед ее глазами. Даже на миг прикрыла рот от удивления, а затем уже хихикала в ладонь.

– А мама? – спросил Женек, готовый подхватить ее веселье.

– Успела запрыгнуть на доску. Животом. Ударилась при этом коленкой и локтем. Зато как мальчишки ее приветствовали: хлопали, свистели и восхищались. Братья качали головами и посмеивались сами над собой. После этого никто ее

не прогонял с бревен, и она играла наравне с ребятами. Убежала счастливая, мне, хулиганка, ничего не говорила, но я-то знала, а это значит новый седой волосок на моей голове. Счастье, что дом наш достроили быстро. Но в деревне как: закончилась одна стройка, везите бревна для другой.

– Класс! – довольный Женька откинулся на подушку.

– Это правда? – спросил неуверенно Сашка, почесывая живот под одеялом.

– Конечно, – заверила бабушка, – поспрашивай как-нибудь этих взрослых мальчишек, выросших в дядек... Ну, всё. Спокойной ночи, малыши, цветастых снов.

– Бабуль, – протянул Женек, поправляя подушку под головой, – а почему ты эту историю рассказала? Я думал, в конце будет что-то поучительное, типа, слушайте родителей или не суйтесь в игры, до которых не доросли.

– Так ты вот что выучи, дружок, – Мария поднялась неожиданно прямая и статная, откинула косу за спину. – Никогда не стоит недооценивать девочек... кхм-кхм... всех возрастов.

Женя, улыбаясь, подумал о Русе, о ее кудряшках, пиратской повязке на глазу и боевой раскраске. И тем мучительнее стало знание, что завтрашний день – очередной день в заточении.

Уходя, бабушка выключила свет. За тонкой стенкой он услышал печальный Катин голос:

– Что вы там делали?

– Уроки учили, – ответила мягко бабушка.

– Да?..

– Сестры не вернулись еще?

– Нет, – буркнула Катька.

Потом стало тихо. И под Сашкино сопение Женек уснул и сам.

* * *

Следующий день Мария решила посвятить прополке, поливу и сбору урожая. Женя побоялся, что его заберут на исправительные работы, но то ли бабушка пожалела, то ли домашний арест был принципиально домашний. Однако совесть ему не позволила халявничать перед телевизором, да и занят тот был сестрами, поэтому засел за книгу.

Под конец первой же минуты вдруг с полной ясностью осознал – да не хотели они, великие русские писатели, чему-то поучать, не думали втолковывать свою мудрость в головы глупых школьников, а желали лишь рассказать историю. Как бабушка вчера, как и он сам. Читать сразу стало легче и в разы интереснее.

Когда все же утомился, заболела шея, а пятая точка онемела, отложил книгу, вышел в зал. Телевизор не работал, в комнате было пусто, а часы показывали, что прошло четыре часа. Женя подивился самому себе и с облегчением заткнул совесть этим своим подвигом – надо бы еще посчитать, сколько это в страницах получилось. Теперь он мог и

телик посмотреть. Даже обожаемых Сашей «Могучих рейнджеров», как раз их время.

Прошел на кухню. Позвал братика. Никого. Выглянул в сени, снова позвал. Потом вспомнил, что Сашка заходил к нему во время чтения. И да, – Женек кивнул себе – сказал тогда, что, наверное, все-таки выйдет погулять на улицу, раз он, Женя, нашел себе занятие.

Вернулся назад, посмотрел в окошко кухни на двор. Рыжие курочки меланхолично расхаживали по нему, как пышно обряженные фрейлины по царским садам. Еще три белые несушки, подобно княгиням, расселись на зеленом островке в тени ворот. С невысокого крылечка бани следил за всеми по-императорски статный и по-королевски нарядный петух. Двуногих слуг в его владениях не наблюдалось.

Женьку понравилась эта мысль. Придумать бы еще про них сказочку для бабули. Он застыл на широком пороге. Целый зал был в его распоряжении, но телевизор смотреть настроение пропало. Хотелось послушать новую историю. Реальную или невероятную – все равно. И еще хотелось увидеться с Марусей, поболтать и посмеяться.

Снова глянул на двор. Кажется, надеялся увидеть бабушку, возвращающуюся домой. Может, ему вообще сбегать к осинам, к Русе, раз никто за ним не следит. Надо было им завести почтового голубя, посылали бы друг другу короткие записки. Руся ведь тоже может быть наказана, родилось вдруг в голове.

Женя с печалью покосился на миску с пирожками. На следующий день после яблочной баталии от первого же кусочка пирожка его вывернуло наизнанку. Не успел проглотить, как с омерзением выплюнул обратно вместе с половиной завтрака и невидимыми муравьями. Конечно, их не могло быть, но он их почувствовал, как и грязь и песчинки, как и то унижение и страх. Что удивительно, во время чаепития с друзьями после баталии он спокойно сжевал пирожка три. Однако теперь прикоснуться к ним не мог. Боялся.

Тут Женек вспомнил про Человека-Пальто. Сколько он его уже не навещал? А ведь с ним как раз будет интересно поболтать, послушать его историю. Спустя несколько мгновений он был уже в густой темноте за мяукающей дверцей.

Огонек свечи, которую он захватил с кухни, слабо подрагивал. Он выставил ее вперед.

– Человек-пальто, ты здесь? – спросил, пока глаза привыкали к темноте.

Никто не ответил. И ничто не шелохнулось. Женя поводил рукой со свечкой. Свет был каким-то бессильным, и темнота не выдавала своих. Пришлось сделать шаг.

– Человек-пальто-о, просыпайся, это я, привет... Помнишь меня? – снова позвал Женек, начиная сомневаться, что идея хорошая. Вспомнил, что тот уже прогнал его однажды, и кажется, чтобы уберечь.

Наконец показалась стена, поросшая темными одеждами, и хлам в коробках снизу. Слева вынырнули черенки, обло-

котившиеся друг на друга, как пьяные товарищи, и все те же грабли. Женька направил свечу правее, где в памяти и висел Человек-пальто. Глаза различили очертания сундуков, укрытых перинами. Прямо сейчас на этом ложе мог притаиться кто угодно.

Женьку не хотелось бояться. Ему честно уже надоело трусить в этом чулане. Просто темная комнатка, грязная, одинокая и жалкая. Он нахмурил брови, сжал челюсти.

А этот Мяук? Да что он может?! Сколько уже дней я здесь, и ни одной царапины. Что за игры?

Это было смело. Но тут же захотелось сплюнуть и постучать по дереву. Женька смотрел на свободную вешалку и непокрытую стенку. Пальто не было. Либо он просто забыл, как оно выглядит.

Сделал еще шаг. Свеча пылала, наверно, в двадцати сантиметрах от стенки. И он понял, что небольшой ее квадратик загроможден посеребрившими шторками.

Окно? Откуда оно здесь? И куда?

Да, Человека-Пальто не было, но Женек знал, что ни за что сейчас не развернется и не выйдет из.

Погода стояла солнечная, но ни единого лучика не просачивалось через шторки. Хотя на этой стороне, должно быть, тень. Пока разум примеривался к тайне логикой, свободная рука взялась за край шторки. И отвела в сторону.

В самом деле – окно. А за стеклом – мир. Светлый, цветной, обыкновенный.

Он отодвинул и вторую шторку. На руке осталась пыль, он стряхнул ее о ткань шорт. Солнце не проникало внутрь. Прозрачное тусклое стекло, которое не могло быть для него преградой, тем не менее четко отсекало свет и тьму. Как и порог двери, вспомнил Женек.

Он выглянул в окошко, ожидая увидеть соседский забор и крыши их сараев. Ничуть не щурясь от солнца, смотрел на небольшую земляную площадку, вытопанную по центру. У противоположного края стояла маленькая избушка, рядом – ворота.

И Женя узнал бабушкин двор. Кажется. Ворота другие, нет бетонной дорожки, но избушка точно была банькой, которая там и сейчас. И колодец другой. А вместо нынешних сараев – невысокая куполообразная каменная постройка. Края ее полукруглого отверстия были черны, обуглены.

А затем Женя увидел маму.

Рядом, ближе к середине двора, она усердно топала голыми ногами, стоя в квадратной деревянной ванне, полной грязи. Лицо было напряженное и казалось помолодевшим. Но все равно это была мама. Правда, волосы подлиннее и собраны в косу, выбившуюся из-под косынки. По лбу стекали капли пота. Да, мама, но только моложе, как на старых фотографиях.

И только разглядев подле сложенные рядками на деревянном поддоне кирпичики, Женя сообразил, что мама месила ногами глину и что каменное сооружение рядом, видимо,

печь для обжига.

Перехватило дыхание. Он забыл о чулане и его коварной черноте, о пропавшем Человеке-Пальто. «Я что, в бабулиной сказке? Но как... Стой-стой, а может, бабушка тоже подглядывала в это окошко и потом облекла увиденное в сказку? – роились мысли в голове, пока мама, выбиваясь из сил, продолжала вышагивать по ванне; казалось, он даже слышит, как хлюпает глина. – Но почему мама? Что же это, Нэя – моя мама? И это все было на самом деле, и бабуля ничего не придумала, почти ничего...»

Тогда выходило, что он наблюдает прошлое. Молодая мама... Пршлое, когда и он еще не родился. Это окошко времени, чудо-окошко.

Внезапно окошко произнесло:

– Маш, ну, отдохни, давай перекури. Устала, поди.

Мама посмотрела прямо на него. И Женек узнал глаза, узнал улыбку.

Маша... Это не мама, это молодая бабушка. Она махнула рукой, качнув головой:

– Еще чуть-чуть. Потопчу немного, чтобы без комков.

Затем свет погас. Картинка пропала.

Но всего на мгновение – возникла новая: какая-то сумеречная, туманная и трясущаяся. На крыльце дома сидела серая кошка. Очертания ее менялись от четких до размытых. Женька слышал – она приветливо мяукала. Тут окошко гаркнуло грубо:

– А-ну пошла прочь! Паразитка мелкая!

Следом в кошку полетела не затушенная папироска.

Продолжения не было. Окошко моргнуло и в следующий миг снова глядело на двор. Совсем как глаз, подсказывало чутье Жене.

В это раз двор больше походил на нынешний. По нему от дверей, ведущих на поле, до ворот бегали дети. Пять пацанов и одна девчонка весело и шумно гоняли мяч, отбирая друг у друга и редко пасуя. Звучали имена, и Женьку не требовалось вглядываться в их лица, чтобы понять, это мама и ее братья. Под ногами, испуганно кудахча, металась курочка. Когда самый маленький из них споткнулся об одну и шлепнулся, все расхохотались. Усмехнулся и Женька. Он уже не замечал стекла и будто бы сам был на дворе.

В какой-то момент от сильного, но не очень меткого удара мяч угодил в окошко. Женек отпрянул. И вновь прогремел хрипловатый бас:

– Ну хулиганы, черт! Заканчивайте, это вам не стадион «Динамо»!

– Ну бать! – взмолились ребята.

Однако мяч к ним не вернулся.

Окошко-глаз моргнуло, и некоторое время за стеклом стояла ночь.

«Батя?» – прошептал Женька. Кажется, он уже знал разгадку этих обрывочных картин. И волосы на голове от этого шевелились.

Ночь в окошке зазвучала музыкой. Не кассетной – похоже, живой. Задорно играли на гармонии и многоголосо пели деревенские песни. Наконец появилась картинка, снова неясная, прыгающая. На дворе в тусклом свете окон плясали люди. Мужчины и женщины смеялись, подпевали и кружились по отдельности и в то же время вместе. И все это и без того ходило ходуном. Между взрослыми бегали дети и лавировал человек с бутылкой, который угощал гостей. Женька пытался разглядеть знакомые лица, что было непросто. Не отпускало ощущение, что у него самого кружится голова.

– Ох! А я и забыл про них? – раздалось откуда-то сбоку.

Женя подскочил и дернулся в сторону, ударившись бедром обо что-то твердое. Выставил руку со свечой. Но не увидел ничего, тьма быстро обволокла его. Только теперь он заметил, что огонь погас.

– Кто здесь? – спросил нервно. – Эт т-ты, Челове...

– Я. Здравствуй, – спокойно ответил голос.

В следующее мгновение вспыхнуло пламя, и в его свете показалось пальто. Оно повисло в воздухе, впрочем, как и всегда. Женька немного расслабился, покосился на окошко, но оно оказалось черным.

– Ага, привет, Ч-человек-Пальто... Так ты знал... про это окно?

Бурые плечики слегка подпрыгнули.

– Вот сейчас вспомнил, да... Надо же.

– Это ведь... это, это воспоминания, да? – озвучил Женек

догадку.

– Ага, – огонек кивнул.

– Твои?

Пламя сощурилось. Повисло молчание.

– Сейчас припоминаю, что... да, мои, – проговорил наконец Человек-Пальто.

Женя еще раз прокрутил увиденное в окошке и с некоторым страхом и трепетом спросил:

– Дедушка, это ты?

Рукава подлетели к пламени, словно невидимыми руками он схватился за невидимую голову. Сам огонек вспыхнул сильнее, задрожал. Но потом затих, сжался до тыквенного семечка и загорел спокойно, почти неподвижно. Рукава опустились и пропали в черноте.

– Уже нет... Зови меня «Человек-Пальто» или «ты».

– Дед, – протянул Женя, – а я ведь никогда тебя не видел. Нет! Вспомнил, на одной только фотографии.

– Ты чужак, – точно обыденный факт, произнес призрак.

– Я не... – огорчился Женя, будто от него отвернулись, не желая знать. – Я твой внук.

– Мяук не ошибается, ты чужак... Значит, Ленкин, смелой дочурки, – прозвучал мягко Человек-Пальто. – Выходит, пацан, я-то тебя... сейчас припоминаю... совсем маленького, в пеленках, видел.

Женек разинул рот. Тепло разлилось в груди, он шагнул ближе:

– Да?

– И назвали тебя... совсем как девочку, еще одну внучечку... – Пальто опустилось ниже и ближе.

– Совсем и нет, – возразил внучок.

Пламя осветило его руки, грудь, дыхнуло теплотой в лицо.

– Женечка, – огонек, извиваясь, засмеялся.

– Дедушка, – обрадовался Женя и легко погладил шерстяной рукав. Пальто отстранилось и подлетело обратно. – Но как? Почему ты... вот так вот, тут вот?

Дед молчал. Пальто медленно подплыло к стенке, укрыло окошко и повисло на крючке.

– А мальчишка в этих стенах, он тоже... мой внук? – спросил он, словно не было только что вопроса к нему самому.

– Сашка? Да, он сын дяди Юры, – закивал Женька. – А бабуля... знает? Кто-нибудь знает?

– Нет, – язычок пламени качнулся в стороны.

– Тогда надо...

– Нет, не надо, – резко оборвал Человек-Пальто.

– Но это же классно... – Огонек выжидал, нервно подрагивая. Женя не сдавался: – Бабушка, мама, твои сыновья, все захотят снова встретиться с тобой. Внучки.

– Нет, Женя, – голос зазвучал строго, неузнаваемо. – Пообещай, что никому не расскажешь.

– Но почему?

– Я уже не тот, кто был с ними. Да и тот был... Пообещай, прошу! – настаивал дед.

– Не буду я такое обещать! – взбунтовался Женек. – Может... может, они хотят что-то тебе сказать, может, ты хочешь...

– Чего я хочу? Я вот только вот, сейчас только вообще не знал, что я есть я, забыл, понимаешь?.. Значит, надо было, – шипело пламя.

– Все равно не буду, – буркнул Женька, мотая головой. Огонек погас. Пальто исчезло. Все исчезло. В темноте. В краткий миг она показалась огромной, распростертой далеко и высоко. Но уже в следующее мгновение будто сгустилась. Стала оттеснять к двери. Женя попятился.

За спиной скрипнула дверца. Пол резко накренился. И его сильно потянуло назад. Через пару секунд он выпал в дверной проем, перевалившись через высокий порог. Думал, что приземлится на задницу, но оказался на ногах на ровном полу сеней. Дверца пискнула и с треском захлопнулась.

Женек замер в нерешительности. Не мог разобрать, то ли он рад, то ли зол, то ли напуган. Несомненно одно: то, что он совершенно неожиданно обрел деда, было классно. Это было удивительно и потому классно. Он зайдет к нему снова, обязательно залезет в уже родной чулан поболтать, послушать, поспрашивать. Спорить не станет, ну, да, возможно, он пока никому не расскажет.

Сзади кто-то шелохнулся.

Подсказало не зрение, скорее, слух. Но больше чутье, заолодившее и сковавшее вмиг спину. За долю секунды в го-

лове вспыхнуло одновременно: «Кто-то выбрался из чулана!», «Дед совсем не дед!» и «Просто показалось».

Сашка стоял напуганный и растерянный. Наверное, он уже был в снях, когда вылетел Женек. И только он захотел улыбнуться и взбодрить братика, как заметил в его руках нож.

Саша держал его как свечку – острием вверх, у живота, в опущенных руках, но пальцы вцепились в рукоятку, казалось, намертво. Смотрел в пол и часто дышал.

– Санек, ты зачем нож взял? – попытался весело спросить Женя, точно это такой прикол. Только улыбнуться не вышло.

Братик замотал головой:

– Я не брал.

– А зачем... Откуда ты... он у тебя? – Женек хотел опуститься к нему, но побаивался.

Тогда Саша вздернул голову, посмотрел как будто с мольбой и в то же время с обидой:

– Мальчик один дал... на улице. Подержать. – Он протянул ему ножик. И стало ясно, почему держал руки у живота, – теперь они дрожали.

– Что за мальчик? Почему... чего ты не отдал обратно? – Женька все-таки шагнул к нему и чуть присел. – Расскажи нормально.

– Я гулял с сестрами. Лазал по доскам, а они болтали с мальчиками. И потом один из них – друг Ларисы, они всегда гуляют вместе, – подошел. Помоги-ка, говорит, поддержи по-

ка одну штучку. И всунул мне ножик, – судорожно, подобно «морзянке», зачастил Сашка, продолжая протягивать Жене «подарок». – И ушел обратно. Я держал-держал, а он не забирал. Просто болтал там. А мне же никак не подойти. Как я подойду с ножиком?! Потом они куда-то собрались. Он отстал. И я побежал отдать. Но он сказал: «Передай своему братцу – пришельцу». И ушел. – Братик поднес руки, сжимающие нож, к руке Жени. – Возьми, а.

Саша отрывисто подрагивал уже весь. Лицо было бледным с ярко-красной на таком фоне сыпью на щеках. У самых волос блестели капельки пота. Смотрел все так же, может, только обиды стало меньше.

Женек раскрыл кисть. Братик выдохнул, медленно разжал пальцы и осторожно положил нож на Женину ладонь. После этого весь осел, обмяк и попятился к дивану.

Ножик был небольшой, в дюжину сантиметров, похож на обычный кухонный ножик, только лезвие чуть изогнуто, и рукоятка черная, обугленная.

– Друг Ларисы... – прошептал Женя, затем спросил у сидевшего без сил братика: – Светловолосый? Дима? – вспомнил блондинистого урода из шайки обидчиков.

Сашка сперва слабо кивнул, потом дернул плечиками.

Зачем он вообще с этим козлом разговаривал? Какое, к черту, «помоги-ка»? Женек разозлился на младшего, но тут же сообразил, что ведь тот не кидался яблоками и не видел тех хулиганов, а сам он ему ничего не рассказывал. Не мог

Саша знает, что этот «мальчик» плохой и притом опасный. Как и сестры – им он тоже не рассказывал. Нет, он хотел и даже пробовал, но его как провинившегося особо не слушали. Ну, были какие-то мальчишки, ну, повздорили, яблоки-то тут причем?

Женя взглянул на ножик. Только что рукоятка была мокрой от Сашкиных ладоней, теперь же – сухая и шершавая. Казалось, зола с нее осыпается тонким слоем и пристаёт к пальцам. Повертел в руке, мутное грязно-серое лезвие света не отражало, не блестело. Выглядело каким-то инородным, словно из редкого или несуществующего металла.

Захотелось его пощупать, попробовать на остроту. Это было глупо, но желание не отпускало. Лезвие подлетело к свободной руке, нашло большой палец, прижалось. Глядя, как белеет кожа под металлом, Женек заставил себя вспомнить, от кого этот нож и как напуган был Саша. Заставил разозлиться.

Зачем этот нож?! Это ловушка, приманка? Что он значит: «не подходи к нам» или «мы тебя еще достанем и отомстим»? Чей он и что с ним делали?

Женька поспешно зажмурил глаза, сильно, до боли, потому что живо представил, как этим ножиком кого-то, маленького мальчишку, убивают, вонзая в сердце. Или, боже, перерезают горло... Дернуло отшвырнуть нож, но он словно врос в ладонь.

– Еще он резал яблоко, – буркнул вдруг Саша.

– А? – дрогнул Женя. – Резал? Что-что?

– Пока он не дал мне ножик, резал яблоко, чистил от кожуры. Но не ел, выкидывал. Кажется, яблоко было плохое, с коричневыми пятнами, – вспоминал братик. – Я сперва подумал, что это его он просит подержать... Потом он сказал. «Передай своему братцу – пришельцу...»

Женек раздраженно закивал. Но Сашка продолжил:

– Что мы еще угостим его яблочными пирожками».

– Выдумываешь?! – вспыхнул Женя. Стало жарко. Уши горели.

– Нет! – выпрямился братик на диване – кажется, он оклемался, – и добавил виновато: – Я просто это пропустил, потому что забыл... случайно.

– Вот уроды! Гавнюки поганые! – взорвался Женек.

Огрызок мерзкого пирожка, боль в руках и слезы, их глумливый смех – всё тут же вернулось. Он схватил нож и, бешено топая, рванул к выходу.

Только запрыгнул в галоши, только потянулся к двери, как она распахнулась. На пороге от неожиданности замерла мама.

– Куда это ты собрался, хулиган?

Женька опешил. Мозг отключился, рот, хватая воздух, пытался что-то выдать. Спустя пару секунд первым делом кипящая голова сообразила спрятать ножик. Женек не стал заводить руку за спину и держать ее там, будто так и надо. Он сомкнул кулак, укрыв рукоятку, чуть согнул запястье, при-

жав лезвие плашмя к руке, а руку – к телу. Затем только сморозил:

– Помочь бабушке.

– Долго же ты решался, – укоризненно произнесла мама. – Что, скука пересилила лень?

В обычной ситуации Женя огорчился бы таким упрекам, но сейчас нож в руке обжигал кожу, и голову занимала лишь одна мысль – скорее сбежать. Поэтому просто пожал плечами. Мама посмотрела как-то оценивающе, мол, что это с ним случилось, не притворяется ли. Наконец отступила, пропуская:

– Ладно, иди. Она на огороде. И смотри не халтурь.

Женек часто закивал и вышел в дверь. На крыльце у самых ступенек за спиной раздалось:

– Стой, погоди-ка.

Он медленно обернулся. Готов был уже скинуть ножик между перил. Но мамы на пороге не оказалось. Она появилась спустя три-четыре секунды, подошла и нацепила ему на голову чью-то старую кепку.

– Всё, иди. И давай больше энтузиазма, а то лицо – будто на расстрел ведут.

Женька насильно улыбнулся, но, вспомнив кое-что, заулыбался уже от души:

– Мам, а ты правда бегала по стенам?

Она удивленно уставилась на него. Он рассмеялся и, не дожидаясь ответа, сбежал с крыльца. Внезапно вся злость

покинула его. Он пересек двор и нырнул в хлев.

Нож однако по-прежнему жег руку. А Женя уже не мог вспомнить, что намеревался сделать, когда в гневе бросился с ним из дома. Опасливо осмотревшись, он раскрыл кулак. Что-то произошло с лезвием. Оно изогнулось сильнее, стало толще и почернело. Слилось с рукояткой, которая не ощущалась больше деревянной.

Торопливо поднеся руки к свету, Женек нашел в них не ножик, а коготь. Крупный, обугленный и, несомненно, кошачий.

Коготь обжег руки и – диким испугом – глаза и сердце. Он отбросил его. Тот приземлился на край соломенной кучки. Солома тут же вспыхнула. Огонь мгновенно побежал по ней к стенам хлева и к ногам Женька. Он вскрикнул и кинулся втаптывать пламя.

Огня уже не было, но еще несколько секунд он продолжал работать ногами. Убедившись, что пронесло, выдохнул, снова огляделся. Кажется, никто не видел. Подставил руки к свету. Ладони бледные и влажные, никаких ожогов. Но зола, она будто все еще покрывала их. Женя вытер руки о футболку, почувствовал, как под левой колотится сердце.

Только успокоившись, покосился на солому. Подошел ближе, пригнулся. Разметал сено ногой. Всмотрелся вновь. Когтя не было. Лишь мелкие черные угольки... Или просто грязь. Трогать не стал. Попятился и с легкой потерянностью вышел через вторые ворота на огород.

Спустя полчаса вражда с ползучими и колючими сорняками и сухими комьями земли под тихое пение бабушки и далекий мирный шелест осин-великанов развеяла его переживания, тревогу и невеселые мысли.

Прислушиваясь к пению старых исполинов и поглядывая на их ровный строй, Женя вспоминал Русю, ее кудряшки, необычную повязку, и как она напевала. Хотелось, чтобы его скорее выпустили из домашнего плена. Хотелось, даже несмотря на дурацкого Блондина, его дружка Качка, страшного Тоху-на-девятке, несмотря на обозленного Горбуна и играющего в «кошки-мышки» Черного Мяука.

Прислушиваясь к голосу бабушки и ее забавному кряхтению, он гадал, обрадуется ли она Человеку-Пальто, покинувшему ее мужу, или она давно смирилась, и это ее только огорчит. Вдруг она знает о нем? Вдруг это она его заперла, даже подумал Женек. Но тут же прогнал эту мысль. На месте нее осталась тягостная пустота, поэтому он спросил, выдирая с корнем то ли сорняк, то ли петрушку:

– Бабуль, а расскажешь сказку про деда?

Бабушка хмыкнула:

– Думаешь, у меня такая есть?

– Конечно, – протянул он.

– Ты смотри-ка, – рассмеялась она.

Помолчала с полминуты, потом, вздохнув, сказала:

– Вот те раз, а ведь действительно есть.

– Ура! – обрадовался Женька.

– Знаешь ли ты, что твой дедушка, когда был таким же маленьким, как ты...

– Ничего я не маленький! – возразил он.

– Маленький-маленький, кушай больше. Так, я не поняла, тебе сказка нужна или нет?

– Нужна.

– Ну вот и не перебивай. Большие, между прочим, знают, что это неуважение.

– Хорошо. Я это... прости.

Бабуля не отвечала с десяток секунд, лишь тихо поругивала сорняки.

– Молчишь? – спросила наконец.

– Молчу.

– Ну, так вот. Конечно, ты не знаешь, но так оно и было. Когда дедушка был такой же маленький, как и ты... – она сделала паузу, – он жил в рюкзаке...

Час сурка

Наступил финал.

И вместе с этим подкрался конец месяца. И только Женек подумал, что ничего интересного пухлый «Шаяр» – так они с братишкой читали марку телевизора – уже не покажет, как пошел слух, что у дяди Васи дома есть видеоманитофон.

Но до посвящения в мир кино был финал. Последний, главный матч Чемпионата Мира. Собрались у Коли. Женя, Саша, Митя, Юрики. Первым вообще-то обмолвился Женек, памятуя о словах картавой парочки – мол, зови поболеть еще, мол, Бразилия и все дела. И тут на тебе – желто-синие в финале.

Однако Коля, пылая веснушками, возразил, что теперь очередь других. Его, или Мити, или Юрчиков. А то погулять пойти – собираемся у дома Сашки и Жени, в прятки поиграть или покидать летающую крышечку – снова во дворе их дома. Еще, конечно, в их бело-голубом доме друзья попивали чай с пряниками и пирожками, но про это Колька умолчал.

Митя его поддержал. Правда, тут же признался, что к нему нельзя, поскольку отец его дико равнодушен к футболу. А когда спросили о том же непосредственно главных фанатов Роналдо и компании, они ответили четко:

– Мы пхидем.

Таким образом, остался только Коля, к его радости. Хоть он и старательно этого не показывал, пожимая плечами и разводя руками. Но подостывшие конопушки, попрытавшись, его выдали.

Когда бабушка узнала, куда они с Сашей собрались посреди дня, принялась собирать в тарелку пирожочки и ватрушки:

– Гостинцы.

– Нет, не надо. Зачем? Я не буду, – запротестовал Женька, не по своей воле разлюбивший их.

– А это не тебе, – бабуля расстроилась, и этого было больно вдвойне. – Я вот Саше отдам. А он уже с ребятами поделится, да?

Братик кивнул.

– Только смотри, поделись обязательно, – наказала Мария, укрывая тарелку платком.

Колькин дом, бревенчатый, выкрашенный в ярко-желтый, с воротами в желто-зеленую «елочку», располагался ниже по улице, домах в семи. Перед выходом Женек гадал, одеться нарядно или в цвета команд. Первый вариант казался глупым и неуместным, а чтобы обрядиться болельщиком, нужно знать, за кого болеешь. Ни к бразильской, ни к немецкой команде безумных симпатий он не испытывал. Оттого отправился в гости в повседневном.

Саша с одеждой не заморачивался, а вот краски ему не давали покоя. Все утро донимал вопросом, будут ли они рас-

крашивать лица. Женя отмахивался. В итоге братик, не зная как быть, попросту спросил у мамы, тети Лизы, можно ли ему, с еще не сошедшей сыпью на лице, размазать акварель по щечкам.

Тарелку он нес чуть ли не на вытянутых руках, будто сам Роналдо приехал в Нюргеши, а это, значит, ему хлеб да соль. Женьку приходилось его ждать и следить, чтобы не споткнулся на изрытой бороздами земляной улице.

Вообще, одеться покрасивше он подумывал не потому, что в гости. На самом деле, он пригласил на финал Русю. Написал на листке бумаги, когда, где и как будет классно, и спрятал под корнем Почтовой Осины, в их условном месте. Тайнику было три дня от роду.

Лисьим проклятием оказалась не только тошнота, накатывающая при виде любимых пирожков, но и паралич в ногах с всё той же тошнотой на подступах к оврагу. А перебраться через него к осинам Женя хотел неоднократно – думал погулять среди них и дожждаться Русю.

Решительно пересекал картофельное поле, подходил к забору у края участка и... всё. Шагнуть в овраг значило вновь оказаться одному. И вроде дома не далеко, но услышат ли его крик, успеет ли он закричать? Потому ноги не шли, живот крутило. Он глядел на деревья по другую сторону оврага, надеясь увидеть подругу, но понимал, что, скорее, высматривает там Лиса и его дружков.

Однако она пришла. Три дня назад помахала ему из-за

широкой осины. Довольная и такая крохотная в окружении древесных великанов. Крикнула:

– Привет!

Он ужасно обрадовался, вскинул руки над головой и замахал в ответ:

– Привет!!

– Привет! – повторила она очень просто, с не меньшим задором. Подпрыгнула у края склона, как малыши пробуют дотянуться до старших. Словно хотела запустить по дуге над обрывом свое неудержимое приветствие.

И Женя вдруг перелез через забор. Ноги ожили, окрепли. Он прыгнул на дно оврага, оттолкнулся что есть мочи и в один вдох оказался на другой стороне. И никакой дрожи в коленках и холодка в пальцах. А тропинка между исполинами, перешептывающимися в вышине, стала вмиг прекраснейшим местом на земле. У самого ее края.

Они обнялись. От ее кофейных кудряшек пахло радугой и чуточку какао. От ее рук по спине побежали мурашки, каких Женька еще не знал.

– Ты пришел, – улыбнулась Руся.

Сарафанчик ее был украшен лилиями, еще один бутон расцвел на повязке. Женя невольно обернулся к своему дому и удивился даже, обрадовался – действительно, пришел.

А затем они гуляли по этой тропе, петляя между невозмутимыми стражами, поглаживая по их шершавинкам. В одну сторону, в обратную. И, как, оказывается, бывает, но как не

бывало еще с Женей, говорили обо всем на свете. А когда, обойдя всех, поняли, что обо всем, да не друг о друге, тогда и выдумали тайник. Нарекли дерево встречи Почтовой Осинной и спрятали у нее за пазухой, в норе у самого корня, свои обещания писать.

Сашка все-таки споткнулся. И прижал наконец тарелку с гостинцами к себе. Ни один, кажется, не обронил – Женя смотрел краем глаза. А все потому, что дальше по улице на дорогу свернула «девятка». До Колиного дома оставалось метров сорок. Улица вдруг показалась безлюдной. Хотя, скорее, она просто была слишком широкой.

– Давай шустрее, – стал подгонять он братика в спину. – Пирожки остынут.

– Ты же их не ешь, – буркнул Саша, ускоряя шаг.

– Не твое дело, – огрызнулся Женька. «Девятка» быстро приближалась, спешила не меньше их.

– За кого будем болеть? – спросил братик с легкой обидой.

«Не твое дело», – хотел уже процедить Женя, когда осознал вдруг, что «девятка» красная, и окна ее не тонированы. Через несколько секунд она проехала мимо.

– Давай... за петуха, что ли? – попытался пошутить он, стало стыдно, что сорвался на младшем.

– Это как? – прищурился, глядя на него, Сашок.

Они подходили к цветастым воротам Колиного дома.

– Ну, за тех, у кого шансов меньше.

– И у кого?

Быстрые и изворотливые бразильцы? Или упорные, точные, действующие единым целым немцы?

– А вот это сложный вопрос, – резюмировал Женек, пропуская братика в дверь и оглядываясь. – Посмотрим.

Все были в сборе. И на полу перед телевизором, и на поле перед трибунами. Звучал гимн Германии. Митя, Коля, мелкие Юрики, рассевшись на узорном бежево-коричневом ковре, выглядели мешаниной красок солнца, неба и зеленых лугов. Что нельзя было сказать о картинке на экране – пухлый телик мог похвастаться только черной, белой и бесчисленными оттенками серой.

– У тебя телик черно-белый, – вместо приветствия вырвалось у Женька.

– И что? Показывает же, – недовольно отмахнулся Колька.

– И то, – буркнул Женя.

Знал бы – остался бы дома. Собрал всех финал смотреть, а у самого, где бразильцы, где немцы, не разберешь!

Обстановку разрядил Саша – протянул Коле тарелку с печеными гостинцами.

– Вот спасибо, Санек! – смягчился Рыж. – Давайте, садитесь. Прямо сюда же. Или на диван, как хотите.

Тарелка опустилась на пол, и Сашка плюхнулся к ребятам. Женька залез на диван рядом.

– Все за бразильцев? – спросил как можно веселей.

Мяч уже был в центре поля. Немцы все же угадывались по более светлым футболкам.

– Конечно, дхуг, – отозвался Юрка.

– Не за этих же хоботов, – второй махнул рукой с покусанным пирожком на телевизор. Немецкая команда разыгрывала мяч в атаке. С этой златокудрой парочкой все было ясно, они единственные, кто раскрасил себе и лица.

– Победит сильнейший, – обронил Колька, не отрываясь от экрана.

– Лишь бы не скучнейший, – добавил Митя, рука его блуждала по ковру в поисках тарелки.

– Точняк, – согласился Женя. Глаза почти привыкли различать, кто серее на этом сером поле.

– Да, да, – закивали Юрики.

После секундного молчания Саша вскинул руки и выдал:

– Впере-е-е-д! Росси-и-я!

Все вмиг дружно рассмеялись.

Маруси все не было.

Закончился первый тайм. Совсем не скучно. Бразильцы атаковали опаснее, но у немцев – Оливер Кан.

Колина мать, тетя Шура, позвала на кухню пить чай, или компот, или молоко – кто что любит больше. Расставила напитки, нарезала бутерброды и вышла. Но вернулась уже минут через пять:

– Коль, тут к вам гостя...

Женька загорелся счастьем. Но и Рыж привстал, широко улыбаясь.

– Говорит, ты ее звал финал посмотреть.

Что? Как? Женек, не сдержавшись, злобно покосился на Колю.

– Ну, да, – кивнул он.

Тетя Шура улыбнулась и пропустила в дверь гостью.

Через порог неуверенно переступила девочка – круглолицая, полненькая, в милом комбинезоне, галошах и с ободком в рыжих волосах.

Женя выдохнул. И глянул на Кольку вновь, но уже с недоумением. Сам он и все остальные глазели на гостью.

– Ты Коля? – спросила девчонка.

Он, сглотнув, медленно кивнул.

– И зачем я вам здесь футбол смотреть? – глядела она с не меньшей растерянностью.

– А ты Руся? – уточнил Колька, весь алый и испуганный.

– Руслана, – поправила она. – Ну... Да, Руся.

– Ой, черт, это... прости, я не подумал, что ты тоже... То есть я хотел позвать Русю, нашу знакомую, и вот... – Он глупо улыбнулся. – Оказалось вдруг, ты тоже Руся.

– Руслана! – разозлилась не-та-Руся. – Придурки!

Развернулась и вышла прочь.

– Ну, знаешь, сынок... – огорчилась тетя Шура и, качая головой, захлопнула дверь.

Колька плюхнулся на стул.

– Ты что, забыл, как выглядит наша боевая подруга? – подколот Митька, не скрывая улыбки.

– Да я просто пробежался по Садовой, поспрашивал, знает ли кто девочку Русю. Кто-то знал. Ну, я и попросил его передать, типа ее друзья зовут вместе посмотреть футбик, – выпалил Рыж, оправдываясь.

– Умно. Плохо, что зовут ее не Настя, – не унимался Ушастый, – а то каждому досталось бы по подружке.

Юрики мотали раскрашенными мордашками, не понимая, о чем речь. Коля решил не раздражаться и заулыбался – облегченно и расслабленно.

– Смешно будет, если сейчас заявится наша Руся, – не сдержался Женек.

– Ага, чудесным образом, – поддержал шутку Митя. Вместе с улыбкой растянулись его «молочные» усики.

– Почему же? Самым обычным.

– Как это? – с подозрением спросил Колька, выпрямившись на стуле.

– Я тоже ее пригласил, – словно между делом обронил Женя.

– Как? Ты знаешь, где она живет?

– Нет.

– Что, видел ее?

– Да.

– Врешь, – не унимался, хмуря брови, Коля.

– Не вру.

– Болтаешь, – протянул Митька.

– Да нет же.

– Ну и где она? – последовал Колькин вопрос ребром.

– Пойдем? – шепнул один Юрик другому.

– Пойдем, – кивнул тот. И они по-партизански покинули стол. Сашка улизнул с ними.

Женек пожал плечами:

– Не знаю. Наверное, не смогла.

– Ну да, конечно, – закивал Рыж, поглядывая на Митю.

– Ясно, ясно, – отозвался тот.

– Да и пожалуйста, думайте, что хотите, – Женька встал. –

Погнали, сейчас пропустим все.

Они вернулись в зал. Игроки на поле уже всю носились, не думая их дожидаться. Женя присел на ковер рядом с Сашкой и шепнул ему:

– Ну, за кого болеем-то?

Коля сразу не сел – шагнул к окну, выглянул во двор. Затем только запрыгнул на диван.

– За бразильцев, – ответил тихо братик. – Кажется, им очень нравится играть.

– А немцы?

– Они... – Сашка пожал плечами, – очень хотят выиграть.

Руся не шла из головы. Почему же ее все еще нет? Хотя она все-таки девочка. Женек вспомнил сестер – может ли футбол вообще быть ей интересен? Прочеть бы ее письмо.

Подскочили Юрики, готовые завопить, но простились: «Эх!» Красивый удар от бразильцев, но Кан спокоен. Колька тоже приподнялся на диване, только взгляд его скользнул во

двор.

«Он так ее ждет?» – огорчился Женя, и испугался, и разозлился – все вместе.

Однако спустя пару минут невольно забыл Марусю с ее тайнами и кудряшками, игра забрала его всего. И одарила всем: ловкими обводками, удивительными пасами, дальними обводящими ударами, миллиметрами между мячом и штангой и звоном перекладины.

И, наконец, голом.

Оливер Кан, немецкий страж, невозмутимый и вездесущий, допустил неловкость, погрешность – не удержал мяч после удара. И молниеносно шустрый Роналдо обокрал его всего на миг, в следующее мгновение мяч уже прыгал в воротах.

И сотни ликующих очевидцев прыгали на стадионе. И Юрики да Саша скакали здесь под их вой и восторги комментаторов. А затем закружили по залу, раскинув руки, мечтая почувствовать, каково это – забить гол в финале Чемпионата Мира.

И Коля слетел с дивана на пол, поближе к своему пузатому старому другу, который транслировал, как и миллиарды других гремящих ящиков по всей планете, уже легендарную улыбку счастливого Зубастика.

Митька довольно потирал руки, показывая всем видом, что предвкушает обострение борьбы и больше голов. Женька ждал того же – атак, атак и еще раз атак. Но было еще что-

то тихое, печальное: «Но кто же будет болеть за Германию? Кан уж точно этого не заслужил».

А затем все повторилось. Меткий Роналдо, юркий мяч и Оливер Кан, не робот, а человек. Ни первый, ни второй не пожалели третьего.

Картавые фанаты безумствовали и скандировали: «Хоналдо! Хоналдо!» Женек не удивился бы, если завтра встретил бы их остриженных а-ля кумир. Сашка охотно веселился за компанию. А троица постарше сошлась на том, что немцев все же жалко, что гол уж они заслужили и что где один гол, там и второй.

Однако финальный свисток развеял эту странную горечь, потому что стало ясно – победил сильнейший. Финал, к сожалению, но абсолютно справедливо, не бывает без проигравших.

И было награждение. Были медали. И заветный кубок над головой. И были краски на черно-белом экране. Все теперь казалось возможным, а невозможным – ничто.

* * *

Чемпионат Мира закончился. И жизнь вдруг стала слишком обычной. Ни праздника, ни мира. Словно ты не един больше с целым земным шаром. Словно цирк, нагрянувший из далеких стран, исчез с рассветом солнца. Еще вчера был карнавал, а теперь лишь голый пустырь, и ты остался в ничтожной, затерянной где-то глубинке.

Что-то такое чувствовал Женя, когда привычно включил телевизор и не услышал гула трибун. Еще некоторое время прыгал по каналам – с первого до пятого и обратно. Но утраченного мира не нашел. «Шаяр» можно было выкидывать. Наконец, дядя Юра сказал ему не баловаться, и Женек оставил ему дико скучную передачу о преступлениях и расследованиях.

К Почтовой Осине сбегать уже успел. Маруся писала, что была занята, помогала отцу с рыбалкой, и просила извиниться перед Колей. «Подумаешь, Коля!» – расстроился вдруг Женек. Сам он в тайнике ничего не оставил. И, болтаясь без дела по двору, ждал теперь ребят. После финала они так загорелись, что вышли на улицу попинать мяч. Было классно и весело, хоть и сумбурно и не особо удобно на разбитой дороге. Потому сговорились поиграть на школьном поле. Если, конечно, взрослые не заберут на поле другое.

Время тянулось ужасно долго. Наверное, минул уже час, как они должны были зайти. Женька успел покидать летающую крышечку на меткость в ведро, позапускать бумажные самолетики, меняя форму и длину крыльев, добавляя закрылки и хвост. Заглянул в сарай, где хранилось много чего интересного: баночки и ведерки с гвоздями, болтами и гайками, пружинки, проволоки и канцелярские кнопки, трубки, железки и брусочки, которые с мальчишечьей фантазией превращались в пистолеты и ружья. Даже выдернул тугой крючок на двери амбара и с удивлением обнаружил в

пыльной полутьме целые ванны круп и зерен. Он запрыгнул на бортик и перегнулся – руки нырнули с такой легкостью, что, казалось, если он не удержится и перевалится полностью, то и сам нырнет с головой. Следом за кепкой, которая готова была с нее соскользнуть. А может, его медленно затянет, как в зыбучих песках. Но стекали ручейки зернышек между пальцами приятно и весело.

Когда терпение иссякло, Женя решительно вышел на улицу с намерением отыскать пропавших друзей. Уже свернул в сторону Колиного дома, как столкнулся с Катькой.

– О! Вот и ты! – обрадовалась она.

– Чего? – насторожился Женька.

– Пойдем скорее, – подтолкнула сестра.

– Куда?

– У Миши и Маши есть видик.

– Да-а?

– Ага. Пойдем, будем кино смотреть, – потянула Катя. –

Оля, Лариска уже там.

Женек растерялся. Настроен был погонять мяч, хотелось очень, но как же обидно будет потом выслушивать от сестер, как классно смотреть по видеоманитофону и какое крутое кино было. А так он еще и в школе сумеет похвастаться.

Глянул вдоль улицы. Пацанов не нашел. Может, они и не соберутся сегодня.

– Ну, чего ты? – поторопила сестренка.

– Ладно, давай, – обреченно вздохнул Женька.

– Лядна, дявьяй, – передразнила Катя, корча рожу.

– Чего?

– Ничего, пошли уже.

Они шустро зашагали вверх по улице. Через пару домов Женек спросил вдруг:

– А ты знаешь, что у нас в амбаре целые ванны зерна?

Прям бассейн.

– Знаю, – обронила Катюха. – Видела.

– Да? – немного расстроился он. – Они глубокие, наверно, даже плавать можно.

– Знаю, – кивнула она. – Плавала.

– Врешь?!

– А вот и нет, – пропела сестренка. И побежала от него.

Он бросился вдогонку.

В конце улицы они свернули в тенистый проулок, ведущий на соседнюю улицу Пушкина. И именно в углу, где они пересекались, располагался Мишимашин дом и их родителей, дядя Васи и тети Сирени.

Женя так привык к бабушкиному дому, что неожиданно было столкнуться в их дворе со сторожевым псом. Молодая овчарка встретила их лаем, строгим и требовательным. И звонким лязгом цепи. Женька потоптался у ворот и, лишь сообразив, что пес не достанет ни до него, ни до крыльца, без резких движений направился к дому.

Катька же обрадовалась четвероногому сторожу и, не думая его сторониться, мило помахала ему:

– Привет, песик! Мы свои, дружок! Пустишь нас?

Несомненно, это вежливо спросить разрешения, вот только Женек уже был на крыльце и держался за ручку двери. Сестра еще чуть полюбезничала с пушистым. С поглаживаниями, правда, не полезла. И пес, действительно, поутих и смотрел теперь с мирным интересом.

Тут дверца открылась, и через порог шагнул в тапках Миша. Высокий, плотно сбитый, кучеряво русый.

– Заходите, мальчики и девочки, вас ждем, – пропустил он Женю.

– Как зовут? – спросила Катя, поднимаясь на крыльцо. Она все еще строила глазки новому другу.

– Зверь, – прорычал Миша. И подмигнул псу.

Войдя в зал, Женек первым делом отыскал взглядом телевизор. Тот стоял в углу у дальней стены. Чтобы солнечный свет из окон не падал на экран, догадался он. Дома, в городе, его, бывало, поругивали, если забывал задернуть шторы.

Но брови его подскочили не из-за продуманно удобного теле-уголка, телевизор был лишь пьедесталом для реально удивительной штуковины – видеоманитфона. Женька признал его в этом плоском черном ящичке благодаря прямоугольнику в середине – именно туда, несомненно, отправлялась кассета. Значит, это были не слухи, он действительно существует!

Но виду не подал, не бросился к нему разглядывать и шупать, подобно неандертальцу, впервые увидевшему огонь.

Пусть и хотелось. Присел на диван, скинул кепку, принялся изучать комнату. Всю, кроме одного угла. Катя запрыгнула на ручки кресел, стоящих вплотную. Их занимали Оля и Лариса.

– Где вы ходите? Мы уже выбрали, – поворчала чуточку Оля, выходка сестренки была ей не особо по душе.

На коленях у нее и Ларисы лежали видеокассеты. Оля взяла одну:

– Миш, давай, наверное, «Титаник».

– Хорошо, – Миша подошел и забрал ее.

– Ты уже смотрел? – спросила Лара, складывая три кассеты в стопку.

– Вообще-то, да, – улыбнулся он. – Фильм круть!

– Да, я слышала тоже, – живо закивала Олька. – По телевизору говорили, и в газетах читала, что кучу наград получил.

Читала, вырезала и клеила в дневник – мелькнуло в голове Жени. С Катькой они хорошо знали это увлечение старшей сестры.

С очерченной щелью для кассеты он угадал. Миша затолкал «Титаник» в этот прямоугольничек с подвижной перегородкой. Она пропустила кассету и вернулась на место. Совсем чуть-чуть Женек расстроился – представлял просто, что будет откидывающаяся крышка: нажимаешь кнопку, крышка выпрыгивает, вставляешь кассету и захлопываешь крышку. С чего вдруг навоображал именно это? Навер-

но, где-то видел.

Зато дальше разочарования не было нисколько. Начался фильм – и все исчезло. И шуршащий видик, и зал с прямыми лучами света на полу, и мохнатый Зверь, Колька рыжий и Руся тоже. Только гигантский лайнер – четыре трубы, винты размером с дом, палубы, дощечка к дощечке, шириной с улицу, раскаленные печи и смазанные поршни. Только корабль и синюющий океан. Титаник, океан и айсберг. Появилась эта ледяная глыба, и Женек не заметил, как оказался на полу в паре метров от веющего морозом экрана. Катька уже была там, разгоряченная и кусающая ногти.

Когда Титаник треснул и разломился, Лариса позвала Мишу, чтобы он поставил на паузу. Им с Олей приспичило в туалет. Главный плюс видеокассет – никакой рекламы – обернулся для них неудобством. Миша нажал на кнопку, и картинка застыла. Многотонная металлическая туша давила беспомощно копошащихся обреченных.

– Мы сейчас, туда – сюда и готово, – оправдывались сестры, сбегая из зала.

– Погодите-ка, я тоже, – поплелась за ними Катя.

– Позовешь тогда, – сказал Мишка Жене и вышел в соседнюю комнату.

Зал вернулся. Окна. Солнце тоже. Экран как будто сузился, обрел границы. Словно превратился в витрину. Стало ясно, что вот ты и твоя настоящая жизнь, что это реальное, а там это... это кино, актеры. Актеры не погибают, даже если

им на головы рушится корма Титаника.

Но впечатления еще были тут, перед глазами. И как же прикольно – быстро и страшно – катились люди под уклон по гладкой, полированной палубе накренившегося гиганта. Совсем как на огромной, высокой и дико опасной горке, а внизу вода. Женьку захотелось увидеть это снова.

Осмотревшись, он подполз к телевизору, вытянулся на ногах и принялся изучать кнопки видеомagnитoфона. Отмотать обратно равно стрелочка назад, то бишь влево, прикинул и понадеялся, что так оно и есть. Поколебался пару мгновений. Но соблазн воочию убедиться во втором главном плюсе видика – всегда можно вернуться и глянуть по новой – пересилил. Женя нервно огляделся. На пороге соседней комнаты маячила тень брата, топота сестер не слышно. Затаив дыхание, нажал на кнопку.

Что-то произошло со светом в комнате. Он как-то сдвинулся. Будто повернули резко прожектор. И в тот же миг Женька услышал:

– По телевизору говорили, и в газетах читала, что кучу наград получил.

Это произнесла Оля, сидящая в кресле. Рядом откинулась на спинку Лариса, а между ними... правильно – Катя на подлокотниках кресел. А сам он вдруг невероятнейшим образом оказался на диване. Миша отошел от телевизора, на экране которого под звонкие фанфары блуждали лучи прожекторов.

– Вы уже вернулись? – спросил ошарашенный Женек.

– Чего? – отозвалась Оля, не поворачивая головы.

– Всё? Сходили в туалет?

– А нам и не хотелось.

– А захочется – тут есть пауза, прикинь, – добавила Катя, подкалывая.

Пошла картинка, и стало ясно – «Титаник».

– Я это уже видел! – вырвалось у Жени. Он даже спрыгнул с дивана, указывая на экран.

– Жень, ну, это просто заставка, она одинаковая у многих фильмов, – посмеиваясь, объяснила Лариса.

А Оля стрельнула взглядом, как умела, чтобы лишний раз не называть идиотом. Он хотел запротестовать, но помедлил. Он нажал кнопку, но что было дальше? Когда они вернулись? И чем все закончилось? И зачем они смотрят это снова?

Однако минут через десять Катя возмущенно буркнула:

– Это что, передача Жакив Куста? Я думала, будет, как они плыли и в айсберг врезались.

– Да будет уж... наверно, – успокоила Оля. – Всё, тихо.

Не «зачем», а «почему». Почему они смотрят это как в первый раз?

«Кнопка. Я отмотал назад. Отмотал обратно... время», – осознал наконец Женек.

И обрадовался.

Вау! Вот это аппарат! Крутотень!

Тут же повспыхивали вопросы: «А как далеко он отматывает? Это работает только с «Титаником»? Это работает только со мной? Если нет, замечу ли, когда кто-то такое повторит? А может, он уже это сделал...»

Все шло, как шло в первый раз. Оля с Ларисой восхищались роскошной шляпой Роуз. Катя слезла на пол, ближе к телевизору. Миша спустя пятнадцать минут ушел в соседнюю комнату. Женька подмывало выпалить, что будет в фильме в следующий момент. Однако вместо этого он тихо спрыгнул с дивана и направился к Мише. Олька заметила:

– Отматывать назад... – сердце его замерло, – не будем, – предупредила она.

– Хорошо, хорошо, – вякнул он и слинял в Мишину комнату.

Брат упражнялся с гантелями.

– Что, заскучал? – спросил, не прерываясь.

Женька пожал плечами:

– Мне нравится, когда айсбе... – тут он прикусил язык и поспешил замять оговорку. – А откуда, Миш, у вас видик?

Брат, правда, все же глянул с прищуром.

– Купили.

– Да? А где такие продаются? – в самом деле стало интересно Женьку.

– Какие «такие»? – уточнил Миша, позабыв на миг о гантелях.

– Ну... вот такие, – кивнул Женя в сторону зала.

Брат, покачав головой, опустил снаряды на пол и поглядел с хитрецей:

– Нажал на перемотку, малец?

Сердце ёкнуло, челюсть отвисла. Потупив взор, Женек выдохнул:

– Ага.

Миша усмехнулся:

– Какой раз смотришь?

– Второй.

– Это ладно. – Он снова взялся за гантели. – Я как-то пять раз крутил. С девчонкой смотрел «Привидение», вот и отмазывал, пока не получилось.

– Что получилось?

– Что? Маловат ты еще такое знать, – заулыбался Миша.

Женек дернул плечами. Подобрал с пола гантель поменьше и тоже принялся работать рукой, сгибая в локте.

– И что, она не заметила?

– Не-а. Замечает только тот, кто нажимает, – сказал, точно секрет раскрыл. – Ты, может, и не первый раз ко мне зашел, если кто-то из девчонок... сам понимаешь.

– Ну а где... вы купили?.. Миш?.. Не расскажешь? – выдавил Женька сквозь сжатые от натуги зубы.

– Ладно, братанчик. История, кстати, интересная... – Миша плюхнулся на стул, тот раздраженно скрипнул. – Расскажу, но при одном условии – все это время ты должен будешь упражняться, раз уж взялся за гантельку. Идет?

– Идет, – буркнул Женька. Снаряд в руке разом потяжелел вдвое. Но согласился даже не из-за истории – ну, действительно, какая разница, где купили видеоманитофон, главное, он уже есть, а купить себе такой же Женек все равно бы не смог. Просто стыдно было отказываться и выглядеть слабаком и трусливым мальчишкой.

– Хорошо. Поехали. В общем-то, был я в тот день один. Без предков, без Маши. Погуляли с другом в Комсомольске, переночевал у него и на следующий день собрался домой.

Миша последил внимательно за никудышной техникой Жени, он сменил уставшую руку.

– И вот стою я на автостанции, жду автобус. И вдруг случайно замечаю у входа в вокзал интересного мужика. Сидит он себе на скамеечке, а мне его лицо вроде знакомо. Но кто он такой, почему я его знаю, никак не вспомню.

Брат снова взял паузу. Женек злился, едва не скрежеща зубами. Рука ныла и грозила отказаться слушаться. Ладонь вспотела. Хотелось взяться за гантель обеими руками. А тут еще Миша подошел, поправил положение руки, отодвинув локоть от груди, куда тот упирался.

– Думал, гадал минут десять, наверное, – продолжил он. – Мужик уже просек, что я на него глазею. И тут вдруг – бах! Озарение! Вспомнил. Брюс Уиллис. Ну точно! Одно лицо, прикинь.

Он с некоторым сомнением глянул на Женю:

– Знаешь Брюса Уиллиса? В «Крепком орешке» играл.

Еще «Детективное агентство «Лунный свет» – по ОРТ сериал...

– Знаю – знаю, видел, – оборвал Женек. И перекинул уже неподъемный груз в другую руку. Но и та после пары движений заработала в полсилы.

– Чередуй упражнения, малец, давай вверх над головой, – скомандовал брат. – И вот я, значит, вспомнил, узнал. И дернуло меня, подошел к нему и говорю: «А Вы знаете, что ужасно похожи на Брюса Уиллиса, актера из фильма «Крепкий орешек? Прямо точь-в-точь он, знаете?» Мужик рассмеялся очень весело. Мне самому смешно стало. А потом он меня, значит, рукой манит и тихо так говорит: «Вижу, – говорит, – ты кино любишь? Хочешь, – говорит, – продам видеомаягнитофон по дешевке?»

– А-а, ясно, – протянул Женька и бессильно опустил руки.

– Не-не, погоди, не всё еще, – усмехнулся Миша. – Ладно уж, возьми обеими руками. Вверх и перед собой. Да, вот так. Слушай дальше. «Какой маягнитофон?» – говорю. А мужик достает из сумки под скамейкой этот самый аппарат. «Видеомаягнитофон, – говорит, – «Радуга», не новый, но всё работает». Я, главное, думаю: «А чё бы нет?» И мысли даже не было, вдруг обманывает, металлолом втюхивает. Не знаю, глаза у него больно честные. Думаю, значит. И, конечно же, тут мой автобус и подъезжает. «Сколько?» – говорю. Мужик улыбается: «Да сколько есть?» Я честно глянул в карманы, что осталось после клуба. «Четыреста семьдесят два

рубля», – говорю. «Вот, – думаю, – обломается мужик». «Забирай», – мне говорит и протягивает видик...

Женек забыл про упражнение, замер с запрокинутыми за голову руками. Да и Миша уже за этим не следил.

– Гляжу, значит, на деньги. «Ну, – думаю, – батя-то меня прибьет! Притащу рухлядь нерабочую». А мужик говорит что-то вроде: «Не парься, такое уже было не раз, и всякий раз я его отдавал. Но кое-что от меня навсегда останется в этой вещице, как отпечатки пальцев». И вот я с секунды на секунду опоздаю на автобус, спрашиваю: «Точно показывает?» «Покажет, сколько хочешь, покажет», – отвечает мне и забирает деньги. Ну а я хватаю видик и бегом к автобусу. Вот, получается, не обманул мужик.

И Миша легким движением вытянул гантель из дрожащих Жениных кистей.

– Да-а, блин, интересно, класс, – живо откликнулся Женька. Правда, показать «большой палец» сил не нашлось.

– Не говори. До сих пор не понимаю, за что мне такой подарок.

– А ты мужика не спросил потом, как это работает? – Женек нежно мямлющие мышцы. – Он это на... наколдовал или что?

– Не. Хоть и был после в Комсомольске, но его не встречал. – Миша отвернулся к окну. – Я, наверно, и спрашивать бы не стал. Вдруг он не знает про это все? Потребовал бы еще денег.

– Да, интересно. А кассеты...

– Кассеты сами купили, – бросил брат через плечо.

– Ну, ладно, пойду. Там уже скоро айсберг.

Женя направился к выходу.

– Ты уж, малой, не рассказывай, да, никому, – предупредил Миша. – И смотри: вернувшись назад, вперед не перематывай, может плохо закончиться. Маша подтвердит.

Женька обернулся на пороге:

– Маша? – и вдруг сообразил, – А что, это у нее...

– Давай, вали уже, – отмахнулся брат.

На диван Женек вернулся как раз на моменте с рукой на запотевшем стекле. Подумал: «Ну и ладно, сейчас будет самое интересное, и глаза не пришлось прикрывать, как в первый раз». Однако прежнего погружения не случилось.

Сначала мешали мысли о Маше, он вспоминал ее неизменно забинтованную ногу и то ли слухи, то ли правду, что у нее там страшные шрамы. Неужели это из-за видика? На моменте столкновения с белой глыбой, правда, отвлекся, вернулся на палубу и в коридоры Титаника.

Потом вдруг стукнула мысль – но ведь у Маши нога такая была и в прошлом году, и в позапрошлом. А видеоманитофон появился только в этом... Или нет? С чего он это взял? Миша такого не говорил, что повстречал загадочного мужика этим летом. Женька хотел уже вернуться к брату, но передумал. Пускай. Как говорится, много будешь знать, не уснешь, нос потеряешь и состаришься уродцем. А перематы-

вать вперед он и не собирался.

Ледяная вода прибывала, бурля и пробивая двери. Коридоры превращались в темные подводные ходы. Женя снова задерживал дыхание вместе с Джеком и Роуз.

– Дура!

– Ура!

Как в первый раз, взорвались Оля и Катя, когда Роуз выпрыгнула из шлюпки.

И вот корабль накренился. Рухнула труба, и корпус затрепал и переломился. Лариса, поднявшись с кресла, позвала Мишу. Нужна пауза пописать.

– Мы сейчас, туда – сюда и готово.

– Погодите-ка, я тоже, – вскочила с пола Катя.

Миша прошел обратно в комнату, со значением глянув на Женька. Мышцы еще болели, и он напомнил себе, что все правда, он ничего не нафантазировал, Миша знает. Если нажать сейчас кнопку перемотки назад, и не только сейчас – в любой момент, пока фильм не закончился, все вернется к началу. Сестры вновь из ниоткуда возникнут в зале.

Но нажимать не стал. Спустился с дивана на пол, ближе к экрану – концовку ведь так и не видел. Но наживать не стал. Прикинул лишь: что же это получается – если он выйдет на улицу, если убежит в бабушкин дом и, допустим, даже спрячется в чулане, если уедет далеко-далеко, домой в Новочебоксарск, пока фильм стоит на паузе, а потом кто-то ткнет в эту магическую кнопку, то все эти расстояния он преодолеет

в один миг и окажется здесь, словно ничего и не было?

Сестры вернулись в зал. Вошли через дверь. Своим ходом. Катька плюхнулась рядом. Лариса пододвинула кресло. Чуть-чуть, поскольку довольно тяжелое. А Оля уверенно пошла к видею, поглядела секунды три и протянула руку.

– Осторожней! – вырвалось у Женька.

Сестра прямо подскочила:

– Ну ты, блин! Уж не бомбу разминирую. Всего лишь «play» и... поехали.

И Оля шустро отбежала к креслу. Корма Титаника бухнула об воду одновременно с тем, как она приземлилась на сидение. Присмотрела Ларискино перемещение и принялась толкать и свое кресло.

– Девчата, хватит полы царапать! – донеслось из соседней комнаты.

– Прости, – захихикали девчата.

Оставшиеся минуты прошли в мертвой тишине. Почти. Раз только Катька не выдержала.

– Скорее, дура! – крикнула она, когда шлюпка уплывала от осипшей Роуз.

Наступил финал. И вместе с этим подкрался конец фильма. Пленка кончилась. Титаник утонул, Джек утонул, ожерелье утонуло.

– Подотрите слезы, сестры мои. Вы еще не видели «Приведение», – заглянул в зал Миша, когда телевизор смолк, и еще минуты стояла тишина.

– Видели, – выдала Оля. – А у вас что, есть? Кассета?

– Должна быть.

– О-о, – протянула она, но тут же закачала головой. – Хотя нет, не сегодня.

Лариса точно так же мотала головой:

–Нет, нет, еще успеем.

* * *

«Они что же, затопили целый корабль, чтобы снять фильм? – размышлял Женя по пути домой, больно уж все выглядело правдиво, по-настоящему. Ну, очень классно.

Он вспомнил о Марусе – захотелось поделиться с ней, рассказать. А кому еще? Выложишь всё пацанам – подумают, что хвастаешься. А с Русей не так. Она не лезет из кожи вон, чтобы быть круче всех. Может, потому что девочка. А может, потому что и так лучше всех. И вот она уже стоит перед ним. Такая смешная и близкая.

Хохотнув, поймал себя на мысли, представив сцену из фильма: как бы было здорово, легко и приятно покружиться с ней в танце, ухватившись за руки. Сколько было б смеха. А потом, когда голова пошла бы кругом, они рухнули бы в траву, отдуваясь смешинками. Или так же легко, без стеснения, встать на краю крутого склона, раскинуть руки навстречу ветру и солнцу и притвориться птицами – неразлучницами. Мы летим, Руся!

– Руся, дай мне! Давай! – донеслось откуда-то.

Женек замотал головой, отгоняя наваждение, так, что козырек бейсболки съехал. От сестер он поотстал, плетясь по проулку.

– Бей, бей! Да! – раздалось громче. И он различил теперь, в какой стороне.

Подошел к забору рядом, нашел прореху в листве деревьев, растущих вдоль. Точно! Школьный стадион. Он же знал, просто не сообразил сразу.

На поле, у ближних ворот, гоняли мяч друзья. Юрик в тряпичных перчатках не по размеру бежал к нему. Точнее, за отлетевшим мячом. На голом пяточке у ворот с опущенными руками стояли Митя и Юрик без перчаток, а с руками, вскинутыми над головой, радостно прыгали Коля и Руся.

Пальцы вцепились в сетку забора, а нога вдруг сильно пнула по нему. Было больно, но Женек не знал где.

– Без меня... А еще друзья называются, – проскрипел зубами.

Перелез через забор и тяжелым, широким шагом направился к ним.

– О, привет! – оживился Митька. – Ты где пропадаешь?

– Я ждал вас целый час! – возмутился Женька.

– Как? – удивился Ушастый. – Где?

– Это мы тебя ждали час, – вставил Коля.

– У себя во дворе, где еще, – злился Женек.

Рыж, запрокинув голову, рассмеялся:

– Ну, конечно...

– Договаривались же собраться здесь, на стадионе, – напомнил Митя.

Юрка закивал, встряхнув поблекшие от пыли кудри.

– Здахово, Жека, – поприветствовал Юрик второй, вернувшись с мячом.

Но Женя на него и не глянул.

– Я думал, вы зайдете за мной – как раз по пути, – оправдывался он.

– Ага, конечно, ты же у нас особенный, тебе особое приглашение нужно, – съязвил, распаяясь рыжим угольком, Коля.

– Я, вообще-то, тут не... не... Я же не знаю точно, где тут что находится. Я... я в гостях все-таки!

– И что, нянчиться теперь с тобой? – лыбился Колька.

– Почему тогда думал, что нам по пути, если, где стадион, не знал, – заметил Юрка-без-перчаток, словно от серьезности избавился вдруг от картавости.

– Да! – дружно гавкнули Митя и Коля.

Женя стрельнул глазами на Русю. Она казалась растерянной. Волосы были собраны сзади в хвостик, повязка бразильской расцветки сидела криво.

– Мне дома сказали, что по пути, и я не стал уточнять, где именно. Вот! – соврал он.

– Молодец какой, – похвалил Рыж, издеваясь.

– Ну а чего, не дождавшись, не додумался сам на стадион сбежать? – примирительно начал Митька. – Мы были здесь.

Даже когда в магаз смотались, Юрчики тут остались. А мы вот Русю встретили.

– Не знаю вот. Решил, все отменяется. А потом сестры еще забрали в гости к брату двоюродному, – успокаивался вроде Женя. Маруся, Коля и Митя заулыбались, в какой-то миг коротко переглянулись. И безотчетная злость вспыхнула вновь – смеются надо мной? – и разом затмила всё: – И кстати, между прочим, пока вы тут глотали пыль, притворяясь Роналдами, я смотрел кино на настоящем видеке! И не просто фильм, а «Титаник»! Если вы вообще знаете, что это такое. Хотя откуда вам знать, его еще не показывали по телику....

Колька, посмеиваясь, закатил глаза, и Женька вдруг осознал, что, пусть и обращается ко всем, но задеть он хочет именно рыжеволосого зазнайку:

– А уже я посмотрел. И знаешь, что, Рыж? Он не черно-белый!

Коля с гримасой гнева бросился на него. Женек попятился, но тот вцепился в футболку. Кажется, хотел повалить на землю, но подоспел Митя и вклинился между ними:

– Не надо, ладно вам, успокойтесь!

– О, пошла завахуха, – бросил довольно один Юрик другому.

– Достал ты, городской! Размазня! – процедил краснолицый Колька, не отпуская футболки.

– А ты! Ты самый крутой, что ли, а?! – плевался Женек,

отдирая его руки.

Митя разнимал их, осуждающе глядя на Женю.

– Парни! Хватит, перестаньте! – впервые раскрыла рот Руся, испуганная и расстроенная.

– Да, Колян, успокойся, не слушай его, – подхватил Митя.

– И не собирался, это же трепло! Пижон, блин! – выругался Коля и попытался пнуть Женю. Он отскочил, футболка затрещала, кепка чуть не слетела. Заколотил по грязным рукам, покрытым рыжими волосками.

– Отставить! Отставить, воины! Вы чего, хотите, чтобы я вас яблоками закидала? – попробовала снова Руся – уже не тревожно, а, кажется, с готовностью рассмеяться.

Все обернулись к ней. Она нарочито смешно изображала серьезный вид. Колька и Митя переглянулись.

– А-ну, не хулиганьте! – погрозила она пальцем, карикатурно сжимая губы.

Губы пацанов медленно растянулись в улыбке. А в следующий миг они отрывисто хохотнули. Хихикнула и Маруся. И тут же все вылилось в дружный смех. Коля отпустил футболку. Митя расслабился.

Но Женя не смеялся. Это был только их троих прикол. Это они – воины, отважный отряд по спасению... его, размазни и хлюпика. Сжимая челюсти до боли, он поправлял футболку. На плече слева шов разошелся, и Женек был на грани, чтобы разодрать его к черту, порвать майку в лоскуты и затолкать их в довольные, смеющиеся пасти.

– Жень, ну, чего ты? Улыбнись, – подошла к нему Руся.

Он посмотрел на нее исподлобья. Отчего-то она не казалась больше доброй и милой, своей. Хотелось крикнуть: «Чё смешного?!»

– Ничего же не случилось. Ты посмотрел клевый фильм, мы поиграли в футбол немного. Зачем обижаться?

– Почему ты не пришла? – выдавил он наконец.

– Как это? Вот же я... Может, тебя ущипнуть?

Руся с задором на лице по-кошачьи замерла выжидательно. Затем цапнула его за кожу на руке. Он стерпел и нарочно не шелохнулся, не подыграл.

– Вот именно – ты здесь. Как только эти... пригласили, значит, ты сразу согласилась, а как я... на финал, так и нет, – сорвалось у него.

Руся раскрыла рот. То ли изумленно, то ли испуганно. А мгновение спустя лицо ее помрачнело. Она опустила глаза.

– Я думала, ты тоже здесь, с ними. Хотела повидаться, – сказала тихо, совсем не похоже на себя.

– Ага, вижу, как хотела. Играете тут без меня, веселитесь. Вижу, – его всю понесло. Что-то рвалось наружу, и в то же время он в панике шептал: «Зачем? Зачем я это говорю?»

На пару секунд воцарилось молчание. Затем Маруся вздернула голову. Глянула огорчено, моргнула и – уже злобно. В этот миг Женек не хотел, но заметил маленькое темное пятнышко на светло-зеленом фоне ее повязки.

– Ну и дурак, – бросила она, развернулась и зашагала

прочь.

Что же он натворил?!

Надо... надо пойти за ней, надо все исправить!

Но следом засеменял первым Коля:

– Русь, ты чего? Не слуш...

– Не надо. За мной. Ходить, – огрызнулась она и побежала.

Коля развернулся и всадил Жене точно с расстояния:

– Ну ты и дебил.

– Заткнись уже, козел рыжий! – плюнул желчью Женек.

Но даже если и попал, легче ни капли не стало. Он зашагал обратно к забору, пиная траву, воздух, но желая настучать себе по голове.

Оказавшись на дороге, уже безоговорочно проклинал себя. Шепот внутри пробовал было встрять: «Они ведь тоже виноваты... Еще этот рыжий...» – но он не успокаивал, становилось только противно настолько, что, казалось, невыносимо. Женя поплелся домой.

Зачем он это сделал? Зачем?

Внезапно все стало ужасно. Хороший, чудесный день обернулся мраком и муками, терзающими нутро, что дышать тяжело. Каких-то полчаса назад еще были друзья, была компашка для приключений, теперь же он чужой им. За один миг превратил себя в изгнанника. А ведь мог повидаться с Марусей, поболтать, побегать и повеселиться, а теперь...

И как все вернуть?

И почему это не кино? Почему?

Что они делают там у себя при такой непоправимой, поганой ошибке? Как у них все снова становится чудесно?

И тут Женек замер. Вдруг боль отпустила. Солнце засияло, деревья беззаботно зашелестели, и забегали «зайчики». Вновь можно было дышать.

Отмотать! Надо просто отмотать назад!

Со всех ног он бросился обратно. Лишь бы Миша не вытащил кассету! Лишь бы не выключил видеомэгнитофон!

Не прошло минуты, как он влетел в ворота. Зверя, выскочившего с лаем из конуры, не заметил. Не снимая кроссовок, вбежал в зал.

Экран телевизора был синий. Красный огонек видеомэгнитофона горел. А сверху все так же лежала картонная коробочка «Титаника».

Пустая ли?

Женя проверять не стал. Метнулся к видеику и сразу нажал на кнопку перемотки назад.

И услышал сестрин голос.

Вот только на диване вновь не оказался. И заставка не зазвучала фанфарами.

Нет, ничего не вышло.

Женька обернулся.

– Что ты делаешь? – повторила Маша.

Сестра сидела в кресле и читала журнал. То же круглое лицо, такой же высокий лоб – она сильно походила на Ми-

шу. Русые волосы были заплетены в косу. Однако сейчас эта схожесть была смазана удивлением и тревогой.

– Прости, – буркнул Женька. И поплелся к выходу.

– Жень, что случилось? – спросила Маша с участием, отложив журнал.

Он притормозил и, не поднимая глаз, придумал какую-то глупость:

– Ничего, я просто... мне показалось, что... оставил у вас кепку.

– Но она ведь у тебя на голове, – кивнула сестра, неуверенно улыбнувшись.

Женя тронул козырек, поправил:

– Вот и хорошо.

Шагнул к двери, но Маша вновь остановила:

– Ты хотел отмотать? Так? – Женек замер. – Но зачем?..

Извини, кассеты там уже нет.

– Надеялся исправить... кое-что...

Сестра поднялась из кресла:

– Что-то ужасное? На тебе лица нет. Беда какая-то? Что случилось?

Женька пожал плечами. Конечно, ужасное. Настолько, что он не заслужил второго шанса.

Маша подошла ближе, чуть прихрамывая.

– Ну чего ты? Где твои сестры? Пожалуйста, ведь... ведь не с ними же что-то стряслось?

– Нет, Маш, это я... просто я п-придунок, но понял это

слишком поздно, – выговорил он, тяжело вздохнув.

– Дурак! – воскликнула она.

Женек удивленно обернулся.

– Испугал, черт, – улыбнулась Маша. – А слишком поздно не бывает.

– Но я не успел. Кнопка не работает.

– Не все можно исправить этой штуковиной. – Она кивнула назад, а рука легла на бедро. – Да и не нужно. Так что случилось-то? Я никому не расскажу.

Маша чуть пригнулась и приподняла козырек бейсболки, заглянула в глаза. Женька хотел уже вырвать козырек, крикнуть: «Отвали!» и сбежать, проклиная всех и вся, но она смотрела так участливо и по-взрослому спокойно, что, если б подмигнула, он, скорее всего, улыбнулся бы. И, однознач-но, стало бы легче. Возможно, на мгновение, но легче.

– Обидел, – выдавил он. – Обидел друзей. Зачем-то, как дурак. И что вот теперь? Будут разве они со мной говорить?

– Ну, братишка, тут есть средство и получше магического видика, – Маша выпрямилась и уперла руки в бока.

Зажглась надежда. Неужели точно будет легче? Взглянул с немym вопросом, затаив дыхание.

– Просто попроси прощения, – открыла секрет сестра и, видимо, заметив тень его разочарования, добавила: – Да, это совсем не то же, что кнопку нажать, но легко не всегда значит хорошо, понимаешь? Ну, обидел, с кем не бывает. Достойный выход – попроси прощения. Это даже полезно, зна-

ешь. Как... как есть чеснок.

Женька скорчил гримасу. Маша хмыкнула, заулыбалась.

– Но если... и они тоже... в чем-то... – начал он, но она качнула головой:

– Даже если так, ты отвечай за свои слова. Ну, сделай первым шаг, не будь надутым индюшонком. Это смело, по-мужски. Ты же уже не маленький, а, Евгений?

Он скорчил другую гримасу – как-то неловко было слышать свое взрослое, такое грозное имя. Но не согласиться не мог.

– Я не размазня, – сорвалось у него.

– Во-о-т.

– Но как? – развел он руками, боясь представить, что все же пойдет и... и будет извиняться?

– Ой, да ради бога, Жень, ну, двух предложений хватит. – Маша двинулась обратно к креслу и перед тем, как устроиться в нем, закончила: – Запоминай. Хорошенько. Обязательно еще пригодится. «Я был не прав. Пожалуйста, простите». Точка.

«Я был не прав. Пожалуйста, простите», – повторял Женька, смело вышагивая по улице. Школьное поле опустело, он проверил. И теперь направлялся вниз, к Колиному дому. Он так и скажет, просто – раз, два. Потому что зря, действительно зря устроил эту глупую ссору. Это по-прежнему было ясно. И спорить с несогласным голоском внутри не собирался.

Однако, проходя мимо бабушкиного дома, почувствовал вдруг, как проголодался. Посмотрел на дом, затем дальше по улице и снова на дом.

А ведь наверняка и Колька сейчас обедает, возможно, вместе с Митей, и тут он заявится. Но это же хорошо, с другой стороны, не пришлось бы искать их. Да и извинения не надо дважды повторять.

Вроде пошел дальше, но живот заурчал, и в горле пересохло. Вспомнил, что сбежал на поле, не предупредив сестер. А вдруг дома уже переполох? Вдруг его потеряли?

Может, заглянуть на полчасика, показаться, что жив – здоров, и перекусить? «Я был не прав. Пожалуйста, простите», – всё он помнит и разве ж забудет за неполный час?

Женек медлил, колеблясь. Вновь замотал головой – то на свой дом, то на дом Коли, маячивший в отдалении. Так он за то же время успеет – живот заныл – сказать пацанам эти простые непростые слова. И уже с чистой совестью...

Мысль потерялась. Посреди улицы в двадцати шагах он увидел кошку. Черную, взрослую. Не котенка и не тощую замухрышку. Она сидела мордой к нему. У соседнего дома ребенок катался на велосипеде, теребя звонок. Но кошка и ухом не вела.

«Просто кошка», – попробовал внушить себе Женька. Однако тут же отвернулся и поторопился домой.

Так нет же, нет, разве будет он спорить, что готов был идти к Коле, знает же, что готов, но эта чертовая кошка. Вот

откуда она взялась? Еще и черная. А он – один! По-настоящему один. Значит, через полчаса?..

Через полчаса.

Дернуло обернуться.

Кошка сидела там же, словно ей и не надо никуда. Могло показаться, что ей и до него нет дела, если бы она не глядела так в его сторону. Странная, неподвижная кошка.

Только Женек подумал это и отвернулся было, как краем глаза уловил, что черное пятно пришло в движение. Он сорвался на бег и за несколько секунд долетел до ворот. Не теряя времени, подпрыгнул, крутанул ручку. Засов выскочил, Женька забежал внутрь и захлопнул дверь.

Дома никто его не терял. Сестры лавировали из комнаты в комнату, перебирали свои гардеробы, менялись блузками, юбками и сарафанами, мерили и перемеривали. Мама, завидев его, без вопросов усадила есть.

Пока жевал макароны с фаршем, покусывая помидор, поглядывал во двор. Все было тихо. Потом, когда тарелка опустела, дверь в воротах распахнулась. Причем не ясно кем. Некоторое время не происходило ничего. Женек ждал – сейчас за порог прыгнет она – ждал и сам же не верил.

Она и вправду перешагнула через порог. И пошла по дорожке, цокая копытами и помахивая рогами. За коровой во двор вошел дядя Юра.

«Просто кошка! – вбивал себе Женя. – А значит, после компота – к Коле!»

Посасывая сладкий компот и заедая блинчиками, разгадал секрет девичьей суматохи. Сестры собирались на танцы в клуб и, похоже, брали с собой в кои-то веки и Катюку.

А потом мама позвала его в зал посмотреть «Ералаш». А после усадила читать «Детство». Дело это оказалось нелегким в девичьем щебетании и смехе. Наконец, сестры упорхнули. А Женек, злясь на книгу, отнимающую драгоценное время, согласился однако, что идти к Коле и Мите поздновато, уже вечер.

Книжку, правда, отложил уже через десять минут. Включил «Шаяр», посмотрел «Комиссар Рекс». А потом со взрослыми и новости, а потом «Слабое звено». А дальше был сон и совсем не близкое утро где-то за ним.

* * *

Ни утром следующего дня, ни после обеда Женя к ребятам так и не собрался. А ближе к вечеру не стал тем более, потому что поздно.

Сразу после завтрака не пошел, потому что еще весь день впереди, перед обедом – потому что невыносимо жгло палящее солнце, после полудня – так как мама пригрозила, что будет спрашивать по тому, что ему полагалось прочесть.

На самом деле, в глубине души понимал, на что это похоже: на киоски и витрины магазинов, на игровые площадки и даже стенды с объявлениями, у которых он неизменно задерживался, растягивая время, когда родители вели его к

зубному. И, перечитывая по несколько раз строки из Горького «Детства», как читал когда-то, что за скромную плату отдаются в хорошие руки рыжие котята, Женька все же чувствовал, что хочешь не хочешь, а зуб вырвать надо.

Но все эти уловки касались пацанов. Огорченное, разочарованное Марусино лицо возникало при малейшей мысли о вчерашнем дне. Ему было мерзко от самого себя, настолько противно, что отговорки, почему он не должен немедленно искать ее прощения, не могли и родиться.

Женя не рвался к Коле и Мите, но срывался к Почтовой Осине с письмом. Однако, не добегая, возвращался обратно. И переписывал.

За первое сел сразу после завтрака, с которого сбежал, не вытерпев восторженную перестрелку впечатлениями от сестер – можно подумать они не были в клубе все вместе.

«Привет, Руся, – начал он. – Как ты? Не обижайся, ладно. Просто я расстроился, что вы всегда веселитесь без меня. И в домике на дереве, и убежали от хулиганов, прятались на дереве. А теперь еще и футбол вместе играли, без меня. Я же тоже хочу, вот и расстроился и разозлился. Как дурак, как ты и сказала. Не обижайся, я не со зла. Хотя пацаны все-таки могли же зайти за мной по пути, я бы не пошел никакое кино смотреть. Еще тебя обманули, что я тоже на поле. Как тут не разозлиться? Но тебя я не хотел обижать. Честно. Ты хорошая. А я дурак. Жду ответа. Пока».

Сложил листок и побежал. Но спустя короткое время снова оказался на стуле у подоконника. Тот же чистый лист в лучах солнца, та же ручка с искусанным колпачком. Только слов бы других. Прежние не годятся, почувствовал он на полпути.

«Марусь, конечно, ты можешь это не читать, можешь порвать и выкинуть, поэтому напишу сразу: я очень сожалею о своих словах. Я тоже хотел увидеться с тобой, но сам же все испортил, вот точно дурак. Но я не хотел, на самом деле. Наверно, расстроился, что реально не допёр поискать ребят на стадионе, идиот. Вот и разозлился. Но ты не виновата, это все я. Ну не пришла смотреть финал и не пришла, не смогла, это твое дело, а не мое. В общем, мне очень жаль, как все получилось. Напиши. Если захочешь, конечно. Буду ждать. Пока.»

Ps: Как же то мне повезло – у-у – с такой подружкой. Надеюсь, ты подпеваешь?»

Сложил листок. Бежать решимости уже не было. Ноги шли, а голова все взвешивала – нужен ли «пэ-эс», оставить или вычеркнуть. Не заметил, как картофельное поле кончилось, но перед спуском в овраг решил перечитать письмо, перечитать вслух.

И вновь пришлось отмотать назад. Он застрял.

Мог бы оставить эту затею, но тогда получалось, что пора идти к пацанам. И все повторялось: подоконник, лист, ручка. Бабушка в разговоре с мамой на кухне обронила даже, мол, Женечка твой, похоже, влюбился, все утро стихи сочиняет. И в зал заходила мама якобы по своим делам.

А Женя представлял улыбчивую Русю, вспоминал время, проведенное с ней, и писал:

«Руся, ты очень хорошая, добрая и светлая. Я очень рад, что вот так вот сложилось, что мы познакомились. А теперь мне очень плохо от того, что я натворил, дурак. Все испортил, обидел тебя. Хочется вернуться назад и все исправить. Я был не в себе, я не хотел. Не знаю, как так получилось, ведь я не могу тебя ни в чем винить, ты такая клевая и очень мне нравишься. Прости».

Он откинул ручку, и без того скользившую в потных пальцах, смял листок – быстро, как попало, точно сам не хотел разглядеть, что написал. И помчался к Почтовой Осине, хотя сердце колотилось так, словно он уже долетел до нее. Спрятал письмо в пустом тайнике под корнем. И сердце отпустило, и даже когда взбирался по склону, стучало ровно.

Однако чем ближе подходил к дому, тем сильнее росло волнение. Он что же, получается, признался ей?.. Так и написал? А раз написал, значит, что, он действительно того?..

У дверей хлева просто замер в мелкой дрожи. Обернулся

назад. Не понимал точно, что с ним, но знал – нужна перемотка. Опять.

Хватит! Зачем он мучается? Ведь еще со вчера знает, что надо написать.

На новом листке скорым почерком Женек вывел:

«Руся, прости меня, пожалуйста. Я был не прав и очень жалею о своих словах. Ты ни в чем не виновата. А я виноват и прошу прощения. Очень не хочу, чтобы наша дружба закончилась».

Всю дорогу до тайника повторял: «Я был не прав, прости, пожалуйста». Действительно, просто, а он столько насочинял.

Тяжело дыша, нагнулся к корню Почтовой Осины. На миг даже потемнело в глазах. Спина вся взмокла. А затем вдруг разом покрылась льдом. Сердце сжалось.

Он не мог нащупать оставленного письма.

Забрала? Уже? Быть не может!

В горле пересохло. Голова гудела. Женя пошарил рукой еще, пошире и поглубже.

Внезапно пальцы наткнулись на что-то мягкое. Округлое, подвижное, размякшее. Удивительно, но он не отдернул руку. Практически не сжимая, вытащил находку.

Коричнево-желтое, гнилое яблоко размером больше его кулака.

Только увидев копошащихся на нем муравьев и учуяв резкое зловонье сока, уже скользнувшего на пальцы, отбросил тухлое яблоко. Не ясно, откуда оно взялось, – еще пятнадцать – двадцать минут назад его не было.

Женек посмотрел на заляпанные пальцы, хотел вытереть бумагой. И вспомнил про письмо. Поколебался. Но все-таки на всякий случай оставил в тайнике последний его вариант.

Огляделся. Чуть дольше изучал сад за забором.

Никого. Только высокий, по-морскому поющий шелест над головой. И бесшумные, но вездесущие муравьи.

В этот день проверять тайник снова Женя не ходил ни разу. А вот руки мыл раз шесть. И все равно засыпал ночью с едва уловимым, но не покидающим головы запахом бурой яблочной гнили.

Изо всех сил

Детство кончилось.

Женек прочитал повесть. Всю книгу. Все сто девяносто две страницы. Это ли не значит, что детство, наполненное играми, но не толстыми книгами, подходит к концу?

Возможно, так оно и было, и он перестал бояться страниц со сплошным текстом, без иллюстраций, но со сносками до цифры «8». А возможно, права мама, и скука действительно сильнее лени. Женя с радостью поиграл бы, да не с кем.

С Колей и Митей они не помирились. Шел четвертый день.

Он не помирился. Они не заглянули и не помирились. Кажется, он надеялся, что все уляжется, забудется. И ребята, как бывало раньше, позовут его с улицы, помахивая мячом. Время околдует их, выветрив обиду. Хотя слова помогли бы лучше и быстрее. Несколько простых слов, которые он хорошо знал. Но каждое казалось весом в тонну.

Его жизнерадостный спутник, настоящий болельщик и свидетель Иети, братик Саша уехал со своей мамой, тетей Лизой, в Комсомольск лечить астму. Вместе с ними домой вернулась Таня. Сашка перед отъездом шепотом наказал ему кормить петуха, пока сам будет в больнице. Чем кормить, Женек не понял. Не исключено, что петух этот попросту пластмассовый или тряпичный, – Женька так по-настояще-

му и не изучил его ящик с игрушками.

А вот с Катькой они могли бы развернуться по полной. Однако детство оборвалось и у нее. Сыграем в «Город»? Покидаем летающую крышечку? Постреляем в «Морской бой»? На все предложения ответ один – детский сад. Теперь она мерила юбочки, красила губы помадой и пудрилась широкой кисточкой, помахивая ей словно волшебной палочкой. С Олей и Ларисой они включали кассеты «Руки вверх» и «Иванушек» и танцевали, подпевая.

Женя и подумать не мог, что они с сестрой вот так вот перестанут друг друга понимать. Но именно так и происходит, когда начинаешь говорить, желая разного. Раньше они могли трещать без умолку, создавая миры, произнося лишь: «А представь...» Последние же дни Катя говорила, чтобы встроиться в мир – древний и, по железному убеждению всезнающих взрослых, единственный. Говорила, дождавшись своей очереди. Но более всего был Олин взгляд – «Не неси чушь», – который поселился вдруг в глазах Кати, отвечавших ему еще недавно: «Прикольно».

И, конечно, Руся. Оставалась еще Руся, но она – шел четвертый день – не отвечала. Либо письма исчезали бесследно. Их поглощала земля, и бумага через ниточки корней живительными соками возвращалась туда, откуда пришла. Или тайные записки выносили на крохотных, но крепких спинках наглые, вездесущие муравьи.

Еще бабушка. С ней было интересно и весело и возиться

на огороде, и служить на кухне. Но она каким-то образом прознала, что он поссорился с товарищами – так она их называла, – и объявила с жульнической улыбкой, что, пока он не помирится с товарищами, сказок не будет.

Женя пролистал книжку, понимая, что победил эти страницы, с приятным чувством захлопнул и спрятал обратно в рюкзак. Впервые ему захотелось домой, в родной город. Вернуться в квартиру, где у него собственная комната и кровать, во дворы и на школьный стадион, где можно играть в футбол хоть каждый день. Бегать и толкаться с друзьями, с которыми ссорился и мирился уже бесконечное число раз и все без толку.

Внезапно он перенесся туда.

Как же прекрасно сбежать после завтрака на улицу и придумывать все на ходу! Сперва «Квадрат», потом «Чеканка», после «В одно касание» в одни ворота. Или все наоборот, и снова по кругу. Можно в «Козла», или просто распасовку. Можно бить штрафные на точность. А когда народ соберется – тут же делиться, и кончается все многочасовой футбольной катавасией.

В перерыве валяешься в траве в тени деревьев, и не нужен обед – кому-то скинули яблок с окна, а двое-трое сбежали в магазин за лимонадом. И вот уже вечер. Солнце ушло за пылающие алым крыши домов, а решающий гол все откладывается и откладывается. Кто-то в итоге выиграет, когда небо стемнеет до космического синего, а в желудках по-

селятся черные дыры, готовые проглотить уже и травинку.

Пыльный, потный, с гудящими ногами, Женек возвращался домой, принося запахи травы на коленках, резины на ладонях и ветра в волосах. А затем чистый, сытый и влюбленный в мир успевал еще посмотреть, сидя в ногах папы или мамы, долгожданный фильм, который Оля обвела ручкой в телепрограмме в начале недели.

«Да, прекрасно», – защемило в груди от тоски. Защекотало глаза, он сжал челюсти, захотелось пнуть рюкзак. Что он здесь забыл?..

Да, прекрасно, потому что просто, как апельсин. Ни тебе приставучих Мяуков, ни безумных сторожей, ни шестипалых лисов и ехидных гиен. Чтоб они все провалились! Захотелось завтра же сесть в автобус и уехать. Сегодня же! Вот оно...

Так и есть – он действительно ощутил себя вдруг чужим. Смог он с кем-то породниться, к кому-то прикипеть? Дед да бабушка... С некоторой горечью и обидой подумал и о Русе.

Надо бы сходить, заглянуть в тайник – и тут же мельком – напоследок. Будто в самом деле вот-вот и уедет.

Направился из комнатушки – и снова вопрос: «А когда, вообще-то, мы собираемся домой?» Нужна была мама.

В зале Оля и Лариса аккуратными и точными движениями красили ногти. Ветерок, задувавший в распахнутые окна, махнул в лицо запахом лака. Женя свернул на кухню и в две-

рях столкнулся с Катькой. Она замерла на высоком пороге со стаканом в руке. Женьку пришлось смотреть вверх:

– Маму не видела?

– Кажется, пошла за горохом, – сестра шагнула вниз. Пальцы, сжимавшие стакан, передразнивали цветом ногтей вишневый компот в нем.

– Куда?

– В амбар, помнишь? – Катя отхлебнула компот и облизнулась.

– А, понял.

Они уже было разошлись, но Женек, в свою очередь забравшись на порог, обронил:

– Может, тоже ходим, поныряем? – и улыбнулся как-то опасливо.

– Не говори ерунду, – скривила губы Катька. Опасения оправдались.

– Да не сейчас, потом, после мамы...

Но она лишь махнула рукой.

Маму он нашел на крыльце, которое оказалось осажденным курочками. Все потому, что мама держала в руках тарелку с горохом. Она забавно их отчитывала, притоптывая ногой, пока не заметила сыночка.

– Гляди, какие глазастые, – кивнула она ему на кудахчущую банду.

– Мам, когда мы поедем домой?

Ее веселая улыбка угасла. Вместо нее спустя секунды по-

явилась добрая, успокаивающая.

– Скоро. Еще дней пять, может. Послезавтра вот юбилей у дяди Васи, а потом уже, наверно...

Женек не сдержал вздоха.

– Ну а чего ты? Устал? – мама потрепала его по волосам. – А ты подумай, где ты в городе сможешь яблоками покидаться или...

– Да не бросал я, – сбежал он из-под ее ладони.

– Или дождь наколдовать, а?

Она засмеялась и похлопала по спине, мол, беги, куда собирался. И направилась в дом.

Едва вышел на поле за хлевом, к нему обернулся дядя Юра. Он уже прошел несколько метров между рядами картошки, но, заметив племянника, вернулся обратно.

– Туда? – спросил, мотнув головой в сторону дальнего края поля, оврага и осин. Руки его были заняты ведрами, полными сорняков.

– Да, – осторожно кивнул Женя.

С его «криминальным прошлым» следовало, конечно, держаться подальше от сада. Однако Юре-Великану было совсем не до этого: он вывалил сорняки из ведер в стоящую тут же тачку, подошел ближе, пригнулся, положив мощную кисть ему на плечо.

– Есть для тебя задание, пострел, – сказал сурово, рука его была в земле, как и мокрый от пота лоб. – Возьми тачку, отвези к оврагу и скинь туда сорняки, раз уж тебе по пути.

Осилишь?

Хоть дядя и опустилсЯ, Женька все равно смотрел вверх.

– Так точно, – ответил твердо, но без задора – настроение не дотягивало.

Дядя Юра кивнул, снял руку с плеча и протянул:

– Республика тебя не забудет.

Женек всунул ладошку в его шершавую лапищу, на миг обернувшись в тиски, затем подхватил за ручки тачку.

– Служу Галактической Империи, – брякнул и покатиЛ ее между грядками.

Это оказалось не так просто. Дорожка вилась узкая и неровная, колесо подскакивало и петляло, угрожая наехать на картошку. Тачка кренилась в неумелых руках, ногам не хватало место, и Женя едва не терял равновесие. На полпути его остановила бабушка:

– Тпру, конек-горбунок, осадика, – она пошарила между грядками, – Выручай, жеребенок, – и вывалила в тачку друг за другом еще два ведра сорняков.

Тачку повело, Женек кое-как удержал.

– Я уже не ребенок, бабуль, – процедил, с трудом сдвинув ношу. – У меня и молочных зубов больше нет.

– А ручки-то молочные, – хихикнула она в спину.

Эти самые руки ныли, толкая отяжелевшую тачку и стараясь при этом держать прямо. Ноги уже не беспокоились о том, чтобы не затоптать грядки. Женя вспотел и задышался от душающих запахов сорных мертвецов, трясущихся под

носом. И снова злился, что он здесь, а не на любимом пыльно-травчатом прямоугольнике с парой воображаемых ворот по краям.

Наконец он подвез тачку к краю оврага. Едва накренил, как она опрокинулась. Огромная зеленая куча посыпалась по склону, а следом, выскользнув из рук, полетела и тачка. Женька лишь всплеснул руками. На счастье, сползла она лишь на метра полтора.

Женек оглянулся назад: бабушка была занята работой, дядя Юра-Великан у другого края не маячил. Посмотрел на Почтовую Осину. Она и ее сестры – а может, братья, – отсекали тот мир, накрыв Женю умиротворяющим и – как подумалось вдруг – вечным шелестом. Он полез вниз, мимо тачки – заберет ее на обратном пути.

Но, вскарабкавшись к Почтовой Осине, в тайник не полез. А если там снова нет ответа? И больше не будет, ведь он уезжает. Почему-то в нем все еще сидело то, что не сегодня, так завтра все закончится, его здесь больше не будет. Нужно дать еще время, подумалось ему, чуточку времени и себе, и тайнику. Он свернул и пошел по тропе между осин.

Шелест укрыл его от прочих звуков. Он был лишь рад – совсем не хотелось вздрагивать от любого щелчка и шороха. Забор ограждал его от безумного сторожа. А банда... Ну, не могут же они каждый день его здесь караулить?

Очень скоро Женя перестал о них думать. Огибал одно дерево-великан за другим, проводил ладонью по их шерша-

вой коже. Он не мог избавиться от обиды.

Почему именно он должен извиняться? Нет, он знал, конечно, что есть, за что просить прощение, но почему... Почему все не пройдет само, почему они уже не помириться наконец?

Вспомнил, как классно и весело было здесь гулять с Русей. В ответ на ее признание в любви к поездкам на двухколесном Везунчике он поделился своей страстью к футболу. Сошлись они на мечте запускать целый день воздушного змея, ширококрылого, длиннохвостого и обязательно с красивым именем. Маруся рассказала о любимых книгах – «Алиса в Стране чудес», «Тим Талер, или проданный смех», «Двадцать тысяч лье под водой». Женек тогда замялся, пробормотав, что больше любит кино. И даже назвал своих фаворитов – «Назад в будущее», «Джуманджи», «Останься со мной». А еще похвастался папкой, в которую дома собирал вырезки из газет, посвященные футболу и его любимому клубу «Реалу».

Как-то, прощаясь, она пообещала рассказать ему о Изумрудном океане, Радужном солнце, если и он ответит тем же. Теперь он мог поведать ей историю о Нэе и Нэоне или – сообразил вдруг – рассказать, как они призывали дождь. Но случится ли это?

От этих мыслей и фантазий тело, казалось, стало невесомым. Земля под ногами не ощущалась, он словно пружинил на кончиках трав. Тихий хор гигантов звал ввысь. Одно усилие – и он оторвался бы от земли и, возможно, не стал бы

даже хвататься за корни. Взбежал бы до самых глубин мерцающей листвы. Если нырять, то нырять с головой.

Но обида была все еще с ним. Что если Руся сейчас гуляет с Колькой и Митей? Что если ее обещанные истории достались им?

Ноги врезались в землю. Он споткнулся и чуть не упал. А лучше бы упал и ушибся. Тогда можно было бы заплакать.

Неужели он действительно размазня?

Осины закончились. Дальше – склон, дорога, конюшня, холмы и горизонт. Но разве он за этим шел? Женек вдохнул полную грудь воздуха, развернулся и обратно уже побежал.

Сероватые колонны летели навстречу. Шумное дыхание, топот ног заглушали льющийся сверху шелест. Еще недавно он звал, теперь же ему, несомненно, было все равно. И не легкой трусцой бежал, сам не понимая зачем, мчался, выжимая еще и еще. От дерева к дереву. Слово желал обогнать их перешептывания:

«Смотри, какой маленький... какой крохотный на крохотных ножках... мелочь... малец... пупсенок...»

И неожиданно стало легче. Ноги ныли, в боку кололо, воздуха не хватало, но какое-то облегчение поселилось в нем. Женя почувствовал силу. Открыл вдруг, что сила есть в нем. Он готов был снести, протаранить насквозь, затоптать всех и вся. Летел, колотя землю под собой, рассекая воздух руками. Выжимал все и терпел. Да, нельзя жалеть себя. Сила куется из боли.

А затем свалился на колени перед тайником, согнулся, опершись на руки, и дышал. Он не знал, что сейчас произошло, в голове не было ни единой мысли. Ни страха, ни жалоб, ни обиды. Просто дышал, истекая потом, уставившись в землю и мельтешащих муравьев. Они бегали уже по пальцам, но ему было все равно. Он дышал минуту, полторы...

Наконец просунул руку в нору под корнем и... вытащил записку.

Узнал Марусин почерк – и зажмурил глаза. Перевалился на пятую точку, сел, откинувшись спиной на прохладный ствол Почтовой Осины. Раскрыл сложенное послание и, прислушавшись к сердцу – спокойно, – взглянул.

«Привет, дурак. Я сильно злилась на тебя. Но сейчас уже не очень. И все равно решила, что пока буду звать тебя так. Раз уж ты покаялся, что дурак. Приходи сегодня в три к магазину. Буду учить тебя ездить на велосипеде.

Ps: Надеюсь, ты сообразил, что надо захватить велосипед?» – писала Руся.

* * *

Спустя три с половиной часа Женя стоял на бетонной площадке перед магазином, держа под руки велосипед. Держал напряженно, словно непокорного скакуна, не думающего ему служить. Он был не такой тяжелый, как у родителей в городе, к тому же без рамы, и все равно казался не по воз-

расту. Изогнутый руль – на уровне шеи, твердое сидение с пружинами – выше пупка. Салатовый, бескрылый, поскрипывающий «Школьник». Велосипед Маши.

Женек знал, что велик есть у дяди Юры – видел в сарае. Но когда прикатил-таки несчастную тачку, после того как пропал с ней без вести, и обмолвился о желании покрутить педали, дядя посмотрел с нескрываемым сомнением и ответил, что у имперских приспешников должен быть свой транспорт.

Женя уже собирался – со страхом, крутившим живот, – бежать к Мите, мириться, извиняться и выпрашивать велосипед, о котором тот говорил. Пускай велик и в соседней, отнюдь не близкой деревне. Но, пока судорожно соображал, сестры позвали его на очередной киносеанс в Мишимашин дом. Тогда-то он и вспомнил один слух среди прочих: якобы шрамы на ноге у Маши оттого, что кожа ее попала в велосипедную цепь. А это значило, что у нее может быть велик.

Стараясь не отвлекаться на лающего, пожалуй, уже приветливо Зверя, Женька осмотрелся в Мишимашинском дворе, перед тем как зайти в гости. И, действительно, заметил выглядывающее из-за пристройки колесо со спицами. Тут же, ни с того ни с сего, выпрашивать велосипед не стал. Да и не смог бы – ну, как-то это нагло. К тому же по времени было еще рано.

Поэтому сперва посмотрел со всеми мультфильм «Король Лев». О волшебной перемотке не вспоминал, за удивитель-

ной историей Симбы следил отрывисто – не давали покоя мысли: вдруг это просто колесо, одно единственное, вдруг велик сломан и не на ходу, а он тут тратит время. Они заставили Машу дома, это было хорошо и удачно, но в то же время Женя нервничал, что она поинтересуется, воспользовался ли он ее советом, повел ли себя по-взрослому и извинился перед друзьями. И, если он ответит правду, вдруг, разочаровавшись, она не даст ему велосипед. Хотя он мог сказать часть правды – ведь у Руси-то прощения попросил. Этим и успокаивался.

Когда «Король Лев» закончился, сестры захотели снова окунуться в морозный мир «Титаника», и Женька забеспокоился не на шутку. До встречи с Марусей оставалось чуть больше часа, а фильм от кормы до носа занимал часа три. Когда же ему поговорить с Машей? Что, прямо так, при всех? Однако ему повезло: Маша видела «Титаник» не раз. И когда она вышла из зала, поспешил за ней.

Маша согласилась легко. Не стала расспрашивать об успехах в примирении с товарищами, перечислять сотню правил езды на ее велосипеде и требовать обещаний, не раскурочить его. Не уточнила даже, умеет ли он управляться с ним. Сказала только:

– Не забывай тормозить. Особенно если впереди дерево или столб. Послезавтра заберу.

Женек глазел по сторонам, не имея представления, откуда может прийти Руся. Магазин находился на пересечении до-

роги, ведущей в деревню, и первой улицы. Кажется, Пушкина, припомнил он. Улица таким образом делилась пополам, а дорога продолжалась в проулок, упирающийся в соседнюю улицу – Советскую. Свою Женька запомнил хорошо.

Вертел он головой еще и потому, что побаивался, вдруг наткнется на Колю или Митю. И притом не сможет даже уехать, к примеру, от их расспросов, так и будет стоять, приросший к велосипеду. Редкие покупатели и то косились на него. Нормальный мальчишка наворачивал бы круги по площадке или приставил бы велик к стене, чем стоять памятником.

Неожиданно его прямо затрясло от мелькнувшей мысли. С чего он взял, что Руся приедет одна? Вдруг она позвала и ребят... И когда в очередной раз стал злиться, что не нашел смелости помириться, жалеть, что психанул на школьном поле и вообще зачем-то пошел смотреть кино, а не играть в футбол, к реальности его вернул звонок.

Женя повернул голову, и облегчение вылилось в улыбку. С проулка к магазину сворачивала Маруся, работая педалями и дергая пальцем сияющий звоночек. Трень – трень – триинь. И сияло вообще все: мерцали искрами спицы, сверкали серебристым блеском крылья и изогнутый руль, матово поблескивал насыщенной синевой корпус. Женек взглянул на небо. Удивительно, но солнце пряталось в тучах.

Трень – трень – триинь. Сияла улыбкой и Маруся. На повязке ее была вышита синяя птица, летящая в небесной ла-

зури. Кофейные кудряшки, прыгающие и пружинящие, забраны ободком цвета ночи. На ногах – кроссовки и джинсовые шорты выше колен, выше – почти что тельняшка, только полосы шире. Трень – трень – триииинь!

– Привет, дурачок! – притормозила она и легко спрыгнула с сиденья.

Ее Везунчик тоже был без рамы и даже, кажется, складной. Женька видел такие в городе, но марку позабыл.

– Привет... спортсменка, – ответил он, по-прежнему не двигаясь с места. Хотя поймал себя на том, как тянет ее обнять. Но с велосипедом боялся и шаг сделать. Положить его на землю – это вообще нормально?

У Маруси такой проблемы не возникло, потому что ее двухколесый друг имел еще и ножку, вернее, подножку. Везунчик мог стоять без ее помощи. Такое было верхом мечтаний у пацанов во дворе.

– Старенький, но на ходу? – спросила Руся, глядя на его «Школьник» без крыльев и с местами облупившейся краской.

– Да... То есть, наверное. Это велик сестры. – Переместив одну руку на сидушку, Женька немного отстранил его от себя, чтобы присмотреться и самому.

– Ага, вот как. – Она подошла к «Школьнику». – Тогда тебе придется заслужить его доверие. – Взялась одной рукой за руль, а второй, будто гладила жеребца, провела по сиденью. И легко коснулась при этом пальцев Жени.

Приятные иголки побежали по руке, охватили спину. Волосы на затылке зашевелились, а дыхание перехватило. Сердце заколотилось так, словно на один удар меньше – и все, смерть. Нестерпимо захотелось потрогать ее кудряшки.

– А скажи-ка, что ты вообще знаешь про велосипеды? – спросила Руся, с видом знатока сжимая переднее колесо.

– Чтобы ехать, крутят педали. Чтобы повернуть, крутят руль. Чтобы затормозить, педали назад, – перечислил Женек, пока она проверяла заднее колесо.

– Ты же в школе отличник, да? – улыбнулась она своему выводу.

– Вообще-то, ударник.

– Ну а как ты думаешь, что главное в том, чтобы не упасть? – Руся выжидательно уставилась на него медово-карим глазом.

– Поймать и сохранять равновесие, наверное, – ответил он, чувствуя себя самым что ни на есть троечником.

– Главное, дурачина, не бояться, – улыбнулась она. – Не сидеть напряженным, скованным, а расслабиться. Почему?

Он вспомнил, как она погладила, нет, не его, а «спинку» велосипеда:

– Потому что он почувствует мой страх?

– Правильно. Садись, «пять».

Они посмеялись.

– Нет, серьезно, садись, – указала Руся на велик. – Залезай, посмотрим, достают ли ноги до педалей, или надо опу-

стить сидение.

Она взяла велосипед за руль и под сидение. Женек примерился, сообразил, что ногу закидывать глупо. Поэтому встал на раму, поднялся от земли и пристроился на сидухе.

– Ну как? – выдавила Маруся, удерживая велосипед.

В нижнем положении до педали приходилось тянуться носком.

– Не годится, – заключила она.

Еще десять минут они подгоняли сидение, перехватывали друг у друга ключ, толкались, пригнувшись к нему.

– Ну а теперь тебе пора ехать, – объявила довольная Руся, когда все было готово.

– Покажи, – попросил Женя, кивнув на ее преисполненный достоинства, сияющий велосипед.

– Хорошо. – Она умелым движением убрала подножку, взялась за руль. – Руки на руле, одну ногу на педаль, второй отталкиваешься, разгоняешься. И – хоп – запрыгиваешь и крутишь педали.

Маруся покатила по бетонной площадке, у края свернула и поехала по кругу.

– Держи его крепко, чтобы не клонился вбок. Не дай ему сбросить себя.

Она убрала руку с руля и замахала ей над головой, словно наездница на диком скакуне. Правда, Везунчик ее был спокоен и покорен.

И Женек попробовал повторить. Но разогнался недоста-

точно. Попробовал снова – не удалось вовремя перекинуть ногу. Еще раз – долго устраивался на сидении. Еще – одна сторона перевешивала, и баланс рушился, так и не устоявшись. И всякий раз «Школьник» заваливался на бок и едва не утягивал Женька за собой.

Однако не успело солнце выползти из-за тучи, как он поехал. Запрыгнул на сидушку, заработал педалями, крепче взялся за руль, приструнив его. У края площадки, показавшегося вдруг обрывом, повернул его слишком резко, снова повело вбок, но он кое-как сбалансировал и покатил дальше.

– Молодец! – обрадовалась Руся и затренькала звоночком. – А теперь расслабься.

Женя проехал кружок и затормозил, слез на землю.

– Вау! Вау! Прикольно.

– Страшно? – Она остановилась рядом.

– Ни капельки, – выпалил он, будто сердце и не колотилось в груди.

Они сделали еще с десятков кругов, а после три «восьмерки»: две неудачные и последнюю образцовую.

Наконец, Женек затребовал передышку. Маруся нахмурилась было, и он поспешил предложить по мороженому.

– Люблю пломбир, – поделилась она, кусая белоснежную мякоть.

– Я тоже, – кивнул он и глянул на дно рожка, не течет ли.

– Люблю эклеры, – вспомнила еще Руся.

– Я тоже.

– И орешки со сгущенкой.

– Печенье?

– Ну.

– Я тоже.

– Зефирки.

– Да.

– Люблю «Баунти», еще «Твикс», – продолжала она, не отрываясь от мороженого.

– Ага, тоже.

– Обожаю халву, – протянула мечтательно.

– Не-а, – мотнул головой, – бэ.

– Как? – она грозно стрельнула глазом.

– А вот так. Серая, жирная и как песок, фу-фу.

– Дурак ты, – она толкнула его плечом.

– Конечно-конечно, – закивал он. И как на зло в подтверждение этому с прохуdivшегося доньшка рожка соскользнул драгоценный кусочек пломбира.

Когда морозно-сахарный перерыв подошел к концу, Маруся снова оживилась:

– Знаешь, что нам надо?

– Уничтожить всю халву в мире? – пошутил Женька, но действительно весело стало потому, что заметил у Руси на кончике носа капельку мороженого.

– Ты собираешь, я уничтожаю, – она показала большой палец. – Нет, нам нужно скатиться по склону.

– Погоди, не двигайся.

– Чего? – не поняла она и завертела головой.

– Руся, ну-ка, замри.

Она уставилась на него, нахмурившись. Он вытер руку о футболку и протянул к ее лицу. Она не отстранилась. Брови приподнялись, в уголках губ мелькнула улыбка. Женя смахнул большим пальцем мороженое с ее аккуратного носика, прикоснувшись остальными к румяной щеке. Руся смешно дернулась.

– Ты испачкалась, сладстена.

Она засмеялась и потерла нос, пряча улыбку.

– Я «за», – сказал он.

– А? – потерялась она.

– Я за то, чтобы покататься. Но только не в овраг.

Она рассмеялась снова.

– Да нет, конечно. Ты же знаешь дорогу в деревню, асфальтированную, – махнула рукой в сторону выезда. – Там есть хороший, долгий спуск. Очень классный.

– Кажется, знаю. А мы... не разобьемся.

– Не попробуем – не узнаем, – улыбнувшись, она положила руку ему на плечо.

Женя понял, что скатится с ней хоть по спине диплодока из мультфильма.

Однако уже через пять минут непреодолимым испытанием для него стала обычная земляная дорога. Требовалось ехать по узкой колее: чуть вправо, чуть влево – и колесо или врезалось в высокие края, если колея уходила вниз, или сры-

валось с этой тоненькой полоски, если колея вздымалась. В любом случае, подпрыгивая испуганно на кочках, Женек рано или поздно терял равновесие и слетал на землю, не всегда удерживая велосипед. Расслабиться он, конечно, не мог и только злился. На площадке все было хорошо, и он уже решил, что все в этой двухколесной езде легко и просто.

– Пошли пешком, не мучайся, – не выдержала Маруся, когда он вновь оказался на ногах, проехав от силы метров тридцать. – Там скоро плиты начнутся, по ним уже можно попробовать.

Женя вздохнул. Хотелось выругаться на дорогу, кочки и велик, но это быстро прошло, как только мелькнуло в голове, что капризничать это для размазни и плаксы.

– Хорошо, – буркнул лишь и, толкая велосипед, быстрым шагом поспешил к ней.

Некоторое время шли молча. Тихо шуршали шины и дребезжали на кочках тела двухколесных питомцев. Изредка чиркали о землю подошвы двуногих всадников. Раза два Везунчик звонко тренькал и рвался, казалось, на дыбы. Женя почти не отрывал глаз от дороги, следя за непослушным колесом. Руся поглядывала на облака и напевала под нос.

«Ванечка-а-а... просил спать у нянечки... Ванечка-а-а...»

– А у нас дедушка в чулане, – вырвалось вдруг у Женька.

– Спит? – обронила она, не опуская головы от неба.

– Живет, – ответил он, уже жалея, что проговорился.

Руся посмотрела на него, нахмурившись:

– Зачем?

– От бабушки прячется.

– Серьезно?

– Ну, да, – Женька усиленно закивал, так, что лицо у Руси разгладилось, и забрезжила улыбка.

– И почему? – спросила уже не так серьезно.

– Он однажды притворился, что палто. Так бабушка его случайно повесила в чулан. Вот и приходится теперь там пылиться.

– Ну и ну, – покачала она головой, дразня кудряшками. – А мой папа... в аквариуме.

– Живет? – подыграл Женя.

– Нет, – протянула она. – Родился.

– Реально?

Она закивала, подражая ему. И даже Везунчик звякнул, подтверждая.

– Но как? Почему? – Женек зажегся, всей натурой жаждал поверить.

– Его мама, моя бабушка, была актрисой в бродячем цирке. Она выступала с водным шоу, танцевала, выполняла гимнастические трюки в большом кубическом аквариуме, ну, как сейчас показывают синхронистки. Бывало, играла роль пойманной русалки, – Маруся мило хихикнула. – И вот однажды русалка родила мальчика. Номер назывался «Рождение человека-амфибии» и был показан только раз.

– Вау, прикольно, – остался доволен Женя.

– Да. Папа, кстати, плавает шикарно, обожает дождь, а пойманных на рыбалке рыб отпускает обратно, – добавила она, выставив указательный палец вверх. – Дружит с водой, одним словом.

– А я никогда не был на рыбалке.

– Во-о-т, – протянула она довольно. – Со мной поведешь-ся – и до удочек дело дойдет.

Они дружно рассмеялись. За спинами вдруг посигналили. И им пришлось пропустить натужно кряхтящий салатный «Москвич». Несколько минут шли молча, стараясь не дышать поднявшейся пылью. Когда ветер согнал ее, вдали показались плиты.

– А твой папа тоже кудрявый? – спросил Женя, поглядывая на ее завитушки.

– Папа? Нет, – усмехнулась она. – Овечка я в маму. Папа лысый. Почти. Зато у него улыбка как у Чеширского кота. Это из «Алисы», я принесу как-нибудь книгу.

– Ты совсем не овечка, – отозвался он после короткой паузы, – ты... знаешь, на кого похожа?

– И на кого же? – улыбнулась она лукаво, а затем грозно произнесла. – Только не говори – Мальвина.

Женек помотал головой:

– Ты – Мили из «Дикого ангела».

– Да?! – обрадовалась Руся. – Наташенька Орейро?

– Ага.

– Спасибо, – произнесла она коротко, неожиданно застес-

нявшись. Щеки залились краской, и ей вдруг стал очень интересен звоночек Везунчика.

Женя же побежал взглядом по дороге. Уже сейчас видно было, как она поворачивает, выложенная плитами, а дальше конец ее терялся. Там та самая условная остановка, начало асфальта, откуда их забирал автобус. Внезапно он не нашел в себе столь сильного еще утром желания вернуться домой, в город. Не было и намека. Он хотел быть здесь, счастлив быть здесь. Если бы его сейчас забрали, схватили бы и привязали к сидению в отъезжающем автобусе, его сердце – ему так казалось, и это было страшно, – не выдержало бы. Он понял неоспоримо ясно, что написал в письме правду – Руся ему действительно нравилась, быть с ней это... счастье. Ну, просто нет другого хоть на йоту более подходящего слова.

Маруся снова разглядывала бескрайнее небо, вмещающее бесчисленные, неповторимые, далеко-близкие облака. Вспомнив про письмо, Женек на секунду испугался – какое же в итоге она прочитала? Но тут же расслабился: а есть ли разница, главное – он может вновь с ней дружить, разговаривать, смеяться и не сводить с нее глаз. Она смотрела на облако, плывущее над ним. Он смотрел на нее. Синяя птица на ее повязке парила, помахивая крыльями. Казалось, она летит там, наверху в небе, которое не уместить на лоскуте ткани, а это лишь отражение, какое бывает в зрачке смотрящего.

– Мне нравятся твои повязки, – сорвалось у него, – необычные.

Она опустила взгляд на него, на миг в нем мелькнула тревога.

– Спасибо.

– Прикольно, они каждый раз новые, но откуда...

– Я шью их сама, – опередила его Руся. – Мне нравится вышивать.

– У тебя классно получается... Красиво.

Она кивнула со скромной улыбкой:

– Это еще и очень интересно. Вышивая, я как будто вкладываю туда свое настроение, мысли, мечты, какие хотелось бы получить в тот день, когда надену именно эту повязку.

– Просто магия, – отозвался Женя.

Руся лишь пожала плечами.

Он колебался, боясь все испортить, и уже, казалось, отказался от глупого любопытства, но все-таки спросил:

– Ты покажешь мне? – и поспешно добавил: – Я не испугаюсь, обещаю.

– А там нечему пугать... – Она поднялась с Везунчиком на бетонную плиту. – Я не прячу глаз от мира, я прячу мир от глаза. Поехали, прыгай в седло!

Задорно тренькая звоночком, Руся помчалась, преодолевая плиту за плитой. Ждать его она не собиралась, понял Женек. И это неожиданно совсем не расстроило. Наоборот, воодушевило на подвиги и геройства. Вызов принят!

«Школьник» слушался на шероховатой тверди плит: они были шире колеи и не ходили волнами. Но от дороги Женька

глаза не отрывал. Он слышал Марусю, и этого было достаточно. Жал на педали уверенно, ощущая наконец, как вонзается в воздух, и тот ласкает кожу и ныряет в волосы. Сердце замирало, лишь когда велосипед потряхивало на не слишком плотных стыках плит. Колесо в эти щели угодить не могло, и все равно в такие мгновения казалось, будто он перепрыгивает на велике с крыши на крышу. В какой-то момент новая плита не появилась, Женек слетел на землю и прокатился, в панике виляя змейкой, еще несколько метров. А когда выровнял руль, сообразил – вот он и на асфальте.

– Приехали, – Руся указала на уходящую вниз дорогу.

– Приехали, приехали, – завел торжественно Женя, наворачивая круги вокруг нее. – Приехали.

– Ага, понравилось? – посмеивалась она. – Теперь вообще не слезешь.

Зайдя на новый круг, он вырулил прямо и покатил вниз:

– Поехали! Наперегонки!

– Не с той связался! – крикнула Руся в спину. И Везунчик заржал, как живой, гремя звоночком.

Теперь ветер не ласкал, он охлаждал кожу, лохматил голову и нырял без спроса под футболку. Женя крутил педали. Хотя сердце, прячась в желудке, молило: «Достаточно!» Однако дорога – твердая, ровная, широкая – молила тоже, звала. Она была свободна, без встречных машин. И бояться можно было только своего страха. Не дрогнет ли рука, не зажмурятся ли глаза.

А затем вдруг, как бывает при переходе на новый уровень в «Тетрисе», дорога подсунула ямку. Плешь в асфальте. Женек налетел на нее. Велосипед крякнул, и он подскочил. Сердце окончательно рухнуло в бездну. А потом новая ямка и яма пошире. Только успевай объезжать. И, действительно, глаза готовы были испугаться. Он подскочил еще на ловушке, вильнув после. И ноги сами притормозили.

По большой дуге его объехала Руся:

– Пристегнись давай-ка крепче! Я твою превышу скорость...

Она катила вниз широкой змейкой. Плавно, грациозно и легко. И кудряшки развевались на ветру то в одну, то в другую сторону. Женя глянул вниз – машин видно не было. И поехал следом по ее волнам.

И случилось удивительное. Он не смотрел под колеса. Знал, что по всей ширине дороги ям, наверное, еще больше, но не следил, не выискивал их глазами. Глядел перед собой, вокруг. Катил к одному краю – любовался озером внизу, его холмистыми зелено-песочными берегами. Сворачивал к другому – слушал шелест деревьев, тянувшихся в синь и ей подмигивающих. И успевал ловить счастливые улыбки необычной до трепета в груди девчонки. А «Школьник» – учуял ли его умиротворение или выучился у Везунчика – сам четко и аккуратно объезжал препятствия.

На несколько минут дорога стала только их. И это тоже казалось частичкой магии. Обласкав асфальт мягкими ши-

нами, они словно выхватили дорогу из реальности. Перекачываясь от одной границы нового мира к другой, точно маятники, растянули прекрасные мгновения свободы, покоя и легкости. Широкоплечие деревья понимали это и ловили, усмиряя, слишком шустрый ветер, шептали грозно: «Держи... держи... хорош». Они катили вниз, баюкая мир. Металлически гладкое озеро не думало приближаться. Похитить и его в свой мерцающий спицами мир у них, похоже, не хватило смелости. Однако на последних витках озеро встретило их, пропитав воздух крохотными капельками потерявшегося дождя.

Закончился спуск, и время нагнало их. Едва Маруся съехала на обочину, и Женек притормозил рядом – уверенно и четко, по дороге промчались две машины навстречу друг другу. И следом – удивительно – еще три подряд.

– Успели, – заметила Руся, когда дорога снова смолкла.

– Не очень-то торопились, – откликнулся Женя, убегая взглядом по склону.

– Ну как? Понравилось? – улыбалась она.

– Еще как! Здорово!

– Великолепно, – пропела Руся.

– Оказывается, я умею ездить на велике. Ехал сейчас и ни секунды не думал, что мне учиться еще и учиться.

– Это я называю «расслабиться».

Они посмеялись. Поглазели вокруг. Дальше расслабляться было некуда, только вверх, орудуя педалями. Назад Же-

нек не хотел и даже не поэтому. Хотелось позвать Марусю на озеро, посидеть, полюбоваться, камешки пошвырять. Но что-то его останавливало, и, кажется, он догадывался что. Мало того что он не умел ездить на велосипеде, так и плавать не научился тоже. А Руся, дочка человека-амфибии, плавала, несомненно, хорошо. Взгляд ее между тем на водной глади не задержался.

– Не хочешь на озеро? – желание пересилило, и вопрос прозвучал сам.

Она посмотрела на него лукаво.

– Не-не, дурачок, – помотала головой. – А как же «напегонки», а?

– Я это... просто...

– Не-а, шутки не принимаются. Я приехала первая. Имею право загадывать желание.

– Черт... – обреченно склонил голову Женя.

Маруся же потеряла руки. И вновь ее хитрый глаз побежал по окрестностям. А его братец под повязкой – Женек был в этом уверен – подсказывал ему, потому как был не менее зрячим и вглядывался притом в его сердце.

– А давай ты... давай-ка, знаешь... Ага, вот! – Руся сделала интригующую паузу. – Слабо забраться в заброшенный дом?

Она указала на холм по другую сторону от озера через дорогу. Там стоял в каком-то неуютном одиночестве весь какой-то неуютный дом. Женя узнал его тут же. Веселье разом

сдуло. Он напрягся и невольно поежился от предательского холодка.

Черный-черный дом с черным-черным сундуком... И черным-черным котом.

– Так, так, так... Интересно, – улыбалась Руся, изучая его словно под лупой.

Он снова посмотрел на дом – узкий, вытянутый кверху, с однобокой, покосившейся крышей – и напомнил себе: все это он выдумал сам. Просто так, из ниоткуда. И нет там ничего. Ни-че-го! Обычный дом, доски да гвозди. Ничего зловещего. Потому что это дом не черный-черный, потому что черный-черный дом не существует. Это знает каждый, кто про него рассказывает.

– Вот и залезу. Без проблем, – сказал уверенно. И выдохнул с облегчением, потому что не притворялся.

Они поднялись на холм по едва узнаваемой дороге, колеи которой поросли невысокой травой. Велосипеды вели под руки. Маруся привычно напевала, попадая шагом в ритм: «В миле, миле, миле – вон! На холме горелый дом». Женя даже порадовался – потом и он ей расскажет их с сестрой страшилку про черный дом. Прерывалась она лишь на подколы.

– В доме на дереве ты не побывал, так хоть в дом на холме заглянешь, – говорила и радостно смеялась. Или: – Может, в этом домишке живет йети.

«Ну издевается, веселится, злодейка», – думал Женек, но не злился. Наоборот, это даже грело душу, тайно росло по-

нимание, что такие вот дружеские поддевки на самом деле открывали, как они теперь близки.

– Ну, залезу – и что? – отвечал он. – Что мне там делать?

– Погляди, есть там что интересное... Забытое и никому ненужное.

«В миле, миле, миле – вон! На холме горелый дом».

– Зачем?

– Не знаю... Мне подаришь что-нибудь. На память.

На подходе к дому стало ясно, что позади него скрывалась еще пристройка. Занятная по виду: обычная деревянная верхняя половина с такой же однобокой крышей и металлическая проржавевшая нижняя половина в виде большой воронки, стояла она на четырех опорах – ножках и сужалась к земле.

Дом по периметру порос травой, и в дикой зелени вокруг не прослеживались вытопанные тропки или прогалины. Женек опустил «Школьник» в мягкую траву. Руся с третьей попытки поставила Везунчика на подножку.

Перешагивая заросли, Женя подошел к кое-как узнаваемой двери. Вздернул голову. На фоне голубого неба крыша казалась угольно-черной. И весь дом будто бы падал на него. Это из-за плывущих выше облаков, напомнил себе.

Снова и неизменно – он, мелкий, перед чем-то высоким и большим. Это преследовало его всю маленькую жизнь.

На дверце не было ручки, но край ее подрагивал, пропуская ветер. Женек взялся за него и потянул на себя. Дверь

распахнулась легко. Ее скрип разметал со свистом сквозняк.

За порогом возникла большая комната – пепельно-серая, пустая, невзрачная. В стене справа единственное давало свет узкое окошко без рам и стекол. У стены слева вверх уходила деревянная лестница без перил. Первая ступенька была сломана точно посередине. Противоположная стена терялась в темноте, которую рассекал в краткие мгновения тусклый свет – там тоже бесшумно хлопала дверь. Потолка не было, только две толстые балки и одинокая, пересекающая их наискосок доска. Выше – непроницаемая чернота.

– Нет тут ничего, – обернулся Женя к Марусе.

Но на прежнем месте ее не оказалось. И ни на каком другом.

– Руся! – позвал он.

Ответом был лишь вздох блудного ветра. Однако в следующий миг новый поток принес знакомый голос:

– Давай, выгляни в окошко! – крикнула Руся. – Я здесь подожду подарка.

– Хорошо, хорошо, – буркнул Женек, первое – погромче, второе – под нос.

И залез внутрь.

«Ну и где тут взять подарок?» – он оглядел, казалось, абсолютно голый пол. И удивительно чистый притом. Дверь позади затворилась. На этот раз скрип старых петель прозвучал ясно. Коротко, но ясно. Женя так привык к мяукающей дверце чулана, что у него, похоже, отложилось, будто все

двери звучат так. В первую очередь он подумал выглянуть в окно – увидеть Русю, зарядиться решимостью.

Нижний край окошка четко совпадал с его подбородком. Он видел лишь травянистый склон, уходящий вниз, дорогу и строй деревьев еще дальше.

– Ты где? – крикнул наружу.

– Тут.

– Отойди подальше, я тебя не вижу.

Она не ответила. Но он слышал, как зашелестела трава. Подождал.

В комнате было тихо. Сквозняк больше не шнырял туда-сюда, двери не хлопали. Ни скрипа, ни писка. Словно дом успокоился, потревоженный голосом его же двери.

Прошло секунд двадцать, трава все так же шуршала. Но Женек уже не был уверен, что от шагов. Может, ветер...

– Ну где ты? – позвал он, привстав на носочки.

Никого.

Надо вылезать. Делать здесь нечего. В конце концов, он же забрался в дом? Забрался. И даже не выскочил сразу же.

Когда икры заныли и пятки задрожали, в поле зрения вдруг – хотя, казалось бы, ожидаемо, – появилась Марусина макушка. Затем кудряшки, лоб. Повязка, носик и все лицо.

Вцепившись рукой в край окна, чтобы ноги не подогнулись, он высунул другую руку и замахал подруге. Руся, заметив, замерла и помахала обеими в ответ. Она смеялась, но он не слышал. Потом поманила рукой, мол, выходи, давай сюда.

И побежала назад. Но не под окошко, сообразил Женя, чуть в сторону, значит, к велосипедам.

Он отпустил окно. Голени, действительно, дрогнули, и он чуть не упал. Пришлось постоять пару секунд, поглаживая мышцы. Затем зашагал с приятным чувством к двери.

Толкнул ее и готов был спрыгнуть на траву, но нога шагнула на такой же серый пол за порогом. Женя тут же отпрянул назад. Прикрыл дверь. Обернулся. Позади была все та же комната.

С нехорошим предчувствием, нашептывая: «Нет, не надо...» – медленно приоткрыл дверцу. Щуря глаза, как бы защищаясь, всматривался в щель.

Ни солнца, ни неба, ни зелени в этих крохотных сантиметрах. Лишь тусклое дерево.

С какой-то обидой он отпихнул дверь.

Как это возможно? И почему с ним и вот теперь?!

За порогом была пустая комната – мрачнее, без окон, дверей. Да и стены, чем дальше, тонули во тьме. Заходить в нее Женек не стал. Не желал играть по чьим-то правилам.

Вернул дверь обратно. И поспешил к окошку. Узкое и высокое, оно никуда не делось. Как и понятный мир снаружи. Высунул руку – и почувствовал ветер. Прислушался – уловил шелест травы.

– Руся... – позвал он.

Хотел крикнуть еще: «Вытащи меня!» Но разозлился. Опять?! Снова? Снова он беспомощный?

Мысли, что это ловушка, что вот он и попался, что чуланное пророчество его настигнет, гнал прочь. Что толку?

Женя осмотрелся в поисках какой-никакой подставки под окно. Пол казался голым, но углы исчезали в темноте. Он пошел по кругу, сперва к ближайшему. Единственный свет падал из окна, и когда Женек встал у угла, тот стал еще темнее.

Все, что угодно, могло скрываться в нем. Однако почему-то страшно не было. Из-за тишины, внезапно понял Женя. Ни скрипа половиц, ни завывания ветра, ни скрежета, ни шороха. Вспомнил, что не слышал даже своих шагов.

Разглядеть что-либо не получалось. Тогда он вытянул ногу и стал ощупывать эту тьму. Медленно, от стенки к стенке. И снова без единого звука. Сантиметр за сантиметром входил в темноту.

Наконец кроссовка уперлась в угол. Ничего. Пусто. И никого.

Женек выскочил из угла. Подлетел к окошку и попробовал запрыгнуть. Потом снова. Он мог зацепиться руками, но в итоге соскальзывал, потому что еще надо было подтянуться, поднять себя. Сил не хватало. Да и плечи едва протискивались в проем.

Все это время он не слышал снаружи никого. Ни Маруси, ни Везунчика. Ни даже – как пугал он себя – подъехавшего на «девятке» Лиса и его дружков. Оставив затею, нетерпеливо зашагал к другому углу.

Тот тоже ничем ему не помог. Направился к противоположной стене. Еще два угла, куда более темных, способных поглотить его полностью. И только у этой стены Женя вспомнил про лестницу.

Нет, лезть на второй этаж, который и не существовал как таковой, не думал. Вцепился в половинку сломанной ступени. Рванул в одну, другую сторону. С резким треском она отскочила. Треск умер тут же, словно мрак разорвал его в ничто. С этой дощечкой, толстой, длиной в полметра, Женек кинулся к окну.

Приставил ее под небольшим углом к стене. Ухватившись за край окошка, залез на доску. Она чуть сдвинулась, скользнув, и все равно он поднялся высоко. Однако окно...

Его нижний край все так же доставал Жене до подбородка.

Черт!

И снова в отчаянной попытке попробовал запрыгнуть. Взялся руками, подтянулся, а дальше... Плечи мешали друг другу. Пролезть, казалось, можно только боком.

Дощечка съехала, и он упал. Почти бесшумно. И все равно болезненно. Захотелось заплакать. Не от ушиба. От бессилия.

Но он сжал кулаки. Ударил со злостью по полу. Поднялся. В комнате стало еще темнее. Растворилась лестница. Женек бросился к ней. В зверином гневе отодрал и второй обломок ступеньки. Вернулся к окну. Свет в нем слабел.

Как там Руся? И где это «там»? Зовет ли она его до сих пор? Может, тоже вошла и... Вдруг тоже в ловушке?

Надо было выбирать. Что-то придумать и сбежать.

Одну доску поставил горизонтально на кромку и вплотную к стене. Вторую – вертикально, торцом на первую. И принялся карабкаться, держась за стену. Доски пошатывались, норовя его сбросить. И он чувствовал себя пугливым эквилибристом в цирке.

Сперва вторая доска слетела, пока он балансировал на первой. Попробовал снова, но только влез, шагнул на вторую дощечку, как рухнул вниз. Обломанный край расцарапал ему голень

Лишь на четвертый раз Жене удалось подняться на эту хрупкую конструкцию. Нижний край окошка оказался на уровне груди. И он шустро, пока дом не сообразил, просунул руки и плечи боком в проем. Уперся ими снаружи и стал вытаскивать себя. Доска сбежала из-под ноги. Но в этот раз он не соскользнул.

Напрягая мышцы, толкаясь всем телом, выбрался по пояс. Потом еще чуть-чуть. Внезапно туловище перевесило. Его потянуло вниз. Извернувшись, хотел было ухватиться за стену руками. Но они, уставшие, подвели. И он выпал спиной вниз.

Однако так и не упал, не ударился. А покатился по стене и, кувыркнувшись через голову, приземлился коленями... на стену.

В изумлении поднял голову, огляделся. Нет. Он был не на стене. И не снаружи. На коленях стоял на пепельно-сером полу посреди темной комнаты.

И тут действительно стало страшно.

А если он, в самом деле, отсюда не выберется?

Вмиг пересохло горло. Теперь только он вспомнил, почувствовал, что голоден.

Что, если его не выпустят, и он умрет от жажды, голода или страха?

Но он же не может умереть... Он вообще завтра уезжает!

И никогда больше не придет, мелькнуло в голове, когда вскочил в гнев.

Глупое окошко серело на прежнем месте. На полу под ним угадывались дощечки. Женя подхватил одну, замахнулся над головой и швырнул в бешенстве. Она идеально нырнула в проем и исчезла.

Легче не стало. Он взвился зверем и метнулся к двери, лягнул ногой. Та отскочила.

Комнаты за ней не оказалось. Но не было и зелени, Руси и великов. Просто тьма.

Тут он вспомнил о второй дверце, которая подрагивала тогда на сквозняке. Обернулся. Стену напротив уже поглотила темнота. Но он все равно бросился к ней. Руки налетели на дерево, сухое и беззвучное. И принялись искать дверную щель.

Голова вспотела и гудела. Волосы чесались из-за капелек

пота, бегущих между. Нос, казалось, высох изнутри от пыли, летящей со стены.

– Чертов дом, поганый дом, вонючий дом... – злился, скрежеща зубами.

Пальцы скребли по старым доскам. Грязь забивалась под ноги и, кажется, еще пара заноз. «Только не гвоздь, только не гвоздь...» – сигналило где-то на заднем плане. Спина взмокла, будто он разминировал бомбу.

Наконец он нащупал нужную щель. Щель, которая росла. Он тянул край дерева, и щель росла. Внезапно из нее повеяло прохладой и свежестью. Женек рванул дверь на себя. И с некоторым недоверием уставился на сумеречное небо и темно-зеленую поляну сбоку от той странной пристройки. Лишь спустя пару-тройку секунд он взорвался радостью. И шагнул за порог.

В тот же миг в него влетело что-то черное. Резко и больно ударило в грудь. Он отшатнулся назад, не устоял и свалился на пол. Дверца медленно, с протяжным «мыау-у», затворилась.

Отдышавшись после удара, но, скорее, после испуга, Женя нащупал в сгущающейся черноте это что-то. Твердое, тяжелое, сухое... и деревянное. Он узнал дощечку, половинку ступеньки.

«Небо! Трава!» – вспомнил он и откинул ее. Вскочил на ноги, скоро отыскал краешек двери, откинул и прошмыгнул за порог.

На третьем шаге замер, забыв выдохнуть. Потому что понял, что ни неба, ни земли больше нет. Только возникшее вдруг головокружение и пружинящая опора под ногами.

Похлопав глазами и тихо выдохнув, Женек, едва не плача, зашарил взглядом по сторонам. Вокруг было непроницаемо темно. И только под ногами стоял бледный свет. Внизу. На первом этаже, сообразил он вдруг. И тут же признал подошвами ту самую доску, что лежала наискосок на двух балках.

– А почему не на крыше, а?! – вырвалось у него, готового рассмеяться. Приснуть со смеху от отчаяния. – Почему я?! – крикнул следом горько.

Но тьма молчала. Ни эха, ни скрипа, ни шороха.

Как бы не хотел он играть по правилам этого дома, делать было нечего. Стоять на месте – глупо. Вернуться назад... А как? И зачем? В какой-то момент подумал – а если спрыгнуть?.. Упадет ли на пол? Или снова окажется, куда не собирался? Может, скатится по спирали в ту загадочную воронку.

Медленно переступая, Женя пошел по доске. Помнил, что другой конец упирался в лестницу. Перед глазами висела темнота, но края доски угадывались в тусклом свете, достигающим снизу. Не отрывая от дерева, он шоркал одной ногой, затем второй. Доска при этом шаталась и слабо прогибалась, пружиня. И чувствовал он это всем телом, но не ушами.

Шаг, еще шаг. Отчего-то он не боялся. Ноги не дрожали, хотя и подгибались, когда доска в очередной раз кренилась на бок. Живот не сводило, и сердце не безумствовало. Би-

лось ровно, отдаваясь в голове. И ладони... Нет, ладони все же взмокли. Кричать, плакать и звать на помощь не хотелось. А смысл? Под ногами доска, надо идти осторожно и не спеша, и она закончится.

Когда по поведению дерева понял, что миновал балку, возникло внезапное чувство – что-то летит на него. Что-то метнулось из темноты. Спину пронзила сотня ледяных игл. Он присел, вцепился руками в доску, чтобы не свалиться тут же. Пригнул голову, замер.

Ничего не случилось. Никто не напал, не скинул его. Не было и малейшего ветерка.

Женек медленно встал, готовый припасть к дереву в любой момент. Теперь ноги дрожали. Все еще полусогнутый опасливо огляделся. Это было бесполезно. Все, что угодно, могло скрываться в наседающей молчаливой тьме. Один щелчок – и он бы побежал, молясь не расшибиться при падении.

Минуты всматривался вокруг, застыв напряженно. Пока в какой-то момент с абсолютной ясностью не понял – он здесь один. Вмиг темнота стала пустой и голой. Он выпрямился, выдохнул. Невольно ощупал себя. Грудь, живот, лицо – мокрое. А может, это руки. И пошел дальше по гнущейся беззвучно и, казалось, бесконечной доске.

Через пять долгих шагов чувство повторилось. Так же внезапно и дико. Сердце сжалось, обдало волной холода. Но Женя пересилил себя. Застыл, сжав глаза. И вновь – минута

прошла, но ничего не случилось. И он продолжил путь во тьме.

Вторая балка никак не появлялась. Он шел уже не слишком медленно, а доска в памяти не казалась такой длинной. В голове мелькнуло даже – а по доске ли он идет до сих пор. Повел ногой чуть в сторону: нащупал край, а дальше – пустота. Но где же балка? Через метр-полтора после нее – лестница.

Шаг, еще шаг. На следующем шаге его парализовало – он уже миновал балку! Прошел через нее, просто не заметил, пропустил. Сколько уже метров он прошел?.. Правая нога застыла в сантиметрах от... От доски ли? Или над пустотой?

В тот же миг закружилась голова, сердце ухнуло в живот, Женька повело влево. В одно мгновение им овладело чувство – он стоит на самом краю, дальше пропасть, бездна, нога не найдет доски, провалится.

Он замахал руками, переминаясь на левой ноге. Внезапно подошву резанул край доски, пятка провалилась. Его утянуло. Окончательно. Опоры не было. Он рванул вниз. Руки врезались в доску. И он судорожно за нее ухватился. Повис, раскачиваясь. Шумно дышал. Хоть и не слышал этого. Как и того, кричал ли.

Только представил, как далеко может быть пол, как ноги, качнувшись в сторону, задела что-то твердое. Вроде бы косо идущую доску. Женька качнулся сильнее и попробовал поймать ее ногами. Вышло. Кроме того, он сообразил – это

лестница. Подтянулся ногами, затем отпустил одну руку и вцепился ею в лестницу. Следом окончательно на нее перебрался. Заполз животом на ступени и подождал, пока успокоятся дыхание и колотящееся сердце.

Когда поднялся на ноги, от прежнего света не осталось и следа. Он потерял окошко, а пол потонул во мраке. Однако отчего-то он видел пыльные руки и ноги с засохшей кровью на ссадинах, кроссовки и ступень под ними. Шагнул вниз, не сомневаясь в существовании следующей ступеньки. Старательно припоминал, как выглядела лестница, сколько в ней сидело ступеней. Первой нет, это знал хорошо, и провал на ее месте надо будет ловить. А выше... Почему-то казалось не больше десятка.

Уже видя себя на первом этаже, обещал себе, что не поверит больше дверцам – обманщицам, что увидит за порогом то, что должно там быть, что существует реально. Не то, что рисует дом, а настоящую землю с настоящей травой. И сбежит наконец.

Воодушевленный и решительный, он оставил позади уже пять ступеней. Шепнул: «Шесть», – и шагнул дальше. «Семь». Уже скоро. Хотя начал-то он не с самого верха. А значит, вот сейчас, возможно, следующей ступени-то и не будет. Провал, а дальше – пол.

Но нога уперлась в дерево, как за шаг до этого. Восемь?.. Значит, следующая?.. Аккуратно опустил ногу, готовясь к пустоте на месте дощечки. Нет, вновь ступенька, твердая, це-

лая. Уже девять. Да сколько же их было?..

Женек отчаялся на двадцатой и бросил. Бросил считать и ждать. За ступенькой возникала ступенька. Он все шел. Опускал ногу, находил немое дерево, сгибал ногу в колене и опускал вторую ногу, упирался в дерево, сгибал ногу и опускал ногу, злобно топал в дерево, сгибал колени и опускал ногу, и снова дерево, и снова шаг, и еще дерево, еще ступень, еще шаг, еще час... Может, два или все пять, он не знал. Время потеряло форму, он больше его не ощущал. Лишь чувствовал, что очень хочет пить, что желудок наверняка стонет и рычит, просто он не слышит. Как не слышит боя сердца и ритма своих шагов.

Он уже не мучился вопросами, не озвученными да и безадресными: «Почему я? Что со мной не так? Чем я это заслужил? И что тебе, вам, им от меня нужно?» Поразбросал их по ступеням, оставив глухой темноте. Теперь он просто бубнил себе под нос:

– В черном-черном доме... черная-черная лестница... Она идет через черную-черную ночь... и спускается в черную-черную бездну...

Женя подходил к краю лестницы. Глядел вниз, ничего там не различая, и гадал, как тогда на доске под крышей, – казалось, это было так давно, тогда он еще верил, что вернется, – гадал, а что будет, если спрыгнуть. Может, проснется на берегу озера, где задремал под солнцем от усталости, а Руся будет попрекать его соней и дурачиной. Это было бы здо-

рово, но почему-то он знал – такого не произойдет. Потому что это черная-черная лестница в черном-черном доме и она идет через черную-черную ночь в черную-черную бездну.

Он уговаривал себя, что каких-то десять – двадцать ступеней – и всё, что именно эти ступени окажутся последними, а дальше пол. А там он уже покончит со всем этим издевательством! Поэтому всякий раз отходил от края и спускался дальше. Тут же забывая эти ступени отсчитывать. И не ощущал больше, что где-то над головой крыша, что сбоку стена, что вообще есть дом. Тьма больше не теснилась в стенах. Она просто стала всем. Единственным, что существовало. И, наверное, она хотела, чтобы и он стал ею. Потому что Женек не знал уже, его ли слова слетают с губ:

– Через черную-черную ночь... идет черная-черная лестница... в черную-черную бездну...

И потому что бездна показала ему вдруг сундук.

Большой и угольно-черный, он появился вместо новой ступеньки. Женя замер. Сундук стоял так, словно дно его покоилось на полу. Значит, он дошел?

Крышка была отворена. Сундук, слабо поблескивая коваными скобами и креплениями, перегораживал весь проход. Женя глянул на руки – и они казались освещенными, точно откуда лился лунный свет. Он уже запрокинул голову, как свет мелькнул в чреве сундука. И тут же из него донесся голос.

Женек склонился над ожившим сундуком и заглянул

внутри. Словно через дверной проем увидел зеленые заросли, «Школьника», отдыхающего в них, красавицу Русю и готового к дороге Везунчика. Посмеиваясь, она звала его:

– Выходи уже! Хватит! Всё-всё, желание исполнено. Пошли, дурачок! Я вижу тебя, хватит там сидеть.

И Везунчик, залиvisto звеня, поддакивал.

Женя слышал, как шелестит трава, как ветер жужжит меж спиц Везунчика, как шумит тихо дорога и озеро еще дальше. Ветер обдувал лицо, и запахи дикого поля щекотали нос. Тьма отступила, буквально исчезла, он уже был там. И какое это было облегчение, какое счастье!

Однако краем глаза он заставил себя увидеть этот самый дверной проем. Он увидел черные стенки сундука, увидел руки, держащиеся за край, – они были все такими же бледными, пыльными собственными тенями. И он увидел тьму, затаившуюся за спиной. Казалось, она осторожно протягивала руки, чтобы, аккуратно подталкивая, помочь ему залезть в сияющее счастьем нутро сундука.

И тогда он отпрянул назад. Явственно ощутил, насколько тьма щетинисто-мохната. Она за клубилась вокруг, вновь заполняя собой все. Женек уперся ногой в стенку сундука, что, не прекращая, звал голосом Маруси. Напрягся, проклиная все черное-черное, и отодвинул его. Затем еще. И сундук неожиданно опрокинулся и полетел, кувыркаясь, вниз... по лестнице. И исчез беззвучно во мраке.

Туда же направился и Женя. Но не пошел, а побежал. Тер-

тение лопнуло погибшей струной, и он побежал. Не потому даже, что его мучили жажда и голод, он просто невыносимо хотел конца. «Любого!» – смело думал он, но вряд ли был готов. Он выберется – жила в нем надежда, – или его спасут, или пожалеют и отпустят, или хотя бы уложат спать, и он не поймет, что...

Безумно быстро он стучал ногами по ступеням, но не слышал ни звука. И оттого казалось, что бежит ужасно медленно. В какой-то момент решил даже, что бежит вверх, – ноги теряли силы, и он тяжело дышал. И все-таки верил, что, если не сбавит скорость, то лестница не успеет отрасти, и ступеньки кончатся.

А затем он чуть не налетел на дверь. Невысокая, узкая, она чернела на пути. Надежда забилась под ложечкой. Железек подошел ближе. Массивная дверь приоткрылась, впуская свет. И звуки.

Он тут же их узнал: крики и ругань мальчишек, топот десятков ног, звон резинового мяча и шум улицы. Они откликнулись в нем мучительной горечью и диким желанием вычеркнуть деревню из памяти, вообще из реальности вычеркнуть. И только спустя пару мгновений Женя разгадал в этой странной двери все тот же сундук, поставленный на торец.

Дверца еще раскрывалась, дыша жаром, потом и пылью, а он уже пнул по ней. Сжав кулаки и завопив что есть злости, толкнул сундук. И тот снова поскакал по ступеням. Однако в этот раз оглушительно гремя и содрогая лестницу, тьму и

ночь. Женек прикрыл уши, сомкнул челюсти, чтобы не стучать зубами, и, не устояв, сел на пятую точку.

Когда все стихло, вернулся на ноги с трудом, ощутив внезапно всю усталость. Хотелось свалиться обратно и тихо пошевелиться, завывая: «Мама, папа, разбудите меня...» Он знал, что сундук явится и в третий раз, но не знал, что предложит, сможет ли он снова ему отказать. И стоит ли? Может, это и есть выход, дверь, портал. Да как угодно, лишь бы путь на свободу.

Он поплелся вниз, думая о Русе. Зашла ли она следом? Испугалась ли его исчезновению? Поняла ли, что он в беде? Догадывается ли вообще кто-нибудь, что он в беде? Сестры, мама, бабуля... дед? Едва начавшись, мысли оборвались. Под ногой не оказалось ступеньки, и он полетел вниз.

Прошла секунда, уместившая парализующий испуг, удивление, светлое облегчение и ожидание боли, – и Женек рухнул на пол. Коленки и локти пронзила боль, лоб ударился о кисти. Слезы выступили на глазах, но он приказал себе вытерпеть. Боль еще не стихла, а он уже учуял странное. Чувствовал, что лежит на твердом и деревянном, но что-то сдавливало по бокам, нависало над головой. Теснота посреди пола.

Женя развел руками и ногами, и они уперлись в стенки – справа, слева, снизу. Сундук! Он упал на его дно. Его поймали! И никакого выхода, ни Маруси, ни друзей!

Рывком перевернулся. Над крышкой замерла черная тень

– игольчато-мохнатая, вытянутая, с пятью торчащими лунными серпиками когтей.

«Сожги дом», – прозвучало в тишине.

И тень дернулась, царапнула по крышке. Женек успел всунуть кроссовку под упавшую крышку.

Черная лапа давила на крышку. Подошва принимала всю тяжесть, но кованый край уже задевал стопу. Женя ухватился рукой за край стенки и, отталкиваясь второй от дна, встал на одну ногу. Крича и задыхаясь, ждал, что в следующую секунду зажатую стопу окончательно раздавит, или в нее вопьются когти или клыки. Но вместо этого почувствовал горячее дыхание и легкое прикосновение. Кто-то принюхивался. А значит, отгрызет.

Встав твердо на ногу, Женек вцепился в край крышки. Рванул ее вверх и, разгибаясь, подталкивал ее всем телом. Она поддалась, раскрылась где-то на треть. Но тяжелая лапа надавила сильнее, а тьма рядом шелохнулась – показалась вторая лапа.

Женя упирался руками что есть сил, бился головой в крышку, спиной – в заднюю стенку. Сундук подпрыгивал, раскачивался. Когда приподнялась вторая лапа, Женек завопил, не сдерживая слёз:

– Я не боюсь тебя, Черный Мяук!! Не боюсь!! Слышишь, Мяук!! Я! Не!! Боюсь!!!

Лапа замерла на полпути, и даже ее «сестра» на мгновение ослабила давление, словно крик этот ее обжег. Этого хва-

тило, чтобы от очередного отчаянного толчка сундук опрокинулся назад. Крышка не открылась полностью, но Женя, безумно извиваясь и отталкивая ее, вылез наружу.

И не медля ни доли секунды, вскочил на покалеченные, но ожившие ноги и рванул прочь. Он бежал по твердому, деревянному и неизменно немому полу и всеми мысленными силами старался, чтобы ощущение и знание, что стен, крыши и самого дома больше нет, не рухнули.

– Стен нет, стен нет, стен нет, стен нет, – повторял он, часто дыша, и бежал.

Бежал, не оборачиваясь. Пол позади не содрогался. Тьма за спиной не колола и не кусалась. А те огромные огненные глаза, которые он успел в какой-то миг увидеть, не преграждали путь во мраке перед ним. Лишь хриплый шепот еще следовал за ним:

«Я буду готов...»

Бежал, как мчался по осинам этим утром. Быстро, не сбавляя, через боль. Терпел. Уверенно, без уговоров. Сам заметил, что привык к боли. Боль, она будет всегда. Без нее не бывает ничего стоящего.

Воздуха не хватало, под ребрами жгло, пот смешивался со слезами. Ноги ныли, но он любил их. Пускай короткие, но шустрые и сильные. Любил их – они делали его счастливым.

Он бежал в таинственной тьме по бесконечному полу. Куда – не имел представления. Как далеко – не брался загадывать. Как долго уже бежит? А как долго он вообще в этой

черноте?

Наконец силы иссякли. Ноги подогнулись. Он сел, откинув их. Завалился на бок. Тяжело дышал, воздух наждачкой ходил по пересохшей глотке. Сердце, так же завалившись на бок, молотило по полу, словно кто-то выбивал чечетку. Желудок хотел вывернуться наизнанку. А уши... Сквозь гулкую пульсацию они слушали разговор.

– Жендоса не видела? – спрашивала Оля.

– Нет, «Титаник» он смотреть не стал, – отвечала Катя.

– Я знаю, Маша сказала, что он одолжил у нее велосипед.

– Значит, катается.

– Он же не умеет.

– Думаешь, сломал что-то себе?

– Сплюнь, блин.

Сперва Женя подумал, что это просто его мысли. Перестал об этом думать, но голоса не исчезли. Некоторое время в голове было пусто и как-то безразлично. Потом он все же решил зацепиться за эти отголоски и догадался, что они доходят до него по дереву. И, прислушавшись, понял даже, откуда примерно.

– Девочки, не могу Женю найти. Он до сих пор на улице? – присоединился мамин голос.

Женек приподнялся и крикнул:

– Эй! Я здесь! Мам!!

Снова припал к половице.

– Как это не видели? Времени сколько! Так, давайте, да-

вайте собирайтесь, пойдём искать.

– Катя!! Эй! Это я, Женя! Я здесь!! – крикнул он вновь, понадеявшись на «Силу двух».

Хотел уже вслушаться в дерево, как во тьме раздалось:

– Женя! Это ты? Пацан, ты чего здесь делаешь?

Тут же присел, огляделся. Темно.

– Дедушка? – спросил у пустоты.

– Ага, он самый, – отозвался голос. – Ты как сюда попал?

Я же не пускал.

Невероятное облегчение и счастье растеклось по телу.

Наконец-то! Боже, наконец-то он не один!

Улыбка растянула высохшие губы.

– Дед, ты где?

– Где-где, в чулане.

– Забери меня! – позвал Женек, сдерживая слезы.

– Иди на мой голос. Это очень просто. Только не обращайся.

Женя поднялся на обессиленные ноги:

– Я иду. Только ты не молчи.

Человек-Пальто завел историю о том, как он в Женькином возрасте один-одинешенек ходил на охоту. И Женек пошел. Уши были его глазами, а сердце – ногами.

– По несколько дней я выслеживал зайца, запоминал его тропки в лесочке. У меня не было ни ружья, ни капкана. Да для зайчика этого и не надо. Из лески я готовил силки, – рассказывал дед. А Женя шел, глядя перед собой, не обра-

чиваясь и не отвлекаясь на посторонние звуки. Только голос дедушки сейчас был важен.

Очень скоро впереди задрожал крохотный огонек. История точнехонько лилась оттуда. Дед как раз заканчивал охотничью байку тем, что, переодевшись в лису, сцапал-таки своего первого зайца, когда Женек, не заметив даже, шагнул вдруг в чулан и встал посреди знакомых стен.

Пальто висело на своем месте. Пламя вспыхнуло сильнее, словно дед вглядывался во внука.

– Ну и ну! Встретил, значит, Черного Мяука?

– Кажется, – буркнул Женек.

– Один?

Пожал плечами и кивнул.

– А я ведь говорил, предупреждал! – пламя задрожало.

– Но я не боялся! – возразил Женя, покалеченный и потрепанный.

– Иногда, друг, этого бывает недостаточно, – сурово произнес Человек-Пальто.

– Дед?..

– Ну?

– Ты так и не рассказал, как здесь оказался.

– Так я ж всегда здесь, куда...

– Нет, – оборвал его Женек. – Как ты стал Человеком-Пальто?

Огонек заметался, будто дед мотал головой.

– Ты посмотри на себя – нашел время болтать! Да еще

здесь, в темноте! Сейчас? Когда Мяук тебя упустил и...

– Это из-за него, да? – криком выплеснулась злость.

– Тише-тише, – зашептал дед, и пальто опустилось ниже. – Может, из-за него, но, скорее... из-за трусости, дружок. Из-за собственной трусости...

Казалось, больше ничего не скажет, но он продолжил:

– Помню, у сына новоселье было... или свадьба? Помню, собрался туда да в новом пальто. Вышел в сени, а за спиной... м-я-аа-у... Дверца проклятая, это я потом только понял. А всё – душа в пятки, в глазах темно... Мяука боялся до жути. Почему-то... Ну а после свет так и не вернулся, я думал – того, ад, значит. Оказалось – чулан.

– Но как так? – не желал верить Женя. Хотя сам только сегодня готов был поклясться, что от страха можно умереть.

– Я уж не молод был, вот, видать, сердце и подвело. А может, сосуд какой в голове...

– Готовы, нет? Пошлите скорее! – раздалась вдруг за дверцей голоса.

– Идем, идем.

– Черт, – простонал Женек.

– Тебе пора, – сказала пальто и, подлетев, вернулось на стену.

– Бабушка должна знать. Почему ты не хо...

– Иди уже! – не позволил договорить дедушка, и внучок попятился к двери. – И помни: ты не должен быть один.

Женя кивнул, приоткрывая дверцу.

– Я постараюсь тебя не оставлять, – добавил дед будто охрипшим голосом.

Женек вылез из чулана как раз, когда мама и сестры обувались.

– Глядите! – заметила его Оля.

Все обернулись.

– О, Женька, – улыбнулась Катька.

– Господи ты мой, – расширила глаза мама, – ты что опять натворил?

В свете лампы он наконец увидел свои разодранные колени и локти, поцарапанные и запачканные руки и ноги. Пришлось тут же придумать, что учился кататься на велосипеде, падал пару раз неудачно, последний раз в овраг. Мама охала, злилась, потом опять охала. Сестры, покачав головами, ушли в дом.

– А в чулане что делал? – спросила мама как-то обреченно, злиться не хватало нервов. По крайней мере, сегодня.

– Хотел прошмыгнуть незаметно, прятался.

– Иди, партизан, – толкнула к двери кухни. – Раненый.

Свалившись на кровать, Женя долго боялся закрыть глаза. Отмытым, сытым и, к удивлению, ненаказанным лежать в мягкой постели было приятно. Во рту еще немного сушило, ссадины щипало от йода, а ноги гудели, но кровать и свет лампочки говорили, что мрак позади. Тот мрак. Но это не значило, что не будет нового. За окнами сумерки давно окра-

сились в ночь. В углах комнаты, куда не доставали желтые лучи лампы, сидела темнота. Под одеялом она же. Да просто достаточно закрыть глаза...

Женек боялся, что от темных, не поблекших еще, воспоминаний снова заплачет, однако, когда они явились, не было страшно и не было больно. А крепло осознание, что он прошел через выпавший на его долю кошмар, и теперь этот кошмар бессилен против него, каким бы ужасным ни поселился в памяти. Отчего-то Женя вспоминал немного другое: как он не сдавался, как не отдался страху, не дал себя обмануть, как терпел. И от этого рождалось такое приятное чувство, совсем не похожее на то, что стояло тяжестью, когда возвращался в памяти к моменту бессилия в лапах хулиганов или к той сотне отговорок, лишь бы не просить прощения.

Он звал маму, звал папу, но они не пришли, не пришли и сестры. Возможно потому, что пришло время, когда он в силах сам встречать несущийся навстречу мир. Это время пришло, а детство кончилось. Но это не значило что-то плохое.

В комнату кто-то заглянул. Женек открыл глаза.

– Ну какой всадник оставляет своего коня за воротами? – спросил непонятно дядя Юра.

– А? – приподнялся в кровати Женя.

– Велосипед оставляй у ворот во дворе, а не со стороны улицы. Понял, чингачгук?

– А-а, – протянул Женек. Похоже, Руся каким-то образом довезла «Школьник» до его дома. – Ясно, спасибо.

– Свет выключаю? – спросил дядя Юра перед уходом.
Чингачгук кивнул.

Воспламеняющий

– А вы слышали историю про Кошачьего Бога? – спросил Миша, когда на кровать, прямо на карты, запрыгнула кошка. И новая партия в «дурака» оказалась под вопросом.

Артем и Дима, сидевшие на стульях у края кровати, закивали.

– Вы-то ясно. Деревенские, наверно, все знают, – кивнул Миша в ответ. – Девчонкам еще не рассказывали?

Он чуть наклонился со своего края и потрепал серого пушистика, топтавшегося по кругу на «битых» картах.

Женя наострил уши, подскочив в кресле. Юбилей никак не заканчивался, а играть в «дурака» с ребятами и, конечно, с Димой, он не хотел – боялся насмешек. Большого при сестрах Блондин себе не позволял. Хотя посмеяться над несмышленостью братика могли и сами сестры. Но и вернуться обратно, в зал к взрослым, Женек не пожелал, потому устроился в кресле и думал о сне. Ровно до вопроса Миши.

– Нет, – ответила Оля. И выдохнула вверх, сдувая челку. Черную, как у дамы пик.

– Я тож не слышала, – отозвалась Лариса, меняя позу и усаживаясь удобнее.

– Это страшилка? – заинтриговано спросила Катька. И покосилась на Женю – они такое любили.

Сестры тоже разместились на кровати – практически пле-

чо к плечу, отчего каждую партию упрекали друг друга в подглядывании. А под конец одна из них непременно оставалась в «дурочках».

Всемером они сидели здесь, в тусклом свете одинокой лампочки, уже больше часа. Комнатка была небольшая, с принесенными из кухни стульями – тесная. Духота нарастала, но дверь не открывали, чтобы никто из не очень трезвых взрослых случайно не заглянул. И не стал учить мастерству карточных игр.

– Это для вас с коротышкой – страшилка, стопудово, – рассмеялся Дима и стрельнул мерзким взглядом в Женьку. – Эх, не захватил я с собой фонарь. Для такого случая.

Снова хохотнул, запрокинув голову, откинул со лба светлые прядки и отвернулся к Артему. Простой, скромный, сдержанный, тот нравился Жене куда больше. Точнее, просто нравился, потому что Блондина он ненавидел.

– Да отстань ты от них, – устало буркнул Миша. – Лучше смотри, не пропущу ли я чего.

С двоюродным братом Женьку было спокойно. Даже когда Блондин сидел на расстоянии вытянутой руки. Просто здесь он был в меньшинстве. И, к тому же, в присутствии сестер привык делать вид, что с Женей его ничего не связывает. Кроме забавного случая в заброшенном доме, о котором благодаря болтливости Катюхи все давно знали.

Да, рядом с Мишей, высоким и крепким, трусить не приходилось. С Олей и Катей тоже – не только сейчас, но и все-

гда, – но при этом в Женька, бывало, прилетали насмешки вроде «спрятался за юбкой сестры».

– Коты и кошки очень умные. Вот что надо знать, – начал Миша. – Они понимают друг друга лучше, чем мы. Потому что в каждом из них есть Кошачий Бог.

Лариса и Оля переглянулись и, казалось, хотели рассмеяться, но так и не решили, кто первая.

– Есть легенда, что, когда наши прапрадедушки и прапрабабушки пришли обживать эти земли, они увидели, что не такие они, эти земли, безлюдные, – продолжил Миша. – Говорят, нашли дом. Одинокую маленькую избушку. И все. То есть понимаете: кругом, значит, поле, дальше леса, и вдруг – дом. Один единственный.

– Черный-черный? – вырвалось у Женька. Спать больше не хотелось. А кресло обернулось стулом, по которому вот-вот пустят ток.

Дима хохотнул. Хмыкнул и Миша.

– Пока что нет, – протянул он загадочно. Исключительно для братика. Затем вновь обратился ко всем. – Конечно, не новый, светлый и чистый, но и не разваливающийся. Из бревен. Только крыша из веток и соломы.

– Вот так вот прям точно известно, да? Про ветки, солому? – перебила Оля, улыбаясь.

– Это же легенда, Оль, – развел руками Артем. – Мне тоже рассказывали про солому. Кому-то, может, и по-другому...

– Слушайте дальше, блин, – оборвал Миша. И, оглядев

всех, мол, готовы слушать, вернулся к тону рассказчика: – А жили в этом доме... кошки. Целая стая. Сама по себе. Люди, значит, дом этот трогать не стали. Мало ли, может, явится еще хозяин. Выбрали ровный участок поодаль и стали обживать. Настроили домов, зажили деревней, а хозяин тот так и не вернулся. Люди смирились с одиноким домом на отшибе. Жили себе, работали в поле.

– Через какое-то время коты и кошки стали забегать в деревню, – подхватил Артем, и все взгляды перескочили на него. И даже серенькая кошечка, что улеглась посередке, повернула к нему голову. – Ластились, играли с детьми. И люди начали пускать их в дома. Многие оставляли у себя. Но все равно тот дом не пустовал. Кошки все так же жили там, играли, заботились друг о друге, бегали охотиться в поля и леса. Шли года, деревня росла. Приезжали новые семьи. И их дома все ближе подбирались к Кошачьему дому. Пока один...

– Охотник... не захотел себе дом. На этом самом месте, – вступил Дима вдруг. – Приперся он из чужих краев. С женошкой и сыночком. Свободных участков, по-любому, было полно, но ему, естественно, понравился тот, где всегда стоял Кошачий дом. Никто на пути у него, значит, не встал – ну дом и дом, он же старый, для жизни непригодный и ничей. Все равно все знали, рано или поздно с домиком этим надо будет что-то делать. Прогнать котов и кошек у охотника, естественно, не вышло, сколько не пытался. Поэтому, когда они вернулись снова, он просто сжег их дом.

Сестры дружно вздохнули.

– Зачем? – протянула Оля.

– Вот урод, – выдала Катя, выплюнув кончик своей кофейной косички, которую успела попробовать на вкус, заворожено слушая.

Лариса же склонилась над кошкой, погладила. Зверь потянулся, сбросив пару карт на пол, и зевнул.

– Конечно, а вы чего хотели, – посмеялся над ними Дима. – Он же, блин, охотник. Волков, лис, зайцев убивал. А тут кошки. Будет ему кошек жалко, вот патронов на них точно жалко.

– На месте сгоревшего построили новый дом, – продолжил рассказ Миша, и противный смешок Блондина смолк. – Но долго охотник с семьей в нем не прожил. В одну ночь со всей деревни пропали коты и кошки. Говорят, что из неостывшей земли, смешанной с пеплом от сожженного дома, вышел Кошачий Бог. – Миша заговорил громче, широко раскрыв глаза. – Гигантский черный кот с пятнами скачущего по шерсти огня, с угольными костлявыми лапами и урчанием в груди будто рев пламени. И в ту ночь он призвал котов и кошек в дом охотника.

Вновь повисла пауза.

Гигантский черный кот? Столько дней, с самого знакомства с Человеком-Пальто, Женек не решался рассказать кому-то про Черного Мяука, а теперь получалось, что все в деревне знают о нем. Да, наверное, не верят, но знают, слыша-

ли.

Удивление тут же сменилось липким страхом – Мяук внезапно стал ужасно реальным, далеко не его выдумкой или видением. Свет лампочки, показалось, ослаб и отсек углы комнаты во тьму. А стена за спиной словно пропустила холодный ветерок с улицы.

– И когда охотник проснулся утром, – услышал он вкрадчивый голос брата, – то весь дом был захвачен кошками. В постели он не нашел жены, в детской комнате – сына. Зато в каждой находил кошек. И все они дико мяукали, не смолкая, вразнобой рвали глотки. И на чердаке, и даже на крыше.

Сестры больше не переглядывались, не мотали головами, не вздыхали. Женек тоже обратился в слух, забравшись на кресло с ногами. Даже Дима теперь не посматривал довольно по кругу, а также не сводил глаз с Мишки.

– Прогнать их он не мог, как бы ни кричал на них, ни пинал и ни бил метлой. Поэтому взбешенный стал отстреливать их... – Рассказчик смолк на миг, чтобы вдохнуть. – Но первая же убитая кошка обернулась его женой, а первый же убитый кот – сыном. И он обезумел. От горя и ужаса. И, как говорят одни, застрелился сам. Но другие говорят, что он не стрелял в себя, а так и остался жить в этом доме, вместе с кошками, которым и стал служить.

Деревенские в дом заходить боялись. Но те отчаянные, кто все же заглянул, видели только его неподвижное тело в кресле, укрытое то ли лисьими шкурами, которыми он все-

гда хвалился. То ли это рыжие коты не сходили с него. Время шло, деревенские никак не могли решить, что делать с домом. Как однажды, за одну ночь, тот опустел. Пропали коты и кошки, пропал охотник, пропали лисьи меха. И всё. Никого. Пусто. Только двери и окна, говорят, на сквозняке скрипели по-особому – один в один мяукали. Дом этот так и оставили пустым и ничейным. А детей стали пугать – мол, обидишь, сделаешь больно кошке какой, и Кошачий Бог пришлет за тобой Горелого Лиса, и он заберет тебя.

– Куда? – вымолвил Женек.

– В дом свой. Черный-черный, – весело усмехнулся брат. – Где он здесь – в нашей деревне или в соседних – и вообще существует ли, никто точно не знает.

– А почему... – начал Женя, задумался и все же спросил: – Почему охотник стал служить кошкам?

– По легенде, Кошачий Бог пообещал ему за это вернуть сына, – ответил Мишка.

– А что, здесь где-то есть еще заброшенные дома? – поинтересовалась Катя, будто одной истории и одного такого дома ей не хватило.

Миша неопределенно пожал плечами. Зато Дима поспешил ответить:

– Конечно. И заброшенные дома, и призраки пропавших детей.

– А вы, значит, кошек не обижали, сидите тут? – съязвила Лариса. И потянулась к пушистой гостье.

Но рука ее замерла. Взгляды разом сошлись на кошке. Та уже не лежала милым клубочком. А сидела, ни ухом не ведая, ни головой. Пристально смотрела куда-то между стульев Димы и Артема.

Все повернули головы. Скрипнули стулья. Простонала кровать – сестры приподнялись. Женек вдруг учуял запах горелых волос. Совсем как, когда после школы ему подожгли ушанку пламенем из баллончика.

На темном полу перед закрытой дверью так же неподвижно сидели два кота. Рыжие, потрепанные, они внимательно глядели на серенькую кошку. Как будто в комнате больше никого не было.

Сестры уставились на Мишу, покосился и Женя. Дима не сводил глаз с таинственной парочки.

– Это не наши, – растерянно мотнул головой брат.

В этот миг кошка спрыгнула с кровати на колени к Диме. Тот подскочил как ужаленный молнией. Вскрикнул, опрокинул стул. Кошка слетела на пол. Дима отстранился, бледный и сжавшийся. Споткнулся о ножки стула и чуть не придавил Женю, рухнув в кресло.

Дверь распахнулась. Кошачья троица вылетела прочь. А спустя пару секунд в дверь выскочил и Дима. Дядя Вася, отец Миши, едва успел отпрянуть. Ухватившись за ручку, устоял, затем удивленно заглянул внутрь:

– Вас там ждут... ваши, – он махнул рукой. – Расходимся.

На резиновом коврикe у входной двери в четыре неровных ряда выстроились и кроссовки, и ботинки, и галоши, и туфли, босоножки, сандалии. Единственный свет в ночь за порогом падал из сеней, и Женя сам себе темнил. И, кроме того, не мог вспомнить, где именно оставил свои кроссовки. Когда разувался, заходя в гости, такой коллекции обуви не было.

– Ну чего ты встал? Давай скорее, – поторопила Оля. И поежилась, стоя в блузке и юбке. Рядом топталась на месте, не давая комарам покусать себя, Лариса, потому что тоже была в юбке. Катя в джинсах лишь зевала, обхватив себя руками.

Женек знал, что время у него еще есть, потому что поодаль мама, тетя Лиза и дядя Юра прощались с хозяевами, дядей Васей и тетей Сиренью. Снова пробежался глазами по рядам. Вон кроссовки – вроде его, но как будто и нет. Но выходило все-таки, что его, потому что других таких же не было.

Натянул на ноги, завязал шнурки и зашагал вслед сестрам. Сомнений лишь прибавилось. Ощущения не те. Замешкался, взглянул вниз. Не разобрать в темноте – ни фонаря, ни луны.

– Женя где? – услышал маму. – Женя, пойдем давай. Поздно.

Они не пошли знакомой дорогой – по проулку, сворачивающему на Советскую улицу, где шестым или седьмым по сче-

ту стоял бабушкин дом. Решили срезать между огородами и домами. Направляющим был дядя Юра, высокий и мощный. Он вел за собой тетю Лизу. Далее спешили сестры. Глаза привыкли к темноте, и Женя видел их спины. Сам он держался за руку мамы и быстро переступал, всякий раз боясь вляпаться или в грязь, или в коровью лепешку.

Ноги казались чужими. И он все больше верил, что ошибся с кроссовками. Эти были не такими легкими, пружинящими и послушными, как его, и больше по размеру, и разболтаннее. Но сказать маме не решался – вдруг ему всего лишь кажется. А они вернутся и не найдут там никаких других. Потому что и не было там таких же, ведь он осмотрел все – стал бы он вот так просто надевать чужие кроссовки? Зачем они ему, если его замечательные и еще новые? И с каждой минутой его сомнений они уходили все дальше, и с каждым метром его признание разозлило бы маму сильнее. Потому он уговаривал себя, что глупости это все, и кроссовки те самые.

Во все дни, проведенные в деревне, обычные и невероятные, Женя в это время уже спал или засыпал. Теперь же он с удивлением осознал, насколько здешняя ночь отличается от городской. словно свету в ней взяться неоткуда. Фонари мелкими желтоватыми точками где-то далеко. Окна домов черны и стерегут сон хозяев. А неба вообще нет.

Женек мотал головой, смотрел под ноги и снова вверх. Когда над городом нет звезд, значит, город укрыт пеленой туч,

наэлектризованной его огнями, серебрящейся. А кто здесь загасил самые старые гирлянды? Есть ли и там, в густой черноте, распростертый навес из туч, гадал Женя. И если света нет, то как он видит мамину руку, и вытоптанную черноту тропы, и очертания трав по краям, и мелькающую впереди лишенную цвета Олину юбку?

Ему подумалось вдруг, что это Черный Мяук, огромный и угольно мрачный, закрыл весь небосвод, изогнувшись дугой. Лишил глаз, но сам видит всех, чует каждого. И всякого, кто его не погладит, заберет во тьму.

Мама остановилась. Женек пригляделся: сестры перелезли через забор. Неужели так действительно быстрее, дивился он, и куда им еще залезть? Ограда была невысокая, как раз с его рост, из трех горизонтальных бревнышек. Юбка Оли перемахнула через верхнее, и мама отпустила его руку и забралась следом. Забор скрипнул, и она спрыгнула с другой стороны.

– Давай осторожно, – позвала она. – Хватайся руками сверху и переставляй ноги. Не спеши.

Но Женек не стал карабкаться. Пригнулся и просто пролез между двумя балками, перешагнув нижнюю. Он был щупленький, но догадливый.

– Ну, можно и так. Пошли, – мама протянула руку.

Они прошли два шага, когда забор позади будто бы скрипнул. Словно кто-то еще пошел с ними, но они про него забыли. Может, Артем, он жил на той же улице. Или это не спит

Витька-пьяница, ищет, кому бы морду начистить.

Женя обернулся.

На верхней балке сидел кот.

Женька замер. Сжал мамину кисть. Дыхание перехватило, а ноги и вовсе исчезли. Кот смотрел им вслед. Женек знал это, потому что видел его горящий золотыми полумесяцами взгляд. Зверь был неподвижно черным в ночи, но контур его серебрился.

Мелькнула мысль, и Женя запрокинул голову. Тучи. Все-таки они припрятали звезды. Но луна матовым мерцанием пробивалась.

Мама потянула за руку. Он опустил взгляд.

Кот исчез. А через несколько шагов и забор.

Нестерпимо захотелось в дом. Скорее. В постель. Женек зашагал быстрее. Сестры тоже исчезли где-то впереди. Нога хлопнула по грязи. Надо их догнать. Споткнулся о кочку. Но хода не сбавил. Теперь уже он тянул маму.

– Оль, осторожнее, там лужа, – долетел Ларисин голос.

Через несколько метров послышался Катин:

– А! Держите меня!

Еще через несколько метров он увидел. Не сестер. Забор. Снова.

Три бревнышка, два столбика.

И один кот.

Сердце остановилось, спряталось. Ноги забыли, как идти. После всех ужасных событий, пережитых и оставленных по-

зади, Женя не представлял, что страх вновь парализует его. Не двигаясь с места, он вгляделся: казалось, кот сидит спиной. Казалось, и забор все тот же. И никуда они не ушли. Наоборот, вернулись.

Но тут он различил дальше за забором два дома, и узкий проулок между ними, и свет фонаря в его конце.

Мама вновь потащила его за собой. Нет, это другой забор, второй. Ноги оттаяли. Но он все равно упирался.

– Женя, хватит! – взмолилась мама. – Ты чего такой? Так мы никогда не дойдем.

Он посмотрел на нее. Но не нашел, что сказать. Неуверенно зашагал, уставившись под ноги.

Наконец, мама отпустила его руку. Проскрипел забор.

– Ну что, опять пролезешь? – спросила она с той стороны. Будто бы весело.

Женек поднял взгляд от земли. И отшатнулся.

Три пары огненных глаз изучали его. Он узнал одного рыжего. Второй действительно был черен, как ночь. Третий, восседавший на столбике, казался иссиня-серым.

Женя кинулся бы прочь, назад. Если бы не знал, что там тот же забор. Там то же самое.

Чего им нужно? Он же не обижал кошек... Но почему-то не нравился Мяуку. Коты сидели смирно, но глаз не отводили.

– Ну чего ты встал? – простонала мама.

– Они мешают, – выдавил Женек.

– Что? Бревна? Ну так перелезь тогда. Иди, помогу. – Она протянула руку. Прямо к шерстке рыжего. Но ничего не случилось: она не почувствовала, кот не шелохнулся.

Женя сообразил вдруг. Ужасно обрадовался. И рванул в сторону – перебраться через другое место.

– Да стой ты, боже мой! – вскрикнула мама. – Так, всё! Хватит! Считаю до трех и ухожу.

И отвернулась.

– Раз.

Он разозлился. Скрипнул зубами, сжал кулаки и согнулся. Влез между балками. Ноги предательски подрагивали.

– Два.

Забор заскрипел, мерзко замыкал. Женя не смотрел вверх, но видел, как коты забегали по бревнышку, царапая когтями дерево, как тянулись лапами, как готовились напрыгнуть. Он не смотрел вверх, но чувствовал, как и чуял вновь запах опаленной шерсти.

Чужая кроссовка подвела, застряла. Он судорожно вертел ногой. Три-четыре секунды, но казалось минуту. Наконец вырвался, упал коленом в грязь. Только поднялся, еще не разогнулся, как в спину ударили лапы. И кожу царапнули когти.

Женек вскрикнул – даже не от боли, поганый страх заставил – и бросился прочь. Со всех ног. Без оглядки на мамин голос. Пролетел между домами. Выскочил на широкую улицу. На свою улицу – вот три ивы в свете фонаря, значит,

там... Да, вон сестры подходят к темно-лазурным воротам. Воротам бабушкиного дома. Он устремился туда.

И жмурил глаза, тяжело дыша, и с головой укрылся одеялом, и прятал предательские слезы в подушку. Через несколько звенящих мгновений.

* * *

– Откуда у тебя эти кроссовки? – спросила вдруг женщина по имени Римма.

Женек видел ее, казалось, впервые, хотя она и сказала, что тоже была позавчера на юбилее дяди Васи. Еще она сказала, что ее девятилетний сынок Костик пропал на следующий день. И умоляющим взглядом вопрошала, тыча ребятам фото, не видели ли они его сегодня, вчера, позавчера.

Не успел Женя придумать, что ответить, как она вплотную приблизилась к нему, прислонившемуся к дереву.

– Не бойся. – На ее заплаканном лице возникла подрагивающая улыбка. – Просто, знаешь... у Костика были точно такие. И шнуровка... Вот один в один.

Они вместе, Женя и Римма, склонили головы и посмотрели на кроссовки. И в самом деле, он не умел вдевать шнурки таким узором. Затем она вздернула голову:

– Откуда они у тебя? И... – она осеклась, – и ведь шнуровка... Скажи мне, где мой сын? Ты должен знать.

Женек не стал поднимать взгляда. Закачал головой и солгал:

– Я... не знаю, простите. А к-кроссовки, они... мои.

Римма отвернулась.

– Если увидите его, прошу, умоляю, ради бога, скажите мне. Скажите ему, что я не злюсь, пускай возвращается домой.

– Конечно, тетя Римм. Конечно. Обязательно, – ответил за всех Артем.

И она пошла дальше по улице.

Они сидели у трех ив на досках, сложенных штабелем. Оля, Лариса, Артем и Катя. Женя присел тоже, пряча ноги в траве.

– Первый раз такое, – не то спросила, не то просто поделилась Оля.

Артем вздохнул и покачал головой.

– Артем? – удивилась Лариса, и глаза ее испугано расширились.

– А? – не понял он, но, взглянув на нее, кажется, сообразил. – А что? Думаете, Диман так просто про призраков детей пошутил? Может, те же деревенские байки, но и я помню один случай.

– Так, может, этот мальчик, Костик, там, – встрял Женек. Мгновенно перед глазами ожил Лисенок, скулящий и одинокий.

– Где? – спросили Оля и Лариса.

– Да в Кошачьем доме, ну, – вякнула Катя, мол, ясно же.

– Которого нет, – сказала свое взрослое слово Оля.

Артем открыл было рот, но она глянула на него сурово. Лариса даже улыбнулась. Но Катька не сдавалась:

– Арте-е-ем? – протянула мило и уставилась с надеждой.

– Ну, вообще... – начал он и тут же получил в бок локтем от Оли, однако продолжил: – Деревенские считают каждый сгоревший дом Кошачьим.

– Как это? – не понял Женек.

– Ну, по легенде как? Дом, в котором жили кошки, сжег человек, так? Поэтому, когда сгорает дом, в котором живут люди, особенно если кто-то... того, деревенские считают это вроде мести, – пояснил Артем. – То есть как бы «был ваш дом, людишки, а теперь будет наш». Как охотник...

– Да ясно, – оборвала его Катька.

– Но почему Костик? Он, что котов обижал? – не унимался Женя, будто кто-то из них знал и дружил с этим мальчиком.

– Может, и обижал, – ответил Артем и запрокинул голову, уставившись на подрагивающие на ветру ветви ивы. – Но, вообще, тетя Римма с ним поселилась в деревне, кажется, три года назад. Они приехали откуда-то из Татарстана или Мордовии.

– И что? – вякнула Катя, дернув плечами. А Женек догадался сразу.

– Охотник тоже приехал из чужих краев, – отозвался Артем, не опуская взгляда.

– Вы сейчас серьезно это обсуждаете? – возмутилась

Оля. – Мы не в кино, очнитесь.

Артем посмотрел на нее, не скрывая улыбки. Сестра не устояла, лицо ее разгладилось, и уголки губ дрогнули.

– А вдруг? – вставила Лариска, изобразив удивление.

– И какой дом тут сгорел последний? – вмешался вдруг Женя и сам испугался вопроса. – Который на Садовой?

– Я слышал, еще в Яниково рядом горел дом, – отозвался Артем. – Дней пять назад.

А затем они дружно обернулись.

Свернув внезапно с колеи, в паре метров от них затормозила «девятка». Рыже-ржавая в пятнах разных оттенков, местами потертая и расцарапанная. Тоха-на-девятке. Лис. Не станет же он сейчас... Женя огляделся, проверяя, что по-прежнему не один.

Непроницаемая чернота тонированных стекол некоторое время всматривалась в ребят, которые замерли в ожидании. Наконец дверца со стороны пассажира распахнулась, и из салона выглянул Дима. В майке-безрукавке, старых камуфляжных штанах, в черных кожаных перчатках и со странной красно-оранжевой повязкой на голове через лоб. Довольный, но с легкой серостью под глазами.

– Кто с нами? – спросил он.

– Куда это? – удивился Артем.

– Кошек мочить, – Дима сжал кулаки.

– Что? – выдохнули дружно Лариса и Оля, брови их подскочили. Они переглянулись.

Даже Катя пораженная раскрыла рот.

– Ты что с ума сошел?! – возмутилась вдруг Лариса. – За чем их трогать? Это же... они просто...

– Просто хитрые очень, – перебил Блондин. – Притворяются добрыми и пушистыми, а на самом деле, охотятся на нас. Всё мстят.

«Он понимает вообще, как его слова подходят к нему самому», – мелькнуло у Женька.

– Точно поехал, – негодуяще крутанула пальцем у виска Лариса. Тут же встала и пошла к дому. Проходя мимо Димы, бросила: – Ты живодер, оказывается.

«А я всегда знал! И даже пытался вам сказать, а вы...» – хотелось высказать все сестрам.

– Это вы Костику скажите, – усмехнулся Блондин. – Ну что, есть желающие?

– Диман, мы ведь и сами можем его поискать, – вступил Артем. – Вместе. Зачем ты... Слушай, не связывайся, а, с Тохой, ты же знаешь... – последнее он произнес вполголоса.

Дима, разумеется, знал. Как обмолвился сам Тоха, его знают все. Сразу после яблочной перестрелки, на кухне за распитием чая, Коля и Митя рассказали Женьку, что слышали о его мучителе.

Никто никогда не видел его лицо, потому что он всегда носит маску. Кто-то говорит, что всякий раз разную, кто-то настаивает, что исключительно лисьи, которых у него целая коллекция. Раньше находились люди, болтавшие, что видели

Тохино лицо и якобы оно изуродовано алыми рубцами. Но это раньше. Когда у них исчезало по пальцу, Тохино лицо они забывали.

Отец постоянно его попрекал в неуклюжести и бестолковости, мол, тебе бы еще по пальцу на каждую руку – может, научился бы молоток держать. И Тоха отрезал ему все пальцы и теперь у него их шесть на каждой руке, и он их периодически меняет. Ходит такая легенда. Хотя в то же время говорят, что отца у него никогда не было.

Поговаривают, что он живет в этой своей тачке, от других слышно – что в доме со своей старой бабушкой в соседней деревне, третьи, из соседней деревни, болтают, что с дедушкой, но уже в этой деревне.

Но все сходятся в том, что ничего хорошего от него ждать не стоит, что он хулиган, уголовник, поджигатель и едва ли не убийца.

– Что знаю? Что он что? – возразил Дима. – Он-то точно не испугается и не станет жалеть этих мяукалок.

Повисло молчание. Стало слышно музыку в салоне. Может, Тоха сделал громче. Что оркестровое с хоровым пением. Оля выжидающе смотрела на Артема. Женя с Катей бегали глазами с Димы на него и обратно.

– Ясно все с вами, – отмахнулся Блондин, взялся за дверцу.

Хотел еще что-то добавить, но из-за спины его выскочила огромная шестипалая кисть, схватила за футболку и потяну-

ла в салон. Он пригнулся и опустился в кресло. В краткий миг перед закрытием двери Женек увидел рыжий мех чехла на сидении. Тоху не разглядел. «Девятка» заревела по-звериному и сорвалась с места.

Встала Оля.

– За ними не следить. С кошками не связываться, – наказала Жене и Кате и побежала за Ларисой.

Втроем они посидели молча. Мимо, в обратную сторону, прошла тетя Римма, сникшая, не разбирающая дороги. Женек вспомнил про Костика, представил его вдруг, запертого в Кошачьем доме, одного и беспомощного. Вспомнил про кроссовки. Его кроссовки. Женя так и не понял, был ли он на юбилее с тетей Риммой. Но избавиться от мысли, что именно с ним он обменялся кроссовками, а может, походкой или даже судьбой, никак не мог.

Он слез с досок. Сбежать к дому дяди Васи и поискать свои кроссовки – так он решил. Но вслух сказал:

– Схожу-ка к Мишке, поспрашиваю...

– Надеюсь, не о заброшенных домах? – грозно уточнил Артем.

– Да нет. – Женька отошел на пару шагов, заметил вдруг – аж живот свело, – как Катька глазеет на его ноги. – Спрошу еще что-нибудь про Кошачьего Бога и Охотника.

Артем взметнул руки и покачал головой:

– Зачем, а? Ну зачем?

Катя тоже спрыгнула на землю:

– Не бойсь, мы вдвоем.

Артем тут же поднялся, и она спешно отскочила к Жене.

– Не стоит вам соваться в деревенские дела, – как-то печально предостерег Артем.

И осторожно шагнул к ним. Они сорвались с места.

– Мы только чуточку! – крикнула Катя, убегая.

На подходе к дому Катька все-таки спросила:

– Это что не твои кроссовки?

Женя как вдохнул, так и не выдохнул. Сглотнул тяжело. Мысли метались в голове. Он тряхнул ею, разозлился и выпалил:

– Да. Да, я ошибся. Случайно, – признался, и стало легче. – Было темно, вы меня торопили, и только эти были как мои. Других не было, или... я не увидел.

Они свернули к воротам дома.

– И что, это Костика кроссовки? – тише обычного спросила сестра.

– Да не знаю я! – отрезал Женек. А у самого голос едва не дрожал.

Они вошли во двор. Направились к крылечку. Из конуры выбежал Зверь и залаял на них. Женька перепрыгнул обе ступеньки и залетел на крыльцо. Катя же осталась поболтать с четвероногим сторожем. В отличие от него она как-то понимала, когда собаки радуются, а когда злятся.

Обуви на коврике почти не было. Пара галош и тапочки.

Дома, похоже, никто не сидел. Женя осмотрел внимательнее, заглянул под ступеньки. Кроссовок не нашел. Подумал провернуть и в сенях, взялся за дверь, но услышал:

– А, это вы, дети! В гости?

Во двор из сада вышла тетя Сирень.

– Мы спросить просто, тетя Сирень, здравствуйте, – приветствовала ее Катя.

Женек захотел ее треснуть. Не собирался он ничего спрашивать!

– Да? А что случилось? – улыбнулась тетушка.

Катя повернулась к Жене, вместе с ней и тетя Сирень. Он судорожно выдумывал какой-то вопрос.

– Так что стряслось-то? – послышалась тревога в голосе тетушки.

Женек плюнул – может, так даже лучше:

– Просто это... Вы не находили после юбилея оставленные кроссовки здесь?

– Кроссовки? – задумалась тетя Сирень.

– Ага, маленькие, синие, с белыми полосками по бокам. Как эти, – он вытянул ногу. – Только поновее.

– Да нет вроде бы. Не помню, чтобы чья-то обувь осталась, – она слегка пожала плечами. – И кроссовок... не находили. Все разошлись по домам, не мог же кто-то босиком уйти.

Тетушка рассмеялась.

– Ага, точно, – довольно прыснула Катя.

– А что? Ты оставил, что ли, кроссовки? – уже без смеха спросила тетя. – Потерял?

– Кажись, – протянул Женя.

– А это?.. – указала она на его ноги.

– Это мои старые. Запасные, – соврал он и отвел взгляд. –

Ну... ладно тогда.

Спустился с крыльца.

– Не знаю, Жень, я не находила. – Тетушка, наоборот, шагнула к крыльцу. – Может, Вася нашел. Хотя он бы мне сказал. Или дети, может.

– Ничего, тетя Сирень, мы еще поищем, – махнула Катька и попятилась к воротам.

– Я у них спрошу тогда. Про кроссовки. Если что вдруг, вам потом передам, – пообещала она.

– Да? Спасибо, хорошо, – закивал Женек. – До свидания.

И пошел следом за сестрой.

Сразу за воротами они наткнулись на Мишу.

– О, какие люди! – обрадовался он. – Что, хотели снова «Король Лев» посмотреть? В... четвертый раз? – И подмигнул.

– Как – в четвертый? – не поняла Катя, потом посмотрела на Женю: – Вы, что без меня смотрели?

Он нетерпеливо замотал головой. Ага, конечно, ну, не мог Миша не напоминать про перемотку, его новый любимый прикол.

– Миш, мы просто... зашли воды попить, – придумал он.

– Ну, ясно, – кивнул брат и взялся за ручку двери.

Катя двинулась с места. Женя помедлил и все же спросил:

– Миш, ты не знаешь, почему Дима... ненавидит кошек?

– Тоже звал на охоту? – усмехнулся он.

– Ну.

– Он не ненавидит кошек. На самом деле, Дима их боится, – довольно улыбнулся Миша.

– Серьезно?

– Забыл, как он подпрыгнул тогда и смотался? – рассмеялся Мишка. – Ты не знаешь, но раньше, наверно, каждый раз, когда мы вспоминали эту легенду, он повторял, мол, никакие кошки не умные и не опасные, и хвалился, как в детстве с палкой гонялся по двору за своими котами, хвосты им поджигал и так далее.

Он сделал паузу.

– И? – спросила Катя.

– Коты у него были оба рыжие. Вот он и подскочил с испугу, когда к нам заявились два рыжика, – хохотнул Миша. – Боится он их, поэтому, может, и ненавидит.

– «Были»? Ты сказал. То есть?.. – Катя не договорила.

– Не знаю, может, сбежали, может, умерли... сами то есть.

– Всегда знал, что он урод, – не сдержался Женька.

– Так ты что, значит, «Короля Льва» без меня смотрел?

– Нет, конечно. Мишка прикалывается просто.

Сразу домой они не пошли. Решили заглянуть в мага-

зин, чтобы взять себе по мороженому. Придумала это Катя, Женьку же казалось, что ему кусок в горло не полезет. Как из-за истории с Костиком, так и от того, что мороженое и магазин напомнили ему, как они с Марусей лакомились пломбирами.

С того дня он ее не видел. Шел четвертый день, но в тайнике Почтовой Осины ответа от нее по-прежнему не было. Это печалило – неужели снова обиделась? – и, что хуже, это и тревожило. Возможно, потому он все же пошел с сестрой, слабо надеясь, что, может быть, мороженое все-таки поднимет ему настроение хоть чуточку.

Магазин, один единственный, располагался на въезде в деревню. И топали к нему они по улице, параллельной той, где жили сами, но такой же широкой и земляной. И только Женя подумал, как она пустынна и молчалива, как услышал позади звук мотора.

Что-то подсказывало обернуться, проверить. Пробежало неприятными иголками по спине и сковало. Но он лишь отошел от края колеи. Они никому не мешают, пускай проезжает. Тут же мелькнула мысль – вдруг Костик тоже так думал?

Женек посмотрел, далеко ли еще магазин. Тот был где-то там за деревьями, в конце улицы. Этой мертвой, безлюдной, будто бы заброшенной улицы. Нет, магазин не спасет, вспыхнуло в голове. И он сам же испугался: «От чего?! От чего они должны спастись?!»

Он знал. Уже знал – металлическое рычание сзади при-

ближалось. Подкрадывалось хищником.

Шея напряглась. А ноги, казалось, сделались еще короче. Женя обернулся. Всем телом, как деревянная игрушка. И как пугало на деревяшке, замер.

«Девятка» ползла рыжим, каким-то инородным в коричнево-зеленом мире монстром. Глядела чернотой.

Когда и Катя остановилась, обернувшись, «девятка» притормозила метрах в пятидесяти. Словно и не думала притворяться, что катит по своим делам. Словно говорила, хрипло посмеиваясь: «Вы и есть мои дела. Мои желания. Моя добыча».

– Чего он встал? – спросила сестра, приложив руку ко лбу как козырек. Женя щурился. И видел в расплавленной смоли лобового стекла и тянущиеся к нему кожаные перчатки Димы, и поигрывающую шестью пальцами на руле обожженную кисть.

Только Катя спросила, как «девятка» тронулась с места. Тихо и непривычно молчаливо. Аккуратно по колее. Женек огляделся.

Воздух вокруг застыл. Застыл и белесый дым, клубящийся из печных труб. И ворота не скрипели дверцами. И петухи вдруг онемели. Исчезли люди, исчез ветер. Деревья застыли, притворившись нарисованными, не шевеля и листочком. Только ржавый монстр неумолимо рос и рос, приближаясь.

Они попятились. Двадцать метров до них. «И чего он не проедет уже?! Гони, ну! Гони мимо, оставь нас! Мы просто

хотим мороженого», – взмолился Женя. Заныло в груди, в горле пересохло.

Поэтому вопль вырвался с каким-то скрежетом. Женек вскричал, подскочил – с диким ревом «девятка» рванула на них. Все засвистело, заколотилось. Он метнулся в сторону. Только через несколько метров сообразил – сестра бросилась в другую. К ближайшему дому.

Пожирая облако пыли, монстр кинулся по дуге по Жениным следам. Он устремился прочь, не разбирая дороги. Орал сестре, не оглядываясь:

– Зови кого-нибудь!! Беги за помощью!!

Бежал по улице, пока не обругал себя – надо сматывать-ся с нее! «Девятка» рычала позади. Повизгивала на кочках, что больше походило на безумный смех. И мысль тут же терялась, оставался лишь крик и плач. И жжение под ребрами. И лоб в поту.

Бросился между деревьями. Монстр проскрежетал, взвыл. Еще одна царапина. Новый шрам. Но зверь под капотом не смолк, а хищно взревел.

Женя уже чувствовал хруст костей и вой тела – еще секунда, и ржавая махина запрыгнет на него. Поясницей ощущал кувалду бамбера, кожей – когти колес. Сейчас раздавит, растерзает.

Кроссовки готовы были слететь. Дрянные, предательские. Или это он порывался выпрыгнуть из них. Лишь бы не споткнуться. Лишь бы рвануть еще быстрее.

Метнулся в проулок меж домов. Увидел поодаль знакомую тропку. Да! Перемахнуть через забор – и спасение!

Ржавый монстр позади стих. Женя стрельнул взглядом за спину. «Девятка» занимала почти всю ширину проулка. И теперь, сдерживая рык, подкрадывалась.словно ее добыча уже в ловушке.

Женек кинулся к забору. И опешил, замер.

Бревнышки потрескивали, охваченные пламенем. Его жар долетел до лица, и без того мокрого. И запах долетел. Все та же вонь горелых шкур.

Женя тяжело дышал, с болью. Сердце безумно колотилось, отдавая в голову. На пылающих балках сидели неподвижно коты. И горели. Черные, с рыжими языками пламени, блуждающими по ним. И глаза их сочились чернилами.

Со спины донесся рев. Женек дернулся, шагнул неуверенно к чернеющему забору. И в этот миг коты заголосили. Дико, всем нутром, хрипя на разрыв. Уши пронзила боль. Он отпрянул. Отвернулся.

«Девятка» в трех метрах замерла перед прыжком. И он заметался на месте. Не веря, что это взаправду. Слишком. Чересчур. Нереально.

«Девятка» рванула. Взгляд поймал дверь в стене дома. Женя метнулся к ней.

Старая, серая. И незапертая. Распахнул ее и влетел внутрь.

Бросился во тьму. Спотыкаясь и ударяясь о нечто, скры-

вающееся в ней. Вытянутыми руками уперся в стену. И на ощупь опустился, вжался в угол.

Зажмурил глаза и замер. Подрагивал, судорожно вдыхая. Глотал соленые сопли, слезы и горькие всхлипы. И ждал с растерзанным сердцем. И молился.

Это не по-настоящему, это не по-настоящему, нереально...

* * *

В какой-то момент, когда его клокочущие рыдания стихли, и сердце уже не гроыхало на всю комнату, Женя понял, что про него забыли. И ржавый монстр, и шестипалый Тоха, и коты, посланники Черного Мяука. Хотя они-то могли спокойно сидеть тут же рядом.

Женек открыл глаза, отвернулся от угла. Все так же темно было вокруг. Он забрался, похоже, в сарай или пристройку. Без окон и заставленную хламом. Где-то там дверь. Почему-то глаза не привыкли к темноте.

Он вытянулся в полный рост. И поежился. Футболка была мокрая и холодная. Мерзкая. Он отлепил ее от тела, выставил руки перед собой, распахнул глаза. Шагнул.

Затем снова. Три шага, четыре. В черноте, казалось, полной всего угодно, уже не было тех углов, тех преград, торчащих и валяющихся под ногами вещей. И тем не менее ощущение тесноты не отпускало.

А на пятый шаг Женя вдруг ощутил, как разом стал ужас-

но маленьким. Как муравей, за которым следит тот, кто может раздавить его в любую секунду. И в тот же миг почувствовал взгляд этого некто. Он был здесь. Занимал весь угол. Тот, самый черный. Настолько черный, что там и угла уже нет. А одна безграничная, уходящая в ночь мгла.

Сердце сжалось. Сжался и он сам. И, как пружина, рванул. В один миг – два шага. И голос в голове: «Сожги дом!»

Он врзался в стену. Тьма позади дернулась. Так показало.

Пошел вдоль стены, толкая, упираясь. Искал дверь, она открывалась наружу.

И снова голос: «Сожги дом, чужак!»

Спина – в ледяных иглах, каждый укол как предчувствие удара, вонзающегося с болью. Лишь царапины, что не зажили еще с той ночи, пылали огнем. Затылок вздыбился волосами. И ими же ощущал, как голос поднимается от шеи мурашками и втекает внутрь.

«Освободи нас! Сожги дом! Твой огонь с нами, чужак!»

Тьма позади двигалась. Подступала вихрем. Слабым, но огромным. Женек же становился все крохотней.

Сухое, скрипучее дерево не поддавалось. Ладони покрывала пыль и облепила паутина. Припав к стене, он судорожно пробирался вдоль. Буквально полз по ней.

Что мягкое и пушистое скользнуло по коже голени. И обожгло. Женя завопил всем нутром. Стал биться в стену с силой, через боль. Шаг в бок – удар, еще шаг – удар. Ноги

горели. Крик все рвался наружу.

И только в голове родилось – «Я сожгу дом», – как дерево поддалось. Дверь отскочила. Женек споткнулся о порог. Потянулся ухватиться за косяк, но упал на спину. И онемел.

Свет проник было внутрь. Но уперся в густоту тьмы. В черноту кошачьей шерсти. Все пространство пристройки занимал огромный угольно-черный кот.

Не было стен, не было потолка. Только большой мрачный, как смоль, кот сидел, пригнув голову, неподвижно. Лишь хвост его извивался змеей у лап. Черный Мяук взирал на Женю пустыми глазницами, истекающими чернилами, как кровью. И видел его насквозь. Его страх, его слабость и его восторг.

На долю секунды Женек действительно ощутил восторг от осознания, что мир в самом деле не так скучен. Что нет, его нельзя просто объяснить занудными словами занудных взрослых. Что да, в нем есть место тайнам и загадкам, кошмарным и ужасным. И что, конечно, никакие не глупости – он всегда это знал – выдумывали они с Катей постоянно.

Это была лишь искра, мгновение.

А в следующий миг он, не помня себя, уже отползал прочь. Но глаз отвести был не в силах. Черный Мяук склонил голову ниже, к самой двери. И в бездне его глазниц Женя увидел рыжее солнце – зрачок, окруженное играющим всеми оттенками радуги ободком.

Затем дверца ожила и с протяжным, полным боли коша-

чьим воплем закрылась.

И только тогда он понял, что лежит не на земле, а на деревянном полу. И что вокруг стены и потолок. И было еще какое-то смутное знание: некоторое время оно брезжило неясным ощущением, пока не прошелестело вдруг в голове. Это был Русин взгляд, взгляд того глаза под повязкой, которого он ни разу не видел, однако сейчас почему-то был уверен, что она скрывала под вышивкой именно солнце и именно радугу. И взгляд этот в глубине чужих глазниц резанул по сердцу.

Наконец Женек поднялся на ноги. Присмотрелся. И узнал.

Это были сени в бабушкином доме. Но лишённые красок – дерево со всех сторон хмуро серело золой. В тишине вдруг прозвучало: «Я сожгу дом». То ли в комнате, то ли в голове. «Я сожгу дом».

И зола на стенах вмиг завихрилась, ожила. И поползла вверх. Потолок вбирал ее в себя, чернел, превращаясь в бездну. А затем смоль потекла над головой к двери. Той, что вела на кухню.

Дверь дрогнула и медленно отворилась. С хриплым мяу-каньем. Смоляные тени просочились внутрь. Женя последовал за ними. Забрался на высокий и широкий порог и шагнул в кухню.

И вновь все было знакомо. И диван, и стол, и часы с ходиками, и большая, на полкухни, печь. Она единственная свет-

лела белым посреди темно-серых стен и пола.

Женя прошептал: «Я сожгу дом».

Ему не было страшно. И не было мыслей. Будто эта сестра покрывала и его. И кожу – он взглянул на руки, они чернели золой. И то, кем он был внутри.

Внезапно смоль с потолка полилась на печь, густая, змеящаяся. Покрыла ее сверху донизу, впиталась и просочилась. И все замерло. Повисла громогласная тишина. А затем очаг внутри вспыхнул. Он взревел, затрещал, зашипел.

И стены вдруг задрожали от дикого многоголосого и беспорядочного кошачьего хора. И кухню заполнила удушающая вонь горелой шерсти. Женя уставился в печной зев.

В горниле пылал Черный Мяук. Теперь он не глазел неподвижно. Охваченный пламенем метался, рождая огненную бурю. Она нарастала, набирала силу, гремя и обжигая. В один момент Мяук смахнул хвостом горящий уголек. Тот отлетел на шесток.

Подрагивающий рыже-алый танец огня завораживал. Женька не мог отвести взгляда. В нем было столько живого цвета, когда вокруг все застыло мертвенно-серым. И столько – в таком крохотном – жила силы и жажды обратить в цвет это все.

Горнило бушевало, обдавая жаром. Зверинные вопли звучали в голове неожиданно ясно: «Освободи нас! Освободи нас! Мы заперты в твоём доме, чужак».

Женя потянулся к теплу. С пальцев осыпалась зола, кожа

зарумянилась. Голоса направляли. Буря звала. Он не слышал себя. Не слышал сердца.

Пальцы подцепили уголек. Зола слетела с рук, и вены засияли алым. Раскаленное тепло потекло по рукам, через плечи в грудь. Женя ощутил внутри огромную силу. И ощутил следом, как она, чужая и безумная, берет над ним верх.

Буря вырвалась с ревом из горнила. Заметалась вихрем на шестке, и в его окошко высунулась голова Черного Мяука, обугленная, с пляшущими огоньками. В бездонных глазницах – по рыжему угольку. Челюсти обнажились в довольном оскале.

«Твой огонь тебе в сто крат», – прошелестело пламя.

И пальцы вспыхнули.

Женя завопил от боли, жуткой, нестерпимой, которой не чувствовал до этого. Боль перекрыл лишь испуг. Он увидел конец. Конец сказки, конец страшилки. И это был его конец.

Но ведь он даже еще не... целовался. Он не научился плавать, не отчеканил на одной ноге сотню, не извинился перед друзьями, не прочитал и трети книг на лето... И много чего «еще не»...

«Я сожгу дом!» – вспомнил он. И вновь испуг перекрыл боль.

Не только его этот конец, осознал он, но и *всего*, что у него есть. Он сожжет это *всё*. И сожжет *всех, кого любит*.

И он зажал уголек в кулаке. Закричал. Тут же стиснул зубы, но не разжал кулак. Как огонь ни жег, как ни рвался на-

ружу. Вскрикнул опять. Зарыдал. Обхватил кулак другой рукой. Каждая клетка тела горела, кровь кипела, слезы шипели и обращались в пар. В глазах потемнело. Он не видел ничего, кроме рук.

Наконец и пламя скрылось в кулаке. Исчезло, погасло. Женя почувствовал, как крошится внутри уголек. Скрежеща зубами, он растер его в кулаке. Затем раскрыл его и высыпал золу. Мертвую и бессильную.

И тут Черный Мяук лизнул его. От груди до лица. И огонь вспыхнул снова. Сразу, вмиг. И сразу весь Женя запылал. Не осталось ничего, кроме боли. А затем не осталось ничего.

Он кричал. Кричал долго. И плакал. В той же черноте. Но больше не был один.

Едва пришел в себя, мокрый до нитки, едва различил лицо дяди Юры и голос Кати, тут же закричал:

– Я сжег дом! Наш дом! Бегите! Бегите! Надо тушить! Быстрее тушить! Там огонь!

Дядя опрокинул ведро, что держал в руках. И остатки холодной воды ударили Жене в лицо. Он понял, отчего такой мокрый, увидел, что лежит на полу в углу той пристройки. Посмотрел в глаза дяде и произнес твердо:

– Дядя Юра, поверьте, прошу. Бегите обратно. Там ведь все. Мама, бабушка, дед. Там огонь. Скорее. Надо тушить.

И дядя Юра испугался. Значит, поверил. И тут же вылетел в дверь.

Женя прикрыл глаза. И прислушивался к сердцу. Оно отстукивало ему жизнь. Он все еще был жив.

– Знаешь... – прошептала вдруг Катя. – Ты горел.

Женек приподнялся. Однако от боли во всем теле откинулся обратно. Но то, что одежды на нем почти не осталось, заметить успел.

– Да?

– Ага, – произнесла она испуганно, словно припомнила эту картину.

А затем добавила уже просто, как если бы они шли домой и лизали купленное все-таки мороженное:

– Прямо как Жанна Д'арк, помнишь, фильм смотрели.

Смертельная битва

– Пожар!! Пожар!! – донеслось с улицы.

Кричали дети. Совсем не испуганно, звонкими голосами они звали поглазеть. Вслед за удаляющимися голосами слышался топот ног.

– Господи, что же это такое? – захохала бабушка в зале. И, шоркая тапочками, кажется, подошла к окошку на улицу.

Женя приподнялся на кровати, куда его уложили мама и дядя Юра. Тетя Лиза побежала в магазин, взять что-то от ожогов. Хотя Женьку казалось, что огонь его почти не задел. С Катей они прошли больше половины пути домой, прежде чем наткнулись на Юру и маму, спешащих к ним. Дальше дядя Юра-Великан понес его на своих огромных руках, пускай Женек и не испытал к тому времени сильных болей.

– Ох, видать, в самом деле, – причитала бабуля. – Кто же это горит?

Катька отошла от постели и тоже выглянула на улицу.

– Эй! Нужна помощь! Скорее! Мужики? – в этот раз кричали взрослые.

Новый пожар? Удивительное совпадение. Не прошло и получаса, как бабушка своими силами потушила огонь, вспыхнувший на кухне, и вот – снова где-то полыхает. Пламя совершенно неожиданно вырвалось из жерла печи на пол, охватило коврик и покусало половицы. Мария сумела залить

его водой, подготовленной для жаркого, а подоспевший Юра закрыл печкин зев заслонкой.

– Что же это творится? – распереживалась она. – Юр, куда ты?

Женя не расслышал, что ответил дядя Юра, видимо, уже в дверях.

– Только осторожно! – крикнула ему вслед Мария.

Спустя пару минут Катька усмехнулась:

– Дядя Юра с ведрами побежал. Соседи напротив тоже.

Женек присел в кровати, пока мама не видит. Сильнее всего болела ладонь, в самом ее центре продолжала наливаться красным пылающая звезда. Мама дала ему сжимать в руке пакет с замороженными ягодами из морозилки. А небольшие алые и розовые участки на груди и животе смазала холодной сметаной, которая, правда, уже нагрелась. Эти огненные поцелуйчики ощутимо болели только при резких движениях и трении. Он приподнялся, пытаясь глянуть над плечом сестры.

– Аня, позови Лешу и Гришу, пускай тоже бегут! Давай-давай, людей не хватает! – слышалось еще через несколько минут.

– Мамуль, я тоже, наверно... Надо же помочь, – сказала встревожено мама бабушке.

– Лен, Лена! Не надо, останься! Найдутся люди, – попробовала уговорить та.

– Не надо если, посмотрю просто и вернусь, мам. Я быст-

ро. – Затем мама заскочила в комнату. – Сметану давайте по новой. Кать, намажь, в холодильнике возьми. Я скоро.

И она ушла.

– И где, интересно, Оля с Ларисой? – обронила Катька, направляясь на кухню. – Тоже глазают, по-любому.

Женя потянулся за полотенцем, которое висело на спинке кровати. Кожа под лопаткой натянулась, и боль резанула. Полотенцем он стал легонько вытирать подсыхающую сметану. Пока спешили домой, пока укладывали на кровать и смазывали «поцелуйчики» сметаной, во всей этой суматохе ни мама, ни бабушка так и не спросили, как так вышло, что он горел. Но он догадывался, что допроса ему не избежать, и даже обдумывал, не рассказать ли все, все, все.

Больше минуты криков с улицы не долетало, зато донесся слабый запах гари. Женек бросил взгляд в окно – дыма не заметил, поймал лишь макушки промчавшихся мимо пацанов.

Спустя несколько секунд в зале снова раздался бабушкин голос:

– Чего вам, ребята? – После паузы она произнесла: – Ну, заходите тогда во двор.

Затем послышались ее приближающиеся шаги.

– Женя, тебя там зовут, – сообщила она с порога комнаты. – Коля и Митька прискакали.

– А? – не поверил ушам Женек.

– Иди, выгляни в окно. Скажи только, что гулять не выйдешь, – погрозила пальцем бабуля.

Коля и Митя? Зачем они прибежали? Почему?... Что такого приключилось?

На секунду Жене захотелось прикинуться, что дойти до окошка ему не под силу. Но он отбросил эту недостойную мысль, да и бабушка уже слиняла.

С неприятным волнением, перекрывшим даже боль от «поцелуйчиков», Женек проковылял до окна, выходящего во двор. От него же самого не укрылось, что, конечно, дойти он мог быстрее и легче, без этой липовой походки. На кухне Катька спрашивала у бабушки, какую сметану ей взять.

На бетонной дорожке стояли рыжий-рыжий Колька и розовухий Митька, оба казались встревоженными.

– Привет, вы чего? – спросил Женек, вытягиваясь на носочках. И голос звучал участливо и скромно.

– Жек, говорят, за тобой Тоха гнался? – спросил в ответ Коля, и на праздное любопытство это похоже не было.

– Ну, да, – произнес Женя, невольно дернув плечами.

– Он не говорил, куда хотел тебя забрать? – выдал вдруг Митька и покосился по сторонам.

– Нет, – вырвалось у Женька, потом он задумался, – не помню... А что? Это из-за пожара?

Пацаны переглянулись. Лица их стали бледнее. Уши Мити покраснели.

– Кажется, Тоха забрал Русю, – выдавил Коля, сглотнув.

Женя шлепнулся на пятки. А затем куда-то глубоко упало и сердце.

– Что?! Как? Когда?! – Все «поцелуйчики» разом вспыхнули.

– Юрики. Они нашли нас. Минут двадцать назад, – зачастил Митька, взгляд его бегал от окна в сторону улицы.

– Сказали, что видели, как Руся села в его «девятку», – подхватил Коля. – Внизу, как раз у поворота на Садовую.

– Когда? – Женек снова вскочил на носочки и, забыв про жжение, упирался ребрами в подоконник.

– Как увидели, сразу побежали за нами. Минут десять. Хорошо – пожар, искать нас не пришлось, все там, – ответил Коля. Он коротко постригся и выглядел еще старше.

– И они прям уверены? Погоди... Разве Юрики знают Русю? – голова шла кругом.

– Конечно, знают, мы вместе в футбол играли, – тут Рыж замаялся, – помнишь, тогда... на стадионе...

Женя вспомнил. Кивнул, отводя взгляд. И, кажется, покраснел.

– И потом еще... тоже играли, – договорил меж тем Коля.

– А с машиной они уве...

– Да все знают его тачку, Женек, – оборвал Митя. – Ты знаешь или нет, куда он мог ее увезти?

И тут Жене действительно стало страшно. Этот урод, этот зверь забрал Марусю! Сволочь! И что самое ужасное – он мог увезти ее куда угодно, не найти ни в жизнь! Конечно, кто-то наверняка видел, куда умчалась «девятка» и где мелькала еще, но разве кто-то сдаст, разве настучит?

А затем стало трудно дышать, пот выступил на спине – ее могли похитить из-за него! Да, из-за него ее схватили! Сегодня он не дал Мяуку то, чего тот желал. И он пожелал Русю, чтобы отомстить. Он подослал Тоху на рыжей «девятке», Тоху в лисьей маске. Все встало на свои места: Горелый Лис и Кошачий Бог, Тоха-на-девятке и Черный Мяук. Но легче от этого не было. Хотя...

– Кошачий Дом! – вырвалось у Женька. Он сообразил, что знает, где искать Русю.

Ребята, уже шагнувшие к двери, обернулись.

– Из легенды? Сгоревший дом? – удивился Коля. И тут же его лицо нахмурилось в сомнении.

– Последний сгоревший дом, – поправил его Митя. – Но тетяриммин дом еще даже не потушили. Не может Руся быть там!

– Нет, есть другой... – возразил было Женя, но кое-что отвлекло его: – Это что, дом тети Риммы горит? У которой сын Костик?

Пацаны кивнули, и Митя уже раскрыл рот. Но Женек, силой проглотив ужасную новость, закончил то, что хотел сказать:

– Есть другой дом, черный-черный, на холме. Одинокий, заброшенный. Там Кошачий Бог...

Ребята ошарашено уставились на него. Они не верили.

– Я сам видел, – признался Женя. А затем быстро рассказал им о преследовании Черного Мяука, о черном-черном

доме и о том, как сегодня Тоха загнал его именно в кошачьи лапы.

Они застыли с изумлением на лицах. Не мотали головами, не переглядывались, посмеиваясь, – уже хорошо. Женек осознал, время не ждет:

– Решайте сами, но я прямо сейчас – именно туда, – и соскользнул с подоконника.

Забежал в комнату. Натянул первую попавшуюся футболку и последние неношенные шорты. По дырке на груди понял, что надел ее задом наперед и что футболка та самая, которую он так и не сжег. Менять ничего не стал. Не было времени. Да и подкрасться незаметно все равно не выйдет – его там ждут. Мозг судорожно соображал, что может пригодиться против Лиса и Мяука. Книга? Тряпки? Ручка? В доме – ничего.

Быстрым шагом направился к чулану. На кухне столкнулся с Катькой.

– Ты куда собрался? – спросила она, держа миску со сметаной.

– В туалет, куда еще. По большому, – придумал Женя, косясь на бабушку, которая была тут же.

– Не провались только, – подколола сестра, облизывая запачканный палец, – как тогда... сквозь землю.

Женек прошел мимо. Уже взялся за ручку двери, когда Мария обронила:

– Дождя бы... Вода все исправит.

– Точно, Катюх, – оглянулся он, – действуй, наколдуй до-

жды, ты чего? Давай, залей же пожар.

Сестренка задумалась. И сбегая от ее, казалось, неминуемого «Не носи чушь», Женя вылез в сени. Прикрыв дверь, сразу шагнул к чулану. Обувь, а тем более неродные кроссовки, ему была без надобности. На улицу он не собирался. Дверца чулана, как он однажды все-таки оставил ее незапертой на крючок, так и оставалась. Никто, похоже, и не замечал.

Только приоткрыл ее на сантиметр, как раздался скрип. Донесся из-за спины. А следом – шаги. Лишь бы не мама, лишь бы не мама, взмолился Женек. Медленно обернулся, натягивая невинную улыбку.

– Мы с тобой, – прозвучало дружно. Коля и Митя стояли на пороге.

Не сказать, что Женя обрадовался. В первый миг, скорее, нахмурился – возиться с ними теперь. Но затем стало вдруг тепло, с приятным удовольствием он ощутил облегчение. Махнул им рукой – скорее, мол. Он не один, и это – внезапно – вовсе не плохо.

Они забрались в чулан. Втроем оказалось тесно.

– Погодите, – прошептал Женек и замер. Прислушиваясь, ждал, когда ощущение стен и потолка исчезнет. Дыхание ребят мешало.

У правого уха прозвучало:

– Что даль...

– Тсс! – оборвал он.

Тьма врал, что стен нет. Но желанного чувства не возникло. Тем не менее Женя протянул руку. Пусто. Сделал шаг. Пальцы врезались в дерево. Черт...

– Дед, – позвал он. – Пропусти нас.

Левое ухо уловило шепот:

– Дед?

В сенях за стенкой хлопнула дверь. Послышались шаги и голоса. Женские. Когда они приблизились, Женя узнал маму и тетю Лизу. Черт! Они вошли в кухню. Минуло уже больше пяти минут, как он отпросился в туалет.

Дед не отвечал. Пацаны теряли веру. Стоя с ними в обычном до нельзя, темном и тесном чулане, Женек и сам засомневался. А не приснилось ли ему все? Не нафантазировал ли?

– Дедушка, ты слышишь? Ты здесь? – неуверенно проговорил он.

Слова растворились в тишине. Однако в ней что-то поменялось. Она обернулась оглушающей. Ни шороха, ни скрипа. На кухне наверняка говорили, а уж о пожаре вряд ли тихо и спокойно. Но из-за стенки не доносилось ни звука. Даже дыхание ребят не долетало до ушей.

Затем тьма едва заметно шелохнулась. Вспыхнул и повис в ней огонек.

– Где ты вечно пропадаешь, дед? – выдохнув, спросил Женя.

– А куда ты постоянно лезешь? – отозвался огонек.

Ребята по бокам дернулись. Свет между тем растекся, выхватив из темноты пальто.

– Деда, пусти нас. Ты ведь знаешь куда.

– Знаю, – печально ответил он, и пламя задрожало. – Ты должен быть...

– Я помню, дедушка. Ты видишь: со мной ребята, Коля и Митя.

Огонь вспыхнул сильнее. И друзья разглядели друг друга.

– Осторожным, Жень. Будь осторожен и думай наперед, – напутствовал дед.

– Хорошо, – согласился Женек.

– Хорошо, – смирился старик.

И со знакомым ощущением тьма снесла стены, сделалась исполинской, заставляя чувствовать себя песчинкой на дне океана.

– Ну, все, вперед, пацаны, – Женя нащупал друзей и подтолкнул.

– Куда? – выдавил Митя.

– Прямо, а там видно будет.

– Тихо, тихо, герои, – осадил дед. И пальто, всколыхнувшись, перелетело в левый угол. Пламя осветило черенки разной длины и толщины. – А как же оружие?

Парни завозились, перебирая и вглядываясь, что на конце деревяшек. Коля выбрал вилы, Митька – большой деревянный молоток. Женек откопал в углу у двери кирку.

– Ну, другое дело, – похихикал, мигая пламенем, старик. –

Три богатыря, запасной состав.

За дверцей вновь застучали шаги. «Где этот непослушный, безответственный ребенок?!» – просочилось в щели. Женя заторопился:

– Давайте, давайте скорее. – Ребята завертели головами. – Да прямо, прямо.

Наконец они шагнули вперед. Раз шаг, два, три – и исчезли. Только Женек направился следом, как дед окликнул вновь:

– Женька, погоди. Тебе Маша... ну, бабушка передала?

– А?

– Про воду?

– Чего? – не мог сообразить Женя.

– Понимаешь, Черный Мяук, он же вышел из выжженной земли и пепла. Так? Я думаю... почти уверен, что он не терпит воды, понимаешь? Чтоб ты знал, если что, – шептал дедушка.

– А-а, вот чего она заговорила про дождь и – да – про воду, – вспомнил Женек, а потом осознал еще кое-что: – Но, дед... Ты что же, говорил с бабушкой? Она видела тебя?

– Да, это ведь я предупредил ее о пожаре, – произнес он довольно, а затем уже виновато, – хотел еще раньше и о том, что ты в беде... но никак не решался, прости... – Он чуть помолчал. – На самом деле – мне вот вспомнилось недавно, – Маша знала, что я здесь. Но почти не приходила...

– Да? – удивился Женя.

– Да, потому что считала, что я заслужил... И она права, да. – Огонек смотрел спокойно, мирно. Совсем неподвижно.

– Но почему?

– Потому, дружок... Многое я забыл, но это оставалось со мной всегда... Это ведь я раньше был Лисом. Долгие годы. Никто не знал, но Маша, кажется, догадывалась.

– Но как? Почему? – не хотел верить Женя. Не может быть! Немыслимо!

– Я не знаю, не помню, – голос его дрогнул, пламя затрепетало. – Наверное, я плохой человек. Не человек. Тогда и сейчас. За годы, проведенные здесь, я придумал, будто боялся тогда за своих мальчиков. Ведь, пока я Лис, их бы никто не забрал. Хотя прикажи Мяук... Не знаю, не знаю... Так что да, бабушка права, я заслужил! – прогремел дед. Огонь вспыхнул, и Женек увидел, как содрогается пальто. – Она просила не пускать тебя сегодня. И я мог бы не пустить – может, она простила бы меня. Но ты бы нашел другой путь... Наверное, это судьба. Поэтому будь осторожен. И не забывай – сегодня ты его уже одолел! Избавься от страха!.. И вода – помни об этом.

Он смолк, огонек затих.

– Хорошо, дед, – выдавил Женя. – Спасибо. – Потом что-то дернуло сказать: – Я вернусь.

Когда он уже шагнул в ночь, Человек-Пальто прошептал: – Позовешь – я буду готов.

* * *

Звездная ночь круглой лампочкой луны тускло освещала путь. Серые доски тянулись во тьму и были все так же молчаливы. Глушили шаги трех пар не самых уверенных ног.

– Где это мы? – прошептал Митя. А может, крикнул. Он шел слева, то и дело закидывая молот на плечо, но очень быстро об этом забывал и снова хватался обеими руками за рукоятку.

– Не знаю, – ответил Женек. Вел он их наугад.

– Похоже, будто нас уменьшили в размерах, как в одном фильме, и мы идем по какому-то чердаку, – поделился Митяка.

– Кажется, я видел этот фильм, – отметил Женя.

– Я тоже, – отозвался справа Коля. Он переставлял вилы как посох. – Это действительно был твой дед?

Женек кивнул, забыв, что, наверное, Рыж не мог этого не разглядеть. Поэтому все-таки ответил после паузы:

– Зовите его Человек-Пальто.

Они опять замолчали.

Женя пытался припомнить, поворачивал ли, сбегая из Кошачьего дома, сворачивал ли, когда шел на голос деда. Но что-то подсказывало, что они не заблудятся. Ведь Черный Мяук пригласил его в гости. Кажется... Но что, если он сделает так, что они останутся здесь, пока не ослабеют их тела и разум? Захотелось крикнуть, призвать его: «Черный Мяук! Выходи! Подлый трус...» А может, позвать Русю? Сразу

вспыхнуло перед глазами ее лицо. Кое-как он сдержался.

– Но куда мы идем?.. Все-таки, – не вытерпел Рыж.

– В ловушку Черного Мяука, – спокойно произнес Женя, давно смирившись с этим.

– Кошачьего Бога?

– Походу.

– Большого черного кота? – вновь уточнил Колька.

– Да, таким я его видел.

– То есть он может здесь быть где угодно...

Коля застыл на месте. Митя вместе с ним. Женек заметил это не сразу. Когда обернулся, они вертели головами по сторонам.

– Но нам нужен не он. Мы идем за Русей, – единственное, что он нашелся сказать. Снова дернуло позвать ее. – Не знаю, возможно, нам надо представить, что мы уже в доме.

– Смотрите! – оборвал его Рыж.

Женя различил, как взметнулась его рука, и уставился в ту сторону.

Метрах в пяти, во тьме, где исчезали половицы, горели две точки. Два рыжих огонька. Женек, ухватившись за кирку, подошел ближе. Обожженная рука заныла. Огоньки не шелохнулись, но вокруг них проступил сероватый исчерченный контур.

– Вон еще! – крикнул Митька, словно рот его был полон ваты. Женя не стал вглядываться, куда он указывает, просто пошарил глазами в поисках новых сияющих точек. Они мед-

ленно вспыхивали во тьме ожидаемо то тут, то там, по кругу. Бархатно-зеленые, янтарно-желтые, чернично-синие.

– Коты, – почти в один голос проговорили они.

– Непростые, – добавил Женек.

– Да неужели? – отозвался невесело Колька, пятясь к нему.

– Давайте пойдём, – позвал Женя. – Может, они типа сопровождение... Всего лишь.

Они зашагали, косясь по сторонам.

– Знать бы, куда надеемся прийти, – обронил Митя. Молот он тоже держал в боевом положении.

Огоньки разом пришли в движение. Нет, не поплыли следом, бликуя в темноте. Острыми, леденящими взглядами вынырнули из нее. Коты разных оттенков серого окружили ребят.

– И что теперь? – поинтересовался Рыж, выставя вперед вилы.

– Перешагнем через них? – предложил Женя, уж очень не хотелось задерживаться. И это было бы забавно, если бы коты не были заметно крупнее обычных. Они тем временем переходили с места на место, присаживались, буравили взглядом и снова обегали, не размыкая круга.

– Тут как с Горбуном, да? Тронешь кота – и Кошачий Бог тронет тебя, – простонал Митя. Кажется, он поглядывал на молот в руках.

– А какой выбор? – пробурчал Коля.

– Они могут мерзко закричать и вспыхнуть, – вставил Женек. – Просто чтоб вы знали.

– И расцарапать, покусать и съесть, – негодуя добавил Рыж.

– Но чего они ждут? – нервно выдавил Митька.

– Реально. Может, пойдем, а, действительно? – не сдавался Женя.

Он шагнул к живому кругу. Тот вмиг обмер, застыл. И взорвался диким воплем. Коты выгибали спины, вздыбили хвосты и пронзали ночь царапающим свистящим ором. Он раздирал уши, просверливая голову насквозь.

Кирка, вилы, молоток попадали на пол. Ребята схватились за головы, затыкая уши. Хотелось сбежать прочь, но трудно было пошевелиться. Вопль вонзался в каждую точку тела, бил в нутро, заставляя вибрировать и, казалось, рваться. Голова трещала на грани расколотья. Тянуло сжаться до плотности камня и покрыться панцирем. Друзья повалились на пол. Три комочка.

Женек разжал челюсти, готовые раскрошить зубы, и зарорал сам. Что было злости и боли, выплеснул, казня голосовые связки. И стало легче. Слово собственный крик врезал по насилующему воплю, отшвырнул, заглушил. Но крик иссяк, и кошачьи глотки атаковали с новой силой. Женя судорожно вдохнул побольше воздуха и ответил отчаянным «А-а-а!!!»

Продолжая орать, он растолкал парней и указал на свой

рот. На их лицах читалось лишь страдание. Они не понимали. Он дотянулся до них и с силой отодрал по руке от ушей.

– Кри!! Чи!! Те!! – выдавил на одном выдохе.

Глаза их расширились. И они, разинув рты, заголосили. Сшибающая с ног боль отступала.

Уже приподнимаясь на локтях, Женек вдруг заметил тонкую полоску тусклого света между половиц. Припал к щели – без сомнений, свет. Под ними что-то есть! Спасение?

Внезапная радость сменилась мучительным выбором: если они сбегут сейчас, не потеряют ли все шансы спасти Марусю?

Однако не отступающая боль – коты сужали круг – порвала в клочья сомнения. Женя притянул кирку, приподнялся, всунул лезвие в щель между половиц. Вдавил всем телом. Отдышался. Наконец, набрав полную грудь воздуха, завопил, привстал, дернул рукоятку. Половица подалась, проглянул слабый лучик света. Крик смолк, и он опустился на колени.

Коля и Митя подползли ближе. Смекнув, они кричали по очереди. Сейчас кричал Рыж. Женек присоединился. И стало заметно легче. Потянул рукоятку кирки дальше. Доска отошла. Пацаны вцепились в нее и окончательно отодрали. Свет чуть вынырнул и рассеялся во тьме. Женя заглянул в дыру и узнал под собой нутро дома на холме. Они были на его крыше.

Еще одну! Нужно убрать вторую доску.

Внезапно свет вспыхнул. Но не там, не внизу. Рыжее пламя охватило котов, запрыгало с одного на другого. Обдало жаром. Хрипящий до свиста вопль не стихал.

Коля и Митька установили лезвие кирки в следующую щель. Теперь они кричали вместе. Рвал связки и Женек. Вбил кирку поглубже. Затем, собрав все силы, привстал и рванул рукоятку. Половица накренилась. Парни вновь вырвали ее с корнем.

Митя шустро просунул ноги в дыру и в следующий миг исчез в ней. Тут же из огненного кольца выпрыгнул пламяющий зверь. Рыж пригнулся, но кот вцепился в его футболку. Секунда – и ее охватил бы огонь. Женя махнул киркой и отшвырнул кота. Колька прямо головой влез в дыру. Женек махал, еле держась на ногах, киркой, попадая или просто отпугивая сторовших до угольных костей котов. В глотках их шипело, вопли больше не вырывались.

Коли уже не было, когда он скинул ногой в дыру деревянный молот, оставленный Митей. Вилы были потеряны в огне. Женя быстро сел, свесил ноги и соскользнул в дыру.

Но вместо того чтобы повиснуть на кирке, шипами поставленной поперек отверстия, он выполз ногами вперед на серый пыльный пол. Как тогда, все перевернулось с ног на голову. Дыра в крыше на выходе оказалась дырой в полу дома. Рядом отползали от дыры с ошарашенными лицами Коля и Митя. Женек поворачивал рукоятку, подергал и, наконец, втянул кирку. Вместе с ней ворвался последний огненный

всполох, обдавший жаром и без того горячее лицо. Затем все стихло и угасло.

Всего на секунду. Колька вдруг закричал и стал кататься по полу. Женя и Митя испуганно уставились на него, не понимая, что с ним.

– Футболка! – указал Митька.

Ткань на спине горела, Рыж пытался сбить пламя. Митя подскочил к нему. Хотел было притушить рыжие язычки голыми руками. Но остановил себя и растерянно махал ими, не зная, что предпринять.

– Сними ее! Сними футболку! – крикнул Женек, стараясь поймать Колин взгляд.

Тот его услышал. Быстро, одним движением, скинул футболку и отбросил. Некоторое время не разжимал век и, кажется, не дышал. Митька метнулся к футболке и затоптал пламя.

Потом минуту они переваривали пережитое. Митя стоял, Женя сидел, Колька лежал, и глазели друг на друга – мол, вы тоже это видели, и слышали тоже, и ощущали? Прислушивались, болит ли что-то где-то, на месте ли сердце, и это тишина такая, или они все-таки оглохли. Боль в обожженной руке накатила с новой силой, Женек удивился – то есть он надеялся, повиснув, удержаться за рукоятку? Наконец взгляды побежали по пепельным стенам вокруг и по лестнице вверх до черноты, скрывающей крышу.

– Мы пришли, – объявил он, вставая.

Нет, барабанные перепонки уцелели – пацаны зашевелились. Митя сошел с погибшей футболки, Рыж, поевшись, поднялся на ноги. Мягкий свет лился из единственного окна за их спинами.

– Заползли, – процедил Коля. – Но куда? – Он отошел к окошку и выглянул. Оно было ему в самый раз.

– Кошачий дом? – осторожно спросил Митька, снова осматриваясь.

Женя кивнул. Хотелось взять в руку что-то холодное. Вспомнил холодильник, кухню, маму. Черт, что она подумает? И что с ней будет? Похитили, опять утащили сына... Он взмолился, пускай бабушка ее успокоит, может, объяснит. Хотя знает ли она сама, что действительно происходит. Классно было бы вернуться и щелкнуть незаметно по кнопке перемотки чудо-видика – и мама все забыла.

– Реально, тот старый дом на холме, – Рыж отвернулся от окна.

– Но здесь пусто... – заметил Митя. На лице его поселилась легкая растерянность. И оттопыренные уши в кои-то веки идеально сочетались с его выражением.

– За этими дверями, – Женек показал на две дверцы почти напротив друг друга, – полно комнат... Но мы туда, наверно, не пойдем.

– И где же искать Русю? – проворчал Коля. Плечи и спина его были усыпаны веснушками и походили на поверхность Марса. Кожа правой лопатки словно наливалась розовым за-

катом.

Взгляды ребят вновь обратились к черноте над головами.

– Там же даже пола нет, – понял Митя.

– Может... А если не надо искать. Возможно, надо просто позвать? – предположил Женя. И ребята переглянулись.

– Руся! – позвал он.

Получилось не особо громко. И никакого ответа не последовало.

– Руся! Ты здесь? – присоединились парни. – Русь, не бойся! Это мы! Твоя банда! Ты здесь?

Холодные серые стены равнодушно проглотили их голоса, не пустив эхом поблуждать по углам. Их зов казался бесильным.

– Руся!! Мы тебя вытащим!! – проорал Рыж.

Только последний звук нырнул в темноту, как она ответила тоненьким смешком. Ребята дернулись, напряглись. Хихиканье смокло, и этот голосок произнес весело:

– Привет, мальчики. Какие вы молодцы.

– Она? – прошептали дружно мальчики, встретившись взглядами. Женя неуверенно помотал головой, Митька пожал плечами.

– Руся, это... Это же... не ты? – проговорил Коля, задрвав голову.

– Ну и ну, не узнают свою бандитку, – наигранно сердито отозвалась она. – Не зря, значит, угодили сюда.

– Мы пришли за тобой, – вырвалось у Мити.

– Конечно, воины мои, а как иначе? – посмеялась она. И это как-то откликнулось, почувствовал Женек, это Маруся. Он даже шагнул ближе к лестнице, не опуская взгляда.

– Я так и хотела, – закончила она, отсмеявшись.

Стоп! Нет... Нет, это не может быть она... Руся, она же хорошая. Она добрая, искренняя. Светлая.

– Ты врешь! – не верил Женя и буравил тьму.

– Эх, дурачок... Всегда, дурачина. С тобой это совсем не сложно, – она снова захихикала.

А Женек вспомнил вдруг кошачий зрачок на ее повязке в день знакомства, гнилое яблоко в тайнике и то, как она заманила его в этот дом... в первый раз. Как не спасла его, не позвала на помощь, а потом пропала.

И все равно он не мог поверить. Хотелось вбежать по лестнице и не найти там Марусю, ту прекрасную, милую девочку, в которую он втрескался. Хотя казалось, такое может быть только в кино. Хотелось взлететь по ступеням и вырвать из глазастой тьмы ту тварь, что назвалась ею.

– Это не она, Жек, – пробился сквозь мысли шепот. – Прислушайся.

Женя обернулся. Это подсказывал Колька.

Смех действительно переменялся. Стал грубее, злее. А затем что-то спикировало на него из темноты. Что рыжее и звериное.

Первое, что он увидел, оказавшись на полу, – лисья морда. Хищный взгляд, лукавая улыбка. Почему-то послышалось

хрипловатое мяуканье. Женек хотел отползти. Но Лис нагнулся и схватил его за ногу над щиколотками. От него пахнуло потом. Его мощный торс под рыжеватой «кожанкой» блестел капельками в шерсти. Лис рванул его ногу вверх. Вниз головой Женя нашел глазами друзей.

Митя отмахивался молотом от Качка. Рыж пытался выдернуть кирку, которую ногой придавил Блондин. Это двери по-кошачьи проскрипели, мелькнуло в голове. Следом она затылком заскользила по полу. Лис потащил его в сторону лестницы.

– Вот и свиделись, шкет. Добро пожаловать в гости.

Женек размахнулся свободной ногой и ударил, особо не целясь. Но никуда не попал – шестипалая лапа поймала стопу.

– Даже не начинай, – усмехнулась огненно-рыжая морда.

Шершавые пальцы сжали железом ее до хруста. Женя вскрикнул от боли, но тут же запер крик за зубами. Лис ухватил обе ноги за лодыжки и закинул на плечо. И легко продолжил путь. Женек мешком болтался сзади. Извернулся, пытаясь вцепиться в половицы. Не выходило, и его разворачивало обратно. Краем глаза он ловил ребят.

В один момент Качок держался за рукоятку молотка, а Митя тянул ее на себя, Рыж махнул ногой, целясь по голени Блондина, и тот, уворачиваясь, поднял ногу от кирки. В другой момент Митя изловчился и пнул Качка между ног, и колени того уже подгибались. А Коля занес кирку для удара.

Когда удавалось попасть пальцами в щель между досок, Лис просто дергал сильнее и шел вперед. Пальцы соскальзывали, лоя занозы. Да и ладонь, помеченную ожогом, пронзала боль.

Женя решил, что не будет кричать, но кричал все равно. От внезапной боли, от отчаяния и тающей надежды. И голос его сливался с криками и руганью друзей и их соперников. Неизменно молчаливая комната наполнилась ором. И, кажется, была этим недовольна: ее стены и пол сгущали черноту.

Лис, единственный, кто кричать не думал, зашагал в своих домашних тапочках по лестнице. Когда ступенька первый раз врезала по затылку, в голове раздался дикий вопль. Спустя секунду Женек сообразил, что вопль не в его голове, а в комнате.

Стрельнул взглядом. Вopil Блондин, пытаясь устоять, — его бедро насквозь пронзал шип кирки. Глаз успел ухватить и испуганное лицо Коли, рукоятку, правда, не отпустившего.

Под спиной проползла новая ступенька. Женя пригнул голову и уберег затылок. А затем рывком повернулся и вцепился в эту самую ступеньку. Решил во что бы то ни стало не отпускать ее. Тело спиралью натянулось. Боль из ладони устремилась в пальцы, в предплечье.

Лис замер на мгновение, затем дернул. Щиколотки сдавило тисками. Он рванул сильнее, потянул с напором. Позвоночник застонал. Но пальцы не разогнулись. Женек сжимал

челюсти. Щеки намокли от слез, но он не плакал. Не боялся, только злился.

Повернул голову, чтобы не смотреть на белые от напряжения пальцы. Обстановка у окна поменялась. Блондин, сильно хромя, пяtilся к двери, оставляя на полу кровавый след. Качок крикнул ему, куда это он собрался. Крикнул лежа, получая удары молотом по ногам и корпусу. Невероятная и оттого вдвойне приятная картина вселила в Женю надежду, придала сил. Но не избавила от боли.

– Какие цепкие пальцы, просто шик, – обронил Лис. – Заберу себе, если не отпустишь.

Он снова дернул за ноги. Женя напряг руки, чтобы они не выскочили с мясом, как у пластмассовой куклы. И все равно заметил, как сместился на несколько сантиметров. Пальцы вроде не соскальзывали... Проверил – оказалось, край ступеньки отошел, приподнялся. Мгновенно родилась идея.

– Что, силенок не хватает? – крикнул он мучителю.

Но тот лишь усмехнулся:

– Попрощайся с первым.

Женек не понял, о чем он. Но в следующий миг мизинец правой стопы пронзила дикая боль. Не надо было поворачивать голову, чтобы догадаться – Лис вцепился зубами в палец. Вырвать ногу из двенадцатипалой хватки было невозможно. Но Женя от боли дернул стопой. И боль взлетела до кошмарной, выстрелила по всей ноге. И взорвалась в голове. Он завопил. Рука отпустила ступеньку. Здоровая рука. Он

чувствовал грызущие зубы, мерзкий язык. А затем эти ощущения пропали. Вместе с пальцем. Все заполнила боль.

– Маховат, – коряво проговорил Лис. И плюнул через плечо. Женек отвернулся.

Лис потянул за ноги с новой силой. И пальцы соскользнули. Указательный и мизинец. Два пока цеплялись за край ступеньки, которая отошла сильнее, поскрипывая от давления. А еще уши сквозь звенящую боль уловили далекие шаги.

Друзья, подумал Женя. И собрав всю волю в соскочившую руку, извернулся и махнул ею. Пальцы ударились о край доски. Он потянулся снова и все-таки ухватился за ступеньку. И тогда она, простонав, отошла вся. И оказалась в его руках.

Спина врезалась в ступень повыше и поползла вверх. Женя тоже теперь смотрел вверх. Лис, поднимаясь, кончиками рыже-черных ушей уже касался тьмы. Женя взялся за один конец вырванной ступеньки, из другого торчали два рыже-черных гвоздя. Он размахнулся дрожащими руками и, извернувшись, ударил. Конец доски угодил точно по голой голени Лиса. И по его крику стало ясно – гвозди угодили поглубже.

От боли или неожиданности он вскрикнул, глянул на ноги, и руки его метнулись к доске. Выпущенный из оков, Женек полетел вниз. Доски били по спине и копчику. Раз кувыркнувшись через голову, он оказался у подножия лестницы. Хотелось застыть, переждать, не двигаясь, чтобы понять,

уцелел он или как. Но времени на это, конечно, не было. Желтая разжал веки, посмотрел вверх.

Первое, что увидел, – как Лис выдернул конец доски из ноги. Второе – лица пацанов. Они помогли ему подняться. Было больно опираться на правую ногу. Щиколотки ныли, позвоночник и спина ныли, руки гудели. Лишь голову, на удивление, он не ушиб.

– Ты! Мелкий гавнюк! Ублюдок! – выругался Лис. И на миг показалось, что он сейчас сдерет с лица маску. Но этого не случилось.

Лисья морда была все так же невозмутима. Довольна и опасна. А вот ниже... Под рыжей бородой вздувались желваки, рыжий подбородок окрасился в кровавый, вены набухли на шее. Раскосые глаза гневно глядели. Он больше не смотрел вниз, на ногу, по которой стекала струйка крови. Его рука нырнула в карман джинсовых шорт. А когда он вытащил ее обратно, из кулака с щелчком выскочило лезвие ножа.

– Неплохо, мелочь, – кивнул Лис и улыбнулся коричнево-красным оскалом. – Неплохо.

Он рассмеялся. И шагнул вверх.

Медленно, спиной вперед, преодолел несколько ступеней, погружаясь в черноту.

– Он готов. Теперь готов. Время пришло... – пропел он и исчез во мраке. А хохот его еще некоторое время сбегал по ступеням.

– Мы пойдем за ним? – очень спокойно спросил Рыж.

Женек обернулся и наконец оглядел ребят. Коля держал в руках кирку с окровавленным шипом, лицо полно решимости. У Мити оказалась разбита нижняя губа и сильно расстрепана футболка, он держал молот на плече – боек его тоже был со следами крови.

Боже мой, что они сделали с врагами?

Женя бросил взгляд на комнату: заметно потемнело, но то, что она пуста, он различил без проблем. Приспешники Лиса слиняли.

– Мы пришли за Русей, – напомнил он себе и им.

– Это понятно. Но правильно ли пришли? Здесь она вообще, нет? – Колька снова побежал глазами вокруг.

– Тоха же здесь, – заметил Женек. Поправил футболку – дыра с груди успела съехать в подмышку.

– Ну и что? Может, она у него вообще в багажнике? – не унимался Рыж.

Подумав, Женя ответил ему:

– Руся не его приманка, она приманка Черного Мяука, приманка для м... нас. А Мяук живет здесь. А не в багажнике.

– Но где нам ее здесь искать? Или, что, снова позовем?

– Возможно... нам нужен сундук, – размышлял Женек.

– Сундук? Как...

– А это что такое? – перебил Колю Митька. Он убрал ногу и всматривался, на что наступил. Друзья глянули тоже.

– Мой мизинец, – узнал Женя.

Парни испуганно уставились на него, потом на ноги.

– У тебя кровь. Смотри, натекло сколько, – всполошился

Митя.

Женек убрал ногу из лужицы.

– Пойдем, там это... там футболка Колина, перевяжем давай.

Пока Женя и Митька затягивали рану лоскутом футболки, Рыж вернулся к вопросу:

– Что за сундук? Зачем он нам?

– Черный-черный сундук в черном-черном доме, в нем все, что ты хочешь, – объяснил Женек. – И когда ты за этим полезешь, крышка закроется, и ты в ловушке.

– Чего-чего? – не верил Коля. – Иногда мне кажется, блин, ты все это просто выдумываешь. И дом, и сундук, и Мяука своего дебильного. Может, ты вообще заодно с Тохой и сам заманил нас сюда.

– Ну, да, ну, конечно, мне же так хочется поквитаться с тобой, что я даже пожертвовал пальцем, – огрызнулся Женя. Боль, блуждающая по телу, этому только помогла.

– Ну, всё, тихо, спокойно, – вмешался Митька. – А ты, Колян, если есть что, так предлагай.

Рыж помолчал. Поглазел на кирку в руках. И выдал решительно:

– Надо было заставить Тоху рассказать, где он прячет Русю.

– Заставить, – усмехнулся Митя. – Во-первых, из-за пары

дырок в ногу он не сдастся, а во-вторых, хрен он что тебе расскажет, – и обратился к Женьку. – Ты думаешь, Руся в сундуке?

Он устало кивнул. Повисло молчание. Никто, похоже, попросту не хотел задавать вопрос, где им здесь отыскать сундук. Поэтому Женя озвучил единственную крутившуюся в голове идею:

– Мы можем, не знаю... сильно пожелать этот сундук, представить его в этой комнате. И, возможно, он появится.

Пацаны смотрели с сомнением и некоторым отчаянием.

– Просто поверьте, что это возможно. Вы только что спрыгнули в дыру в полу и вылезли с его обратной стороны, ребят, – попытался он их убедить.

Они переглянулись:

– Ну, да. Хорошо, ладно... Значит, сундук.

– Да, черный, с такой, знаете, выпуклой крышкой, с железными поясами и уголками, большой, куда поместится человек.

Около пятнадцати минут они пробовали. Закрывали глаза, представляли – и открывали. Затем пробовали снова. Стоя, сидя, сидя кружком. Держались за руки. Складывали ладони в молитве. Представляли. Проговаривали. Молили, требовали, кричали заклинания.

Без толку. Сундук не явился. Не возник на угольном полу между пепельных стен. Не прятался он и в темных углах.

– Всё! Всё, пойдёмте наверх, – покончил с этой затеей

Рыж. – Время уходит! Если Руся здесь, то надо подняться и проверить. Только этот... чердак и остается.

Он решительно подхватил кирку с пола и с вопросом уставился на ребят. Митя наклонился к своему молоту. Женек все же считал, что они рано сдаются. Хотя самого и пугало – вдруг Марусю, действительно, все это время держат взаперти там, в темноте, способной уместить что угодно. Тогда, в самом деле, терять время непроситительно.

– Идем? – спросил Коля, когда Ушастый к нему присоединился.

– Я не уверен, – через силу выдавил Женя.

– Ну что опять? Ты же сам нас сюда привел, здесь, ты сказал, надо искать Русю, а теперь сам же не хочешь? – с трудом сдерживаясь, проворчал Рыж.

– Я... я не уверен, этот дом... Искать в нем что-либо бессмысленно и... опасно. То есть ходить из комнаты в комнату, заглядывать в темные уголки, понимаете? – внушал Женек. Себе самому, скорее.

– Достал, – всплеснул руками Коля. – Затащил сюда искать и говорит – искать бессмысленно. – Он отвернулся.

– Да, без толку. Дом все равно вас обманет, запутает, вы... вы заблудитесь. А эта лестница... Она вообще бесконечная, и никуда вы не придете!

– Хватит выдумывать! – сорвался Рыж. – И хватит... – он запнулся, но все-таки договорил, – притворяться особенным.

– Реально, Жек, – вступился Митька, – представь, каково Русе. Время идет, а мы только спорим.

– Я согласен, да, но... погодите...

– Пойдем, Мить, – Колька подтолкнул его. И они направились к лестнице.

– Стойте. Последняя идея, последняя и всё, – кинул им в спину Женя.

Они не остановились, и он поспешил следом.

– Погодите, все может получиться.

– Вот опять ты нас задерживаешь, это в натуре уже подозрительно, – бросил через плечо Рыж.

Женек не заметил, продолжил вполголоса:

– Мы сами его обманем. Он знает, что мы здесь только из-за Руси, так? И если мы... – он перешел на шепот, – сделаем вид, что плюнули и решили свалить, он сам нам покажет Русю, понимаете? Чтобы остановить нас...

Митя замешкался. Коля повернулся к нему, значительно глянул. И они прошли последние метры к подножию лестницы.

– Мы не должны играть по его правилам, – уговаривал Женя, не отставая от них.

Рыж занес ногу, чтобы шагнуть на ступень.

– Нет! – отчаянно воскликнул Женек так, что эта самая нога замерла на миг. – Стой! Я виноват!

Коля опустил ногу обратно.

– Я был не прав и... прошу прощения... у вас.

Ребята обернулись с некоторым недоумением на лицах.

– Тогда, на стадионе, я... я не прав был, – продолжил он сбивчиво. – Наговорил дерьма. Со зла, наверно. Короче, да, сам виноват. Простите.

Друзья слегка растерялись. И вроде хотели что-то ответить, но слов не было. Женя рискнул сердцем и, пересилив себя, посмотрел им поочередно в глаза.

– И еще... Я всегда буду... благодарен вам, что спасли меня от этой ужасной шайки... не пожалев яблок. – Парни усмехнулись. – Я просто хочу, не знаю... просто попробовать сделать то же самое для вас, ну, то есть... я, конечно, не уверен, но мне страшно пускать вас туда. Не потому, что я будто бы единственный знаю, что там, просто... ни за что бы не пожелал типа пережить то, во что я сам здесь вляпался.

Они неловко помолчали. Женек заметил, как смягчился Колин взгляд и как тревога отразилась на лице Мити. Коля не стал тянуть:

– Черт... – вздохнул, – Ну и... Что за идея?

– Обещаю: не получится – пойдем наверх. Вместе.

Рыж кивнул. Женя выдохнул. А затем повторил им свою догадку.

– И что дальше? – не до конца понял Колька.

– У нас есть две двери и одно окно, попробуем сбежать.

Они говорили шепотом, когда Митя вдруг произнес в полный голос:

– В жопу это всё, сваливаем.

Рыж закивал. А Женек шепнул:

– Необязательно уж.

Они направились к ближайшей двери. Митька толкнул ее, за ним последовали остальные. Друзья слегка опешили, а Женя удивился бы, если бы шагнул на траву. Они оказались в той же комнате. Даже дыра в полу зияла в прежнем месте.

– Я же говорил. Но главное – не сдаваться, мы выберемся, – обронил Женек. Пересек комнату и снова прошел в дверь. И попятился назад, налетев на товарищей.

В паре метров от порога на полу лежал, содрогаясь от рыданий, Качок. Ноги и руки его ужасали ссадинами и крупными синяками, одно колено сильно распухло. На левом виске – засохшая кровь. Он обернулся к ним. Но Женя уже закрывал дверь.

– Не хило вы его, – отметил он, стоя посреди комнаты.

– Это Ушастого работа, – отозвался Рыж, улыбаясь Митьке. Тот промолчал.

– Теперь в окно, – указал Женек.

Коля глянул на него с тревогой. Мол, а не сбежим ли мы так на самом деле, что вернуться не сможем. Но он слабым кивком поспешил успокоить.

Помогая друг другу, они полезли в окно. Первым, повозившись с молотом, выскочил наружу Митя и тут же оттуда донеслось:

– Вы издеваетесь, что за херня?

Вторым выбрался, приспособив для этого кирку, Коля. Он

лишь присвистнул. Они протянули Жене руки. Ухватившись за них, он спустя несколько усилий присоединился к ним. Стоящим над дырой в полу – на том же месте в той же комнате.

– Ни Руси, ни сундука, – прошептал Рыж, помогая ему встать. Это значило: «Не пора ли идти наверх?»

– Жек, тебе не кажется, что дом нас просто раскусил? – так же тихо высказался Митька.

Это казалось вполне себе вероятным. Вот был бы он один, не пришлось бы озвучивать свою идею, то тогда, возможно...

Вдруг хрипло мякнула дверь. В долю секунды они обернулись, готовые бежать, еще даже не зная куда. В комнату ввалился, сильно хромя, Блондин, полусогнутый, бледный. Глянул исподлобья и прорычал:

– Ах, вы ублюдки! Прикончу, твари!

Однако не сдвинулся с места. Пацаны дожидаться не стали и выбежали в другую дверь.

Стены, пол, чернота над головой – ничего не поменялось. Если только свет стал еще слабее. Поэтому ребятам пришлось шустро обыскать темные углы. И вновь они нашли пустоту.

Колька косился на лестницу. Женек старательно избегал его взгляда. Митя с задумчивым лицом мотал головой: от двери к окну, от окна ко второй двери и обратно. Когда Рыж шагнул в центр комнаты, по всему виду готовый заговорить о неудаче, Митька подскочил к нему и, выпучивая, бегая гла-

зами, стал ему что-то объяснять на пальцах. Молча. Затем подлетел к Жене и повторил то же. И он сообразил почти сразу.

Они кивнули друг другу.

И в следующий миг Коля бросился к окну и, цепляясь киркой, полез вверх. Митька и Женек направились по разные стороны, к дверям. Петли скрипнули, испуганно мяукнув. За порогом оказался знакомый пол. Женя обернулся: Рыж сидел в окне наполовину наружу, а в распахнутой Митиной двери зеленела трава, и ветер гонял пыль. Однако тот не спешил за порог.

За этим растянутым в ожидании мгновением последовало следующее, прозвучавшее вдруг странным хлопком.

Коля изумленно уставился в комнату, едва не выпав из нее. Женек, прикрыв дверь, проследил за его взглядом. Митька сделал то же. Правда, дверцу не закрыл, просто отпустил ручку, и она медленно и беззвучно затворилась сама.

Они смотрели, не проронив ни слова. И только когда, приглушенно топнув, Рыж спрыгнул с окна на пол, они отмерли. И осторожным шагом, крадучись, направились к лестнице. У ее подножия чернел большой сундук.

Его выгнутая куполом крышка была закрыта. Его стенки глазели тусклыми, как бельма, огоньками на металлических поясках и уголках и бесстрастно молчали. Не выдавали ни стука, ни скрежета когтей, ни запаха.

Они остановились в метре от сундука. Женя, помня о на-

падении Лиса, глядел вверх. Но чернота там казалась неподвижной. Митя буравил глазами исчезающую в ней лестницу. И только Коля изучал не отрываясь сундук.

Он же быстрым движением откинул крышку и замахнулся киркой. Женек и Митька от неожиданности отпрянули. Но ничего не случилось. Почти. С жалобным скрипом попружинила крышка. Да повеяло теплым воздухом. С секундным запозданием Женя уловил в нем запах горелого. Опаленные волосы и кожа.

Нутро сундука взирало мраком. И терпеливо дожидалось.

– Кто-нибудь захватил свет? – поинтересовался Рыж. И прозвучало это внезапно громко.

– Если бы, – отозвался Митя, сжимая молот.

Пустые руки взмокли, и Женек вытер их о футболку. Раненая ладонь разразилась болью. А ведь он о ней практически забыл. Снова посмотрел вверх – тьма над головой будто зашептала.

– Руся... ты здесь? – позвал Рыж, подкрадываясь ближе к сундуку. Митя и следом Женя шагнули к нему.

Никто не ответил. Ящик выглядел пустым. Темнота в нем не казалась плотной, осязаемой. А вот бездонной ее представить было легко.

– Что дальше, Жек? Сундук есть, Руси нет, – буркнул Коля, склонившись над сундуком.

– Проверим. – Женек повернулся к Мите: – Одолжи-ка, – забрал у него молот.

Рукояткой вниз – а длиной она была чуть больше полу-метра, – опустил его во мрак сундука.

Без каких-либо проблем конец уперся в дно. Женя посту-чал им, звук однако донесся приглушенным. Дальше он по-вел концом рукоятки по дну от стенки к стенке, вдоль них и по углам. Никаких препятствий. Ничего не нащупав, по-вел конец по стенке – хотел убедиться, что ящик в самом деле обычный, и стенки внутри такой же высоты, как снару-жи. Все оказалось именно так. Без задержек конец подполз к краю. И ребята дружно ахнули.

На рукоятке повисла тряпка. Но форма ее была до боли знакомой. Женек аккуратно поднес ее ближе. Друзья всмот-релись. И Коля в секундной вспышке гнева сдернул повязку с рукоятки.

– Это ее? Это ее! Конечно, ее! – взорвался он, поднес по-вязку к глазам.

Едва Митя с Женей шагнули к нему, он кинулся к окош-ку. Они поспешили за ним. В сером свете они уставились на белоснежную когда-то повязку. Женек рассмотрел вышивку. Сердце его сжалось, в горле пересохло. Повязка, несомнен-но, была Маруси. Страх вновь пополз иголочками по спи-не. Стройное дерево с изумрудной листвой, утопающей в ла-зурных волнах. Такая была вышивка. Нижний край оказался подпаленным.

– Это что? – прошептал Рыж, щупая ткань.

Он повернул повязку наизнанку. Ткань впитала несколько

багровых капель. Но еще не подсохла – на Колиных пальцах остались кровавые следы.

Женя ожидал грома, гнева, ругани. Не от Коли даже, от себя. Однако повисло молчание, холодное и тяжелое, как готовая пророкотать грозовая туча. И в этой тишине он вновь услышал загадочный шепот. Звучал он ближе и яснее. И очень походил... на шум дождя.

Женек поднял голову к окну. Так и есть. Снаружи, вроде бы на расстоянии вытянутой руки, а на деле неизмеримо далеко, несильно капал дождь.

А затем, действительно, откуда-то сверху донесся рокот.
– Твари! Твари! – прогремел Рыж, сжимая в кулаке повязку.

Рядом вдруг ахнул Митька. Отшатнулся к стене и в один миг побледнел. До самых ушей.

– П-па-ц-цаны... – выговорил он, взирая полными ужаса глазами вглубь комнаты.

Женя и Коля обернулись.

Рыж резко попятился. Вцепился в кирку, инстинктивно выставив ее перед собой. Слышно было, как оборвался на вдохе его крик.

Женек почувствовал неожиданное облегчение. Наконец-то. Теперь все решится. Теперь все закончится. А следом растерянность – а что, собственно, им делать?

Из сундука поднимался белесый дым, и выглядывали язычки пламени. Угольно-черная, костлявая лапа вылезла из

него и опустилась на пол. Напряглась, согнулась и вытянула за собой охваченную рыжим огнем голову. Огромную кошачью морду, больше, чем сам ящик.

Пламя трещало в жерле сундука, оно шипело, пожирая шерсть и мясо. Вонь резко ударила в нос. Лицо обдало жаром.

Уши чудища спеклись, на морде проступали кости, глаза расплавились и стекали багрово-черными чернилами. Вылезла вторая лапа. Мяук подтянулся. Показалась полуобглоданная огнем шкурка – пламя, подрагивая язычками, блуждало по ней. Кот не вопил, не рвал глотку. Лишь в груди, просвечивая между ребрами, рокотал рыже-алый вихрь.

Черный Мяук припал к полу, скалясь обнажившимися зубастыми челюстями. Казалось, он хочет подкрасться в этой хищной позе. Но вдруг оттолкнулся, лапы взметнулись и вцепились в балку второго этажа. Затем одним рывком, подобно столбу огня, он выскочил весь и запрыгнул на эту балку. Сундук тут же захлопнулся, заперев пламя и его рев. Рядом, у пола, подоженным маятником болтался хвост.

– Вы т-тоже это в-видите? – выдавил Митя.

Вместо ответа Коля выкрикнул:

– Где Руся? Эй, ты!

Но не успел он закончить, как Мяук в стремительном прыжке перелетел на вторую балку – практически над их головами.

– На пол! – воскликнул Женек.

Они кинулись вниз. Волна жара прошла над ними, оставленная пылающим хвостом. Алая звезда на ладони и все «поцелуйчики» разом взорвались болью.

– На другую сторону! – скомандовал снова.

Митька вскочил было. Сверху метнулась когтистая лапа. Он рухнул обратно и пополз, как остальные.

Когда они поднялись на ноги, на их прежнем месте уже восседал Мяук. Морда его теперь представляла обугленный череп. Голый клыкастый оскал, раскаленные угли в черноте глазниц. Остатки шерсти догорали ползущими по телу огоньками. А бушевавшее в груди пламя затаилось.

– Где Руся?! Пугало! – не унимался Рыж, держа кирку наизготовку.

Мяук вспыхнул. Не рыжим огнем, а серебристым светом. Он ударил сзади, через окно. И озарил на миг скелет. А еще маленькую человеческую фигуру в клетке из ребер. Спустя секунду раскатисто грянул гром. Не оглушающе, а как-то приглушенно, как и весь далекий мир.

– Видели? – шепнул Коля.

Митька стоял как вкопанный и заламывал руки за спину. Женя кивнул.

– Она? – повернулся к нему Рыж.

Женек взглянул на повязку, которую тот обронил, когда вцепился в кирку, а он успел подобрать, лежа на полу.

– Вскроем его поганую грудь и спасем ее, – подумал, прочувствовал и произнес решительно.

Колька медленно кивнул. Он тоже боится, догадался Женя. Намотал на обожженную кисть повязку, укрыв пульсирующую огнем звезду Марусиной вышивкой. И взялся за молот. Боли не ощутил.

– Не дай ему себя лизнуть, – предупредил Колю.

– А остальное?

– И все остальное.

Они шагнули к Мяуку.

– Ушастый, прикрой, – бросил Рыж через плечо.

За шагом последовал второй, третий, четвертый...

– Он плюется огнем? – спросил он нервно, будто внезапно вспомнил.

– Нет... кажется. Но огня и без этого хватает, – отозвался Женек, покосившись на свое деревянное оружие.

Кот сидел спокойно. Только кончик хвоста вздымался факелом и опускался. И сильнее разгорался огонь в глазницах. Вновь сверкнула молния. Показалось или нет, но Женя разглядел лицо Маруси. И Коля, видимо, тоже – его шаг ускорился.

– Что тебе надо? – вырвалось у него.

Одновременно с громом зарокотало пламя в груди Мяука.

– Сожги дом, – пронеслось по комнате.

Огненный вихрь осветил лицо. Это действительно была Руся. На одной половине лица чернел то ли шрам, то ли порез. Нарастая, огонь стал медленно подбираться к ней.

– Сожги дом, – металось между стен.

Ребята побежали вдоль них. Женек – прихрамывая, Коля – пригибаясь. Мяук махнул хвостом. Женя успел вжаться в стену. Колька подпрыгнул. И отлетел в стену – в последний миг кончик подскочил выше.

Стеной притворилась дверь. От удара она распахнулась, и Рыж вылетел из комнаты. Чтобы в следующую секунду влететь обратно через вторую дверь. Прямо перед Женьком. Он кинулся к нему, ошарашено глазающему вокруг. Однако Мяук взметнулся и лапой придавил Колю.

Женя застыл. А Кошачий Бог хрипло взвыл.

Кончик кирки торчал из его лапы, пронзив ее насквозь. Рыж успел выставить ее перед собой.

Но Мяук веером выставил когти и, нависнув, надавил еще. Женек подлетел и махнул молотом по лапе сбоку. Она чуть отклонилась. И он ударил снова. Этого мгновения хватило, чтобы Рыж выполз из-под нее. Когти врезались в пол. Коля дернул кирку на себя. И разодрал лапу. Один коготь отскочил.

Это был лишь миг.

А в следующий такая же лапа метнулась к Жене. Он попробовал отпрянуть. Когти прошили рваную футболку, кончики задели кожу живота. И ткань окрасилась каплями красного. Он упал на спину. Стал отползать. Рукоятка молота только мешала. Живот вспыхнул. Совсем как те царапины на спине. Про руку он не вспоминал.

Оправившись, Коля занес кирку на головой. Но сзади под-

летел хвост. Обхватил его, что тот завопил от жара и боли. И швырнул в стену. Коля рухнул на пол под окном.

Кошачий Бог занес когтистую лапу над Женьком. Он махал молотом перед собой. Из-за боли в животе получалось слабо. Мяук ударил и выбил его из рук.

Женя отползал. В голове стучала кровь. В ушах гремел рев вихря в сердце Бога. А глаза не отрывались от фигуры Маруси. Она... мертва. Уже мертва. Там невозможно выжить.

Злобный кот наступил на него. Несильно, припрятав когти. Однако не сбежать.

Вода, дед, портал в полу – все это пронеслось в голове. Все это бессмысленно. Бесполезно, когда ты не можешь даже встать, не можешь вдохнуть. Когда не можешь плюнуть, в конце концов, потому что в горле сухо, и слезы испарились навсегда.

Черный Мяук, довольно скалясь, склонил к нему голову. Кроваво-красные угли в бездонных глазницах вспыхнули. Чернильная капля соскользнула и шлепнулась Жене на лицо. Горячая и слизистая. Он стал отплевываться, мотать головой. Затем зажмурил глаза. Так лучше. Нос задышался от вони. Послышался звон металла, упавшего на пол. А затем в голове раздалось:

– Спасибо, что вернул меня в мой дом, чужак. Но это не исправит твоего решения его же предать огню. Полукровка вкуснее прочих душ. И вы оба прекраснее всех, чужаки, кто

пропал в моем пламени. И потому гореть вам вечно.

«Да иди ты!» – хотелось ответить. Чтобы хоть последнее слово оставить за собой. Зачем-то всплыли слова бабушки: «Ты его уже одолел». А следом собственные – он ведь еще даже не целовался ни разу. А как же хочется – бессмысленно это скрывать – как хочется обнять Русю и зацеловать!

Женек распахнул глаза. Мяук готов был снова лизнуть его. Он задергался, заметался. Лапа придавила сильнее. Но рука, бешено шарившая по полу, успела что-то нащупать.

Бог приоткрыл пасть, и раздался дикий вопль. А в следующий миг – сильный треск. Голова Мяска как-то дернулась. Огонь в глазах сжался. И она стала оседать.

Женя немедленно вскинул руку: обожженную, укрытую расшитой повязкой и сжимающую кинжал – кошачий коготь. Обхватил второй рукой и что есть сил и злости вогнал коготь Богу промеж глаз.

Вспыхнувший было огонь в глазах угас. И угольки стали медленно меркнуть.

Голова Мяска завалилась на бок и медленно легла. А Женек увидел сидящую в ее макушке дощечку. Он узнал в ней вырванную с гвоздями ступеньку. А затем узнал и торчащие алые уши. В паре метров от него катался по полу, потирая колено, Митя.

– Митян! Вот ты его приложил! – примчался, прихрамывая, Коля. – Как прыгнул, как полетел и – на, по башке! Хрясь!

Женя кое-как, постанывая от боли в животе, выполз из-под ослабевшей лапы. Полежал, отдышался, тронул живот. Футболка была мокрой, теплой, но кровь, кажется, уже особо не струилась. Наконец, со второй попытки он поднялся и доковылял до друзей:

– Прикрыл так прикрыл! – попробовал присвистнуть. Не получилось.

– Ловля на живца. Это называется... – глянул Митька снизу. – Отец рассказывал.

– Первая охота – и такой улов, – покачал головой Женек и помог ему встать.

Густую серость комнаты вдруг озарила молния. Такой же вспышкой зажглась мысль – Время! Руся! Скорее!

Общая на троих мысль. Потому что уже в следующую секунду Рыж взмахнул киркой и вогнал ее в грудь Мяука. Дергая ею, разодрал остатки горелой кожи и мяса между ребрами. Из разреза дыхнуло жаром. Погодя чуть-чуть, он все-таки всунул туда руку, уперся.

– Не достаю, – процедил сквозь сжатые зубы.

Женя вцепился в край ребра и потянул в сторону. На каждом вдохе втягивал в себя золу и пепел опаленных волос. Под пальцами хлюпало что-то липкое, пупырчато-колючее. Митя поспешил сделать то же, навалился на другое ребро.

Щель расширилась. Коля нырнул рукой глубже, прижавшись лицом к горелому.

– Есть! – крикнул он, чуть присел. – Сейчас... Ага, да,

давай.

Прошло секунд десять, и он, отступая назад, вытянул в разрез тоненькую ногу по колено.

– Держите, держите, пацаны... Сейчас...

Залез снова и нашел вторую ногу. Взявшись за них, потянул было, как в глубине, под ребрами, стал разгораться из кроваво-алого в рыжий огонь.

– Черт! – испугался Женя.

– Срань! – выругался зло Митя.

Рыж тянул, тяжело дыша. Менял хватку, потому что ноги проскальзывали. А затем на уровне таза и вовсе застряли.

– Да ё-моё! Блин! – вырвалось у него. Бурлящим золоченым клубком огонь нарастал и раскалялся.

Хотелось кинуться Кольке на помощь, взяться вдвоем и вырвать Русю из костлявой груди. Или метнуться и врезать Мьяуку по макушке снова.

– Поверни боком! – крикнул Женек вместо этого. Руки устали. Край ребра сделался острее. Воздух горячее.

Коля завозился. Не сразу догадался затолкать ноги немного назад. Наконец повернул на бок. И тут ребро выскочило из рук Жени. Не удержал свое и Митя.

– Эй! Тяните!

Они взялись за ребра. Женек рванул. Не может быть, чтобы сил не осталось совсем! Однако кость не поддавалась. Ни на миллиметр. Что-то держало его железно. Женя глянул на Митьку. Растерянный, напуганный, тот тоже это осознал.

– Не выходит! Не выйдет... – процедил Женя, отпустил ребро. – Он возвращается.

Рыж схватил кирку. И, выцеливая, принялся бить широким лезвием по ребру.

Блеснула молния, искрой сверкнув в металле. Лезвие вре́зало в кость с тупым звуком, пружинило, отскакивало. Ребро оставалось невредимым.

Раскаленный клубок превратился в огненный шар. Он вращался, набирая обороты. Язычки трепетали и жаждали кого-то ужалить. Донесся гром. И больше не смолкал, поселившись в темном нутре Мяука.

Краем глаза Женек уловил движение. Обернулся.

Лапа выпускала когти. Стена высветилась рыжим. Огонь разгорался и в черноте глазниц.

Коля выбился из сил. Женя взялся за рукоятку кирки:

– Есть идея. Дай.

Рыж посмотрел на него... с надеждой. И отпустил рукоятку. Женек рванул с ней к окну.

Дождь лил всюю. С каким-то мирным, словно из другой реальности, звуком барабанил по земле и дереву, рассыпался в траве. Соседнюю деревню и остановку в конце дороги между тем заливало солнце. Женя, молясь, чтобы получилось, высунул кирку в окно. Тут же десятки капель друг за другом врезались в металл. Он досчитал до пяти.

Раз – два – три – четыре – пять.

Вернул кирку обратно. Вода стекала по оружию.

Получилось!

Секунду спустя он подлетел к ребятам – они пытались вытащить Русю вдвоем. Пламя распалилось так, что было видно – это она.

Еще секунда – и он махнул киркой. С треском лезвие пробило кость. Показалось, Мяук дернулся. Он ударил еще. И ребро переломилось. Вставил кирку поперек, рванул – кость выскочила. Он врезал по ней. Половинка ребра отлетела на пол. Тут же парни вытянули Русю. Митя, нырнув в дыру, осторожно прижал ее руки к телу, и вместе с Колей они окончательно вырвали ее из груди Мяука.

Насколько все плохо, было не ясно. Тело чернело сажей, однако кожа выглядела невредимой – ни сильных порезов, ни глубоких ожогов, – и она не сочилась кровью. Из одежды угадывались лишь трусики. Веки опущены, губы скривились так, точно она сейчас заплачет. Через бровь, правое веко и щеку шла царапина с запекшейся кровью. Кудряшки сильно покусал огонь.

– Митя, проверь дверь! – скомандовал Женек. Тот уставился на него непонимающе.

– Пока он не очнулся, дом, возможно, нас отпустит, – пришлось пояснять скороговоркой.

Митька кивнул и кинулся к двери. Рыж взял Марусю на руки и последовал за ним.

Женя ощущал жар, рвущийся из проломленной груди. Огненный шар обретал силу вихря. Голова Бога приподнялась,

лапы зашевелились.

– Дождь! – донеслось Митино изумление. – Дверь... она наружу!

Женек вспомнил вдруг:

– Берегитесь хвоста!

Тут же размахнулся, занесся кирку над головой, сделал два быстрых шага и ударил. Метил в кошачий лоб. Стремительным призраком мелькнула черная лапа, и он отлетел.

Живот обожгло болью. Дыхание сбилось. Чудом он не выронил кирку. Летел, казалось, целую вечность. Куда-то к лестнице. И в это нереально долгое мгновение успел заметить, как сама собой захлопнулась дверь, как она врезала по Мите, и он рухнул на пол, как заметался по комнате хвост, распаяясь, точно уголи на ветру. И видел Мяука, поднимающегося на лапы.

А затем упал в темноту, тесную, горячую, прямоугольную. Сундук.

Не сразу, лишь уняв панику, разглядел, что чернота не абсолютная. Тонкая полоса света наверху. Рукоятка. Она все еще была в руках. И уходила вверх. Кирка не дала крышке опуститься полностью.

Женя присел через боль в животе, выглянул в щель. Друзья лежали на полу. Митька прикрывал голову руками. Рыж укрывал собой Марусю. А по комнате, обезумев, носился Черный Мяук, рискуя обратиться в огромный факел.

Женек сел на корточки, просунул кисти в щель и толкнул

крышку вверх. Неожиданно она легко поддалась. Однако в тот же миг Мяук замер и глянул на сундук. Крышка отяжелела.

Митька вскочил, прихрамывая, бросился к двери, толкнул ее. И вышел. И тут же возник в проеме другой.

Только кирка не позволила крышке придавить Женины пальцы. Он привстал, уперся головой в крышку и потянул ее вверх. Сил не хватало. Она поднималась чуть-чуть и опускалась обратно. Кошачий Бог не отрываясь следил за этим. И только хвост, разгоревшись, охотился еще на ребят.

Женек тянул. Но боль мучила тело, заставляя сдаться. Колени, локти дрожали. Воздуха не хватало. И вновь прошиб леденящий испуг. Пойман! Заточен! Чтобы гореть вечно...

А затем дно стало уходить из-под ног.

Казалось, чем сильнее он упирался головой и руками в крышку, тем больше дно проседало. И чем ярче вспыхивали глаза Бога, тем горячее оно становилось. Пересохшим горлом Женя закричал:

– Помогите! По-по-могите!! Вытащите!!

Но Митя, спасаясь от хвоста, жался в угол. Да и сам Мяук стоял на его пути к сундуку. Коля, прикрывая Руся, растерянно мотал головой, бегал взглядом от Мити к Мяуку, от Мяука к сундуку.

– На помощь! – Женек стоял уже в полный рост. Голова не касалась больше крышки.

Рыж пополз было, но хвост тут же залетал над ним. При-

виделось вдруг, что Руся шевельнула головой. Женя не толкал крышку теперь, он держался за край, готовый повиснуть. Митя попробовал пробежать вдоль стены. Прохромал пару метров, и Мяук хлестанул хвостом в его сторону. Он припал к земле. А Коля, наоборот, сделал рывок.

А затем дно замерло. Женек тянулся на носочках и не отрывал глаз от щели. Рыж был метрах в трех. Но смотрел Женя не на него. Он не верил глазам.

Словно от мощного порыва ветра дождь влетел в окно. Капли достали Черного Мяука. Он отвлекся. Женек уперся ногами в стенки сундука и толкнул крышку вверх. Она показалась почти невесомой.

Мяук отпрянул от окна и вернулся взглядом к сундуку. Едва крышка устремилась вниз, как новый поток капель ударил в Бога. И этот дождевой вихрь объяснить ветром уже нельзя было никак. Кот взвыл, хвост утратил пламя. Женя откинул крышку. Ноги соскользнули, но он подтянулся за край. И, помогая здоровой ногой, наконец перевалился через стенку сундука. Рухнул на пол. Крышка беззубо хлопнула, проглотив кирку.

Порывы дождя, живые и злые, атаковали Черного Мяука. И их набеги совпадали с тем, что Руся приподнимала голову, подавалась вверх. Кот шипел, припадая к полу. Пятился под лестницу.

Отдышавшись, Женек перевернулся, встал на четвереньки. Его подхватил Коля, и они вдоль стены добрались до Ма-

руси. Мелкие капли ударили им в лица. Они опустились на пол к подруге.

– Руся, ты как? Ты слышишь? Это мы!

Она их не заметила. Не взглянула. Левый глаз был прикрыт веком, правый – смотрел вверх, не видя при этом, казалось, ничего. И вдруг она обмякла. Голова упала, правое веко медленно опустилось. Но за миг до этого Женя разглядел ее глаз. Широкий вибрирующий зрачок. Не черный – насыщено синий. И вокруг ободок тончайших лучиков, переливающихся цветами радуги. У самого зрачка сияли изумрудно-синие, как морские глубины.

Это был глаз таинственного знакомого, осознал в ту же секунду Женя, как бы странно это ни было. Старичка с автостанции, водителя автобуса и, может, кого-то еще, оставшегося незамеченным.

Опустилось веко – стихли, отступили порывы дождя. Стало темно, окно уже почти не давало света. Три огня – глаза и сердце – вылетели из дальнего угла. Вспыхнули, осветив выгибающегося дугой Кошачьего Бога. Его тень поползла вверх и утонула в ночи. Мяук хрипло закричал:

– Мя-х-х-а-ууу!!!

И вскочил на задние лапы. Вихрь в груди набрал силы, озарил весь дом. И на пике разорвался. Сквозь ребра, из глотки, из глаз – огонь хлынул во все стороны. На стены, на пол, на балки и лестницу.

Женя и Коля, подхватив Русю, отпрянули от стены, дере-

во которой затрещало в огне. На полу вокруг зажигались костры. Они впивались в дерево и пожирали половицы. Сантиметр за сантиметром.

Завопил Митя. Рухнул на пол как подкошенный. Одежду на нем охватило пламя. В наступившей до этого темноте он, похоже, решил перебежать к друзьям.

Женек подлетел на ноги. Сбить пламя, укрыть чем-то, судорожно соображал он. Пару костров отделяли его от Митьки. Колька, ошарашенный и остолбеневший, кажется, вообще перестал что-либо понимать.

Митька закричал сильнее, и Женя сорвался с места. Его футболка, шорты хоть на что-то, но сгодятся. Обежал один шипящий очаг. Воздух кусал кожу, обжигал легкие. Женек метался, примериваясь, как перепрыгнуть через другой, когда из дыры в полу метнулось что-то бурое. Подлетело к Мите и накрыло собой.

– Дед?! – вырвалось у Женька. И он прыгнул.

Алые язычки коротко лизнули, и, кувыркнувшись, он оказался возле Митьки. Тот приглушенно постанывал. В подрагивающем свете Женя узнал пальто.

– Дед, ты пришел...

– Надо было раньше... Но так страшно! А потом ты закричал, и я не мог...

– Что? Что нам делать, дед? – расплакался вдруг Женек. – Что? Куда нам?! Как, дедуль? Я... я не хочу умирать!

– Не знаю, Жень... Я не знаю! Я... я всего лишь пальто. Но

ты... ты представь, ты ведь можешь! Представить, что ты... что ты из глины...

В этот миг Человек-Пальто сорвался, кинулся к нему. Залетел за спину и распахнул себя. Не сразу Женя понял, что происходит. Только когда пальто вспыхнуло, осознание обожгло сердце, ударило под дых.

– Дед!! – вылетел крик.

Пламя за секунду охватило пальто. А уже в следующую он осыпался пеплом. С тихим шепотом: «Передай Маше, что я ее...»

– Дедушка, дед, – рыдал Женек.

– Жек! Жек! – кричал за стеной огня Рыж.

– Я сожгу дом! Я сожгу дом! – гремел безумием Черный Мяук.

Он весь уже был огнем. Уже не черный, а огненно-рыжий. Торжествующий и кровожадный Бог.

– Пол дрожит, – выдавил Митя рядом.

И пол дрожал. Стены дрожали и поскрипывали.

«Я из глины, я из глины, я из глины», – повторял Женя, взирая на пылающий Кошачий дом. «Поцелуйчики» горели нещадно. Жар душил и облизывался. Я из глины, я из глины. Все громче и громче просил, настаивал он.

– Я из глины! – закричал и прыгнул в огонь.

Перемахнул через очаг. И почувствовал лишь теплое объятие. Может, выйдет? Сейчас же. Толкнуть дверь. Вдруг выпустит. Теперь, когда дом погибает. Пускай к ней не прикос-

нуться, он из глины.

Женя кинулся к двери. Умирать не хотел, но страха не было. Наконец-то. И все же он затормозил.

Волна огня отхлынула от стены. Совсем не ласковая, жгучая. Показался довольный оскал. Вместо клыков – алые язычки. Дом задрожал сильнее. Словно от хохота.

Не отпустит! Тварь!

Что он может против Бога? Что у него есть?

Ни меча, ни щита. Футболка. Рваная, расцарапанная, окровавленная футболка.

Женек вспомнил – именно за нее он первый раз его цапнул. Мяук взял след. Мяук найдет тебя. Мяук не любит чуяков. «Спасибо, что вернул», да?

Пошел ты, черт! Старый! Облезлый!

Вернул... в черный-черный дом.

Женя содрал футболку, скомкал. Подавись!! В гневном отчаянии швырнул в него. Ткань вспыхнула подобно спичке. Пропала. А Женек во все горло заголосил, завел небылицу, сказку, страшилку:

– В черном-черном доме был черный-черный чулан, в нем прятался черный-черный кот. Один глупый мальчик залез в его чулан. Кот разозлился и вцепился в него. От страха мальчик похолодел, покрылся льдом, и кровь его стала ледяной. А в груди черного-черного кота, напротив, вспыхнуло пламя зла.

Дом трянуло. Дерево затрещало в агонии. Женя отлетел

на пол. Но продолжил карающий рассказ:

– Когда мальчик повзрослел, а черный-черный кот сжег свою душу, они столкнулись вновь. Кот пролил кровь мальчика. Кровь напитала рубаху. Ледяная кровь. Но черный-черный кот не знал об этом. И когда мальчик, сдаваясь, швырнул в него рубаху, он сожрал ее.

Мяук вспыхнул весь. Выгнул хребет с огненной холкой до самой крыши.

– И кровь мальчика сковала льдом сердце черного-черного кота. И его пламя угасло.

Уши резануло. Бог зашипел так, как если бы в печь плеснули воды. Забился в угол, сжался. Его рыже-алый окрас бледнел. И проступал угольно-черный скелет. Во мраке глазниц испуганно трепетали блекнувшие огоньки.

– Охренеть, – вырвалось у Мити. Он отполз от жара к окну.

– Да! Да! Да! – донеслось Колино ликование.

– Надо сматываться! – закричал Женек. Дом все так же пылал. Стены, пол, двери. Пожар уже не имел хозяина и рычал неуправляемый.

– Окно? – махнул Женя рукой.

Узкое, высокое, оно единственное еще не было огнем. Дождь за ним пропал. Небо пропало. Осталась только тьма. Синяя-синяя, живая, бурлящая.

Дрожь перешла в оглушающий рокот. И тьма вмиг хлынула внутрь.

Ударила мощным фонтаном неведомой воды. Вода же во-
рвалась бешеным потоком в обе двери, снеся их с петель. И
мгновение спустя Женька снесло, завертело и утянуло под
воду.

Рефлекторно он успел вдохнуть. Огонь погас, истошно за-
шипев. Стало темно. А еще удивительно приятно, потому
что прохладно и мягко.

Он забыл, что не умеет плавать, и попробовал грести по
памяти к двери. Кругом была лишь вода – ни друзей, ни Мя-
ука.

Руки врезались в стену. Или пол, а может, крышу. А за-
тем, когда легкие уже возмущались, что-то потянуло его в
другую сторону. словно вода подхватила – быстро, уверен-
но, но аккуратно. Он проскользил в дверной проем.

Показался свет. Мягкий, матовый, он спускался прямыми
лучами сверху. Женька тянуло вверх, а дряхлый, развалива-
ющийся, побежденный черный-черный дом оставался внизу.
Почти как в «Титанике», мелькнуло в голове. Она же реши-
ла, что можно вдохнуть. Вода просочилась в разжатые было
губы. Но Женя совладал с собой. Глянул вверх. Поверхность
совсем рядом.

Справа, слева увидел – и это обезболило сердце – всплы-
вающих так же Колю, Митьку и Марусю. Дом остался внизу,
отдалялся, пропадая в прекрасной синей тьме.

«Тонешь, тонешь, ты утонешь, всё ломается одна-
жды...» – зазвучал в голове Русин голосок.

Через дыру в косо́й крыше пробилась угольно-черная лапа. Поскребла хилые доски и вдруг разом вся растворилась. Распалась на тысячи мелких безвольных угольков.

Край приливов

Глубокий вдох. Самый вкусный в его жизни. Свежий и пьянящий.

Женек выскочил поплавком на поверхность. Но тут же отяжелел и ушел под воду. Бешено заработал руками, ногами. Голова балансировала, то ныряя, то всплывая. Она разрывалась от вопящих мыслей. Что делать?! Где он?! Где берег?! Где ребята?!

Бултыхаясь на месте, он успел сообразить, что это озеро. То классное озеро напротив холма с Кошачьим домом на вершине. Чудом удерживаясь на воде, разглядел крутой берег метрах в пятидесяти. Друзей не нашел, зато заметил доску рядом.

Толкаясь ногами, руками лупил по воде и гребком за гребком догнал спасительный плот. Им оказалась дверь. Он повис на ней руками и отдышался. Вода, проглоченная по пути, утолила жажду. И он был только рад. Приятным холодом она растеклась по животу, который требовал добавки.

Успокоившись, огляделся внимательнее. Увидел наконец пацанов. Рыж плыл, помогая Мите, к песчаному берегу подалее. Женек хотел было направить свой плот туда же. Но не нашел с ними Маруси. Высунувшись повыше, поискал глазами. К зеленому крутому берегу выходил из воды какой-то мужчина. И на руках у него покоилась Руся.

После трех безуспешных попыток Женя оставил затею забраться на дверь. Весел все равно нет. Держась за нее, заработал ногами. Весел нет, но он будет мотором. И дело пошло.

В воздухе висела влага, и пахло дождем. Неподалеку прощально рокотали тучи. Однако солнце светило в глаза, золотом искрилось по озеру. Наверно, будет радуга.

Ему вдруг очень захотелось, чтобы она была, чтобы она зажглась над ними, уцелевшими и мокрыми. После всего того, что осталось позади. Он еще не мог понять, действительно ли оно осталось позади, закончилось все хорошо или плохо, не мог радостно закричать. Но пока он был жив. И друзья тоже. Ведь так?

Но вот же – солнце, небо, есть свобода и эти ласкающие прикосновения озера. И разве это все не конец? Такой – светлый и праздничный, – когда ясно всем, что всё, точка. Добро победило зло. Свет прогнал тьму. Вода усмирила огонь. И разве радуга не приходит, когда страшное и мрачное отгремело и сдалось? Поэтому Женя жаждал ее цветов на небе. Легкой рукой она отсекает ужасное и оставляет позади, озаряя небо победным салютом. И теперь, он верил, она слышит его зов.

Ноги нащупали дно. Скользкое и в водорослях. Бояясь с потеплевшей водой, Женек пошел к берегу. Мужчина был уже на вершине склона.

– Подождите! Стойте! Я... я сейчас!

– Догоняй! – бросил он вниз. И Женя ускорился, оскаль-

зываясь, но смело ступая через подводные заросли.

Только на полпути к шоссе он нагнал мужчину. Еще десятков секунд шел молча, чтобы отдышаться и перетерпеть боль в ногах и боку. Мокрая трава щекотала подошвы. Повязка с раненой стопы слетела, кажется, еще в воде. Но кровь не шла. Но если что, вокруг точно нашелся бы подорожник.

– Как она? С ней все будет хорошо? – наконец произнес он, глядя на Русю, бессознательно покачивающуюся на руках. Мужчина накинул на нее свою футболку.

– Выкарабкается, если успеем домой, – ответил он, скрывая волнение. Шел быстрым, широким шагом, отмеряя по метру длинными ногами. Удивительно, но стопы его тоже были босыми, а кожа ног будто бы совсем без волос.

– Нужно поймать машину, чтоб быстрее, – придумал Женя. Как на зло дорога, до которой оставалось метров сто, молчала пустая.

– Достаточно перейти дорогу, – произнес мужчина, не отвечая, а словно напоминая себе.

– Вы ее отец, да?

Он кивнул лысой головой. Шел он чуть впереди, и Женек до сих пор не взглянул хорошенько на его лицо, не посмотрел в глаза.

– А вы помните меня? Я вас помню, – признался он.

Зидан с автостанции, водитель автобуса. Лица у них были разные, но глаза одни. Интересно было увидеть его настоящее лицо.

Мужчина усмехнулся:

– Помню, пацан. Свела же судьба...

Наконец он обернулся к Жене, смерил с головы до ног и покачал головой, слабо улыбаясь. Высокий лоб, жидкие светлые брови, острые скулы, прямой нос, невыдающийся подбородок без единого следа щетины. И те самые радужные глаза.

– Говорил своей Русалочке быть осторожней внизу, но разве она послушает, – с некоторой горечью посетовал он. Улыбка пропала, в глазах, взирающих на дочь, мелькнула тревога.

– Она ведь дышит? – вырвалось у Женька. Вдруг она вообще – тьфу, тьфу, тьфу – на волоске от смерти, а он тут вопросы идиотские задает. – Надо... может... Давайте победим! Нет, надо... надо «скорую»!

– Ну-ка! Брось панику! – стрельнул мужчина грозным взглядом. – Дышит, просто обессилела... с вами в «войнушки» играть.

– Простите, – выдавил Женья после паузы и замолчал, понимая, что тот прав. Действительно, это он втянул Русю в смертельную схватку. Не хотел, но и предупредить этого не смог. Да, они спасли ее, а потом она спасла их. И вот – их, незнающих покоя, непослушных мальков, спас *он*. Но кто этот *он*?

Они подошли к дороге. Мимо проехал автобус, дальше серое полотно оставалось монотонным. Машин видно не бы-

ло. Они перешли на другую сторону. Асфальт был еще влажным, но теплым. Вместо того чтобы идти по обочине к деревне, мужчина направился к высоким деревьям, что стояли вдоль трассы.

– Вы хотите напрямую? – не понимал Женек, по-прежнему считая, что лучше поймать машину. – Стойте... – Тут он сообразил, что до сих пор не знает имени спасителя. – Это... Слушайте, а можно... А как вас зовут? Меня Женя.

– Да знаю я, дочь рассказывала, – отозвался он, но путь продолжил. – Зови дядя Анур.

Сказал, будто только что придумал.

Женя сбежал с обочины за ним. Деревья в вышине мирно шелестели. Когда ветер щекотал их, они ворчали громче и сбрасывали вниз запоздалый дождь. Прямо над их зелеными макушками замерла граница пепельно-серых туч и чистого густеющего неба.

– Дядя Анур, это же вы... ну, проделали фокус с Кошачьим домом? – Он снова обернулся к холму, посмотрел меж деревьев – вершина выглядела непривычно голой. Затем она скрылась за огромной цистерной, что пряталась среди деревьев. Впервые он был к ней так близко.

– Ну, – обронил мужчина. Замедлив шаг, он, казалось, любовался далекими поющими кронами.

– Но как?

Сзади послышался характерный хруст гравия. Женек коротко глянул через плечо. Какой-то парень тоже сошел с обо-

чины. Возможно, где-то здесь действительно есть тропа, ведущая в деревню.

– Я дружу с водой, – ответил Анур и уверенно зашагал, словно отыскал эту самую тропу.

– В смысле?

– Ты-то уж должен понять, – обернулся он с легкой улыбкой. Взор его на секунду прыгнул Жене за спину. – Умение такое. Не совсем обычное. Когда ливень такой сильный, как был только что, в воздухе очень много влаги, потому и удалось представить, что этот воздух – вода озера, и дом уже на его дне. И вот сработало. Фокус, как ты говоришь.

– Серьезно? – не удержался Женек, смекнув, насколько им повезло.

– Ты же сам видел.

Анур притормозил. Женя отставал – игнорировать усталость в измученном теле больше не получалось.

– А почему раньше не утопил этого поганого Мяука? – вспыхнул он вдруг. На миг это действительно его поразило.

– Я стараюсь не вмешиваться в здешние судьбы. Такое правило, – ответил Анур серьезно, а затем проворчал. – К тому же, пацан, я понятия не имел, где твой Мяук прячется... пока дочь не прибегла к нашему искусству.

Женек замер в паре метров. Словно это такое безопасное расстояние для вопроса, который рвался наружу:

– Но все-таки... кто же ты? Кто вы?

Дядя Анур то ли возмутился, то ли испугался вопроса.

Глаза расширились, брови подскочили. Он с места рванул на Женю.

– Держи! – крикнул вдруг.

И в руки Жене упала Руся. Он удержал ее, едва не опрокинувшись назад. Анур же пролетел мимо.

Секунду спустя он уже боролся с тем парнем, всего-то и решившим срезать путь в деревню.

Женя попятился. В голове ни единой мысли, что происходит. Обычный парень: кроссовки, джинсы, безрукавка, кепка. Только в руке его поблескивал нож.

– Беги к дереву, – прохрипел Анур. – И давай вверх.

И снова ничего не понятно. Посмотрел на Русю. Лицо белое, бледные губы, веки не подвижны. А дышит ли она все-таки?! Сердце бьется? Кто он такой? Отец ли вообще? Господи, ведь он наврал все!

Голова шла кругом. Глаза бегали от дерущихся к Марусе и дальше к деревьям. Бежать! Надо бежать...

В один момент с парня слетела кепка. Ярким пятном заметалась рыжая шевелюра. Затем Женек заметил рыжую бороду. Нет, не может быть...

Может! Еще как может!

Красная, уродливая лапа вцепилась в шею Анура. Вторую такую же, сжимающую ножик, он удерживал, ухватившись за запястье. На обеих – по шесть пальцев.

Лис нашел его. Выждал. Лис без маски. Тоха без «девятки».

Он душил Анура. И рука того дрогнула. Лис рванул лапу и полоснул ножиком по его груди.

Женя зажмурился. Отвернулся. Кинулся к дереву.

Снова кто-то страдает из-за него!

Опустил Русю на землю, прислонив к широкому стволу. Хватит с него! Он осмотрелся. Глаза искали что-нибудь – палку, обломанную ветку, может, камень. Тяжелый хрип и дикий рык резали уши. Женек заметался вокруг. Тонкие веточки, редкие камешки, всё не то...

Наконец-то! Да!

Он подхватил кривую деревяшку. Увесистую. И бросился на подмогу.

С разбегу врезал Лису по колену. Нога его подогнулась. Размахнулся и всадил дубинку в хребет. Тоха взвыл. Прицелился и попал по руке – кулак разжался, и ножик выпал. А дальше – по локтям, по мощным плечам.

Лис отпустил Анура. Рванул на Женю. Но Анур не выпустил его. Заломил руку за спину. Лис зарычал:

– Ну что? Что ты сделаешь, а? Сестер позовешь? Нажа...

Новый удар заткнул ему рот. Безумная злость до скрежета в зубах переполняла Женька. Вся злость на этого уродца, на его дружков, вся невыплеснутая злость на Мяука сконцентрировалась на конце деревяшки, делая его немислимо твердым. И Женя освободил ее.

Удар по животу. Удар по ребрам. Удар по морде.

Силы покидали его вместе с гневом.

Сплюнув кровь и тяжело вдохнув, Лис заворочал языком:
– Ушлепок мелкий, я тебя найду и...

Удар по глазам, еще один, еще. Пока кровь не прыснула на щеки.

Женек согнулся пополам, шумно вдыхая. Рука болела. Порезы на животе разошлись. Сердце выпрыгивало из груди. Он отбросил палку. Дядя Анур отпустил Лиса.

Тот вскочил было, но не устоял на ушибленной ноге. Упал на колени. Замотал головой, выставив руки вперед. Потом поднес их к лицу, замер на миг и прикоснулся к щекам. Застыл снова. А затем завопил.

Когда он смолк, Женя выпрямился и произнес устало:

– Искать придется в темноте, Рыжик. И да, маска теперь тебе точно пригодится.

Они чуть постояли молча, глядя на слепого и выравнивая дыхание.

– Как вы узнали тогда про «девятку»? Что он захочет нас подвезти? – спросил вдруг Женя.

– Тоху и его дела знают все, так что была такая вероятность, – бросил Дядя Анур и поспешил к Марусе, не обращая внимания, что кровь струится по груди и половине живота. Женек пошел следом.

– Как ты? – услышал он от Анура, но спрашивал тот не у него.

Руся очнулась?

– Как подосиновик, – выговорила она.

Женя кинулся к дереву, опустился к девушке. Она посмотрела на него приоткрытым левым глазом.

– То есть ты хочешь сказать, тогда в саду мы, выходит, спасли его... – Руся глянула на беспомощного Лиса, – от тебя, а не наоборот, да?

– Черт, Руся, прости, прости, что впутал тебя в это дерьмо.

– Я подумаю... над твоим поведением, – кажется, она слабо улыбнулась. И даже если нет, Женек увидел ее улыбку.

– Ты как? Больно?

– Прости, что оставила тебя одного, – вырвалось у нее, словно она не слышала вопроса.

– Да нет, нет...

– Я подумала, ты меня разыгрываешь, как дурак. Я звала – ты не отвечал, заглянула внутрь – ты спрятался зачем-то и опять не откликнулся. И я разозлилась... Прости, я не знала.

– Конечно, Русь, не надо, не вини себя, – успокаивал Женя. – Нет, наоборот, спасибо.

Похоже, она до конца не поняла, без сил прикрыла глаз и прошептала лишь:

– Хочу домой.

– Пора. Конечно, пора, – вмешался отец. Он содрал с веток куста омытые дождем листья и прижимал их к порезам.

– Покажем? – обратилась к нему Руся, даже чуть приподняла голову.

Они поглядели друг на друга несколько секунд.

– Хорошо, – махнул рукой Анур и кивнул Жене: – Бери

Русалочку.

– Может, машину. Наверное... не дотащу, – пришлось признаться, потому что сам еле держался на ногах.

– Бери-бери, тяжело не будет.

Анур прикоснулся к стволу дерева, и тут же земля ушла из-под ног. Знакомое чувство. Какая-то магия древесных великанов. Но теперь ощущение не отпускало.

Женька потянуло вверх. Словно он стал легче в два, три, в десять раз. Ноги расслабились, не чувствовали ни тяжести, ни земли. Он не знал, куда смотреть: вниз – страшно, вверх – еще больше. Уставился на Анура. Тот тоже оторвался от земли. Вспарила и Руся. Женя поймал ее на руки.

– Давай за мной, – позвал отец.

Продолжая взлетать, он лег на спину, а затем встал на дерево. И пошел по стволу вверх. От такого зрелища у Женька закружилась голова. Однако ему предстояло сделать то же самое.

Поднять ноги, откинуться назад. Глянул на ноги, но увидел землю. В десяти метрах под собой. Все завертелось еще сильнее. Его повело назад, точно вот-вот упадет. Он вцепился в Русю.

– Ты все забыл, двоечник, – укорила она его. – Расслабься.

Она прижалась к нему. И он расслабил спину, расслабил ноги. И они сами подлетели, а спина откинулась. Затем под подошвами возникло шероховатое дерево. И он почувствовал, что стал чуть тяжелее. Почувствовал, что стоит. Анур,

следивший за ним, кивнул и махнул рукой. Женя зашагал вверх.

Не оборачивался назад, не мотал головой по сторонам. Смотрел только вперед. Обходя толстые ветви, углубился в шелестящую листву. Густеющее небо приближалось. Оно словно волновалось в переливающихся красках радуги.

Лицо Маруси порозовело, блуждала легкая улыбка. Женек ощущал ее тепло и дыхание. Она дышала. Теперь он знал точно, слышал. Окутавший их шелест был ее дыханием. Он больше не звучал далеким, случайным отголоском. Он шептал и пел прямо в уши, волнами бился в грудь, наполняя ее чистейшим воздухом. Листья задорно трепетали, создавая мерцающую мозаику зеленого.

Ветвей становилось больше. И Женя боялся, что они будут хлестать и царапать. Но в какой-то момент они стали мягкими и нежными. Легко гладили по коже, щекотали, как если бы были ветвями ивы, выросшей на дне озера. В какой-то момент переменился и воздух, стал густым, обволакивающим. А шелест обернулся шепотом волн. Под подошвами не оказалось шершавой коры, и ноги ступали по стелящейся ковром шелковистой траве.

А затем ветви расступились.

И взору предстал изумрудно-зеленый простор, уходящий к отвесным и высоким до самого неба стенам каньона.

– Пришли, – объявил Анур.

Кровь из его порезов больше не стекала вниз, каплями

алой краски она плавала у кожи, постепенно растворяясь. Пока раны не затянулись, оставив тоненькие красные черточки.

– Где мы? – спросил изумленный Женек, оглядывая таинственный мир.

– У меня дома, – он указал на стоящий неподалеку дом. – В краю приливов, – и зашагал туда: – Пойдем.

Женя заторопился следом. Усталость не ощущалась. Чувствовалось, словно идешь в толще воды, но не слишком плотной. Этот же воздух он спокойно вдыхал, рефлекторно глотая. Кровь с порезов растворялась в нем, боль стихала. Ни один «поцелуйчик» не напоминал о себе. Колеблющаяся волнами трава здесь росла не так густо, отдельными островками, между которыми пролегали песчаные тропинки.

Дом представлял собой одинокую избушку посреди этого луга. Стены обильно покрывали темно-зеленые и синевато-зеленые мхи, а на крыше покачивалась шапка вездесущей травы.

Царапины на лице Руси затягивались медленнее – смягчалась и растворялась корка запекшейся крови. Зато сажа сошла легко, смытая ласковым воздухом. Кудряшки осыпались все, и голова напоминала отцовскую. Но ей, несомненно, было намного лучше. Теперь она глядела на него в оба глаза.

– Не смотри на меня, я уродина, – буркнула вдруг и спрятала лицо у него в груди.

– А вот и смотрю. И вижу – ты прекрасна.

Она засмеялась. Тихо и коротко, пока еще неуверенно.

– Хорошо, друг, теперь ей нужен покой, – Анур протянул руки, и Женя переложил Русю. В краткий миг сердце сжалось. Увидит ли он ее снова?

Отец понес ее в дом.

– Русь, – позвал Женек. Она повернула голову. – «Руся» это от «Русалочки»?

Она, улыбнувшись, кивнула.

– Здорово.

– Великолепно, – произнесла Руся одними губами.

Пока ждал возвращения Анура, Женя погулял вокруг дома, полюбовался миром. Местность, в самом деле, напоминала большой и глубокий каньон. Скалистые серовато-зеленые и серовато-бурые стены где-то отвесно вздымались, где-то ступенчато карабкались вверх и терялись в небесах.

Удивительная вещь, которую следовало бы заметить в первую очередь, – ни солнца, ни луны не было на небосводе. Женя не представлял, как здесь ночью, да и бывает ли она в этом краю. Но дневной свет, в лучах которого он гулял, давали мириады ярких, невероятно близких звезд. Белоснежные, лазурно-васильковые, золотисто-бронзовые, лилово-розовые, изумрудные, они создавали настоящий цветастый полог, который, точно на ветру, плавно и размерено развевался над головой. Словно это не небо вовсе, а волну-

ющийся, мерцающий океан.

Дом, похоже, был единственным. А пейзажи составляли не только колышущиеся подобно тем же волнам зеленые луга, были и рощицы, и леса в отдалении, как и одинокие деревья. Одно росло совсем рядом, напоминая многорукий вяз. Вытянутые листья казались лентами, они подрагивали, извивались и тянулись вверх.

А еще все пространство наполнял тот самый шелест, что был шелестом ветвей, приоткрывших дорогу сюда, и далеким шелестом родных осин-великанов. И находясь теперь в этом невозможном месте, Женек легко поверил, что, всякий раз гостя у бабушки, слышал голос этого потаенного мира. Но что именно рождало его здесь, разгадать не брался. Может, это перешептывания лугов, может, бурчание бегущих волн небосвода или пение звезд.

– Пойдем, провожу тебя, – позвал Анур, поймав его взглядом.

А может, это дыхание и биение сердца самого отца, подумал Женя, следуя за ним.

На обратном пути Анур посоветовал ему подставить раненое тело чудотворным прикосновениям и поглаживаниям ветвей.

– Кто же вы? – спросил Женек.

– Да я не знаю, если честно, – признался он. – Кто-то вроде домового в своем мире. Как, возможно, и твой Мяук в вашем.

– Был, – добавил Женя.

Но Анур промолчал. А потом пересказал скупую свою историю. О том, что живет в Краю приливов – он сам так нарекает свой дом – много лет, кто все это создал, ему не известно. О том, как однажды одиночество и скука его доконали, и он облезил весь каньон в поисках пути в чужие края. Нашел три.

– Ваш мир приглянулся больше. И похож я на вас больше, чем на существ из двух других, и неприметным оставаться у вас легче: люди очень сосредоточены на себе, и большинство ни за что не поверит в пограничное. Но главное, по какой-то причине вас я чувствую – эмоции, страхи и желания. Благодаря этому я избавился от одиночества, ведь мог разговаривать, слушать и ощущать, что у вас творится внутри. Но завел твердое правило – не вмешиваться в чужие судьбы. Лишь в редких случаях, бывало, радовал себя, преподнося кому-нибудь маленькое чудо.

А потом – абсолютно по-земному – Анур влюбился.

– Лиля не говорила попусту, по-настоящему слушала. Заразительно смеялась. Энергия была в ней. И волны струились в волосах.

Любовь оказалась взаимной. И настоящим чудом этой любви стало рождение дочурки. Теперь у него была семья, и он не мог больше незаметно пропадать, возвращаясь в Край приливов. Потому открылся Лиле, показал свою родину. И она поверила.

Но это сыграло злую шутку. Лилия вдруг принялась рас-

сказывать его тайну друзьям и знакомым. Естественно, никто не верил. Сперва просто смеялись. Но она продолжала настаивать, и тогда ее стали сторониться. Ужаснее всего, что Ануру, чтобы сохранить свою тайну, пришлось лгать, что, конечно, это бред, что Лиля все придумала. Закончилось все тем, что ее положили в психиатрическую лечебницу. Теперь она и сама не верит в Край приливов.

Руся тогда же узнала про таинственный мир отца. И неожиданно легко его приняла.

– Русалочка – умница. Я знал, что она сильно расстроена из-за матери, но меня винить она не стала. Не стала отрицать или ненавидеть мой дом, но и жить в нем не захотела. Ей не хватало друзей, бабушки, и, конечно, она не желала оставлять маму. Вот так и зажили. То она ко мне в гости, то я ее навещу, то вместе поедem к Лиле.

– А про способности свои когда узнала? – спросил Женек. Уже на земле.

Анур провел его по Почтовой осине. Бабушкин дом по другую сторону, такой близкий и привычный, показался вдруг странно далеким. Словно он ужасно долго сюда не приезжал.

– Кажется, в один дождливый день... Я потом ей показал, говорю: «Видишь свой глаз? Это значит, что в тебе частичка меня и, вероятно, моих сил». И снова это не стало для нее ударом. Умничка.

– А повязку она сама придумала?

– Да, сама. Кажется, боялась и очень не хотела, чтобы и на нее показывали пальцем, дразнили и считали какой-то не такой. Бабушка научила ее вышивать, как когда-то и Лилю.

– Мне всегда нравились ее повязки, – поделился Женя. – И глаза ваши запомнились сразу.

– Все, давай беги.

Женек снова обернулся к дому. Солнце клонилось к закату. Боже, что его там ждет!

– С ней все будет хорошо?

– Я сделаю для этого все, дружок... – Анур замолчал.

Он смотрел ему в глаза и, кажется, решал, стоит ли раскрыть все до конца.

– Скажите, – уверенно произнес Женя.

– Я боюсь, она... Понимаешь, возможно, что она многое забудет и... боюсь, не сможет, знаешь, вспомнить...

– Плохое?

Анур опустил голову:

– Знаешь, а ты прав. Давай... Я хочу, как ты сейчас: давай верить, что у хорошего все-таки больше шансов. Я смирился, что никогда не стану здесь своим, но хочу верить, нет, буду верить, что у Руси это получится. Она найдет свой дом и осилит дорогу к нему.

Женек кивнул. Глянул вверх, в напевающую листву великанов. Теперь он знал, что все это время искал в ней и кого. А потом они пожали друг другу руки. И попрощались.

Спускаясь в овраг и сдерживая себя, чтобы не обернуться,

он услышал вдруг долетевший сверху короткий, но звонкий свист. И рассмеялся.

* * *

Женя шел по картофельному полю. На зеленых листьях местами чернели частички пепла, принесенные ветром. Он думал, что сказать маме и всем. Может, тоже свалиться без сил в их руки и все забыть. Что случилось? – А я не помню...

Что она скажет, когда увидит его полуживого?

Хотя – он прислушался к телу – где та боль? «Поцелуйчиков» он не ощущал. Посмотрел на обожженную ладонь – звезда побледнела и втянулась. Вспомнил Русину повязку, которую спрятал в карман шорт, и рукопожатие несколько минут назад. Ткнул в звезду – больно.

Посмотрел на живот, обласканный листвой пограничных ветвей, и увидел нестрашные тонкие багровые линии, одна короче другой. Щупать не стал. Каждый второй шаг отдавался болью в правой стопе. Мягкая и нежная трава в удивительном краю не вернула ему откусанного пальца, но рана не распухла, чуть утянулась, ее покрывала надежная на вид корочка.

Почему он боится? Разве должен чувствовать вину за чужие переживания? Поступить по-другому, так, как следовало хорошему и послушному мальчику, он не мог. Знал это твердо. И все согласились бы с этим, если бы поверили в его историю. Историю, которую он, конечно же, рассказывать не

станет.

Когда пересек пустой двор и взошел на крыльцо, у него была готова другая. Шайка хулиганов, о которой он твердил, которую они закидали яблоками и которая потом подожгла его, вновь подкараулила его и похитила, как и друзей – Колю и Митю. Троица уродов издевалась над ними, пока они что-то не поделили между собой, завязалась ссора, переросшая в драку. В это время друзьям и удалось сбежать. Ко-нец.

Однако когда Женек вошел в сени, когда увидел бабушку, сидящую на пороге чулана и глядящую в его черноту, когда она, заметив его, поспешила навстречу, он неожиданно и в самом деле без сил упал в ее руки. Все напряжение этого дня, удерживаемое в темном сундучке, вырвалось и провозгласило: «Хватит! Разве не чувствуешь ты, что сил нет?» Ноги подкосились, навалилась усталость. Подступили слезы, но их он сдержал.

Что-то говорила бабушка, плакала и обнимала мама, охала и подносила к губам горячий чай тетя Лиза. Но все это было далеко. В мягких руках Марии Женя покачивался на границе сна. Уложенный на мягкую постель, утопал в нем сильнее. Еще мелькали лица, блестящее от пота, напряженное – дяди Юры, раскрасневшиеся и тревожные – сестер. А потом все это размылось, отступило, и стало спокойно и радостно. Ведь где-то в этом океана сна Русалка напевает МуминТроя.

Но снилось ему другое.

Знакомый голос рассказывал ему сказку. Удивительную историю про отважную Нэю и несчастного Нэона. Голос говорил, и Женя видел. Как они жили в одном доме, как появились в этом доме дети. Еще там был Огненный Монстр, с которым Нэон по глупости связался и которому многие годы служил. Так он защищает своих сыновей и дочку, верил он и глушил муки пьянящей отравой. Когда Нэя узнала об этом, то сильно расстроилась. И Нэон решил отказать Огненному Монстру. Тот обещал в отместку забирать у него ребенка за ребенком. Тогда храбрая Нэя сразилась с Монстром. Защитой ее была чудесная глина, не страшаясь пламени. А оружием – заклинание дождя и грома. И огонь обратился в дым. И Монстр был повержен и изгнан. А в лазурном небе три дня сияла радуга.

– Конец... – прошептал Женек сквозь сон.

– Нет, это начало, – ответил голос.

* * *

Августовское солнце раскалилось добела в неожиданно высоком небесном своде. А жгло так, будто повисло прямо над головой. Напекало, словно хотело все лето уместить в один последний день.

Женя сидел в тени березок, стоящих вдоль забора, на уцелевшем островке травы у края футбольной площадки. Снял бейсболку, отлепил от тела и потрепал взмокшую футболку с номером «10» на спине и эмблемой мадридского «Реала»

на груди. Холодок побежал по горячей коже живота, спотыкаясь на четырех беловатых черточках.

Только что он начеканил правой ногой сотню. Если, конечно, в парочке моментов, когда едва не дал мячу упасть, не сбился со счета. Плохо одно – достижения этого никто не видел, школьные друзья опаздывали на стадион. А это значит, все равно, что не считается и никогда и не было.

Хотелось пить, а еще больше искупаться в Волге. Оля с Катькой упрямыствовали и по-прежнему не желали, как обычно, идти на пляж с отцом. Обиделись на него за то, что не уследил за их любимчиком Вилли – кот сбежал из дома. Папа искренне оправдывался, что не виноват, мол, кот сильно переменялся, пока они все жили в деревне, стал агрессивным и непослушным, а за несколько дней до их приезда просто исчез. «Из запертой квартиры», – удивлялся отец.

Можно было сбежать к реке с друзьями. Если никто не проговорится, родители не узнают. В унисон с шепотом воображаемых волн шелестели над головой березки. Но этот шелест не был похож на далекий зов в Край приливов. Нет, это просто ветер гуляет в листве.

Женек достал из кармана талисман, с ним он сможет набить и двести, с ним он и Волгу переплывет. Высокое, стройное дерево, пышной кроной своей утопающее в волнах лазурного неба. Вышивка уже местами растрепалась, белоснежная ткань повязки стала желтовато-серой, заляпанной черными и бурыми пятнами. Постирать ее он считал непра-

вильным.

Мимо, по дорожке за забором, бежал загорелый парень в коротких шортах и светлой майке.

– Физкульт-привет, Серый! – крикнул весело Женя и махнул рукой.

Парень не ответил. Пробежал, не отрывая взгляда от дороги, не обращая внимания на пятерку бегущих следом прилипал.

– Беги в лес, Серый, беги! – выкрикнул Женек вдогонку, посмеиваясь.

Когда шуршание кроссовок стихло, улыбка медленно растаяла. Он погладил пальцем вышивку, обвел по краю. Затем снова, и снова. Палец повторял заученный ритуал.

Если он не забудет, она вспомнит.

Женя глубоко вдохнул, словно от духоты. Но душно не было. Было тоскливо и тесно в груди.

Он откинулся назад, лег на спину, положив кисти на грудь. Тень успела сместиться. Солнце било в глаза и приятно грело лицо. Женек прикрыл веки. Солнце превратилось в красное марево. Руки покачивались на груди, вдох – выдох.

Шептались березы. Двор жил. Долетали обрывки разговоров прохожих и шорканье их подошв. За спинами домов приглушенно гудели улицы. Неподалеку мяч звучно прыгал по асфальту, кто-то вскрикивал и периодически гремел щит и кольцо – в «коробке» играли в баскетбол. Рядом тренькнул вдруг велосипедный звоночек.

«Везунчик!» – с надеждой зазвенело в голове. Женя дернулся было, но тут же опустил голову обратно, невесело усмехнувшись. В сотый раз уже, наверно, а всё то же. Везунчик достался Коле, он сам рассказал об этом в письме. Обнаружил его однажды у ворот с запиской:

«Он, конечно, болтун тот еще, зато ни за что не подведет. Только покажи ему, кто хозяин. Боевая подруга Р.»

И Митька, и Рыж писали, что так и не видели ее больше после всего. После всего в деревне заговорили, что это именно они чуть ли не голыми руками отмудохали парочку хулиганов вдвое крупнее их, да так, что те поселились в больнице. И в последних письмах каждый по секрету хвастал, что у него появилась девушка. Обеих звали Настя, и Женек серьезно переживал, что это одна и та же девчонка.

В квартире на первом или, может, втором этаже играло радио. Уши уловили летний хит группы «Хайф-Файф». Песня ему нравилась и в то же время печалила. Да, дождь не рискует, и он тоже боится, что потерял. Боится, но не верит.

Солнце стало припекать уже шею и плечи, когда сердце внезапно замерло, а долгую секунду спустя услышало мелодичное:

– Приве-е-т, дурашка.

Он открыл глаза. Солнце ослепляло, но он смотрел. Тень падала на ее лицо, но он видел. Улыбнулся, как не улыбался давно. Прятал эту улыбку в мечтах, где рисовал этот самый

МОМЕНТ.

– Привет, девочка с веером.

Он видел ее. Сияние радуги. Волны в волосах. И слышал ее смех.

Чистейшая правда. Абсолютно. Реальная, как реальна всякая история, рассказанная под лазурным одеялом да с волшебной присказкой:

«Спокойной ночи, солнце встало. Где конец, ищи начало».